Фриц Лейбер

Ведьма

фантастика

Ведьма
Фриц Лейбер

Аннотация
ВЕДЬМА
От издателя
ВЕДЬМА
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
16
17
18
19

20
21
НЕОБЪЯТНОЕ ВРЕМЯ
ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕРНЫХ ГУСАР
ПЕРЧАТКА С ПРАВОЙ РУКИ
ВЕЧЕРИНКА ДЛЯ ДЕВЯТЕРЫХ
SOS НИОТКУДА
ПРИЗРАЧНЫЕ КРАСОТКИ СИДА
КРИТ ОКОЛО 1300 ГОДА до н. э
ВРЕМЯ НА РАЗДУМЬЕ
ТОЧКА ОПОРЫ
ВЗАПЕРТИ
ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 1917 ГОД
СТОЛКНОВЕНИЕ
ТИГР НА ВОЛЕ
«ТЕПЕРЬ ТЫ ЗАГОВОРИШЬ?»
ГОСПОДИН СКОРПИОН
ПОКОРИТЕЛИ НЕВОЗМОЖНОГО
СЕРЕБРЯНЫЕ МУДРЕЦЫ
СЕРЕБРЯНЫЕ МУДРЕЦЫ
ВЛАСТЬ КУКОЛ

Аннотация

Замечательный фантаст Америки, классик жанра, Фриц Лейбер увенчан всеми мыслимыми премиями и наградами, присуждаемыми в области фантастики; его книги расходятся огромными тиражами уже более полувека. В этот сборник вошли самые разные, но одинаково увлекательные произведения — романы «Ведьма» и «Необъятное время», повесть «Серебряные мудрецы» и рассказ «Власть кукол».

ВЕДЬМА

Фриц Лейбер

Ведьма

фантастика

Перевод с английского

МОСКВА
«АРГУС»
1996

От издателя

Он писал более полувека — и был удостоен всех мыслимых премий и наград, присуждаемых в жанре фантастики. Достаточно сказать, что только премией «Хьюго» его награждали пять раз.

Фриц Лейбер родился в 1910 году в Чикаго в семье актеров Шекспировского театра. Разумеется, родители прочили ему актерскую карьеру. Однако попытки играть на театральной сцене, а потом и сниматься в кино особого успеха не принесли, да и в годы кризиса 30-х не сулили средств к существованию.

Будущий писатель успешно заканчивает философский факультет колледжа, во время учебы участвуя в кружке уже признанного тогда фантаста Говарда Лавкрафта. Затем сам преподает в колледже, работает редактором в издательстве и в конце концов на 12 лет становится соредактором журнала Science Digest.

Первым произведением Фрица Лейбера, увидевшим свет, был рассказ «Черные слуги ночи», написанный еще в юности. За ним последовали и другие рассказы; все это были истории ужасов

с участием сверхъестественных сил.

Настоящую же известность писателю принес первый роман из серии фантастических приключений Фафхрда и Серого Мышелова, опубликованный в 1939 году. А в 1942-м читатели знакомятся с двумя новыми романами — «Ведьма» и «Собирайся, тьма!», связанными одной темой: традиционным противостоянием сверхъестественного и современной науки и стремлением вместить их в общие рамки, создав своего рода всеобъемлющую науку.

Потом почти пятилетнее молчание, и — блестящий рассказ «Девушка с голодными глазами». А следом новый виток — горько-радостные рассказы для читателей «поры любви» и в то же время — повергающие в ужас пророчества. В 1957-м романом «Необъятное время», получившим премию «Хьюго», Лейбер начинает сериал «Война необъятного времени». В 1964-м выходит, пожалуй, основной роман писателя — «Странница», тоже отмеченный премией «Хьюго». А далее на полках книжных магазинов появляются очередные произведения из «Саги о Фафхрде и Сером Мышелове», романы «Корабль теней» («Хьюго-70»), «Успеть на цеппелин!» («Хьюго-76»), авторские сборники рассказов.

ВЕДЬМА

CONJURE WIFE

роман

перевод К. Королева

1

Не в привычках Нормана Сейлора было заглядывать в комнату жены в ее отсутствие. Быть может, отчасти именно потому он и поступил так. Он был уверен, что подобный пустяк никак не повлияет на их с Тэнси отношения.

Разумеется, он помнил, что случилось с чересчур любопытной женой Синей Бороды. Как-то он даже попробовал подойти к этой странной сказке о повешенных женщинах с психоаналитической меркой. Впрочем, Синяя Борода жил в далеком прошлом, и с тех пор много воды утекло. Неужели за дверью комнаты Тэнси его ожидает с полдюжины висящих на крючьях красоток? Норман насмешливо фыркнул. Однако женщины есть женщины, и разве не доказательство тому его собственные исследования по женской пси-

хологии и параллелизму первобытного суеверия и современного невроза, которые принесли ему известность в профессиональных кругах?

Внешне Норман Сейлор ничуть не походил на знаменитого этнолога — он, прежде всего, был слишком молод и выглядел вовсе не так, как подобает профессору социологии колледжа Хемпнелл. У него начисто отсутствовали поджатые губы, испуганный взгляд и квадратная челюсть типичного преподавателя этого маленького, но гордящегося собой и своими традициями учебного заведения.

По правде сказать, в Нормане не было того духа, какой присущ истинному хемпнеллианцу, — за что сегодня он был благодарен судьбе.

День выдался погожим и теплым; солнечные лучи, проникавшие в кабинет сквозь оконное стекло, падали на локоть Нормана. Допечатав заключительную фразу своей статьи «Социальные основы современного ведьмовства», которую наконец-то закончил, он откинулся в кресле и облегченно вздохнул. Он осознал вдруг, что наступило одно из тех мгновений в непрерывном чередовании успехов и неудач, когда совесть засыпает и все видится в розовом свете. Для невротика или подростка такое состояние означало

бы, что приближается неминуемое падение в пучину отчаяния, однако Норман давно уже научился сохранять равновесие: он принимался за новое дело в тот самый миг, когда перед ним возникал край обрыва.

Поэтому он беззаботно наслаждался минутной передышкой, старался испить ее очарование до дна. Он вышел из кабинета, взял было книжку с яркой обложкой, но тут же отложил ее, взглянул на две маски китайских бесов на стене и, минуя дверь спальни, перевел взгляд на бар, где, по образному хемпнелловскому выражению, «на задворках» стояла бутылка ликера, улыбнулся и направился в спальню.

В доме было очень тихо. В этот весенний полдень было что-то успокаивающее в скромных размерах, неброской, но удобной обстановке и даже в почтенном возрасте жилища Сейлоров. Оно как будто примирилось со своей участью — быть прибежищем обычной профессорской семьи с ее книгами, гравюрами и пластинками, с тем, что лепные украшения прошлого века покрыты слоем свежей краски. Признаки интеллектуальной свободы и любви к живому соседствовали и уживались с приметами тяжеловесного преподавательского достоинства.

Норман выглянул в окно спальни. Знакомый мальчишка катил по улице тележку, доверху заполненную газетами. На противоположной стороне мостовой какой-то старик подстригал кусты, осторожно ступая по молодой траве. С громыханием промчался грузовик. Норман нахмурился, но тут показалась парочка студенток в брюках и рубашках навыпуск. Являться в подобных нарядах на занятия строго запрещалось, тем не менее девушки, судя по всему, шли из колледжа. Норман улыбнулся. Он был в том настроении, когда человек радуется всякой мелочи и готов приветствовать даже субкультуру улицы, так не похожую на порядки колледжа, где табу откровенность и секс, где наивысшими из талантов почитаются способность выносить унылое однообразие работы и умение следовать пыльным ритуалам, поддерживающим видимость жизни в мертвых идеях. В этом последнем современные колдуны, что скрывались за каменными стенами Хемпнелла, едва ли знали себе равных.

Странно, подумалось ему, и как только им с Тэнси удалось не поддаться губительному воздействию атмосферы маленького колледжа? Ведь поначалу Тэнси приводило в исступление буквально все: соперничество между профессорами,

сплетни и пересуды, требование, которое заставило бы взбелениться любого, — чтобы жены преподавателей трудились на благо колледжа, не получая за свой труд ни гроша, утонченный этикет и надоедливое внимание студентов. Хемпнелл был одним из тех колледжей, которые предлагали обеспокоенным родителям альтернативу буйной вольнице крупных университетов, — местный политик, вспомнил Норман, назвал их «рассадниками коммунизма и свободной любви».

Если судить по первым дням их пребывания в Хемпнелле, то они с Тэнси должны были скоро сбежать в один из «рассадников» или бунтовать исподтишка, поднимая вопрос то об академической свободе, то об изменении жалованья, или уйти в себя и сделаться писателями. Но, словно питаемая силой из неведомого источника, Тэнси сумела выстоять, не поступившись своими убеждениями. Она сражалась с Хемпнеллом на его поле, она взваливала на себя гораздо больше обязанностей, чем полагалось, и тем самым как будто очертила вокруг Нормана магический круг, в пределах которого он мог заниматься своими исследованиями, которые когда-нибудь позволят им вырваться из зависимости от Хемпнелла и

от того, что Хемпнелл думает и говорит. И час этот близится! Отставка Реддинга означает, что главой факультета социологии будет не кто иной, как Норман Сейлор, а через несколько месяцев наверняка поступит приглашение от какого-нибудь университета.

Нет, Тэнси нельзя не восхищаться. Черт побери, она столько сделала для него и так ненавязчиво! Она была его неизменным секретарем, и он никогда не слышал от нее ни единой жалобы, хотя в молодые годы был отнюдь не ангелом: ленивый, временами остроумный преподаватель, презирающий размеренность существования, находящий, как студент-первокурсник, удовольствие в том, чтобы шокировать степенных коллег, с самоубийственной склонностью скандалить по пустякам с деканами и президентами. Не раз и не два он балансировал на грани увольнения после очередной размолвки с властями предержащими, но всегда каким-то образом выкручивался, и, как он теперь понимал, не без помощи Тэнси. С тех самых пор, как они поженились, он не ведал поражений и неудач.

И как только у нее это получалось — у нее, мечтательной и безответственной девицы, дочери незадачливого сельского священника,

избалованной, непокорной, обладавшей дерзким воображением, наличие которого в зашоренном, обывательском Хемпнелле считалось чуть ли не смертным грехом?

Так или иначе, у нее получалось, а потому — вот парадокс! — к нему относились как к «истому хемпнеллианцу», «украшению колледжа», «творцу великих свершений», «другу декана Ганнисона» — надо признать, при близком знакомстве тот оказался неплохим парнем, — о Нормане заговорили как о человеке, от которого «зависит» бесцветный президент Поллард, гиганте мысли в сравнении со вторым профессором социологии, издерганным и скудоумным Харви Соутеллом. Будучи по натуре иконоборцем, Норман постепенно превратился в икону, не пожертвовав при этом, как ни удивительно, своими воззрениями, и одновременно приобрел авторитет среди реакционеров, не став одним из них.

Он по-прежнему пребывал в благодушном, подогретом весенним солнцем настроении. Неожиданно у него мелькнула мысль, что в его успехе есть что-то необычное и пугающее. Он вдруг вообразил себя молодым индейским воином, который вместе со своей скво добрался до краев, где обитают духи предков, и убедил

суровых прародителей, что погребен по обычаю и достоин разделить бремя сверхъестественной власти; он счастливо избегнул многочисленных ловушек благодаря тому, что Тэнси знала нужные защитные заклинания. Разумеется, оба они люди взрослые, умеющие обуздывать фантазию. Всякий, кто не хочет потерпеть в жизни крах из-за причуд детского эго, должен уметь справляться с ним. Однако…

Солнечный свет стал чуточку ярче и золотистее, словно некий космический электрик перебросил рубильник еще на одно деление. В тот же миг девушки в рубашках навыпуск, исчезая за углом соседнего дома, звонко рассмеялись. Норман отвернулся от окна. Кот по кличке Тотем поднялся с належанного места на коврике и сладко потянулся, так что захрустели все косточки его гибкого тела. Норман не удержался и последовал примеру животного, решив, правда, не проверять свой костяк на прочность. Да, сегодня чудесный денек, из разряда тех, когда действительность оборачивается чередой таких светлых и отчетливых образов, что поневоле начинаешь опасаться, что вот-вот проткнешь сверкающую завесу и увидишь безграничный и непроглядный мрак, который она скрывает; когда все представляется

верным и исполненным дружелюбия и боишься, что внезапное прозрение откроет тебе ужас, ненависть, жестокость и невежество, на которых покоится жизнь.

Потянувшись и сладко зевнув, Норман понял, что радость жизни пока не покинула его.

И тут его взгляд остановился на двери в комнату Тэнси.

Он сообразил, что ему хочется, прежде чем вернуться к работе, сделать кое-что еще, просто так, из развлечения и праздного любопытства, для того, быть может, чтобы потом чувствовать себя слегка виноватым.

Конечно, если бы Тэнси была дома… Но раз ее нет, почему бы не заглянуть в комнату, которая может так много рассказать о ней?

Приоткрытая дверь словно манила переступить порог. Из-за нее виднелся тонконогий стул, со спинки которого сползала на пол комбинация, почти полностью скрывая меховые домашние туфли. За стулом проступал из полумрака край столешницы из слоновой кости, на которой поблескивал какой-то флакон. Комната Тэнси была совсем крохотной, немногим больше чулана, и дневной свет в нее не проникал, поскольку проникать было неоткуда.

Норман никогда не следил за Тэнси, ему даже в голову такое не приходило, и Тэнси относилась к этому как к чему-то само собой разумеющемуся.

Но соблазн, который потихоньку одолевал его, никак не мог называться слежкой или подсматриванием. Скорее то было проявление любви, желание ощутить себя хотя бы на миг партнером по браку.

Кроме того, ни один человек не может считать себя совершенством и даже по-настоящему взрослым и всерьез уверять, будто совладал со всеми дурными побуждениями.

И потом, Тэнси задала ему загадку. Откуда взялись в ней те сила и уверенность, с какими она отражает нападки вечно недовольного Хемпнелла? Конечно, едва ли ответ найдется именно здесь, но все же, все же…

Он заколебался.

Тотем, черный от головы до хвоста, за исключением белых «чулочков» на лапах, пристально глядел на него.

Он вошел в комнату Тэнси.

Тотем устремился следом.

Норман включил лампу под розовым абажуром и уставился на шкаф с платьями и подставку для обуви. В комнате царил легкий беспорядок,

такой милый и знакомый. Слабый аромат духов навевал приятные воспоминания.

Он бросил взгляд на фотографии вокруг настенного зеркала. Одна изображала их с Тэнси в индейских костюмах. Это было три года назад, когда он изучал племенные обряды и обычаи юма. Вид у них несколько напыщенный, словно они изо всех сил старались выглядеть настоящими индейцами. На другом, уже поблекшем, снимке они, облаченные в купальные костюмы 1928 года, стояли на старом причале, щурясь от яркого солнца. Норман припомнил Бейпорт и лето перед свадьбой. На третьем фото запечатлено было крещение негров в реке. Да, в ту пору он был членом совета колледжа Хейзелтон и собирал материалы для своих работ «Социальные структуры афроамериканцев в южных штатах» и «Женский элемент в суевериях». Помощь Тэнси в те полгода, когда он завоевывал себе репутацию, была просто неоценимой. Она сопровождала его в полевых экспедициях, записывала изобиловавшие преувеличениями рассказы стариков и старух, что помнили еще времена рабства, ибо сами были рабами. Тем летом они оставили колледж Горэма, решив перебраться в Хемпнелл, и Тэнси была тогда по-мальчишески любознатель-

ной, иногда даже чрезмерно. Впрочем, с годами она научилась сдерживать себя.

С четвертой фотографии смотрел древний чернокожий колдун с морщинистым лицом и высоким лбом, которого не могла скрыть фетровая шляпа с широкими полями. Плечи его были расправлены, глаза горели странным огнем, всем своим видом он будто отвергал культуру белых, ибо обладал иными, куда более серьезными, познаниями. Плюмаж из страусовых перьев и многочисленные шрамы на щеках, однако, не придавали ему внушительности. Норман хорошо помнил его: колдун упорно отмалчивался и разговорился лишь перед самым концом экспедиции.

Норман поглядел на туалетный столик, заставленный разнообразной косметикой. Тэнси первая из профессорских жен в Хемпнелле начала красить губы и ногти. Пошли было разговоры о «примере, который мы подаем студентам», однако она не обращала на них внимания, а потом на одной из вечеринок придирчивые наблюдатели заметили на губах Хульды Ганнисон бледный красноватый след. Большего для победы не требовалось.

Перед окруженной флаконами с кремом его собственной фотографией лежала кучка мелочи,

медяков и серебра — десятицентовиков и четвертаков.

Норман мысленно обозвал себя олухом. Зачем он сюда пришел, любоваться на снимки? Он выдвинул наугад ящик, торопливо покопался в заполнявших его чулках, задвинул и взялся за ручку другого.

И замер.

Какие же глупости я творю, подумалось вдруг ему. Одновременно он осознал, что радостное возбуждение улетучилось. Как и в тот миг, когда он отвернулся от окна, мир словно застыл в неподвижности, будто выхваченный из чернильного мрака вспышкой молнии. В ушах зазвенело. Норман знал это ощущение: все было слишком реально.

От двери на него внимательно взирал Тотем.

Что толку доискиваться смысла там, где его нет и быть не может?

А потому он потянул за ручку.

Ящик застрял в пазах. Норман выдернул его одним рывком.

В глубине ящика, у задней стенки, примостилась большая картонная коробка. Норман приподнял ее крышку и извлек одну из множества крохотных бутылочек со стеклянной пробкой. Это

что, тоже косметика? Для пудры чересчур темная. Похоже, скорее, на геологический образец почвы. Какой-нибудь из бесчисленных кремов? Навряд ли. Может, земля из садика Тэнси?

Он повертел бутылочку в руках. Послышался звук, напоминавший шелест песка в песочных часах. Он заметил наклейку. На той четким почерком Тэнси было выведено: «Джулия Трок, Роузленд». Какая такая Джулия Трок? И почему слово «Роузленд» вызывает отвращение? Норман откинул крышку коробки и схватил второй флакон. Его содержимое было чуть покраснее, чем содержимое первого. Надпись гласила: «Филлип Ласситер, Хилл». На третьем, чье содержимое вроде бы не отличалось по цвету от первого, было написано «Дж. П. Торндайк, Роузленд». Далее следовали «Эмлин Скэттердей, Роузленд», «Мортимер Поуп, Хилл», «Преп. Бафорт Эймс, Роузленд». Цвет был, соответственно, коричневым, красновато-бурым и снова коричневым.

Тишина в доме сделалась оглушительной, даже солнечный свет как будто потускнел. *Роузленд и Хилл, Роузленд и Хилл, мы идем на Роузленд и Хилл…* Слова эти прозвучали у него в голове, и он с трудом подавил желание разбить стеклянные флаконы, раздавить как пауков — столь отврати-

тельными они вдруг ему показались… *а обратно дороги нет…*

Ну конечно!

Местные кладбища.

Значит, земля с могил.

Ну да, образцы почвы. Земля с могил. Основной элемент негритянского колдовства.

Тотем вспрыгнул на столик и принялся обнюхивать флаконы. Норман запустил руку в ящик, нащупал за большой коробкой маленькие — и вывалил все добро на пол. В одной коробочке лежали ржавые и гнутые железные стержни — гвозди из конских подков. В другой находились конверты для визитных карточек с прядями волос внутри. На каждом из конвертов значилось, кому эти волосы принадлежат. Норман увидел знакомые имена: Харви Соутелл, Грейсин Поллард, Хульда Ганнисон… А в конверте с надписью «Ивлин Соутелл» были обрезки покрытых красным лаком ногтей.

В третьем ящике не оказалось ничего интересного, зато в четвертом Норман обнаружил прямо-таки клад. Пакетики сухих листьев и истолченных в порошок овощей — вот, выходит, для чего нужен Тэнси ее садик? Вербена, вьюнок, повилика, кусочки магнитного железняка с

прилипшими к ним металлическими опилками, гусиные перья, с которых, когда он их потряс, закапала ртуть, лоскутки фланели того сорта, какой используют негритянские колдуны для своих «ловушек» или «ладошек», коробка со старинными серебряными монетами и серебряными же опилками — сильнодействующее защитное волшебство; теперь понятно, что кучка монет перед его фотографией лежит там не просто так.

Но Тэнси всегда потешалась над хиромантией, астрологией, нумерологией и прочими суевериями! Она всегда оставалась типичной рассудительной американкой! Работая вместе с ним, она столько узнала о психологических основах предрассудков и первобытного колдовства, столько, что…

Он понял вдруг, что листает замусоленный экземпляр своей статьи «Параллелизм суеверий и неврозов», тот самый, что запропастился куда-то лет восемь тому назад. На полях рядом с одним из заклинаний рукой Тэнси было написано: «Не срабатывает. Заменить медные опилки на латунные. Попробовать в новолуние вместо полнолуния».

— Норман…

На пороге комнаты стояла Тэнси.

2

Люди, которых мы лучше всего знаем, кажутся нам порой существами из потустороннего мира. На мгновение знакомое лицо представляется нам случайным сочетанием цветовых поверхностей, лишенным даже той мимолетной значимости, какой мы наделяем черты встреченного на улице незнакомца.

Норману Сейлору почудилось, будто он глядит не на свою жену, а на ее портрет кисти некоего новоявленного Ренуара или Тулуз-Лотрека: лицо — четкий овал розового с едва заметным оттенком зеленого, маленький, гордо выпяченный подбородок, алое пятно губ, насмешливый взгляд серовато-зеленых глаз, выщипанные низкие брови, между которыми залегла вертикальная морщинка, иссиня-черные волосы, белая кожа шеи, бордовое платье; локоть прижимал к боку коробку с очередным нарядом, руки словно застыли на полпути к шляпке, которая была того же цвета, что и платье, а световой блик на ней переливался и сверкал этаким осколком зеркала.

Норман был уверен, что, протяни он руку, этот портрет растворится в воздухе, а потому стоял не

шевелясь. Он не произнес ни слова, однако у него почему-то возникло такое ощущение, что, если бы он заговорил, собственный голос показался бы ему голосом постороннего — какого-нибудь бестолкового профессора.

Изображение Тэнси, эта невесть откуда взявшаяся родственница портрета Дориана Грея, молча повернулось к Норману спиной. Коробка с нарядом упала на пол. Норман словно очнулся.

Он догнал Тэнси в гостиной. Увидев, что жена направляется прямиком к выходу, он попытался обнять ее, чтобы остановить. Она забилась в его объятиях, точно пойманное животное, избегая смотреть ему в глаза; однако руки ее безвольно, будто привязанные, висели вдоль тела.

— Не прикасайся ко мне! — прошептала она сквозь зубы.

Норман пошире расставил ноги, чтобы случайно не потерять равновесие. Было что-то ужасное в том, как Тэнси металась из стороны в сторону, норовя вырваться из плена его рук. Она вела себя, как буйнопомешанная в смирительной рубашке.

— Не прикасайся ко мне! — твердила она яростно.

— Тэнси! — воскликнул Норман.

Внезапно она успокоилась. Норман отступил

на шаг.

Глаза Тэнси были крепко зажмурены, губы плотно сжаты. К сердцу Нормана подкатила жалость.

— Милая! — проговорил он. — Мне очень стыдно. Я виноват перед тобой. Но…

— Дело не в этом!

Норман помолчал, прежде чем продолжить.

— Выходит, ты рассердилась на меня за то, что я нашел в твоем столе?

Никакого ответа.

— Тэнси, нам нужно поговорить.

Она вновь никак не откликнулась. Норман беспомощно всплеснул руками.

— Поверь мне, все будет в полном порядке. Если ты поделишься со мной… Ну пожалуйста, Тэнси…

Губы ее слегка разошлись, и она произнесла, как выплюнула:

— Почему бы тебе не привязать меня к стулу и не загнать пару иголок мне под ногти? Или ты не знаком с техникой допроса?

— Милая, я скорее умру, чем причиню тебе боль! Но мы должны поговорить откровенно.

— Не могу. Если ты скажешь еще хоть слово, я закричу.

— Милая, мы должны, понимаешь, должны.

— Я никому ничего не должна.

— Мне! — поправил Норман, сбиваясь на крик. — Мне, своему мужу!

На миг он испугался, что Тэнси упадет в обморок, и кинулся к ней, чтобы подхватить. Но его услуги не понадобились. Тэнси, швырнув шляпу на столик, тяжело опустилась на ближайший стул.

— Ладно, — сказала она. — Давай поговорим.

18 часов 37 минут. Заходящее солнце отражалось в стеклах книжного шкафа, в его лучах левая китайская маска жутковато оскалилась. Тэнси сидела на одном конце кушетки, Норман, опираясь коленом на подушку, расположился на другом.

Тэнси тряхнула головой, словно разгоняя словесный дым, от которого уже першило в горле.

— Ну что ж, будь по-твоему. Я всерьез занималась ведьмовством. Я забыла, что являюсь образованной женщиной. Я накладывала заклятья на людей и на вещи. Я стремилась изменить будущее. Я… в общем, всё что угодно!

Норман кивнул. Такие вот кивки он раздаривал обычно на студенческих конференциях, когда после многочасового бесплодного обсуждения какой-нибудь подающий надежды юноша начи-

нал наконец догадываться, о чем идет речь. Он наклонился к Тэнси.

— Но зачем?

— Чтобы уберечь тебя от неприятностей, — ответила она, глядя себе под ноги.

— Зная все то, что тебе известно о суевериях, ты решилась…

В голосе Нормана послышались прокурорские нотки.

Тэнси пожала плечами.

— Так вышло. Конечно, это смешно и нелепо… Но когда ты всей душой желаешь, чтобы с тем, кого ты любишь, что-то произошло или ничего не случилось… Я делала лишь то, чем занимались и занимаются миллионы женщин. И веришь ли, Норм… мои заклинания… они вроде бы срабатывали… по крайней мере в большинстве случаев.

— Мне кажется, — возразил он, — что успехи, которых ты добивалась, всего только нечаянные совпадения. И то, что у тебя получалось не всегда, подтверждает мою догадку.

— Может быть, может быть, — проговорила она. — Но вдруг мне кто-то противодействовал? — Она порывисто повернулась к нему. — Я не знаю, чему верить. Я творила заклинания, а сама терзалась сомнениями, но, однажды начав,

уже не смела останавливаться.

— И ты занималась этим все те годы, которые мы провели в Хемпнелле?

Тэнси кивнула.

— Да, с тех пор, как мы сюда приехали.

Норман воззрился на жену, стараясь разобраться в своих ощущениях. Ему было очень трудно свыкнуться с мыслью, что в сознании той, кого он, как ему мнилось, познал до мельчайших подробностей, обнаружился укромный закуток, о котором он и не подозревал, закуток, где потихоньку копились сведения, которые он приводил в своих статьях и книгах, закуток, принадлежащий каменному веку, погруженный во мрак, питаемый предрассудками и страхами. Он попытался вообразить себе Тэнси, что бормочет заклинания, сшивает при свете свечи лоскутки фланели, навещает в поисках необходимых ингредиентов кладбища и прочие не менее отвратительные места. Воображение отказывало. Подумать только, и все это творилось под самым его носом!

Единственным, что в поведении Тэнси вызывало подозрение, была, насколько он мог припомнить, ее склонность к прогулкам в одиночестве. Если он когда и задумывался об отношении Тэнси

к суевериям, то неизменно приходил к успокоительному заключению, что уж кто-кто, а *его* жена совершенно не испытывает тяги к иррациональному.

— О, Норм, я совсем запуталась, мне так плохо, — перебила его размышления Тэнси. — Я не в силах сообразить, что мне говорить и с чего начинать.

У него имелся готовый ответ — ответ ученого.

— Расскажи мне обо всем по порядку.

19 часов 54 минуты. Они по-прежнему сидели на кушетке. В комнате царил полумрак. Бесовские маски на стене проступали из него двумя неправильными овалами. Лицо Тэнси казалось белесым пятном. Норман не мог разглядеть его выражения, однако голос жены выдавал ее возбуждение.

— Подожди-ка, — сказал он, — не торопись. Ты говоришь, что была страшно напугана, когда мы впервые приехали в Хемпнелл, чтобы узнать насчет вакансии?

— Да, Норм, да. Хемпнелл привел меня в ужас. Все кругом смотрели на нас с неприязнью и были такими чопорными! Мне чуть ли не в глаза заявили, что профессорская жена из меня никудышная. Я не знаю, кто был хуже — то ли Хульда

Ганнисон, которая, когда черт меня дернул посоветоваться с ней, оглядела меня с головы до ног и буркнула: «По-моему, вы нам подходите», — то ли старая миссис Карр, что погладила меня по руке со словами: «Вы и ваш муж найдете в Хемпнелле свое счастье. Вы молоды, но в Хемпнелле любят молодежь!» Рядом с этими женщинами я чувствовала себя беззащитной, и мне почудилось, что ты тоже в опасности.

— Понятно. Значит, когда я повез тебя на юг, в этот заповедник суеверий, ты преследовала свои цели.

Тэнси невесело рассмеялась.

— Сказать по правде, да. Я схватывала все на лету. Меня не отпускала мысль, что когда-нибудь мои познания мне пригодятся. Так что, возвратившись осенью в Хемпнелл, я сумела совладать с некоторыми своими страхами.

Норман кивнул. Ну разумеется! Недаром тихий энтузиазм Тэнси, с каким она выполняла скучные секретарские обязанности, представлялся ему довольно-таки неестественным.

— Но к колдовству ты не прибегала, — с нажимом произнес он, — пока я не заболел зимой воспалением легких?

— Ты прав. До того я словно играла в игруш-

ки — твердила, просыпаясь по ночам, обрывки заклинаний, бессознательно избегала делать то или другое, потому что это сулило беду, например не подметала крыльцо в темноте и не клала крест-накрест ножи и вилки. Когда же ты заболел… Если любимый человек умирает, чтобы спасти его, годятся любые средства.

В голосе Нормана прозвучало сочувствие.

— Конечно, конечно, — впрочем, он тут же спохватился и вновь заговорил наставительно, как учитель с учеником: — Но, сдается мне, ты уверовала в то, что твое колдовство действует, лишь после моей стычки с Поллардом по поводу сексуального образования, которая обошлась для меня без последствий, и в особенности после того, как моя книга в 1931 году получила хорошую прессу.

— Верно.

Норман откинулся на подушки.

— Господи, — пробормотал он.

— Что с тобой, милый? Надеюсь, ты не думаешь, что я пытаюсь отнять у тебя частичку твоей славы?

— Господи Боже, нет, — смешок Нормана больше походил на всхлип. — Но…

Он запнулся.

— Ладно, раз так, начинай с тысяча девятьсот

тридцатого.

20 часов 58 минут. Норман протянул руку, включил свет и сощурил глаза. Тэнси наклонила голову.

Норман встал и потер тыльную часть шеи.

— Меня беспокоит то, — сказал он, — что постепенно ты стала полагаться на колдовство во всем и не предпринимала ничего, вернее, не позволяла мне что-либо предпринимать, без подходящих к случаю защитных заклинаний. Это напоминает мне…

Он собирался сказать «разновидность шизофрении», но вовремя остановился.

— Я даже поменяла все «молнии» на крючки, — хрипло прошептала Тэнси, — ведь считается, что они ловят злых духов. А зеркальные украшения на моих шляпках, сумочках, платьях — ты догадался правильно, это тибетское средство от сглаза и порчи.

Норман подошел к жене.

— Послушай, Тэнси, но почему?

— Разве я не объяснила?

— Да нет, почему ты продолжала заниматься этим год за годом, если, как ты только что призналась, сомневалась в действенности своих усилий? Я никак не ожидал от тебя такого…

Тэнси призадумалась.

— Знаю, ты назовешь меня романтичной дурочкой, но я убеждена, что женщины первобытнее мужчин, ближе, чем они, к древним верованиям, — проговорила она. — И потом, я с детства была впечатлительной. Ведал бы ты, какие диковинные фантазии порождали во мне проповеди моего отца, истории, которые рассказывали нам старые дамы…

Вот вам и сельские священники, мысленно простонал Норман. Вот вам добропорядочная и рассудительная глубинка!

— В общем, много было всего. Если хочешь, я исповедуюсь перед тобой, но рассказ будет недолгим.

— Хорошо, — согласился он, — только давай попутно перекусим.

21 час 17 минут. Они сидели лицом к лицу в веселой красно-белой кухне. На столе лежали нетронутые сэндвичи, чашки остывшего черного кофе были наполовину пустыми. Супруги словно поменялись ролями. Теперь Норман отворачивался, а Тэнси пристально глядела на него.

— Так что же, Норман, — промолвила она наконец, — по-твоему, я сошла или схожу с ума?

Именно такой вопрос ему и требовался.

— Нет, — ответил он, — хотя одному лишь Богу известно, что подумал бы посторонний, узнай он то, что ты выложила мне. Нет, ты не сумасшедшая, однако, как и все мы, страдаешь неврозом и твой невроз приобрел весьма необычную форму.

Осознав вдруг, что голоден, он взял с тарелки сэндвич, с минуту обкусывал его со всех сторон, а потом решительно вгрызся в самую середину.

— Понимаешь, у всякого человека имеются собственные ритуалы и обряды, те привычные способы, какими мы едим, пьем, спим и моемся в ванной. Мы едва догадываемся о них, тогда как они, если их проанализировать, наверняка показались бы нам бессмысленными причудами. Возьми хотя бы стремление наступать или, наоборот, не наступать на трещины в асфальте тротуара. Так вот, твои ритуалы благодаря обстоятельствам, в которых ты находишься, оказались настолько тесно переплетенными с колдовством, что даже ты сама вряд ли теперь разберешься, где что, — он помолчал, давая Тэнси усвоить услышанное. — Важно следующее: пока об этом знаешь ты одна, твои колдовские забавы ничуть не серьезнее того пересчитывания слонов, каким убаюкивает себя при бессоннице средний человек. То есть социального конфликта

не возникает.

Он вскочил и заходил по кухне, по-прежнему жуя сэндвич.

— Господи, сколько лет я посвятил изучению того, почему люди делаются суеверными и как они ими делаются! Отчего же я не заметил, что с тобой творится?! Что такое суеверие? Заплутавшая, необъективная наука! А потому удивительно ли, что в нашем загнивающем, полном ненависти и злобы, обреченном мире мужчины и женщины тянутся к суеверию? Видит Бог, я бы прославлял самую черную магию, если бы она сумела покончить с атомной бомбой!

Тэнси поднялась со стула. Глаза ее ярко сверкали.

— Значит, — проговорила она с запинкой, — ты не презираешь меня и не считаешь сумасшедшей?

Он обнял ее.

— Черт побери, конечно же нет!

Она заплакала.

21 час 33 минуты. Они снова уселись на кушетку. Тэнси перестала плакать, голова ее покоилась на плече у мужа.

Некоторое время они молчали. Нарушил тишину Норман. В его голосе слышались обманчиво

мягкие нотки, словно он был врачом, который убеждает пациента в необходимости повторной операции.

— Разумеется, тебе придется все это прекратить.

Тэнси села прямо.

— Нет, Норм, я не могу.

— Почему? Ты только что согласилась с тем, что колдовство — сплошная чушь. Ты даже поблагодарила меня за то, что я раскрыл тебе глаза.

— Да, но все же… Пожалуйста, Норм, не заставляй меня!

— Ну будь же благоразумна, Тэнси, — увещевал он. — Ты и так столько уже натворила глупостей. Я горжусь тем, что у тебя хватило духа признать свои заблуждения. Но нельзя останавливаться на полпути! Коль ты начала пользоваться логикой, изволь довести дело до конца. Ты должна избавиться от всего, что хранится в твоей комнате, ото всех талисманов и тому подобного!

Она покачала головой.

— Не заставляй меня, Норм, — повторила она. — По крайней мере не требуй, чтобы я рассталась со всем сразу, иначе я буду чувствовать себя беззащитной.

— Напротив, у тебя прибавится сил, ибо ты

поймешь, что тем, чего достигала, как ты думала, с помощью колдовства, обязана лишь своим собственным непознанным возможностям.

— Нет, Норм. Неужели это так важно? Ты же сам назвал колдовство чепухой, безобидной забавой.

— Теперь, когда о нем известно мне, оно перестало быть твоим личным делом. И, кстати, — добавил он почти зловеще, — насчет безобидности это еще как посмотреть.

— Но почему сразу? — продолжала недоумевать Тэнси. — Почему не постепенно? Скажем, ты позволишь мне сохранить старые амулеты, если я пообещаю не заводить новых.

Он покачал головой.

— Нет, если уж отказываться, то как от спиртного — раз и навсегда.

Голос Тэнси едва не сорвался на крик.

— Норм, я не могу, понимаешь, я просто не могу!

Внезапно она показалась ему большим ребенком.

— Тэнси, ты должна.

— Но в моем колдовстве не было ничего плохого! — подмеченная Норманом детскость становилась прямо-таки пугающей. — Я пользовалась им не для того, чтобы причинить кому-то зло, я не

желала невыполнимого, не просила, чтобы тебя сделали президентом Хемпнелла! Я всего лишь хотела защитить тебя!

— Тэнси, успокойся. С какой стати тебе взбрело в голову защищать меня таким способом?

— А, так ты думаешь, что добился всего в жизни благодаря исключительно своим собственным непознанным возможностям? Тебя не настораживают твои успехи?

Вспомнив, что совсем недавно размышлял о том же самом, Норман рассвирепел.

— Хватит, Тэнси!..

— Ты думаешь, что все тебя любят, что у тебя нет ни завистников, ни недоброжелателей? По-твоему, здешняя публика — компания домашних кошечек с подстриженными коготками? Ты не замечаешь их злобы и ненависти! Так знай же…

— Тэнси, прекрати немедленно!

— …что в Хемпнелле много таких, кто спит и видит тебя в гробу! И ты бы давно очутился там, куда тебя столь усердно спроваживают, если бы им не мешали!

— Тэнси!

— Ты считаешь, Ивлин Соутелл поднесет тебе в подарок один из своих вишневых тортиков с шоколадом за то, что ты обошел ее тупоумного

муженька в споре за кафедру социологии? Ты считаешь, Хульда Ганнисон в восторге от того, какое влияние ты приобрел на ее супруга? Ведь это в основном из-за тебя она отныне не заправляет безраздельно мужским отделением! А что до похотливой старой стервы миссис Карр, ты полагаешь, ей нравится твоя манера обращения со студентами? Ты говоришь им о свободе и честности, а она вещает о святости и уважении к мнению старших. И эта ее присказка: «Секс — отвратительное словечко, и только!» Ответь мне, чем все они помогают своим мужьям?

— Господи, Тэнси, ну зачем приплетать сюда все эти преподавательские дрязги?

— Ты думаешь, они довольствуются одной защитой? Ты полагаешь, женщины вроде них будут делать различие между белой и черной магией?

— Тэнси! Ты соображаешь, что говоришь? Если ты имеешь в виду… Тэнси, рассуждая подобным образом, ты кажешься мне настоящей ведьмой.

— О, правда? — Кожа на ее лице натянулась так, что оно на какое-то мгновение словно превратилось в череп. — Может быть, ты и прав. Может быть, тебе повезло, что я у тебя такая.

Он схватил ее за руку.

— Послушай меня! Я терпел достаточно долго,

но сейчас тебе лучше выказать хоть чуточку здравого смысла.

Ее губы искривились в усмешке.

— Понятно-понятно. На смену бархатной перчатке грядет железная рука. Если я не подчинюсь тебе, то могу собирать вещи и готовиться к поездке в сумасшедший дом. Правильно?

— Разумеется, нет! Но будь же ты благоразумна!

— Зачем?

— Тэнси!

22 часа 13 минут. Тэнси упала на кровать. Лицо ее покраснело от слез.

— Хорошо, — сказала она глухо. — Я поступлю так, как ты хочешь. Я сожгу все свои… приспособления.

Норман ощутил несказанное облегчение. Подумать только, мелькнула у него мысль, я справился там, где сплоховал бы иной психиатр!

— Бывали времена, когда мне хотелось все бросить, — прибавила Тэнси. — А порой меня брала досада на то, что я родилась женщиной.

Последующие события слились для Нормана в бесконечную вереницу поисков. Сперва они обшарили комнату Тэнси, выискивая различные амулеты и колдовские принадлежности. Норма-

ну невольно вспомнились старинные комедии, в которых из крошечного такси высыпала целая куча народу, — казалось невозможным, чтобы в нескольких неглубоких ящиках стола и коробках из-под обуви могло поместиться столько всякой всячины. Норман швырнул в мусорное ведро потрепанный экземпляр своей статьи о параллелизме, подобрал переплетенный в кожу дневник жены. Тэнси покачала головой. После секундного колебания Норман положил дневник обратно.

Затем они перевернули весь дом. Тэнси двигалась быстрее и быстрее, перебегала из комнаты в комнату, извлекала завернутые во фланель «ладошки» из самых невероятных мест. Норман снова и снова задавался вопросом, как он за десять лет жизни в доме умудрился не заметить ни единого талисмана.

— Похоже на поиски клада, верно? — спросила у него Тэнси, печально улыбаясь.

Потом они вышли на улицу. Амулеты нашлись под парадной и черной дверями, в гараже, в автомобиле, который там стоял. Чем сильнее разгорался огонь в камине, тем легче становилось у Нормана на душе. Наконец Тэнси распорола подушки на постели и осторожно вынула оттуда две фигурки из перьев, перевязанные шелковой

ниткой.

— Видишь, одна изображает сердце, а другая — якорь. Они охраняли тебя, — сказала Тэнси. — Это перьевая магия Нового Орлеана. За последние годы ты и шага не сделал без того, чтобы тебя не сопровождали мои обереги.

Фигурки полетели в пламя.

— Ну, — спросила Тэнси, — чувствуешь?

— Нет, — ответил он. — А что я должен чувствовать?

Она покачала головой.

— Да ничего особенного, просто больше талисманов не осталось. И если они все-таки удерживали на расстоянии враждебные силы, то теперь…

Норман коротко рассмеялся:

— Ты уверена, что мы сожгли все? Тэнси, подумай хорошенько, может, ты что-нибудь позабыла?

— Нет. Ни в доме, ни поблизости от него. А в городе я оберегов не раскладывала из опасения… вмешательства. Я многажды пересчитывала их в уме. Все они, — Тэнси взглянула на огонь, — сгорели дотла. Я устала, Норм, я очень устала. Пойду спать.

Внезапно она расхохоталась.

— Однако сначала мне придется зашить подушки, иначе все вокруг будет в перьях!

Он обнял ее.

— Ты в порядке?

— Да, милый. Я хочу попросить тебя только об одном: пожалуйста, не заговаривай со мной об этом в ближайшие дни. Постарайся даже не упоминать. Я не знаю, смогу ли… Обещай мне, Норм.

Он прижал ее к себе.

— Конечно, милая, конечно.

3

Сидя на краешке старинного стула с кожаной обивкой, Норман ворошил медленно угасающий огонь. Над тлеющими угольками плясали едва различимые язычки голубого пламени.

От двери, положив голову на вытянутые лапы, наблюдал за огнем Тотем.

Суета прошедшего дня утомила Нормана. Он с радостью последовал бы примеру Тэнси и лег спать, но его удерживала на ногах необходимость разобраться в собственных мыслях. Он привык оценивать в уме любую ситуацию в мельчайших ее подробностях, поворачивать их то так, то этак, пока они не займут отведенные им места в его сознании. Счастливица Тэнси! Выключила рассудок, точно свет, и спокойненько заснула. Как это на нее похоже! Впрочем, тут дело скорее всего в женской психологии, в повышенной приспособляемости к обстоятельствам.

Во всяком случае, она поступила разумно. И это тоже вполне в духе Тэнси. Всегда откровенная, всегда готовая, по большому счету, мыслить здраво. А если бы вместо нее ему надо было бы убеждать другую женщину? Брр!.. Всегда — какая

еще? — рассудительная, вот только порой на нее находит.

Тут несомненная вина окружающей обстановки. В Хемпнелле трудно не заработать себе невроз, а будучи в положении профессорской жены — и подавно. Ему давно уже следовало осознать, какую тяжесть она на себя взвалила, и помочь ей, но — она так ловко дурачила его! И потом, он вечно забывал, как глубоко задевают женщин неизбежные сплетни и интриги. В отличие от своих мужей они не могут укрыться в тихих, уютных мирках математики, микробиологии и тому подобного.

Норман улыбнулся. В конце разговора Тэнси обронила странную фразу. По ее словам, Ивлин Соутелл, жена Гарольда Ганнисона и старая миссис Карр тоже ведьмы, причем из разряда тех, что занимаются зловещей черной магией. По правде говоря, тому, кто достаточно близко знаком с ними, поверить в это проще простого. Кстати, вот идея, достойная пера умного писателя-сатирика! Нужно лишь немного развить ее, представить большинство женщин как сведущих во всех тонкостях колдовского ремесла ведьм, которые ведут между собой непрерывную войну, творя заклинания и расстраивая чары противника, а их

ослепленные реальностью мужья тем временем вершат свои никчемные делишки. Так, Барри написал «Что должна знать всякая женщина», чтобы показать, что мужчины никогда не догадываются, кем бы они были без поддержки женщин. При такой-то слепоте где мужчинам сообразить, что их благоверные сознательно прибегают к колдовству!

Улыбка Нормана сама собой перешла в кислую гримасу. Он словно лишь сейчас понял, что Тэнси на деле верила, по меньшей мере наполовину, во все эти бредни. Он облизал губы. Без сомнения, ему предстоит пережить множество неприятных моментов, когда его будут одолевать непрошеные воспоминания. После сегодняшних событий сие неизбежно.

Но все равно — худшее уже позади.

Он погладил Тотема, который не сводил зачарованного взгляда с огня.

— Пошли спать, старина. Время, должно быть, около двенадцати. Нет, четверть первого.

Он сунул часы обратно в карман, и тут пальцы его левой руки коснулись медальона, прикрепленного к другому концу цепочки.

Норман взвесил на ладони золотое сердечко, подаренное когда-то Тэнси. Не слишком ли оно

тяжелое для такого рода вещиц? Он подцепил ногтем крышку медальона. Пальцы были чересчур неуклюжими, чтобы извлечь наружу фотографию Тэнси; повозившись, Норман наконец додумался подсунуть под край снимка острие карандаша.

На дне медальона лежал крошечный фланелевый пакетик.

Женщина! Вот так всегда: внешне покорилась, а хоть малость, но припрятала!

Может, она запамятовала…

Он швырнул пакетик в камин. Фотография упала на уголья, вспыхнула и сгорела в мгновение ока. Норман успел только заметить, как почернело на ней лицо Тэнси.

Пакетик оказался более стойким. Сперва его поверхность приобрела желтоватый оттенок опаленного ворса, потом появился дрожащий язычок пламени.

Одновременно, несмотря на то что от огня по-прежнему исходило тепло, тело Нормана пронизал холод. В комнате как будто потемнело. Он услышал негромкое урчание, словно где-то глубоко под землей трудились могучие машины. Ему почудилось вдруг, что он стоит нагой и безоружный перед неким враждебным и чужеродным

существом.

Тотем пристально вглядывался в тени в дальнем углу. Неожиданно он зашипел и метнулся вон из комнаты.

Норман понял, что дрожит. Реакция на нервное возбуждение, сказал он себе. Должно быть, переутомился.

Пламя угасло, оставив после себя тлеющие угольки.

Оглушительно зазвонил телефон.

— Профессор Сейлор? Я полагаю, вы надеялись, что никогда обо мне не услышите? Я звоню вам потому, что имею обыкновение растолковывать людям, кем бы они ни были, свои намерения; для отдельных личностей это, впрочем, совершенно излишне.

Норман отнял трубку от уха. Слова звонившего никак не вязались с тоном, каким он их произнес. Нужно тренироваться добрых полчаса, чтобы так вопить…

— Вот что я хочу сказать тебе, Сейлор. Мне наплевать, что вы там решили. Я не собираюсь покидать Хемпнелл. Я буду требовать переэкзаменовки, и тебе известно почему!

Норман узнал голос. Он увидел мысленным взором бледное, неестественно узкое лицо с веч-

но надутыми губами и глазами навыкате под копной спутанных рыжих волос.

— Слушайте, Дженнингс, — перебил он, — если вы считаете, что с вами обошлись несправедливо, почему вы смолчали два месяца назад, когда были объявлены результаты?

— Почему? Да потому что ты пустил пыль мне в глаза! Как же, прямодушный профессор Сейлор! Теперь-то я сообразил, что к чему. Ты всегда затирал меня, потешался надо мной на конференциях, скрыл, что я могу завалить твой предмет, выбирал для тестов вопросы из тех лекций, которые я пропустил, третировал меня, потому что расходился во взглядах на политику с моим отцом, потому что я не похож на твоего любимчика Бронштейна! Но теперь…

— Дженнингс, да будьте же благоразумны. В прошлом семестре вы завалили целых три предмета.

— Ну да, ты везде подсуетился. Ты настроил против меня остальных преподавателей, заставил их смотреть на меня как на безнадежного идиота, заставил…

— И вы утверждаете, что догадались обо всем только сейчас?

— Да! Меня как осенило. О, ты был хитер, очень

хитер. Ты задабривал меня, а иногда мог и припугнуть, ты пользовался то кнутом, то пряником. Но стоило мне заподозрить, что тут что-то неладно, как я разгадал твой план. Все, все сходится на тебе!..

— А как относительно того, что перед Хемпнеллом вас отчислили за неуспеваемость из двух других колледжей?

— Ага! Я знал, что ты был предубежден против меня с самого начала!

— Дженнингс, — проговорил Норман устало, — я достаточно послушал вас. Если у вас есть жалобы, обратитесь к декану Ганнисону.

— Иными словами, ты отказываешься помочь мне?

— Именно так.

— Ты не передумаешь?

— Нет, не передумаю.

— Хорошо, Сейлор. Но смотри в оба! Смотри в оба, Сейлор! Смотри!

В трубке послышались короткие гудки. Норман аккуратно положил ее на рычаг. Черт бы побрал родителей Теодора Дженнингса! Не потому, что они были лицемерными, тщеславными, чванливыми ничтожествами, не потому, что они принадлежали к числу махровых реакционеров,

а потому, что из-за своей непомерной гордыни всеми правдами и неправдами старались пропихнуть через колледж впечатлительного и эгоистичного сыночка, такого же скудоумного, как они сами, но не наделенного ни в малейшей степени их житейской мудростью и смекалкой. И будь неладен президент Поллард, который не устоял перед их богатством и политическим влиянием и принял этого паршивца в Хемпнелл, прекрасно зная, чем это обернется.

Норман закрыл камин ширмой, выключил в гостиной свет и вышел было в коридор.

Телефон зазвонил снова. Норман с любопытством поглядел на него, потом снял трубку.

— Алло?

Ответом ему было молчание. Он подождал, подул в микрофон.

— Алло? — повторил он.

В трубке по-прежнему молчали. Он уже хотел повесить ее, когда уловил на другом конце провода слабый звук — неровное, прерывистое дыхание.

— Кто это? — спросил он резко. — У телефона профессор Сейлор. Пожалуйста, говорите.

Звонивший упорно не желал отзываться.

И вдруг из черной трубки донеслось одно-един-

ственное слово, произнесенное медленно и с запинкой низким женским голосом, исполненным невыразимой страсти:

— Дорогой!

Норман судорожно сглотнул. Этот голос был ему незнаком. Прежде чем он сумел сказать что-либо членораздельное, женщина заговорила снова, быстрее, но все так же страстно:

— О Норман, я так рада, что набралась смелости позвонить тебе! Я готова, дорогой, я готова. Приходи ко мне.

— Правда? — Норман не знал, что думать. Ему внезапно показалось, что он уже слышал раньше похожие интонации, сталкивался с похожим построением фраз.

— Приди ко мне, любимый, приди ко мне. Забери меня туда, где мы будем одни, совсем одни. Я отдамся тебе, я буду твоей рабыней. Повелевай мной, делай со мной что пожелаешь.

Норману хотелось расхохотаться, однако на сердце у него было неспокойно. Конечно, приятно выслушивать такие признания, но все-таки в звонке было что-то от розыгрыша. Может, кому-то вздумалось пошутить?

— Милый, я лежу на диване и говорю с тобой, и на мне нет никакой одежды. Рядом с моей крова-

тью стоит лампа с розовым абажуром. О, забери меня с собой на необитаемый тропический остров. Мы там будем любить друг друга. Я укушу тебя, ты укусишь меня, а потом мы бросимся в море, залитое лунным светом, а вокруг по воде будут плавать белые лепестки…

Конечно шутка, иного просто быть не может, решил он с полуосознанным сожалением. Неожиданно он догадался, кто способен разыгрывать его таким образом.

— Приди же, Норман, приди и забери меня во тьму, — продолжал сладострастный голос.

— Ладно, приду, — ответил он. — А когда мы отзанимаемся любовью, я включу свет и спрошу: «Мона Ателл, тебе не стыдно?»

— Мона? — взвизгнул голос. — Ты сказал «Мона»?

— Ну да, — усмехнулся Норман. — Ты единственная актриса, единственная женщина, которую я знаю, способная изобразить столь знойный темперамент. А как бы ты поступила, если бы трубку сняла Тэнси? Начала бы подражать Хамфри Богарту? Как там Нью-Йорк? Гуляете? Что пьем?

— Пьем? Норман, ты не узнал меня?

— Конечно узнал. Ты Мона Ателл, — однако он

засомневался. Затянутые шутки были отнюдь не во вкусе Моны. К тому же голос в трубке, который он точно слышал раньше, делался все выше и выше.

— Значит, ты действительно не узнаёшь меня?

— Боюсь, что нет, — ответил он довольно резко, в тон вопросу.

— В самом деле?

Норман почувствовал, что эти три слова предвещают бурю, но ему надоело сдерживать себя.

— Нет! — бросил он.

И едва не оглох от раздавшегося на том конце провода истошного вопля.

— Ах ты дрянь! Мерзавец! После всего, что ты сделал со мной! Значит, не ты изводил меня, не ты раздевал меня взглядом?

— Послушайте…

— Знойный темперамент! Да ты… паршивый учителишка! Ступай к своей Моне! Ступай к своей задаваке-жене! Чтоб вам всем троим жариться в аду на сковородке!

Услышав короткие гудки, Тотем, с интересом внимавший разговору, отвернулся. Криво улыбаясь, Норман положил трубку. Вот тебе и безмятежная профессорская жизнь! Он попытался определить, кто из знакомых женщин может

сгорать от любви к нему, но ничего не достиг. Пожалуй, мысль насчет Моны Ателл была вполне здравой. Мона не задумалась бы позвонить из Нью-Йорка, если бы ей взбрело в голову разыграть Сейлоров. Она обожала подобные развлечения, особенно на вечеринках после представления.

Однако шутки свои она обычно заканчивала по-иному. Ей нужно было, чтобы смеялись все.

Может статься, объявился другой шутник.

А вдруг это не шутка… Норман пожал плечами. Сущий бред! Надо рассказать Тэнси, повеселить ее. Он направился в спальню.

У двери в комнату он застыл как вкопанный. Лишь сейчас к нему вернулась память о том, что случилось днем. За звонками он начисто позабыл о переполохе, который сам и устроил.

Он поглядел на телефон. В доме было очень тихо.

Внезапно у него мелькнула мысль, что, если вдуматься, эти два звонка в столь поздний час — нечто большее, чем простое совпадение.

Впрочем, ученый должен придерживаться фактов.

Тэнси крепко спала.

Он потушил свет в холле и лег в постель.

4

На следующее утро, шагая привычной дорогой к колледжу, Норман неожиданно остро почувствовал, насколько искусственна хемпнелловская готика. Эта вычурная архитектура — всего-навсего ширма, за которой бушуют страсти по поводу низкой зарплаты и слишком обременительных административных обязанностей, а истинно научная мысль задыхается под грузом житейских забот; ширма, за которой студенты с готовностью укрываются от знаний ради земных утех, пускай даже неуклюжих, суматошных и довольно-таки дешевых. Но как знать, может, именно для того и воздвигли в былые годы высокое здание с башенками неведомые святые отцы.

На улице было пусто, если не считать нескольких человек впереди, но пройдет три или четыре минуты — и из церкви вырвется на волю буйная студенческая орда, нахлынет разноцветной волной ярких свитеров и жакетов.

Едва лишь Норман собрался перейти улицу, как из-за угла вывернул грузовик. Норман с отвращением попятился. Он не имел ничего против легковых автомобилей — куда от них денешься

в нашем пропахшем бензином мире? — однако грузовики, рычащие громады, внушали ему чуть ли не суеверный страх.

Он огляделся по сторонам и заметил позади себя студентку, которая то ли опоздала на богослужение, то ли вообще пренебрегла им. Присмотревшись, он понял, что видит миссис Карр, и решил подождать ее.

Ошибка его была вполне простительной. Несмотря на свои семьдесят лет, седовласая деканша женского отделения сумела сохранить девическую стройность фигуры. Походка у нее была изящная, почти летящая. Только приглядевшись, можно было различить на ее лице многочисленные морщины. В поведении миссис Карр не было ни свойственного молодым девушкам жеманства, ни подчеркнуто сексуального внимания к мужчинам; однако мнилось, что она жадно поглощает юность и свежесть, впитывает их всеми порами своего тела.

Похоже, подумалось Норману, среди преподавателей Хемпнелла процветает культ юности, особая форма великого американского культа юности, родственное вампиризму наслаждение молодостью…

Приветствие миссис Карр прервало нить его

размышлений.

— Как поживает Тэнси? — спросила деканша. В голосе ее слышалась такая забота, что Норман даже удивился: ему всегда казалось, что миссис Карр не сильно интересуется личной жизнью профессорского состава. Хотя на то она и деканша женского отделения, чтобы справляться о здоровье женщин.

— Нам так не хватало ее на последней встрече преподавательских жен, — продолжала между тем миссис Карр. — Сколько же в ней веселья! А оно нам сегодня просто необходимо.

Солнце отражалось в толстых стеклах ее очков над румяными, словно спелое яблоко, щеками. Она положила руку на локоть Нормана.

— Хемпнелл ценит Тэнси, профессор Сейлор.

«Еще бы вам ее не ценить!» — чуть не сорвалось у Нормана с языка.

— Мне кажется, заслуженно, — отозвался он вежливо, мысленно усмехнувшись. Десять лет назад миссис Карр была активисткой клуба «Эти Сейлоры разлагают молодежь».

Миссис Карр звонко рассмеялась.

— Мне нужно спешить на конференцию, — проговорила она. — Но помните, профессор Сейлор, что Хемпнелл ценит и вас тоже.

Он поглядел ей вслед, размышляя, не означает ли последняя фраза, что его надежды занять вакантную должность на кафедре социологии близки к осуществлению. Потом пересек улицу и направился к Мортон-холл.

Едва Норман вошел в свой кабинет, зазвонил стоявший на столе телефон. Норман снял трубку и услышал голос Томпсона, ответственного за связи с общественностью. Это был, пожалуй, единственный административный пост, который не сочли возможным доверить кому-нибудь из профессоров.

Томпсон поздоровался в своей обычной манере — тепло, даже несколько чересчур. Норман в который уже раз поймал себя на мысли, что его коллега был бы куда счастливее, торгуя, скажем, мылом или косметикой. Потребовалась бы процедура психоанализа, чтобы выявить, что заставляет Томпсона цепляться за академический мир. Впрочем, он не одинок в своем влечении.

— У меня к вам деликатное дельце, — сказал Томпсон. Иногда у Нормана складывалось впечатление, что тот коллекционирует трудности такого рода. — Только что мне звонил один из членов опекунского совета. До него дошли весьма странные слухи — откуда именно, он не пожелал

сообщить — относительно вас и миссис Сейлор. Будто бы на рождественских каникулах вы, будучи в Нью-Йорке, побывали на вечеринке, которую устраивали знаменитые, но известные своей… гм… веселостью актеры. Знаете, по-моему, это не очень-то правдоподобно. Якобы вы кутили ночь напролет, а потом был импровизированный спектакль в ночном баре и что-то связанное с академической мантией и… э-э… некой стриптизеркой. Я пообещал разобраться. Но, разумеется, я подумал… может, вы…

— Представлю опровержение? Извините, но не получится. К сожалению, все так и было на самом деле.

— Да?.. Понятно. Ну что ж, — Томпсон вздохнул. — Тогда я вам скажу вот еще что. Опекун — Феннер — был в страшном гневе. Он так кричал, что у меня в ушах звенело. Послушать его, актеры сплошь пьяницы и развратники.

— Ну, что касается Моны и Велби Ателлов, тут он прав в первом и ошибается во втором. Они по-своему верны друг другу. Вообще любопытная пара! Я вас как-нибудь с ними познакомлю.

— О… Конечно, конечно, — проговорил Томпсон. — Всего доброго.

Прозвенел звонок, возвещавший о начале за-

нятий. Норман бросил на стол обсидиановый нож, которым пользовался, распечатывая почтовые конверты, отодвинул стул и поднялся, слегка раздраженный очередным проявлением маразматической чопорности Хемпнелла. Не то чтобы он предпринимал какие-то попытки, стремясь скрыть свое присутствие на вечеринке у Ателлов, которая, кстати говоря, вышла немного сумасброднее, чем он предполагал. Однако он не рассказывал о ней ни единой живой душе в колледже. И вот на тебе, пожалуйста, через столько-то месяцев!

В окно кабинета виднелся гребень крыши Эстри-холла, как бы рассекавший стекло по диагонали. На нем восседал не слишком крупный дракон — разумеется, статуя. Норману вновь пришлось убеждать себя, что события прошлого вечера ему вовсе не приснились. Рассудок отказывался мириться с ними. Но, между прочим, средневековые суеверия Тэнси ничуть не диковинней архитектуры Хемпнелла, всех этих горгулий и остальных чудовищ, которые призваны были отпугивать злых духов. Прозвенел второй звонок, и Норман вышел из кабинета.

Когда он появился в аудитории, шум мало-помалу утих. Норман попросил одного из студентов

объяснить, почему родственные связи считаются признаком племенной организации, потом потратил пять минут на приведение в порядок собственных мыслей и на то, чтобы отметить опоздавших и отсутствующих. Стоявший у доски запутался в схемах брачных групп; Бронштейн, студент-отличник, весь извертелся, показывая, что надо вызвать его. Норман пригласил высказываться и в конце концов добился того, что завязался оживленный спор.

Самоуверенный президент студенческого братства, который сидел во втором ряду, произнес:

— Всякая первобытная социальная организация, в отличие от современной, основана на невежестве, традиции и суеверии.

Норман оседлал своего конька. Он разбил защитника современного общества в пух и прах, подробно разобрав его точку зрения, сравнив студенческие братства и первобытные «дома молодых», описав принятые там и тут обряды инициаций [1], а потом пустился рассуждать на тему, какими показались бы наши нынешние привычки и обычаи гипотетическому этнологу откуда-нибудь с Марса. Мимоходом он упомя-

1 notes: 1

Инициации — обряд посвящения в мужчины у первобытных племен. — Здесь и далее примечания переводчика.

нул о сходстве между женскими землячествами в университетах и существовавшим у первобытных племен правилом отделять девушек по достижении ими половой зрелости от юношей.

Время перестало существовать. Увлекшись, Норман приводил пример за примером культурного отставания во всем, от требований этикета до системы мер и весов. Он говорил такие интересные вещи, что проснулся даже вечно сонный студент в последнем ряду.

— Да, мы привнесли кое-какие нововведения, главное среди которых систематическое применение научного метода, но примитивная основа никуда не делась, она по-прежнему влияет на нашу жизнь. Мы с вами — осовременившиеся человекообразные обезьяны, мы или воюем, или сидим в ночных клубах. Никем иным мы быть не можем.

Браку и формам ухаживания он уделил особое внимание. Подбадриваемый восторженной улыбкой Бронштейна, Норман провел параллели из современности к браку-покупке, браку-пленению и символическому бракосочетанию с божеством. Он доказал, что брак — весьма древнее установление, которое с успехом практикуют как европейцы, так и полинезийцы.

Вдруг в глаза ему бросилось багровое от ярости лицо Грейсин Поллард, дочери президента Хемпнелла. Она кидала на него убийственные взгляды, делая вид, что ее ничуть не волнует любопытство соседей.

Ясно, подумалось Норману, она наябедничает папочке, что профессор Сейлор проповедует свободную любовь. Он пожал плечами и продолжил было объяснение, но тут раздался звонок.

Недовольный собой, Норман направился в кабинет, рассеянно прислушиваясь к рассуждениям Бронштейна и двух других студентов.

На своем столе он обнаружил записку от Гарольда Ганнисона, декана мужского отделения. Поскольку следующий час был у него не занят, Норман решил сходить в административный корпус. Бронштейн на ходу пытался изложить ему какую-то идею.

Однако Норману было не до Бронштейна. Он размышлял над тем, почему позволил себе увлечься. Надо признать, он был чересчур откровенен. Странно: он давно ведь уже приучился говорить в аудитории то, что не нарушало бы приличий, как их понимали в Хемпнелле, и одновременно не принуждало его жертвовать своими убеждениями. С чем же связан сегодняшний

маленький бунт?

Мимо, не проронив ни слова, прошла миссис Карр; на лице ее написано было неодобрение. Оглядев себя, Норман догадался о возможной причине ее холодности. Погрузившись в размышления, он закурил сигарету. Вдобавок Бронштейн, восхищенный, должно быть, его смелостью, поступил точно так же. Суровый устав Хемпнелла разрешал преподавателям курение только в общей комнате; некоторые, правда, отваживались втихомолку покуривать в кабинетах, но дальше этого дело не шло.

Норман нахмурился, но сигарету не выбросил. По всей видимости, события прошлого вечера встревожили его сильнее, чем он полагал. Он раздавил окурок каблуком на ступеньках административного корпуса.

В дверях он столкнулся с миссис Ганнисон.

— Хорошо, что я крепко держала камеру, — пробурчала та, когда Норман подал ей ее сумочку. — Терпеть не могу менять линзы.

Откинув со лба неопрятную рыжеватую челку, она прибавила:

— Вы плохо выглядите. Как Тэнси?

Уверив миссис Ганнисон, что все просто отлично, Норман поторопился распрощаться с ней. Вот,

подумал он, настоящая ведьма. Мешковатые, но дорогие наряды; властная, чванливая, ворчливая; под настроение добродушная, однако привыкшая не считаться ни с чьими желаниями, кроме своих собственных, Хульда Ганнисон была единственным человеком, перед которым заискивал и лебезил ее супруг.

Увидев Нормана, Гарольд Ганнисон повесил телефонную трубку и махнул ему рукой, приглашая садиться.

— Норман, — сказал он, хмурясь, — вопрос крайне деликатный.

Норман напрягся. В отличие от Томпсона Ганнисон, как правило, не бросался словами. Они с Норманом вместе играли в сквош и вроде бы даже приятельствовали. Нормана смущало лишь то, что Ганнисон всегда был заодно с президентом Поллардом. Они словно состояли членами клуба взаимного восхищения; торжественные ссылки на политические взгляды Полларда, на его цветистые рассказы о дружбе со знаменитыми политиками со стороны декана мужского отделения Хемпнелла сопровождались похвалами президента в адрес последнего.

Гарольд сказал: «Вопрос деликатный». Норман приготовился услышать отчет о сумасбродном,

нескромном, криминальном поведении Тэнси. Иной причины вызова к декану он уже вообразить не мог.

— Норман, у вас работает девушка из Студенческого трудового агентства по имени Маргарет Ван Найс?

Внезапно Норман понял, кто звонил ему вчера вечером кроме Дженнингса. Оправившись от неожиданного открытия, он ответил:

— Да, тихонькая такая. Печатает на мимеографе, — запнулся и почти против воли добавил: — Разговаривает исключительно шепотом.

— Ясно. Некоторое время назад она закатила истерику в кабинете миссис Карр и обвинила вас в том, что вы соблазнили ее. Миссис Карр, разумеется, сразу же поставила в известность меня.

Норман подавил желание рассказать Ганнисону о вечернем телефонном звонке и ограничился коротким:

— Ну и?

Брови Ганнисона сошлись на переносице.

— Я знаю, такое бывало и прежде, — сказал Норман, — даже здесь, в Хемпнелле. Но сейчас девушка лжет.

— Я в этом не сомневался, Норман.

— Спасибо. Хотя возможность у меня была. Мы

с ней несколько раз засиживались допоздна.

Ганнисон потянулся за папкой.

— По чистой случайности у меня нашелся ее невротический показатель; комплекс на комплексе. Думаю, мы всё уладим.

— Я хочу послушать ее обвинения, — сказал Норман, — и чем раньше, тем лучше.

— Конечно. Мы соберемся в кабинете миссис Карр сегодня в четыре часа. А пока с девушкой побеседует доктор Гарднер. Надеюсь, он сумеет укротить ее.

— В четыре часа, — повторил Норман, вставая. — Вы придете?

— Разумеется. Прошу прощения, что потревожил вас, Норман. По совести говоря, если бы не миссис Карр, я бы не стал отвлекать вас от дел. Но вы же ее знаете.

Норман задержался в приемной, чтобы посмотреть выставку предметов, связанных с физической химией — областью, в которой работал Гарольд Ганнисон. Нынешнюю экспозицию составляли капли принца Руперта и прочие не менее загадочные творения. Норман мрачно уставился на сверкающие темные шарики с лихо закрученными хвостами. Табличка рядом извещала, что они получены путем наливания

расплавленного стекла в горячее масло. Ему подумалось вдруг, что Хемпнелл чем-то похож на каплю принца Руперта. Ударь с размаха молотком — всего лишь отобьешь себе руку, а стоит подцепить ногтем тоненькую нить, которой заканчивается капля, и взрыва не миновать.

Замечательно.

Норман окинул взглядом остальные предметы, среди которых находилось крошечное зеркало, которое, как уверяла надпись на табличке, рассыплется в порошок при малейшей царапине или внезапном изменении температуры.

Замечательно ли? Любое заорганизованное, в некотором роде искусственное заведение вроде маленького колледжа имеет свои слабые, уязвимые места. То же самое можно сказать о людях и об их карьерах. Найдите такое место в мозгу невротичной девушки, надавите на него, и она примется обвинять всех подряд в чудовищных преступлениях. Или взять человека душевно здорового, да хотя бы его самого. Предположим, кто-то тайно наблюдает за ним, выискивает нужную точку, а палец уже наготове…

Бред! Господи, сплошной бред! Норман поспешил в аудиторию.

Когда он выходил с лекции, на него налетел

Харви Соутелл.

Коллега Нормана по кафедре напоминал злую карикатуру на профессора колледжа. Соутелл был немногим старше Нормана, однако по характеру смахивал то ли на глубокого старца, то ли на перепуганного юнца. Он вечно куда-то торопился, мучился нервным тиком и порой ходил сразу с двумя портфелями. Норман видел в нем одну из бесчисленных жертв интеллектуального тщеславия. Скорее всего в свои студенческие годы Харви Соутелл позволил недалеким наставникам убедить себя в том, что обязан знать все обо всем, помнить вещие афоризмы классиков, к чему бы они ни относились, будь то средневековая музыка, дифференциальные уравнения или современная поэзия; быть в состоянии ответить со знанием дела на всякое замечание, даже если оно произнесено на мертвом или иностранном языке, и ни при каких обстоятельствах не задавать вопросов. Потерпев неудачу в своих отчаянных усилиях превзойти Бэкона, Харви Соутелл в итоге усомнился в собственной интеллектуальной пригодности, однако старался скрыть от окружающих это сомнение или по крайней мере забыть о нем за тщательным изучением разнообразных подробностей.

На его узком, морщинистом личике с тонкими губами и высоким лбом отчетливо просматривались следы повседневных забот и житейских треволнений.

Соутелл был донельзя взволнован.

— Норман, у меня есть для вас кое-что интересное! Я с утра рылся в библиотеке и откопал докторскую диссертацию за 1930 год, озаглавленную «Суеверие и невроз»! — Соутелл показал Норману объемистую, отпечатанную на машинке рукопись, которая выглядела так, словно ее ни разу не открывали. — Любопытное совпадение, правда? Ведь ваша работа называлась «Параллелизм суеверий и неврозов». Хочу проглядеть эту штуку вечерком.

Они шли быстрым шагом по направлению к столовой; студенты в коридоре с улыбками расступались перед ними.

Норман искоса посматривал на Соутелла. Дурачок наверняка помнит, что его «Параллелизм» был опубликован в 1931 году; значит, волей-неволей зарождается подозрение в плагиате. Однако Соутелл как будто ничего такого пока не думал.

Нормана так и подмывало отвести Соутелла в сторону и сказать ему, что здесь вовсе не просто совпадение и что тем не менее репутация ученого

остается незапятнанной. Но в то же время ему казалось неуместным сейчас откровенничать с коллегой.

Он был обеспокоен сильнее, чем можно было заключить по его виду. Сколько минуло лет с той поры, когда этот чертов Каннингэм вылез со своей диссертацией! Она мирно покоилась в прошлом — позабытое уязвимое место, ожидающее лишь пальца, который на него нажмет…

Сущий бред! Ладно, он как-нибудь объяснится с Соутеллом и со всеми остальными, но не теперь.

Соутелл сменил тему.

— Норман, нам предстоит провести конференцию для выработки программы по социальным наукам на следующий год. Я предлагаю подождать… — он замялся.

— Пока не решится вопрос с руководителем кафедры, — докончил за него Норман. — Зачем? Все равно мы с вами будем сотрудничать.

— Да, разумеется. Я не собирался…

На ступеньках здания столовой к ним присоединились другие преподаватели. Со студенческой половины доносился оглушительный грохот подносов, однако в профессорском уголке было сравнительно тихо.

Разговоры за столом велись самые обычные;

некоторое оживление, впрочем, вызвало упоминание о предстоящей реорганизации Хемпнелла и расширении штата. Кто-то прошелся насчет политических амбиций президента Полларда, и Гарольд Ганнисон сообщил, что некая мощная группировка прочит Полларда на пост губернатора. Ответом ему было удивленно-настороженное молчание. Затронута была и вакансия на кафедре социологии; кадык Соутелла судорожно задергался.

Норман ухитрился завязать беседу с психологом Холстромом. Он был рад, что до четырех часов у него не будет свободного времени. Конечно, в отношении служебного рвения ему далеко до Соутелла, но вот по части нервозности он вроде бы его догоняет…

Встреча в четыре часа принесла желаемое облегчение. Подойдя к двери в кабинет миссис Карр, Норман услышал жалобный всхлип:

— Я все наврала! Ничего не было!

Ганнисон сидел у окна, сложив руки на груди и слегка наклонив голову; он напоминал скучающего и немного встревоженного слона. На стуле посреди комнаты съежилась худенькая девушка. По щекам ее бежали слезы, плечи сотрясались от истерических рыданий. Миссис Карр старалась

успокоить ее.

— Я не знаю, почему так поступила, — прошептала девушка. — Я была влюблена в него, а он даже не глядел на меня. Прошлой ночью я хотела убить себя, но передумала и решила отомстить ему…

— Ну, Маргарет, возьмите себя в руки, — проворковала миссис Карр, гладя студентку по голове.

— Минутку, — вмешался Норман. — Мисс Ван Найс…

Девушка испуганно вскинулась, видимо, только теперь заметив его.

Помолчав, Норман продолжил:

— Мисс Ван Найс, вспомните, пожалуйста. Ночью, после того, как вы собрались убить себя, и перед тем, как надумали отомстить мне, не сделали ли вы чего-то еще? Вы случайно никуда не звонили?

Девушка не ответила, однако на лице ее выступил румянец, мало-помалу переполз на шею и юркнул под воротник. Вскоре у нее покраснели даже руки.

Ганнисон проявил слабый признак интереса.

Миссис Карр сурово посмотрела на студентку. Норману на миг показалось, что ее взгляд прямо-таки исходит злобой. Но, должно быть, то был

эффект очков с толстыми стеклами, которые порой придавали миссис Карр сходство с большой рыбиной.

Черты девушки исказились, в глазах ее читались смятение и мольба.

— Все в порядке, — утешил ее Норман. — Вам не о чем волноваться.

Он сочувственно улыбнулся.

Девушка резким движением высвободилась из материнских объятий миссис Карр и вскочила со стула.

— Ненавижу вас! — бросила она Норману. — Как я вас ненавижу!

Ганнисон вышел из кабинета следом за ним. Он зевнул и покачал головой.

— Хорошо все, что хорошо кончается, — проговорил он. — Кстати, Гарднер заверил меня, что с ней все нормально.

— Веселые дела, — вздохнул Норман.

— Да, между прочим, — Ганнисон извлек из внутреннего кармана пиджака белый конверт, — вот записка для миссис Сейлор. Хульда просила меня передать ее вам, а я чуть не забыл.

— Мы с Хульдой встретились сегодня утром, — пробормотал Норман. Мысли его блуждали неведомо где.

Вернувшись к себе, Норман попытался было разобраться в этих мыслях, но они оказались чрезвычайно ловкими и увертливыми. Его внимание приковал дракон на крыше Эстри-холла. Забавно: такие скульптуры можно не замечать годами, а потом они сразу и вдруг бросаются тебе в глаза. Сколько найдется людей, способных в точности описать архитектурные украшения зданий, в которых они трудятся? Наверно, это под силу лишь одному из десяти. Да если бы его самого только вчера спросили про того дракона, он не сумел бы и припомнить, существует такой или нет.

Опершись локтями на подоконник, Норман уставился на каменную ящерицу, обладавшую, как ни странно, подобием антропоидной формы. Дракон купался в желтых лучах заходящего солнца; закат, кажется, символизирует путь, коим души умерших проходят в подземный мир. Под статуей выступала из-под карниза лепная голова, одна из множества выстроившихся вдоль антаблемента [2]. Норман различил выбитое в камне имя — Галилей. Рядом было написано еще что-то.

---

2 notes: 2

Антаблемент — верхняя часть сооружения, обычно лежащая на колоннах; составной элемент классической архитектуры.

Зазвонил телефон. Он отвернулся от окна и словно погрузился в царивший в кабинете полумрак.

— Сейлор? Я просто хотел сказать, что даю тебе срок до завтра…

— Послушайте, Дженнингс, — перебил Норман, — вчера ночью я повесил трубку потому, что вы начали кричать. Поверьте мне, угрозы не принесут вам пользы.

Голос продолжал с того места, где его прервали, постепенно повышаясь в тоне:

— …чтобы ты изменил свое мнение и помог мне восстановиться в Хемпнелле.

Затем последовал поток ругательств и проклятий. Они долго отдавались в ушах Нормана.

Параноик, иначе не скажешь.

Внезапно его пробрала дрожь.

Вчера вечером в двадцать минут первого он сжег амулет, который как будто оберегал его от дурного воздействия, — последнюю из «ладошек» Тэнси.

Примерно в то же время Маргарет Ван Найс решила признаться ему в любви, а Теодор Дженнингс вознамерился доказать причастность Нормана к всеобщему заговору против него.

На следующее утро член опекунского совета

Феннер связался с Томпсоном по поводу вечеринки у Ателлов, а Харви Соутелл, роясь в библиотеке, обнаружил…

Бред собачий!

Сердито фыркнув, Норман схватил шляпу и покинул кабинет.

5

За ужином Тэнси была весела как никогда. Дважды, поднимая голову от тарелки, Норман видел, что она улыбается собственным мыслям.

Он отдал ей записку миссис Ганнисон.

— Миссис Карр интересовалась, как ты поживаешь. Она меня заболтала чуть ли не до смерти, но была чопорна, как королева. А потом…

Он поймал себя на том, что собирался рассказать про сигарету, про ледяное безразличие миссис Карр и про устроенный Маргарет Ван Найс переполох. Незачем беспокоить Тэнси, тем более что она вполне может счесть дневные события признаком отвернувшейся удачи. Кто знает, до чего она способна додуматься?

Проглядев записку, Тэнси протянула листочек ему.

— В лучших хемпнелловских традициях, — сказала она. Норман стал читать.

> *Милая Тэнси! Чем вы так заняты? За весь этот месяц мы с вами встречались всего лишь раз или два. Если вы работаете над чем-то любопытным, почему бы*

вам не поделиться с нами? Приходите в субботу к чаю, и мы поговорим.

Хульда.

P.S. Не забудьте, что через субботу состоится бал выпускников, на который вы должны испечь четыре десятка плюшек.

— Написано довольно путано, — сказал он, — однако я, кажется, научился понимать миссис Ганнисон. Она сегодня была на редкость неряшлива.

Тэнси рассмеялась.

— Мы слишком долго сторонились людей, Норм. Пожалуй, я приглашу их завтра вечером на бридж. Среды у них обычно свободные. Да, их и Соутеллов.

— Надо ли? Я про эту местную львицу.

Тэнси засмеялась еще громче.

— Что бы ты делал тут без меня… — она оборвала себя. — Боюсь, тебе придется вытерпеть присутствие Ивлин. В конце концов, Харви — профессор той же кафедры, что и ты, и считается, что вы должны поддерживать с ним дружеские отношения. А чтобы у нас получилось два стола, я приглашу Карров.

— Три вздорные бабы, — проговорил Норман. —

Если большинство профессорских жен таково, то мне невиданно повезло с тобой.

— Иногда мне приходит в голову похожая мысль, только насчет мужей-профессоров, — отозвалась Тэнси.

За кофе они закурили. Тэнси произнесла с запинкой:

— Норм, прошлой ночью я сказала, что не хочу говорить об этом. Но мне нужно кое о чем тебе рассказать.

Он кивнул.

— Я не стала говорить тебе вчера, когда мы сжигали… те вещи. Я была ужасно напугана. Мне чудилось, мы пробиваем дыры в стене, которую я с таким трудом воздвигала, что теперь ничто не остановит…

Он промолчал.

— Нелегко объяснить, но с тех пор, как я начала… забавляться таким образом, я постоянно ощущала некое давление снаружи. То был смутный, нервический страх, вроде того, какой ты испытываешь перед грузовиками. Что-то норовило подобраться к нам, а я отгоняла его при помощи своих… Мы словно состязались, кто кого пересилит. Знаешь, есть вид состязаний, где надо прижать руку соперника к столу? Вот и здесь

было нечто подобное. Однако я отвлеклась.

Я легла в постель, чувствуя себя разбитой и несчастной. Давление снаружи все нарастало, и я не могла ему сопротивляться, ибо мои подручные средства сгорели в огне. И вдруг, приблизительно час спустя, я пережила огромное облегчение. Давление исчезло; впечатление было такое, словно я вынырнула на поверхность после того, как едва не утонула. И я поняла… что безумие миновало. Вот чему я радуюсь.

Норману стоило немалых усилий не выкрикнуть в лицо Тэнси того, о чем он размышлял. Еще одно совпадение? Не чересчур ли? В тот самый миг, когда он, спалив в камине последний амулет, неожиданно испугался, Тэнси ощутила облегчение. Что ж, впредь ему наука: порой совпадениям следует доверять.

— Я была безумна, милый, — продолжала Тэнси. — И спасибо тебе. Твое спокойствие очень помогло мне.

— Ты была не безумна, — возразил он. — Безумие — лишь описательный термин, применимый к любому человеку. Тебя просто обморочила злонамеренность вещей.

— Злонамеренность?

— Да. Гвозди упрямо гнутся, когда по ним

стучишь молотком, приборы отказываются работать, когда их включаешь, ну и так далее. Шуточки материи. В крупных соединениях она повинуется законам природы, но на уровне отдельных атомов или электронов выкидывает разные коленца…

Разговор приобретал нежелательное направление, а потому Норман искренне обрадовался, когда Тотему взбрело в голову вскочить на стол и потребовать внимания хозяев.

В общем, так приятно они не проводили вечер уже целый век.

Однако наутро, придя в Мортон-холл, Норман пожалел, что произнес накануне эти слова — «злонамеренность вещей». Они как застряли в мозгу. Он заметил вдруг, что его заботят сущие пустяки, вроде того каменного дракона на крыше Эстри-холла. Вчера ему казалось, что тот восседает точно посередине покатого гребня. Сегодня же дракон был намного ближе к земле, почти рядом с архитравом [3], который возвышался над огромными и бесполезными готическими воротами, разделявшими Мортон и Эстри. Даже гуманитарию не помешает быть более наблюдательным!

---

3 notes: 3

Архитрав — балка, нижняя из трех горизонтальных частей антаблемента, основной конструктивный элемент.

Трель телефона и девятичасовой звонок на занятия разделись одновременно.

— Профессор Сейлор? — в голосе Томпсона слышались просительные нотки. — Извините, что снова беспокою вас, но мне только что передали запрос другого опекуна, Лидделла. Он интересуется вашим неофициальным выступлением, которое по времени примерно совпадает с той… э-э… вечеринкой. Тема была «Какие недостатки имеются в системе институтского образования».

— Ну и что? Разве в системе нет недостатков или эта тема под запретом?

— О, что вы, нет-нет! Но опекун почему-то полагает, что вы критиковали Хемпнелл.

— Я критиковал маленькие колледжи наподобие Хемпнелла, но о нем самом речи не было.

— Лидделл опасается, что ваше выступление окажет отрицательное влияние на приток к нам студентов. Он говорит, что некоторые из его друзей с детьми студенческого возраста, выслушав вас, изменили свое отношение к колледжу.

— Значит, они излишне впечатлительны.

— Кроме того, он полагает, что вы затронули… гм… политическую деятельность президента Полларда.

— Простите, но мне пора на занятия.

— Хорошо, — Томпсон повесил трубку. Норман невесело усмехнулся. Да, злонамеренность вещей не идет ни в какое сравнение со злонамеренностью людей! Он поспешил в аудиторию.

Уже от двери он заметил, что Грейсин Поллард отсутствует, и подумал мельком, не была ли вчерашняя лекция чересчур нескромной для ее своеобразной благопристойности. Ну и пусть: даже дочери президентов должны иногда узнавать правду.

Что же касается остальных, они словно воспряли ото сна. Несколько студентов решили вдруг писать на эту тему курсовые работы; президент братства, чтобы превратить свое поражение в относительный успех, намеревался поместить в хемпнелловском «Фигляре» юмористическую статью о заимствовании студенческими землячествами отдельных элементов из первобытных обрядов инициации. Занятие вышло весьма любопытным.

Позже Норману подумалось, что редко кто понастоящему понимает студентов.

К ним обычно относятся как к заведомым бунтарям и радикалам, не связанным никакими моральными установками. Нижние слои общества представляют их себе этакими чудовищами,

извращенцами, потенциальными убийцами маленьких детей и участниками всевозможных шабашей. А на деле они привержены традициям и обычаям гораздо сильнее многих своих сверстников. В том же сексе они безнадежно отстают от тех, чье образование закончилось с окончанием средней школы.

Вместо того чтобы потрясать устои крамольными заявлениями, они двуличничают, говорят лишь то, что наверняка придется по душе преподавателю. Опасность того, что они внезапно выйдут из повиновения, невелика. Наоборот, нужно потихоньку приучать их к правдивости, показывать всю нелепицу привычных табу. И насколько сложнее все становится, насколько настоятельнее требует твоего вмешательства в эпоху промежуточной нравственности, когда преданность отчизне и верность семье растворяются в более широких понятиях — или в жестоком, самовлюбленном, порожденном атомной бомбой хаосе, если человеческий дух изувечен, искалечен и изничтожен традиционным эгоизмом и страхами. Что же до преподавателей в колледжах, их образ в глазах общественности ничуть не менее искажен, чем образ студентов, тогда как в жизни они — люди крайне робкие, весьма чув-

ствительные к мнению окружающих, и то, что порой они произносят смелые речи, — результат продолжительной внутренней борьбы.

Все это отражает устаревшее, постепенно отмирающее обыкновение взирать на преподавателей не как на тех, кто чему-то обучает, а как на своеобразных весталок, живых жертв на алтарь респектабельности, заключенных в современных темницах и осуждаемых по куда более суровому моральному кодексу, чем тот, что принят для бизнесменов и домохозяек. А потому среди них самих весталочья непорочность ценится гораздо выше, нежели хилое пламя воображения и честного интеллектуального любопытства. И то сказать, большинству людей наплевать, что огонек угаснет, лишь бы преподаватели по-прежнему сидели в своих храмах — неосквернённые, угрюмые, словно окаменевшие.

Да, подумалось Норману, от нас прямо-таки добиваются, чтобы мы сделались колдунами и ведьмами, по возможности безвредными. А я-то заставил Тэнси бросить это дело!

Он усмехнулся.

Хорошее настроение не покидало его до встречи после занятий с Соутеллами на ступеньках Мортон-холла.

Ивлин Соутелл держалась заносчиво, в голосе ее постоянно проскальзывали снисходительные нотки. Она всячески старалась убедить всех вокруг, что ради Харви пожертвовала карьерой актрисы. Однако в действительности она не сумела даже как следует руководить студенческим театром Хемпнелла, и в итоге ей пришлось удовлетвориться скромной должностью консультанта. Впрочем, в умении одеваться с некоторым вкусом ей было не отказать; однако ее одежда в сочетании с подчеркнуто прямой осанкой, впалыми щеками, тускло-серыми глазами и такими же волосами наводила на мысль о тех театральных дамах, с которыми частенько сталкиваешься в фойе перед началом представления.

Притязая на принадлежность, но ни в коей мере не принадлежа к богеме, Ивлин Соутелл тем тщательнее надзирала за соблюдением многочисленных условностей хемпнелловской жизни. В силу своего достаточно глубокого невежества делала она это с полным отсутствием такта.

Супруг был у нее под каблуком. Она вертела им как хотела, помыкала и изводила насмешками, но ему, похоже, подобное обращение даже шло на пользу.

— Я обедала сегодня с Генриеттой… с миссис

Поллард, — сообщила Ивлин Соутелл Норману с видом человека, который побывал на обеде у члена королевской семьи.

— О, Норман… — встрял было Харви, взмахивая портфелем.

— У нас получился очень интересный разговор, — перебила его жена. — И о вас, Норман, мы говорили тоже. Как будто Грейсин неверно истолковала кое-какие фразы из вашей лекции. Она такая впечатлительная!

Тупоголовая, мысленно поправил Норман. Вслух же он, чтобы не показаться невежливым, пробормотал:

— Да?

— Милая Генриетта была слегка озадачена тем, как ей быть. Я рассказываю вам потому, что, по-моему, вы желали бы это знать. В конце концов важнее всего, чтобы ни у кого не сложилось предвзятого мнения о вашей кафедре. Ты согласен со мной, Харви?

— Что? Конечно, дорогая, конечно. Послушайте, Норман, насчет той диссертации, которую я отыскал в библиотеке. Просто удивительно! Ее главные доводы и заключения почти целиком совпадают с теми, которые содержатся в вашей книге. Замечательный случай истинности двух

различных подходов, совсем как у Дарвина с Уоллесом или…

— И ты ничего не сказал мне, дорогой?! — воскликнула миссис Соутелл.

— Минутку, — проговорил Норман.

Скрепя сердце он приготовился дать объяснение в присутствии супруги Харви.

— Простите, что вынужден разочаровать вас, Харви. Все случилось в мой первый год пребывания здесь, в 1929-м. Выпускник по имени Каннингем ухватил суть моих идей, которыми я с ним делился, и использовал их в своей докторской диссертации. В то время проблема сходства между суеверием и неврозом была побочной линией моих исследований; к тому же я два месяца проболел воспалением легких и не успел прочитать его работу до того, как он защитился.

Соутелл моргнул. Лицо его приобрело обычное обеспокоенное выражение. Судя по взгляду его жены, она предпочла бы сначала прочесть диссертацию, вникая в смысл каждого параграфа, а уже потом выслушать объяснение Нормана.

— Я рассердился, — продолжал тот, — и хотел разоблачить его, но тут узнал, что он умер. Ходили какие-то слухи о самоубийстве; по правде говоря, Каннингем был неуравновешенным человеком.

Как он мыслил себе свое будущее, я не имею ни малейшего понятия. В интересах его семьи шума я поднимать не стал, потому что иначе появился бы серьезный повод рассуждать о самоубийстве.

Миссис Соутелл, похоже, не верила ни единому слову.

— Но было ли это разумно, Норман? — встревоженно справился Соутелл. — Я имею в виду, замолчать случившееся? Не ставите ли вы себя под удар? Ну, то есть свою репутацию?

Миссис Соутелл внезапно переменилась.

— Отнеси диссертацию обратно в библиотеку, Харви, и забудь о ней, — повелительно сказала она и лукаво улыбнулась Норману. — Я кое-что припасла для вас, профессор Сейлор. Пойдемте со мной в лингафонный кабинет. Я не задержу вас. Идем, Харви.

Выдумать причину для отказа Норман не сумел, а потому последовал за Соутеллами, гадая по дороге, зачем понадобился кафедре ораторского искусства, консультантом которой состояла Ивлин Соутелл, ее жеманный носовой голос. Из-за того, что она — жена профессора и неудавшаяся трагедийная актриса? Эка невидаль!

В лингафонном кабинете с его звуконепроницаемыми стенами и двойными окнами было

сумрачно и тихо. Миссис Соутелл взяла с полки пластинку, поставила ее на один из трех проигрывателей и повернула пару рукояток. Норман дернулся. На мгновение ему померещилось, будто к кабинету мчится огромный грузовик, который вот-вот врежется в стену и разнесет ее вдребезги. Но тут отвратительный рев, исходивший из колонок, сменился прерывистыми завываниями, будто на улице вдруг подул ветер. Норман, однако, представил себе почему-то совсем иное.

Миссис Соутелл метнулась к проигрывателю.

— Я ошиблась, — сказала она. — Это какая-то модернистская музыка. Харви, будь добр, включи свет. Вот пластинка, которая мне нужна.

Она поставила диск на другой проигрыватель.

— В жизни не слышал ничего противнее, — заметил ее супруг.

Норман наконец вспомнил. Однажды кто-то показал ему австралийскую трещотку. Та хитроумно сделанная деревяшка производила в точности такой же звук. Аборигены пользовались ею, чтобы вызвать дождь.

— …но если в наше время взаимного непонимания и напряженности мы непреднамеренно или с умыслом забудем, что всякое слово и всякая мысль относятся к чему-то существующему

в действительности, если мы позволим, чтобы нами овладела тяга к нереальному, к иррациональному…

Норман вздрогнул. С пластинки вещал его собственный голос; он испытал странное чувство, словно перенесся назад во времени.

— Удивлены? — справилась Ивлин Соутелл. — Это лекция по семантике, которую вы читали на прошлой неделе. Мы записали ее, как у нас принято говорить, «подпольно», через микрофон, установленный на кафедре лектора. Вы, должно быть, считали, что он применяется для усиления звука?

Она приблизилась к большому студийному проигрывателю и принялась подкручивать рукоятки.

— У нас не возникает трудностей, — щебетала она. — Мы можем накладывать друг на друга любые шумы, музыку и голоса. И…

— …Вам известно, что слова способны ранить и причинять вред. Сильнее же всего, вреднее всего слова, которые относятся к несуществующим предметам. Почему…

Норман заставил себя улыбнуться. Он понимал, что уподобляется дикарю, который боится, что кто-то узнает его тайное имя, однако ему вовсе

не нравилось, что Ивлин Соутелл забавляется с его голосом. Уж очень это смахивало на поиски уязвимого места.

Тут ему пришлось содрогнуться в третий раз, ибо к доносившемуся из колонки голосу примешался омерзительный рев трещотки, дьявольски схожий с рычанием надвигающегося грузовика.

— Ох, что я натворила! — Ивлин Соутелл вновь схватилась за рукоятки. — Подумать только, ваш голос — и эта дрянная музыка! — Она усмехнулась. — Впрочем, профессор Сейлор, вы же сами сказали, что звуки бессильны причинить зло.

Норман не стал поправлять ее. Она стояла перед ним, заложив руки за спину. Ее супруг, наморщив от напряжения лоб, тыкал пальцем во все еще кружащийся диск на одном из проигрывателей.

— Да, — ответил Норман медленно, — так и есть. Что ж, спасибо за доставленное удовольствие.

— Увидимся вечером! — крикнула ему вслед Ивлин. Это прозвучало скорее как «тебе от меня не отделаться, голубчик».

Ненавижу ее, решил Норман, поднимаясь по темной лестнице и торопливо шагая по коридору.

Вернувшись к себе в кабинет, он сел за стол и

с головой ушел в работу. Когда же встал, чтобы включить свет, то случайно поглядел в окно.

Поначалу он застыл как вкопанный, потом бросился к шкафу, в котором лежал полевой бинокль.

Похоже, кто-то обладает весьма своеобразным чувством юмора; как иначе можно объяснить подобную шутку?

Он внимательно осмотрел в бинокль гребень крыши и каменные лапы с когтями, ища хотя бы следы трещин, но ничего не обнаружил, потому что тусклого дневного света явно недоставало для хорошей видимости, — по крайней мере он себя в том убеждал.

Каменный дракон располагался теперь на краю водосточного желоба, словно намеревался прогуляться вдоль архитрава старинных ворот и ступить на крышу Мортон-холла.

Повинуясь внезапному побуждению, Норман перевел бинокль на голову Галилея и прочитал надпись под ней, которую не смог разобрать раньше.

Eppur si muove.

Слова, которые будто бы произнес Галилей, выходя с судилища, на котором его заставили отречься от веры в то, что Земля вращается во-

круг Солнца.

«И все-таки она вертится».

Пол за спиной скрипнул, и Норман резко обернулся.

У стола стоял юноша с бледным лицом под копной рыжих волос. Глаза его сверкали. В руке он судорожно сжимал пистолет 22-го калибра.

Норман сделал шаг вперед и чуть вправо.

Дуло пистолета поползло вверх.

— Привет, Дженнингс, — сказал Норман. — Вас восстановили. Вы получили «отлично» по всем предметам.

Движение дула на миг замедлилось.

Норман кинулся на молодого человека.

Прогремел выстрел. Пуля угодила в окно.

Пистолет упал на пол. Дженнингс обмяк. Когда Норман усадил его в кресло, он зарыдал.

Взяв пистолет за ствол, Норман подобрал оружие с пола и сунул в ящик стола, потом запер его, а ключ положил в карман. Затем он снял трубку и набрал внутренний номер.

— Ганнисон? — спросил он.

— Вы поймали меня на выходе, Норман.

— Если я не ошибаюсь, родители Теодора Дженнингса живут поблизости от колледжа? Помните, тот паренек, которого отчислили в прошлом

семестре.

— Помню. Да, вы правы. Что-нибудь случилось?

— Лучше, чтобы они приехали сюда, и поскорее. И пускай захватят с собой его врача. Он только что пытался убить меня. Да, его врача. Нет, никто из нас не пострадал. Но поспешите.

Норман опустил трубку. Дженнингс продолжал рыдать, сотрясаясь всем телом. Норман с отвращением поглядел на него — и похлопал по плечу.

Около часа спустя в то же самое кресло, испустив облегченный вздох, уселся Ганнисон.

— Я искренне рад, что они согласились определить его в психиатрическую лечебницу, — сказал он. — А вам, Норман, я чрезвычайно признателен за то, что вы не настаивали на вызове полиции. Происшествия такого рода создают колледжу дурную славу.

Норман устало улыбнулся.

— Послушать вас, так против колледжа ополчился чуть ли не весь мир. Но что касается этого мальчика, он явно был не в себе. И потом, я прекрасно понимаю, что значат Дженнингсы с их связями и политическим влиянием для президента Полларда.

Ганнисон кивнул. Они молча закурили. Норман думал о том, насколько отличается подлинная жизнь от детективного романа, где попытка убийства обычно представляется событием исключительной важности, вызывает всеобщий переполох, множество телефонных звонков и собирает целую армию полицейских и частных сыщиков. А в жизни, да еще в такой, где правит респектабельность, о ней предпочитают не распространяться и как можно скорее забыть.

Ганнисон посмотрел на часы.

— Пора собираться. Почти семь часов, а мы приглашены к вам к восьми.

Но вместо того чтобы уйти, он подошел к окну, в котором красовалась дырка от пули.

— Я попросил бы вас ничего не говорить Тэнси, — произнес Норман. — Не нужно ее волновать.

Ганнисон снова кивнул.

— Сохраним все в тайне, — он показал на окно. — Вот один из любимчиков моей жены.

Норман увидел, что палец Ганнисона направлен на каменного дракона, выхваченного из вечернего сумрака холодным сиянием уличных фонарей.

— Я хотел сказать, — пояснил Ганнисон, — что

у нее наберется с добрый десяток фотографий этой статуи. Хемпнелл — ее слабость. По-моему, у нее имеются снимки всех здешних архитектурных излишеств. Однако дракона она выделяет особо, — он хмыкнул. — В обычных семьях в темной комнате прячется муж, а у нас — наоборот, несмотря на то что я химик.

Мысли Нормана вдруг перескочили на трещотку. Внезапно он осознал, чем связаны между собой запись звуков, издаваемых трещоткой, и фотография дракона.

Впрочем, он сумел не задать Ганнисону ни одного вопроса из тех, что вертелись у него на языке.

— Пошли, — сказал он, — не то опоздаем.

Ганнисон вздрогнул, услышав его сдавленный голос.

— Вы подкинете меня? — спросил Норман уже спокойнее. — Я сегодня без машины.

— Разумеется, — отозвался Ганнисон.

Выключив свет, Норман на мгновение задержался в кабинете, чтобы выглянуть в окно. На память ему пришли знаменитые слова:

Eppur si muove.

6

Тэнси едва успела убрать со стола остатки торопливого ужина, как зазвонил дверной звонок. К великому облегчению Нормана, Тэнси не стала придираться к его довольно-таки неуклюжему объяснению, почему он явился домой так поздно. И вообще, в ее безмятежности в эти последние два дня было что-то необычное. Раньше она была куда въедливей и любопытней. Впрочем, разве не он сам держал ее в неведении? Значит, надо только радоваться, что ее нервы потихоньку приходят в порядок.

— Милая! Мы не виделись с вами целую вечность! — воскликнула, обнимая Тэнси, миссис Карр. — Как вы тут? Как?

Вопрос ее прозвучал излишне настойчиво; Норман отнес это на счет хваленой хемпнелловской доброжелательности.

— Знаете, милочка, на улице я испугалась, что мне в глаз попала соринка, — продолжала миссис Карр. — Там такой ветер!

— Ураганный, — сообщил профессор Карр с кафедры математики, выказывая невинное удовольствие от того, что нашел подходящее слово.

Невысокого роста, с румяными щеками и седой бородкой клинышком, он был рассеян и простодушен, как и полагается профессору колледжа. Он производил впечатление человека, который пребывает постоянно в мире трансцендентных и бесконечных чисел и иероглифов символической логики, умение обращаться с которыми завоевало ему известность в национальных математических кругах. Пускай честь изобретения этих иероглифов принадлежит Расселу и Уайтхеду [4]; когда наступает пора разбираться в их головоломных сочетаниях, профессор Карр не знает себе равных!

— Как будто все, — проговорила миссис Карр, отнимая от глаза носовой платок Тэнси и несколько раз моргнув. Без очков лицо ее приобрело совершенно непривычное выражение. — А вот, должно быть, и остальные, — прибавила она, услышав звонок. — Ну не прелесть ли, что в Хемпнелле так ценят пунктуальность?!

Направляясь к двери, Норман на миг подумал, что снаружи кто-то вращает трещотку, но потом сообразил: это всего-навсего ветер, который

4 notes: 4

Б. Рассел и А. Уайтхед — английские философы, создатели труда «Основания математики» (1910–1913), во многом определившего современное состояние математической логики.

стремится соответствовать описанию, данному профессором Карром.

На пороге возвышалась Ивлин Соутелл. Полы черного пальто нещадно хлестали ее по ногам. Она пристально поглядела на Нормана.

— Впустите нас, не то мы влетим сами, — проговорила она, желая, видимо, пошутить, однако угрюмость, с какой была произнесена фраза, лишила шутку всякого веселья.

Войдя, миссис Соутелл устремилась к Тэнси. Харви следовал за ней по пятам.

— Моя дорогая, как поживаете? Где вы пропадали столько времени?

И снова Нормана поразила настойчивость расспросов. Уж не прослышала ли Ивлин Соутелл о, как он именовал их про себя, причудах Тэнси и о недавнем кризисе? Впрочем, она всегда так заботилась о звучании своего голоса, что постоянно выделяла им вовсе не то, чего требовали обстоятельства.

Усмотрев в холле толпу людей, Тотем испуганно мяукнул и шарахнулся в сторону. Раздался звонкий голос миссис Карр:

— О, профессор Соутелл, нам очень понравилась ваша лекция о городском планировании. Вы такой молодец!

Соутелл от смущения зашаркал ногами.

Ну-ну, мелькнула у Нормана мысль, похоже, на должность заведующего кафедрой появился новый кандидат.

Профессор Карр, едва поздоровавшись, направился к столикам для бриджа и теперь разглядывал карты.

— Я давно пытаюсь выразить процесс тасования математически, — сообщил он Норману, как только тот приблизился. — Считается, что в нем заправляет случай, но это не так. — Он взял новую колоду и разложил столик. — Изготовители разбивают карты по мастям — тринадцать пик, тринадцать червей и так далее. Предположим, я достигаю при тасовании совершенства, то есть разделяю колоду на равные части и сдаю карты одну за другой.

Он попробовал подкрепить слова делом, но у него ничего не вышло.

— Немного практики, и все исправится, — уверил он добродушно. — Некоторые игроки добиваются тут потрясающих результатов. Но я веду речь об ином. Допустим, такое случится два раза подряд. Тогда, вне зависимости от того, как сняты карты, каждый игрок получит одну масть целиком — что, если исходить из законов

вероятности, может произойти лишь однажды примерно за сто пятьдесят восемь миллиардов сдач, причем это цифры для единственной руки, а никак не для четырех.

Норман кивнул. Карр восторженно улыбнулся.

— Других примеров приводить не буду. Все сводится к следующему: то, что мы неопределенно именуем «случайностью», есть итог взаимодействия ряда вполне конкретных факторов — в основном расклада карт и привычных способов тасовать колоду, — вид у Карра был столь торжественный, словно он только что вывел базовое уравнение теории относительности. — Порой в сдачах нет ничего особенного, а порой они принимаются безумствовать — длинные масти, пропуски и тому подобное. Иногда карты упорно ложатся на север и на юг, а иногда — на запад и на восток. Везение? Случайность? Тысячу раз нет! Это — действие различных известных причин. Опытные игроки таким образом могут определить, у кого на руках ключевые карты. Они помнят, как сбрасывались карты при прошлой сдаче, как собирались вместе, они замечают, как перемешал их тасующий. И при следующем заходе они играют уже не вслепую! Все очень просто, просто до нелепости. Любой мало-мальски при-

личный игрок в бридж…

Мысли Нормана перескочили вдруг на предмет, имевший отдаленное отношение к рассуждениям Карра. А если распространить принцип профессора за пределы бриджа? А если предположить, что совпадения и прочие случайности отнюдь не случайны? Если допустить, что существуют люди, способные устраивать их по своему желанию? И это вполне естественно — так почему же его тогда бросает в дрожь?

— Интересно, что могло задержать Ганнисонов? — проговорил профессор Карр. — Не сесть ли нам за стол? Быть может, мы успеем сыграть один роббер, — прибавил он с надеждой.

Дверной звонок положил конец его упованиям.

Ганнисон выглядел так, будто не успел проглотить за ужином последний кусок, а Хульда держалась неприветливее обычного.

— Мы торопились изо всех сил, — бросила она Норману, который распахнул перед ними дверь.

Подобно обеим ранее пришедшим женщинам, она тут же отвернулась от него и подступила с приветствиями и расспросами к Тэнси. Норман испытал неприятное ощущение, похожее на то, которое ему пришлось пережить, когда они, толь-

ко-только обосновавшись в Хемпнелле, впервые принимали у себя коллег. Тэнси казалась ему беззащитной рядом с тремя другими профессорскими женами.

Ну и что? — спросил он себя. По хемпнелловским меркам, агрессивность — первая женская добродетель. Здешние дамы, похоже, не спят ночами, размышляя, как им устранить тех, кто преграждает их мужьям дорогу к президентскому креслу.

А Тэнси… Но ведь Тэнси занималась именно этим; вернее, она говорила, что те занимаются именно этим. Она ни к чему не причастна. Она лишь… Мысли Нормана перепутались, и он отогнал их подальше.

Игроки разбились на четверки.

Карты словно сговорились сегодня подтвердить теорию Карра. Сдачи были ничем не примечательными, неестественно рядовыми. Никаких длинных мастей; расклад исключительно 4-4-3-2 или 4-3-3-3. Объявляю одну, беру две; объявляю две, сбрасываю одну.

После второго круга Норман вспомнил о своем проверенном лекарстве от скуки — игре в «Угадай дикаря». Он играл в нее тайно, упражняя наблюдательность. Нужно было представить, что тебя

окружают дикари, и попытаться определить, кем бы они были в иной жизни.

Зоркости орла ему не потребовалось.

С мужчинами он разобрался в два счета. Ганнисон, несомненно, был бы вождем племени, наделенным, при всей его власти, ревнивой и мстительной женой. Карр вполне годился на роль корзинщика — бойкий старик с обезьяньей ухмылкой, что сплетает прутья в сложные математические матрицы. Соутелл, разумеется, был бы козлом отпущения, на которого валили бы все вольные и невольные прегрешения.

Зато женщины!

Взять хотя бы его партнершу миссис Ганнисон. Кожа не белая, а смуглая, волосы по-прежнему рыжие, в них сверкают медные украшения, взгляд сохранил жесткость, однако нижняя губа выдается вперед более отчетливо. Не женщина, а гора, превосходящая силой большинство мужчин племени, умеющая обращаться с копьем и дубиной. Нетрудно вообразить, как она поступает с теми несчастными девушками, на которых заглядывается ее муж. Или как она вколачивает в его голову меры по укреплению авторитета вождя, когда они удаляются к себе в хижину. Или как присоединяет она свой зычный голос к

песням, что должны помочь ушедшим на войну мужчинам.

Теперь миссис Соутелл и миссис Карр — обе они сидели за одним столом с ним и миссис Ганнисон. Сперва миссис Соутелл. Она похудела, шрамы на щеках складываются в прихотливые узоры, на спине видна татуировка. Колдунья. Горечь сочится из нее, как из коры хинного дерева, потому что в мужья ей достался никчемный человечек. Вот она скачет перед грубым идолом, вот выкрикивает заклинания и сворачивает голову цыпленку…

— Норман, сейчас не ваша очередь, — сказала миссис Ганнисон.

— Прошу прощения.

Наконец, миссис Карр. Ссохшаяся, сгорбленная, редкие клочья седых волос, беззубый оскал рта; никаких очков, глаза без них кажутся припухшими. Она моргает, сучит ручонками — этакая старая скво, которая собирает вокруг себя ребятишек (о, вечная жажда молодости!) и рассказывает им предания и легенды. Однако челюсти ее все еще могут сомкнуться, точно стальной капкан; ее руки мажут ядом наконечники стрел; глаза ей, в общем-то, не нужны, ибо она видит иначе, нежели обыкновенные люди. Даже самому смелому воину становится не по себе, когда она долго

глядит в его сторону.

— Что-то наши эксперты за первым столом притихли, — засмеялся Ганнисон. — Должно быть, увлеклись всерьез.

Колдуньи, все три, продвигающие своих мужей к вершинам племенной иерархии.

Из темного дверного проема в дальнем конце комнаты на людей внимательно, словно угадывая мысли Нормана, смотрел Тотем.

Но с Тэнси Норман попал впросак. Изменения в ее внешности вообразить было легко: курчавые волосы, кольца в ушах, раскрашенное красками лицо. Однако она упрямо отказывалась быть соплеменницей своих товарок. Она представлялась ему чужой, пленницей, что вызывает всеобщее подозрение и ненависть. Или, быть может, она была из их числа, но совершила проступок. Жрица, нарушившая табу. Колдунья, которая отвергла колдовство.

Неожиданно поле его зрения сузилось до пределов листочка, на котором записывали счет. Миссис Карр погрузилась в раздумья над своим ходом, а Ивлин Соутелл что-то рисовала на бумаге. Сначала Норман увидел фигуру человека с воздетыми к небу руками, над головой которого изображены были три или четыре шара.

Затем шла, судя по короне и пышному платью, королева, за ней — башенка с бойницами, следом — Г-образное сооружение, с короткого конца которого свисала человеческая фигура, должно быть, виселица. Последний рисунок изображал грузовик — прямоугольник на двух колесах, — который накатывался на человека, заломившего в отчаянии руки.

Пять рисунков. Норман чувствовал, что четыре из них каким-то образом связаны с неким весьма любопытным ритуалом. Случайный взгляд на колоду помог ему догадаться.

Карты.

Вернее, далекое прошлое карт, когда их еще использовали для ворожбы, когда между валетом и дамой был рыцарь, когда масти назывались «мечи», «жезлы», «кубки» и «монеты», когда существовали двадцать две карты таро для предсказания судьбы, из которых к сегодняшнему дню уцелел один джокер.

Но откуда Ивлин Соутелл знает о чем-либо столь древнем и темном, как карты таро? Откуда они известны ей так хорошо, что она походя рисует их за игровым столом? Немыслимо! Глупая, жеманная, поверхностная Ивлин Соутелл? Нет! Но как же быть с четырьмя картами таро — Жон-

глером, Императрицей, Башней и Повешенным?

Из общей схемы выпадал лишь пятый рисунок: человек под грузовиком. Джаггернаут? Фанатичная и все-таки затрепетавшая жертва умирает под колесницей торжествующего идола? Уже ближе… Однако глубоко же проникла в тайны эзотерического [5] знания бестолковая Ивлин Соутелл!

Внезапно его осенило. Он сам и есть грузовик! Огромный грузовик. Вот что означает пятый рисунок.

Но откуда Ивлин Соутелл знает о его фобии?

Он изумленно воззрился на нее. Она бросила рисовать и ответила ему сумрачным взглядом.

Миссис Ганнисон подалась вперед, губы ее шевелились, словно она пересчитывала козыри.

Миссис Карр улыбнулась и сделала ход. Ветер за окном взревел так же громко, как в начале вечера.

Норман вдруг хмыкнул. Женщины недоуменно уставились на него. Господи, ну какой же он глупец! Думает о колдовстве, а Ивлин Соутелл просто-напросто изобразила ребенка, играющего в мяч, — ребенка, которого у нее никогда

---

5 notes: 5

Эзотерический — предназначенный только для посвященных, доступный лишь специалистам.

не будет; себя самое — в виде королевы; башню — кабинет своего мужа, ставшего заведующим кафедрой социологии; под повешенным подразумевается импотенция Харви (вот это мысль!), а под испуганным человеком и грузовиком — ее собственная сексуальная энергия, которая страшит и сокрушает Харви.

Норман хмыкнул во второй раз; женщины вопросительно приподняли брови. Он загадочно усмехнулся.

И все же, спросил он себя, продолжая прерванное рассуждение, почему нет?

Три колдуньи используют, как и Тэнси, ворожбу, чтобы помогать мужьям, а заодно и себе.

Они используют знания мужей, чтобы осовременить колдовство. Они беспокоятся из-за того, что Тэнси перестала колдовать, они полны подозрений и боятся, что ей удалось найти нечто более могущественное и что она намерена пустить находку в дело.

А Тэнси — беззащитная и беспомощная — не догадывается, быть может, о том, что их отношение к ней изменилось, ибо, порвав с чародейством, она утратила свое чутье на сверхъестественное, свою «женскую интуицию».

Не додумать ли до конца? Возможно, все жен-

щины одинаковы, все они — хранительницы древних обрядов и обычаев человечества, включая и колдовство. Они сражаются в битве своих мужей, но исподтишка, заклинаниями, и не признаются в этом; а когда их ловят с поличным, объясняют свое поведение женской восприимчивостью к суевериям.

Значит, добрая половина человечества до сих пор занимается колдовством?

Почему бы нет?

— Ваш ход, Норман, — промолвила миссис Соутелл.

— Вы как будто чем-то озабочены, — заметила миссис Ганнисон.

— Как вы там справляетесь, Норм? — крикнул ее муж. — Они вас еще не обмишулили?

Обмишулили? Норман рывком вернулся к действительности. Надо признать, они едва не заманили его в ловушку. А все потому, что человеческое воображение — весьма ненадежный инструмент, вроде резиновой линейки. Посмотрим, посмотрим. Если он зайдет с короля, а у миссис Ганнисон окажется дама, то, быть может, им удастся выкрутиться.

Миссис Карр побила короля тузом, и на ее губах заиграла, как показалось Норману, лукавая

усмешка.

Когда партия кончилась, Тэнси отправилась на кухню за закусками. Норман последовал за ней.

— Ты заметил, как она на тебя поглядывает? — прошептала Тэнси весело. — Порой мне чудится, что эта стерва влюблена в тебя.

Он фыркнул.

— Ты про Ивлин?

— Разумеется нет! Про миссис Карр. Внутри она — молоденькая девчонка. По взглядам, какими она окидывает студентов, можно догадаться, что ей хочется быть такой и снаружи.

Норман припомнил, что утром сам подумал о том же.

— Она и на меня иногда смотрит так, — продолжала Тэнси, — но польщенной я себя не чувствую; скорее, мне становится страшно.

Норман кивнул.

— Она напоминает мне Злую… — он запнулся.

— …Колдунью в «Белоснежке»? Верно, милый. Ступай лучше к гостям, не то они прибегут сюда, чтобы сообщить, что профессору Хемпнелла на кухне не место.

В гостиной завязался обычный разговор о трудностях преподавательской жизни и ее радостях.

— Я виделся сегодня с Поллардом, — заявил

Ганнисон, нацеливаясь на кусок шоколадного торта. — Он завтра утром будет совещаться с опекунами, в том числе и по поводу кафедры социологии.

Харви Соутелл подавился пирожным и чуть не опрокинул чашку с какао.

Норман уловил злобный взгляд, который метнула на него миссис Соутелл; впрочем, она быстро овладела собой.

— Как интересно, — пробормотала она.

Норман улыбнулся. Такую ненависть он понимал. И приписывать ее колдовству не было ни малейшей необходимости.

Пойдя на кухню, чтобы принести миссис Карр стакан воды, он столкнулся с миссис Ганнисон, которая выходила из спальни. Она засовывала в свою объемистую сумку какую-то книжку в кожаном переплете. Почему-то Норман подумал о дневнике Тэнси. Наверно, миссис Ганнисон захватила с собой адресную книгу; при чем здесь дневник?

Между ног миссис Ганнисон с шипением проскользнул Тотем.

— Ненавижу кошек, — процедила супруга декана и удалилась в гостиную.

Профессор Карр предложил сыграть последний

роббер так: мужчины за одним столом, женщины за другим.

— В вас говорит варвар, — поддела его Тэнси. — По-вашему, мы совсем не умеем играть в бридж.

— Наоборот, дорогая, я считаю, что вы играете великолепно, — возразил Карр. — Но буду откровенен: порой я предпочитаю играть с мужчинами. Мне легче читать на их лицах, тогда как женщины сбивают меня с толку.

— Так и должно быть, милый, — со смехом проговорила миссис Карр.

Карты неожиданно начали ложиться в поистине невозможных сочетаниях мастей, и игра приняла азартный характер. Однако Норман не в силах был сосредоточиться, а потому Соутелл, бывший его партнером, допускал промах за промахом.

Норман прислушивался к беседе женщин за соседним столиком. Его неугомонное воображение настырно выискивало скрытый смысл в самых невинных замечаниях.

— Обычно вам везет, Тэнси, а сегодня у вас словно что-то разладилось, — произнесла миссис Карр. Что она имела в виду?

— Не везет в картах… ну, вы знаете.

Как миссис Соутелл собиралась закончить

фразу? Повезет в любви? Повезет в ворожбе? Полнейший бред!

— Тэнси, вы дважды подряд пропустили взятку. Будьте внимательнее, не то мы догоним вас.

Какое значение может иметь слово «взятка» в лексиконе миссис Ганнисон? На что она намекает? На отказ от колдовства?

— Милочка, — пробормотала миссис Карр, — мне бы очень хотелось знать, какие у вас козыри и что вы замышляете.

Резиновая линейка, черт ее побери! Вот в чем беда воображения. Если мерить резиновой линейкой, слон будет не больше мыши, ломаная и кривая будут одинаково прямыми. Норман попытался обратиться мыслями к шлему, который разыгрывался на мужском столе.

— Наши дамы рассуждают о бридже как знатоки, — проговорил вполголоса Ганнисон.

Наконец все поднялись. Ганнисон с Карром, оживленно обсуждая подробности роббера, вышли в холл последними.

Норман вспомнил, о чем хотел спросить миссис Ганнисон.

— Гарольд говорил мне, что вы много снимали того каменного дракона, или кто он там, на крыше Эстри. Знаете, он располагается прямо

напротив окна моего кабинета.

Миссис Ганнисон как-то странно взглянула на него, потом кивнула.

— По-моему, одна фотография у меня с собой. Да, она была сделана около года назад.

Порывшись в сумочке, она протянула Норману помятый снимок.

Норман невольно вздрогнул. Бессмыслица какая-то! Вместо того чтобы помещаться посредине гребня или внизу его, дракон на снимке восседал чуть ли не на самом верху. Что же все это значит? Шутка, растянувшаяся на несколько недель? Или… Его рассудок взбрыкнул, словно норовистая лошадь. Однако… *Eppur si muove.*

Норман перевернул снимок. На обороте его красным карандашом было нацарапано что-то неразборчивое. Миссис Ганнисон забрала фотографию, чтобы показать ее остальным.

— Ветер воет, как заблудшая душа, — сказала миссис Карр, запахивая пальто, когда Норман открыл перед нею дверь.

— Судя по разговорчивости, женская, — прибавил со смешком ее супруг.

Гости удалились. Обняв мужа, Тэнси проговорила:

— Я, должно быть, старею, Норм. Сегодняшний

вечер не был испытанием, и даже вампирские замашки миссис Карр не задевали меня. Они все вдруг показались мне вполне приличными людьми.

Норман пристально посмотрел на жену. Она улыбалась. Тотем выбрался из своего укрытия и терся о ее ноги.

Пересилив себя, Норман кивнул.

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Но какао! Давай чего-нибудь выпьем.

7

Со всех сторон наседали тени, земля под ногами Нормана дрожала и проваливалась. Отвратительный рев, который, чудилось, возник заодно с миром, сотрясал его тело, однако не мог заглушить монотонного голоса, что приказывал Норману сделать что-то — что именно, он не в состоянии был понять, сознавал только, что исполнение приказа грозит ему бедой. Голос слышался так отчетливо, будто принадлежал кому-то сидящему в голове Нормана. Он попытался остановиться, свернуть с дороги, на которую направлял его голос, но чьи-то крепкие руки всякий раз возвращали его обратно. Он хотел оглянуться через плечо на того, высокого, кто стоял за спиной, но не нашел в себе достаточно смелости. Наседавшие тени на мгновение принимали вид чудовищных лиц: бездонные колодцы глаз, мясистые губы, густые гривы волос.

Ему никак нельзя подчиниться голосу. Но — он должен подчиниться. Норман отчаянно забился. Рев разрывал ему барабанные перепонки, тучи заволокли небо от края до края.

Внезапно из-за них проступили знакомые очер-

тания спальни, и Норман проснулся.

Он потер лоб, безуспешно пробуя припомнить, чего же добивался от него голос. В ушах все еще гремели громовые раскаты.

Сквозь занавески в комнату проникал неяркий уличный свет. Часы показывали без пятнадцати восемь.

Тэнси сладко спала, свернувшись калачиком и выпростав руку из-под одеяла. В уголках ее рта притаилась улыбка. Норман осторожно приподнялся — и наступил босой ногой на валявшийся у кровати гвоздь. Выругавшись про себя, он проковылял в ванную.

Впервые за несколько месяцев он порезался при бритье. Дважды новое лезвие скользнуло по щеке, отделяя крохотные кусочки кожи. Свирепо поглядев на вымазанное белым кремом и украшенное алыми разводами лицо в зеркале, Норман очень медленно провел бритвой по подбородку, но надавил слишком сильно и порезался в третий раз.

Когда он появился на кухне, вода, которую он поставил греться, закипела. Он стал наливать ее в кофейник; ручка кастрюли оторвалась, и кипяток выплеснулся ему на ноги. Тотем проворно отпрыгнул, потом бочком подобрался к

своему блюдцу с молоком. Норман выбранился, затем усмехнулся. Что он говорил Тэнси насчет злонамеренности вещей? Словно в качестве последнего доказательства собственной правоты, он, расправляясь с пирожным, прикусил язык. Злонамеренность вещей? Скорее уж злонамеренность человеческой психики! Где-то на грани сознания ощущалось присутствие некоего беспокойного, неопределенного чувства, как будто он нырнул в море и вдруг различил в толще воды громадную хищную рыбу. Остаток сна, что ли?

Похоже, это чувство состояло в родстве со смутной яростью, ибо, торопливо шагая на занятия, Норман неожиданно понял, что его больше не устраивает заведенный порядок, особенно в том, что касается образования. Былое студенческое недовольство лицемерием и соглашательством так называемого цивилизованного общества прорвало плотины, возведенные трезвой зрелостью, и хлынуло на волю. Нечего сказать, достойная у него жизнь для мужчины — втемяшивать знания в тупые головы многочисленных недорослей, среди которых хорошо если найдется хоть один более-менее толковый студент; играть в бридж со всякими сомнительными личностями; покорно внимать рассуждениям разных болванов вроде

Харви Соутелла; исполнять все, что предписывается правилами какого-то второразрядного колледжа. Ради чего?!

На небе, предвещая дождь, клубились тучи. Они напомнили Норману о его сне. Если бы не боязнь показаться смешным, он бы наверняка крикнул им что-нибудь обидное.

Мимо, негромко пофыркивая, прокатил грузовик, наведя Нормана на воспоминания о рисунках Ивлин Соутелл. Он проводил машину взглядом и, повернувшись, столкнулся с миссис Карр.

— Вы порезались, — сказала та, щуря глаза за толстыми стеклами очков.

— Да.

— Какое несчастье!

Он промолчал. Вместе они прошли под аркой ворот, разделявших Мортон и Эстри. Норман разглядел рыло каменного дракона, торчащее из-за водосточного желоба.

— Знаете, профессор Сейлор, я вчера хотела вам сказать, как я расстроена этим случаем с Маргарет Ван Найс, но не смогла выбрать подходящий момент. Мне очень жаль, что пришлось потревожить вас. Такое ужасное обвинение! Представляю, что вы чувствовали!

Она, должно быть, неверно истолковала его гримасу.

— Разумеется, я никогда не считала вас способным на что-либо подобное, однако мне подумалось, что рассказ девушки не может быть лживым от начала до конца. Она описывала все так подробно!

Глаза миссис Карр за стеклами очков были большими, как у совы.

— Должна вам признаться, профессор Сейлор, что некоторые девушки приезжают в Хемпнелл ужасно испорченными. Я прямо теряюсь в догадках, откуда они всего набираются.

— Хотите узнать?

Миссис Карр недоуменно воззрилась на него — сова при свете дня.

— Их портит, — проговорил Норман, — то самое общество, которое стремится одновременно поощрить и подавить одно из важнейших человеческих побуждений. Другими словами, их портят безнравственные взрослые.

— О, профессор Сейлор! Неужели…

— В Хемпнелле немало девушек, которые стали бы куда здоровее душой и телом, если бы пережили взамен придуманной любви настоящую. Кое-кто из них, надо отдать им должное, уже

сообразил, что к чему.

Он резко свернул к Мортону, оставив миссис Карр судорожно хватать ртом воздух. Сердце его билось учащенно, губы были плотно сжаты. Войдя в кабинет, он снял телефонную трубку и набрал внутренний номер.

— Томпсон? Это Сейлор. У меня для вас есть новости.

— Отлично. Какие же? — ответил Томпсон голосом человека, который сжимает в руке карандаш.

— Во-первых, тема моего выступления перед родителями студентов звучит так: «Досвадебные отношения и обучение в колледже». Во-вторых, мои друзья-актеры, Ателлы, будут примерно в то же время, то есть на следующей неделе, выступать в городе, и я приглашу их посетить колледж.

— Но… — Карандаш, по-видимому, выпал из разжавшихся пальцев.

— Все, Томпсон. Быть может, позже у меня найдется, чем еще порадовать вас, а пока до свидания.

Что-то укололо Нормана в руку. Оказывается, разговаривая по телефону, он забавлялся с обсидиановым ножом и порезал палец. Кровь

затуманила поверхность прозрачного вулканического стекла, на которой когда-то оставались следы жертвоприношений и прочих жестоких обрядов. В столе должен быть бинт… Норман безуспешно подергал запертый ящик, потом достал из кармана ключ и вставил его в замок. Когда он выдвинул ящик, глазам его предстал револьвер, который он отобрал у Теодора Дженнингса. Прозвенел звонок. Норман снова запер ящик, оторвал лоскут от носового платка, замотал им кровоточащий порез и вышел в коридор.

Там его поджидал Бронштейн.

— Мы с утра болели за вас, профессор Сейлор, — пробормотал он.

— Что вы имеете в виду?

Бронштейн позволил себе усмехнуться.

— Одна девушка, которая работает у президента, рассказала нам, что совет принял решение по кафедре социологии. Я надеюсь, у них достало здравого смысла выбрать вас.

— В любом случае я не собираюсь оспаривать их решения, — ответил Норман сдержанно.

Бронштейн понял, что его осаживают.

— Я вовсе не…

— Конечно нет.

Норман пожалел о своей суровости. С чего вдруг

он осуждает студента, переставшего взирать на опекунов как на исполнителей воли неведомого божества? Зачем притворяться, будто ему все равно? Зачем скрывать свое презрение к большинству преподавателей? Гнев, который он, как ему мнилось, подавил, вспыхнул с новой силой. Поднявшись в аудитории на кафедру, Норман отшвырнул конспект лекции и принялся излагать студентам свои мысли относительно Хемпнелла и белого света вообще. Пускай просвещаются!

Пятнадцать минут спустя он спохватился и запнулся на середине предложения, в котором упоминались «безнравственные старухи, чье стремление к власти в различных формах превратилось в навязчивую идею». Он не помнил и половины того, что наговорил. На лицах студентов читались восторг и удивление; некоторые, правда, выглядели шокированными. Грейсин Поллард буквально исходила злобой. Вот оно! Норман смутно припомнил, что мимоходом, но едко высмеял политические амбиции некоего президента некоего колледжа, в котором трудно было не узнать Рэндолфа Полларда. А еще он затронул вопрос о добрачных отношениях и был довольно откровенен, если не сказать больше. Вдобавок…

Короче, он взорвался. Как капля принца Руперта.

Норман закончил лекцию двумя-тремя общими фразами. Похоже, они лишь пуще озадачили аудиторию.

Ну и ладно, и наплевать. По позвоночнику, от шеи вниз, бежали мурашки, вызванные словами, которые внезапно вспыхнули в его сознании.

Слова были такие: «Ноготь подцепил нитку».

Он тряхнул головой, прогоняя наваждение. Слова исчезли.

До конца занятий оставалось около получаса. Норману необходимо было побыть одному. Он объявил, что сейчас будет контрольная, написал на доске два вопроса и ушел. Очутившись в кабинете, он заметил, что порезанный палец снова кровоточит, несмотря на повязку. Да и на меле была кровь.

На меле — и на обсидиановом ноже. Рука его потянулась было взять нож, однако тут же отдернулась. Норман сел в кресло и уставился невидящим взором на стол.

Все началось с Тэнси, сказал он себе, с ее липового колдовства. Значит, он был потрясен сильнее, чем осмеливался признаться. Зря он так торопился забыть об этом. А Тэнси? Она ведь

забыла, и как быстро! Нет, от одержимости избавляются месяцами, если не годами. Следовательно, нужно вновь поговорить с Тэнси, иначе бред не прекратится никогда.

О чем он думает! Как можно! В последние три дня Тэнси была такой веселой, такой беззаботной…

Но как ей удалось так скоро справиться с одержимостью? В этом есть что-то неестественное. Однако она улыбалась во сне. Но при чем здесь Тэнси? Не кто иной, как Норман Сейлор, ведет себя самым диковинным образом. Словно заколдованный… Тьфу ты! Вот до чего могут довести человека всякие болтливые старухи, всякие драконы…

Его так и подмывало взглянуть в окно, и он уже поддавался побуждению, когда зазвонил телефон.

— Профессор Сейлор? Я по поручению президента Полларда. Он приглашает вас к себе. Когда вы сможете подойти? В четыре часа? Хорошо, спасибо.

Усмехнувшись, Норман откинулся в кресле. Что ж, по крайней мере кафедру он получил.

На улице потемнело. Рваные тучи спускались все ниже. По тротуарам, спеша укрыться от при-

ближающегося дождя, бежали студенты. А дождь, как нарочно, дотянул почти до четырех.

Когда Норман поднимался по ступенькам административного корпуса, на землю упали первые капли. Громыхнул гром; звук был такой, словно ударились друг о друга огромные металлические листы. Норман остановился полюбоваться зрелищем. Вспышка молнии залила холодным светом готические шпили и крыши. Снова раздался грохот. Только сейчас Норман вспомнил, что не закрыл окно в кабинете. Впрочем, там нет ничего такого, что испортилось бы от сырости.

По крыльцу, завывая, носился ветер. Отнюдь не мелодичный голос, прозвучавший над ухом Нормана, чем-то смахивал на отдаленный раскат грома.

— Ну, как вам гроза?

Ивлин Соутелл улыбалась. Черты ее лица утратили привычную жесткость, и она выглядела точь-в-точь как лошадь, которую зачем-то научили смеяться.

— Вы, разумеется, слышали? — спросила она. — Про Харви?

Соутелл вынырнул из-за спины супруги; он тоже улыбался, но как-то встревоженно. Пробормотав что-то неразборчивое, он протянул руку.

Ивлин не сводила с Нормана глаз.

— Разве не замечательно? — сказала она. — Мы, конечно, рассчитывали, однако…

Норман сообразил, в чем дело. Он заставил себя пожать руку Харви. Тот зарделся от смущения.

— Поздравляю, старина.

— Я горжусь Харви, — сообщила Ивлин таким тоном, словно говорила о маленьком мальчике, которого наградили за примерное поведение.

Тут она заметила перевязанный палец.

— О, вы поранились, — ухмылка точно приклеилась к ее лицу. Ветер взвыл особенно громко. — Пошли, Харви!

Она спустилась со ступенек под дождь так величественно, будто никакого дождя и не было.

Харви изумленно воззрился на нее, потом впопыхах извинился перед Норманом, махнул рукой и устремился вослед жене.

Норман проводил их взглядом. Было что-то впечатляющее в том, как шагала сквозь пелену дождя Ивлин Соутелл, решив, по-видимому, промокнуть сама и промочить до нитки мужа. Он увидел, как Харви тщетно торопил ее. Сверкнула молния, но Ивлин не обратила на нее ни малейшего внимания. Норман вновь ощутил глубоко внутри себя непривычное, щемящее

душу чувство.

Значит, теперь этот олух будет главным на кафедре? Тогда какого черта нужно от меня Полларду, подумал Норман. Хочет выразить соболезнования?

Приблизительно через час он вылетел из кабинета Полларда, кипя от гнева и не понимая, почему не написал прямо там заявления об увольнении. Оправдываться, как какой-нибудь школьник, опровергать наветы разных мерзавцев вроде Томпсона, миссис Карр и Грейсин Поллард, выслушивать скучные нравоучения и бестолковые рассуждения по поводу его «отношения к делу» и «моральных устоев», а также «хемпнелловского духа»!

Впрочем, зато и он доказал, что не является бессловесной пешкой. Он сумел вывести президента из себя; недаром в голосе того зазвучали нотки раздражения, а кустистые брови так и ходили вверх-вниз!

Коридор привел Нормана к кабинету декана мужского отделения, у двери которого стояла миссис Ганнисон. Она похожа на большого слизняка, подумал он, замечая перекрученные чулки, набитую, словно мусорный пакет, сумку, неизменную камеру на плече. Его озлобление нашло

себе выход.

— Да, я порезался! — бросил он, уловив ее взгляд. Голос его был хриплым от крика, на который он не раз срывался в разговоре с Поллардом.

Поймав промелькнувшее воспоминание, он произнес, не отдавая себе отчета в том, что говорит:

— Миссис Ганнисон, вчера вечером вы… по ошибке… забрали дневник моей жены. Будьте любезны, верните его.

— Вы ошибаетесь, — ответила она.

— Я видел его у вас в руках, когда вы выходили из спальни.

Ее глаза сузились.

— Тогда вам следовало упомянуть об этом накануне. Вы переутомились, Норман. Я понимаю, — она кивнула в направлении кабинета Полларда. — Разочаровываться всегда тяжко.

— Я прошу вас вернуть дневник!

— …И перевяжите получше палец, — продолжала она, будто не слыша. — Ранка кровоточит, и в нее может попасть инфекция.

Он повернулся и пошел прочь. Отражение миссис Ганнисон в стекле входной двери ласково улыбнулось ему.

Оказавшись на улице, Норман посмотрел на

свою руку. Должно быть, ранка открылась, когда он стукнул кулаком по столу Полларда. Он туже затянул повязку.

Гроза миновала. Небо на западе приобрело под низкими тучами оттенок расплавленного золота. Мокрые крыши и верхние ряды окон сверкали в лучах заходящего солнца. С веток деревьев падали на землю серебристые капли. Из женского общежития донесся взрыв смеха, который ничуть не нарушил установившейся тишины. Норман пожал плечами и огляделся, впитывая всеми порами красоту освеженной природы.

Он гордился своей способностью наслаждаться мгновением. Она представлялась ему одним из главных признаков зрелости.

Он попытался думать, как художник, — определять тона и полутона, распознавая в тенях намеки на бледно-розовое или зеленоватое свечение. Все-таки в готической архитектуре есть своя прелесть. Она лишена функциональности, зато глаз отдыхает на ее замысловатых образчиках. Взять хотя бы флероны, что венчают крышу Эстри… И тут ему почудилось, будто обагренные закатным солнцем здания Хемпнелла превратились в подобия адских котлов, а звонкий девичий смех обернулся вдруг бесовским улюлюканьем.

Не сознавая, что делает, он свернул в сторону, сошел с асфальта и ступил на траву.

Зачем возвращаться в кабинет? Заметки он успеет набросать и завтра. И почему бы не пойти домой другой дорогой? Разве обязательно проходить через ворота между Эстри и Мортоном, под их мрачной аркой? Почему…

Он заставил себя поднять взгляд на раскрытое окно кабинета. Конечно же, там никого не было. Видимо, зрение его на какой-то миг затуманилось, а разыгравшаяся фантазия не замедлила этим воспользоваться.

Воображение — штука ненадежная, оно часто вынуждает пугаться простой тени.

Однако вряд ли тень поползла бы по карнизу вдоль окна. Вряд ли она передвигалась бы так медленно, вряд ли имела бы столь четкие очертания.

А как она ждала, всматриваясь в глубину кабинета, прежде чем проникнуть внутрь! Словно… словно…

Да нет, ерунда все это. Короче, заметки вполне можно оставить до завтра, и окно — тоже. Никуда они не убегут.

Вдали глухо прогремел гром.

…словно огромная ящерица цвета каменной

статуи.

8

«А потому считалось, что его душа перетекла в камень. Если камень треснет, дикарь увидит в том недобрый знак; в таких случаях обычно говорят, что камень раскололся от грома и что тот, кто владеет им, скоро умрет...»

Бесполезно. Буквы расплывались перед глазами!. Норман отложил «Золотую ветвь» [6] и откинулся в кресле. Где-то на востоке все еще погромыхивала гроза. Домашнее кресло с его потертой кожаной обивкой и удобными подлокотниками внушало чувство безопасности.

Из чисто интеллектуального любопытства Норман попробовал истолковать события трех последних дней с точки зрения колдуна.

Каменный дракон явно связан с симпатической магией. Миссис Ганнисон оживила его посредством своих фотографий — старинный способ воздействия на предмет через его образ, вроде втыкания иголок в восковую куклу. Быть может, она соединила несколько снимков в еди-

---

6 notes: 6

«Золотая ветвь» — книга известного английского этнографа Джеймса Д. Фрэзера о происхождении религии.

ное целое, чтобы создать картину движения. Или ухитрилась сфотографировать обстановку его кабинета, а потом наложила на снимок изображение дракона. Разумеется, бормоча подходящие заклинания. Или же, что вероятнее всего, сунула фотографию дракона ему в карман. Норман зашарил было пс карманам, но вовремя вспомнил, что на деле он только лишь развлекает псевдонаучными домыслами свой утомленный мозг.

Однако продолжим. С миссис Ганнисон разобрались, теперь очередь Ивлин Соутелл. Запись звуков, издаваемых трещоткой, первобытным средством вызывания дождя, вчерашний ветер, сегодняшняя гроза — для всего можно подыскать магическое объяснение. А рев, который он слышал во сне?.. Норман поморщился.

Тэнси на заднем крыльце звала Тотема, стуча ложкой по оловянной миске.

То, что случилось сегодня — обсидиановый нож, бритва, гвоздь на полу, отломившаяся ручка кастрюли, спичка, которая обожгла ему пальцы пару минут назад, — относится к иной разновидности магии.

Бритву, наверно, заколдовали: в древности такое бывало с мечами и топорами, которые оборачивались против тех, чьи руки их вздымали.

Обсидиановый нож с пятнами крови на лезвии кто-то, по-видимому, выкрал и опустил в воду, чтобы кровь из ранки не переставала течь. Кстати говоря, вполне обоснованное суеверие.

По улице бежала собака, звучно плюхая по многочисленным лужам.

Тэнси никак не могла дозваться Тотема.

Быть может, некий чародей повелел ему уничтожить себя по кусочкам — по миллиметрам, принимая во внимание толщину бритвенного лезвия? Не этого ли добивался голос, который что-то требовал от него во сне?

Собака свернула за угол, ее когти царапнули по асфальту. Норман поежился.

Карты таро, нарисованные миссис Соутелл, являются, судя по всему, своего рода управляющим механизмом. Фигура человека под грузовиком наводит на малоприятные мысли, если вспомнить о его иррациональном страхе перед рычащими махинами.

Нет, на собаку не очень-то похоже. Вероятно, соседский мальчишка тащит домой какую-нибудь дрянь. Он просто обожает всякий мусор.

— Тотем! Тотем! Ну ладно, будь по-твоему! — задняя дверь захлопнулась.

Наконец, ощущение того, что за спиной сто-

ит некто — высокий, готовый схватить. Как бы резко Норман ни оборачивался, ему ни разу не удалось разглядеть неведомое существо. Не оно ли вещало во сне тем повелительным голосом? Если так, то…

Норман не выдержал. Хорошенькое занятие для ученого, нечего сказать! Он затушил сигарету.

— Мое дело было позвать, а там — как хочет, — Тэнси присела на подлокотник кресла и положила руку на плечо Норману. — Как успехи?

— Не слишком, — отозвался он.

— Кафедра?

Он кивнул.

— Назначили Соутелла.

Тэнси негромко выругалась.

— Что, снова захотелось поколдовать? — неожиданно сорвалось у него с языка.

Она внимательно взглянула на него.

— Ты о чем?

— Да так, пошутил.

— Правда? Я знаю, все эти дни ты беспокоился за меня. Боялся, что я закачу истерику, и все высматривал первые признаки. Не надо, милый, не оправдывайся. Твое недоверие было вполне справедливым. С твоими познаниями в психиатрии ты не в силах был поверить, что одержимость

прошла так быстро и легко. Но я была по-настоящему счастлива, и твоя подозрительность не задевала меня. Я была уверена, что она скоро исчезнет.

— Милая, признаюсь честно, я и не думал тебя подозревать, — проговорил он. — Даже и не помышлял.

Серо-зеленые глаза Тэнси были загадочными, как взгляд сфинкса.

— Что же тогда тебя тревожит?

— Ничего, — вот здесь следует быть как можно осмотрительнее.

Она покачала головой.

— Не обманывай. Ты волнуешься. Если из-за того, о чем ты мне до сих пор не рассказал, то не изводи себя. Мне давно все известно.

Норман вздрогнул.

Тэнси кивнула.

— Да. И про кафедру, и про студента, который стрелял в тебя, и про эту девушку, Ван Найс. Неужели ты думал, что в Хемпнелле не найдется доброхотов, чтобы поведать мне о столь значительных событиях? — Она усмехнулась. — Не пугайся, я знаю, что не в твоих привычках обольщать любвеобильных секретарш — по крайней мере невротички не в твоем вкусе. — Она снова

посерьезнела. — Все это мелочи, на которые наплевать и забыть. Ты не рассказывал мне о них потому, что опасался, как бы я не кинулась вновь защищать тебя. Правильно?

— Да.

— Однако мне кажется, что твое беспокойство имеет более глубокие корни. Я чувствовала вчера и чувствую сегодня, что ты хочешь, но никак не решишься обратиться ко мне за помощью.

Он помолчал, прежде чем ответить, посмотрел жене в лицо, словно стремясь угадать, что таится под внешней невозмутимостью Тэнси. Хотя она и уверяет его в обратном, ее рассудок скорее всего держится где-то на грани безумия. Одно неосторожное движение, одна необдуманная фраза, и… Как только он умудрился так запутаться в пустяковых трудностях, созданных большей частью его собственным взбудораженным воображением? Лишь несколько дюймов отделяют его от единственной в мире женщины, которая для него что-то значит, женщины с гладким лбом и чистыми серо-зелеными глазами. Он должен отвлечь ее от тех нелепых, смехотворных мыслей, которые осаждают ее столько дней подряд.

— Если говорить откровенно, — произнес он, — я тревожился за тебя, опасался за твое здоровье.

Наверно, это было неразумно — ты ведь все равно ощутила мою тревогу. Но тем не менее я выбрал именно такой путь.

До чего же легко, подумалось вдруг ему, убедительно лгать тем, кого любишь.

Тэнси как будто сомневалась.

— Правда? — спросила она. — Сдается мне, ты что-то скрываешь от меня.

Он крепко обнял ее, и она улыбнулась.

— Должно быть, во мне проснулись Макнайты, мои шотландские предки, — сказала она со смехом. — Они были упрямы как бараны. У нас в родне все такие: мы безоглядно увлекаемся, но если излечиваемся, то сразу и полностью. Помнишь моего дядюшку Питера, который в свои семьдесят два года, будучи священником пресвитерианской церкви, сложил с себя сан и порвал с христианством в тот самый день, когда взял да и решил, что Бога не существует.

Вдалеке басовито прогремел гром.

Гроза возвращалась.

— Я рада, что ты беспокоился за меня, — продолжала Тэнси, — что ты обо мне заботишься.

Она улыбалась, но взгляд ее по-прежнему оставался загадочным, словно хранил какую-то тайну. Поздравляя себя с тем, что довольно

успешно выпутался из сложного положения, Норман внезапно сообразил, что в игру, которую он затеял, можно играть и вдвоем. Чтобы ободрить его, Тэнси не задумается умолчать о собственных треволнениях. Выходит, она перехитрила его? С чего он взял?..

— Не выпить ли нам? — предложила Тэнси. — А потом давай обсудим, стоит тебе в этом году покидать Хемпнелл или нет.

Он кивнул. Тэнси направилась на кухню.

Можно прожить с человеком в любви и согласии пятнадцать лет, и все-таки порой он будет приводить тебя в смущение.

Зазвенели стаканы, послышалось умиротворяющее бульканье.

Неожиданно, в унисон с раскатом грома, раздался пронзительный вопль. Кричало животное. Норман не успел еще вскочить, как вопль затих.

Из кухни до задней двери было ближе, поэтому Тэнси чуть опередила мужа.

В желтом свете из окон дома напротив Норман увидел распростертого на земле Тотема. Голова кота была расплющена чем-то тяжелым.

Из горла Тэнси вырвалось то ли рыдание, то ли рычание.

Впрочем, свет выхватил из мрака не только

кошачий труп. Норман встал так, чтобы закрыть от Тэнси две глубокие вмятины в асфальте.

Их проделал, вероятно, тот же камень, который оборвал жизнь Тотема; однако в расположении вмятин было нечто, наталкивавшее на странные мысли, поэтому Норман и загородил их от Тэнси.

Она огромными от ужаса глазами посмотрела на мужа. В лице ее не было ни кровинки.

— Ступай в дом, — проговорил он.

— Ты…

— Да, — кивнул он.

Поднявшись по ступенькам, она остановилась.

— Мерзавцы, какие мерзавцы!

— Да.

Тэнси оставила дверь открытой. Мгновение спустя она вынесла на крыльцо подстилку, повернулась и захлопнула за собой дверь.

Норман закатал тельце кота в подстилку и пошел в гараж за лопатой. Он не стал тратить время на поиски камня, кирпича или иного орудия убийства и предпочел не рассматривать вблизи примятую траву за оградой.

Когда он принялся копать яму, в небе засверкали молнии. Накинув на мысли узду, чтобы не мешали, он работал споро, но без излишней спешки. Вспышки молний становились все ярче,

а мрак в промежутках между ними делался все гуще. Ветер закружил в воздухе листву.

Норман не торопился. Какая ему разница, если молния высветила крупную собаку у парадной двери его дома? По соседству живет немало крупных собак, но все они отличаются добродушием, да и Тотем погиб явно не от собачьих клыков.

Молния полыхнула ослепительно ярко. Норман мельком увидел, как пес скрылся за углом дома. Пес цвета каменной статуи, ковылявший на негнущихся ногах. Норман быстро задвинул засов.

Тут он вспомнил, что окна в его домашнем кабинете распахнуты настежь. Скорее! Оно может проникнуть внутрь.

9

Когда Норман вошел в гостиную, на лице его не было и следа того смятения, которое переполняло душу. Тэнси сидела на стуле с прямой спинкой и, слегка подавшись вперед, глядела в пространство. Пальцы ее перебирали бечевку.

Норман закурил.

— Тебе чего-нибудь налить? — спросил он, стараясь, чтобы его голос прозвучал ровно.

— Спасибо, не надо. Налей себе, — отозвалась она, заплетая и снова расплетая узлы на бечевке.

Норман опустился в кресло и подобрал брошенную книгу. Со своего места он мог без помех наблюдать за женой.

Теперь, когда не нужно было ни копать могилу, ни заниматься какой-либо другой механической работой, мысли все настоятельнее требовали к себе внимания. Ему удалось, однако, заключить их в герметичную сферу в глубине своего черепа, где они и вращались, бессильные изменить выражение его лица или воздействовать на те раздумья, которые касались Тэнси.

Колдовство существует, голосили мысли, заключенные в сфере. Повинуясь ему, нечто

соскользнуло с крыши. Женщины — ведьмы, что сражаются за своих мужчин. Тэнси была ведьмой. Она оберегала тебя, а ты принудил ее прекратить.

Но тогда, отозвалась вторая половина его мозга, почему она словно не замечает происходящего вокруг? Ведь нельзя же отрицать, что она до недавних пор была весела и счастлива.

Ты уверен, что она не замечает? Вполне возможно, что, расставшись с колдовскими принадлежностями, она утратила свое ведьминское чутье. Ученый без инструментов — все равно что дикарь: без микроскопа ему не различить бактерий брюшного тифа, без телескопа не увидеть спутников Марса. Его собственные органы чувств могут быть развиты куда хуже, чем у дикаря.

Запертые в голове мысли жужжали словно пчелы, которые ищут выход из закупоренного улья.

— Норман, — произнесла Тэнси, не глядя на мужа, — ты сжег тот амулет в медальоне, правда?

— Правда, — ответил он после непродолжительного молчания.

— Я совсем забыла про него. Их было так много.

Норман перелистнул страницу. Прогремел гром, по крыше дома застучал дождь.

— Норман, а дневник ты тоже сжег? Ты поступил правильно. Я хотела сохранить его, потому что в нем не было записано заклинаний — одни формулы. Я пыталась убедить себя, что это как бы не считается. Но ты молодец. Ты ведь сжег его, да?

Норман чувствовал себя так, будто они играли в «холодно — горячо» и Тэнси подбиралась все ближе к «горячему». Мысли в сфере торжествующе загудели: миссис Ганнисон взяла-таки дневник. Ей известны защитные чары Тэнси.

Однако вслух он солгал:

— Да, сжег. Извини, но мне…

— Ты был прав, — перебила Тэнси, — от начала и до конца.

Пальцы ее двигались с потрясающей быстротой, хотя она вовсе не смотрела на бечевку.

В окне при вспышках молний возникала улица с черными рядами деревьев. Дождь перешел в ливень. Норману почудилось, будто кто-то скребется под дверью. Наверняка послышалось; дождь и ветер производили столько шума, что впору было затыкать уши. Немудрено вообразить себе невесть что.

Его взгляд задержался на узлах, которые вывязывали неутомимые пальцы Тэнси. То были

хитроумные, замысловатые на вид узлы; тем не менее они распадались при одном-единственном рывке. Рассматривая их, Норман вспомнил, с каким прилежанием изучала Тэнси «кошачью колыбельку» индейцев. А еще память услужливо подсказала ему, что при помощи различных узелков первобытные люди поднимали и успокаивали ветер, крепили любовные узы, приканчивали на расстоянии врагов — словом, широко и повсеместно пользовались ими. А парки [7] плели нити судьбы. Чередование узлов на бечевке, ритмические движения рук Тэнси унимали тревогу и как будто обещали безопасность. Если бы узлы не распадались!

— Норман, — пробормотала Тэнси, не отрываясь от работы, — на какую фотографию Хульды Ганнисон ты хотел взглянуть вчера вечером?

На мгновение ему стало страшно. Она близко, очень близко. В игре в таких случаях уже кричат: «Горячо!»

В этот миг отчаянно заскрипели доски парадного крыльца: что-то массивное перемещалось вдоль фасада. Сфера, где томились возбужденные

---

7 notes: 7

Парки — богини судьбы в греческой мифологии. [*]

*** notes: ***

Все-таки в римской. В греческой мифологии Мойры. прим.Joe-Jim

мысли, начала поддаваться их напору. Здравомыслие оказалось словно между молотом и наковальней. Норман легонько стукнул сигаретой по краю пепельницы.

— На снимок крыши Эстри-холла, — ответил он небрежно. — Ганнисон сказал мне, что у Хульды много подобных фотографий, вот я и попросил ее показать, если можно так выразиться, образец.

— На нем присутствует какое-то существо? — Узлы появлялись и пропадали в долю секунды. Внезапно Норману почудилось, будто пальцы Тэнси крутят не только бечевку; у него возникло странное ощущение: словно узлы непонятным образом создают своего рода индукцию; так электрический ток, двигаясь по искривленному проводу, порождает многослойное магнитное поле.

— Нет, — сказал он, заставляя себя улыбнуться, — если не считать парочки каменных драконов.

Норман не сводил взгляда с бечевки. Порой она как будто сверкала, словно в ней имелась металлическая нить. Раз обычные узлы на обычных веревках могут служить колдовским целям, повелевать, например, ветрами, то на что способна бечевка с металлом внутри? Притягивать

молнии?

Оглушительно прогрохотал гром. Должно быть, молния ударила где-то по соседству. Тэнси не пошевелилась.

— Прямо ураган, — буркнул Норман. Неожиданно к замирающим вдали раскатам грома добавился новый звук: чавкнула сырая земля под окном, которое находилось за спиной Нормана.

Он встал и, хотя ноги его не слушались, сделал несколько шагов по направлению к окну, словно для того, чтобы выглянуть наружу. Проходя мимо Тэнси, он заметил, что ее пальцы плетут узел, похожий на диковинный цветок, с семью петлями вместо лепестков. Глаза Тэнси были пусты, как у сомнамбулы. Норман загородил собой окно.

Следующая вспышка молнии высветила то, что он и рассчитывал увидеть. Тупорылая морда прильнула к стеклу, задние лапы наполовину согнулись перед прыжком.

Заключенные в сфере мысли вырвались на волю и мгновенно заполонили весь мозг, поглотив остатки здравого смысла.

Норман оглянулся. Руки Тэнси замерли. Между ними повис причудливый семилепестковый узел.

Отворачиваясь, он краешком глаза уловил

движение: лепестки дрогнули, но узел сохранил форму.

На улице сделалось светло как днем. Ослепительная молния вонзилась в росший напротив дома вяз и разделилась на три или четыре серебристых стрелы, которые перелетели через улицу и воткнулись в поднявшегося на дыбы перед окном каменного дракона.

Норману показалось, что он угодил под оголенный провод.

В мозгу его, словно выжженная там, запечатлелась невероятная картина: стрелы молнии поражают дракона, как будто влекомые к нему неведомой силой.

Мысли, которые лишь недавно обрели свободу, исчезли неизвестно куда.

Норман судорожно сглотнул. Хриплый смех, которым он разразился, заглушил отзвуки громового раската. Он распахнул окно, схватил настольную лампу, сорвал с нее абажур и высунулся на улицу.

— Погляди, Тэнси! — крикнул он, давясь от смеха. — Погляди, что натворили эти чокнутые студенты! Наверно, я здорово разозлил их, если они приволокли сюда эту штуку! Ну и ну! Придется утром звонить в строительное управление,

чтобы ее увезли.

Дождь хлестал ему в лицо, в ноздри ударил запах разогретого металла. Он ощутил на своем плече руку Тэнси.

Дракон стоял у стены, массивный и неподвижный, как и положено неорганическому образованию. Каменное тело в некоторых местах почернело и оплавилось.

— Снова совпадение? — выдохнул Норман. — Молния попала именно в него!

Подчиняясь внезапному побуждению, он протянул руку и коснулся дракона. Пальцы его ощутили грубую поверхность, и он будто поперхнулся собственным смехом.

— *Eppur si muove*, — пробормотал он так тихо, что даже Тэнси рядом не услышала. — *Eppur si muove.*

10

Вид, в котором Норман на следующий день появился на занятиях, подходил, скорее, солдату, утомленному вереницей непрерывных боев, нежели профессору Хемпнелла. Спал он долго и без сновидений, однако выглядел так, словно валится с ног от усталости и нервного истощения. Впрочем, так оно и было на самом деле. Даже Гарольд Ганнисон поинтересовался, что случилось.

— Ничего, — ответил Норман. — Просто лень обуяла.

Ганнисон скептически усмехнулся.

— Вы слишком много работаете, Норм, и гробите себя. Советую пересмотреть режим. Ваша работа отнюдь не проголодается, если вы будете кормить ее восемь часов в день.

Опекуны — странные люди, — продолжил он с напускным безразличием. — А Поллард в известном смысле больше политик, чем педагог. Однако он добывает деньга, а иначе кому понадобились бы президенты колледжей?

Норман был благодарен Ганнисону за столь тактичное соболезнование по поводу уплывшей от него кафедры социологии, поскольку пони-

мал, каких усилий стоило Гарольду хоть в чем-то покритиковать Полларда. Но его будто отделяла от Ганнисона и от многочисленных студентов в ярких одеждах высокая стеклянная стена.

Единственное, что ему хотелось, да и то довольно смутно, — продлить состояние отупелости, в котором он пребывал со вчерашнего вечера, и ни о чем не думать.

Думать опасно, твердил он себе, опаснее, чем сидеть на атомной бомбе. Он чувствовал, как роятся в мозгу мысли — безвредные, пока к ним не прислушиваешься, но чреватые угрозой душевному здоровью.

Одна из них осталась в сознании с прошлой ночи. Норман был рад, что ему удается не подпускать ее.

Другая относилась к Тэнси: чем вызвано ее бурное веселье за завтраком?

Третья была запрятана так глубоко, что он видел мысленным взором лишь часть ее округлой поверхности. Он знал, что она связана с тем яростным, разрушительным чувством, какое он неоднократно ощущал вчера, и догадывался, что ее ни в коем случае нельзя трогать. Она размеренно подрагивала, словно омерзительное чудище, что дремлет в болотной жиже.

Четвертая касалась «ладошек» — «ладошек» во фланелевых перчатках.

Пятая — крохотная, но очень важная — содержала какие-то сведения насчет карт.

Всего же мыслей было неисчислимое множество.

Норман попал в положение героя древней легенды, которому предстоит пройти длинным и узким коридором, избегая прикосновения к ядовитым стенам.

Он понимал, что не сможет бесконечно увиливать от мыслей, но мало ли что произойдет за то время, пока он в силах избегать встречи с ними?

День выдался под стать его сверхъестественно мрачному настроению. Вместо холодов, которые, казалось, предвещала гроза, в воздухе запахло летом. Резко возросло число прогулов. Те же студенты, которые добирались-таки до аудиторий, витали в облаках и демонстрировали все прочие признаки весенней лихорадки.

Один лишь Бронштейн сумел устоять и не разомлеть. Он то и дело отводил в сторонку, по двое или по трое, других студентов и о чем-то оживленно шептался с ними. Норман вскоре выяснил, что он подбивает сокурсников обратиться к президенту с ходатайством о переизбрании Соутелла.

Подозвав Бронштейна, Норман выговорил ему и предложил прекратить свою деятельность, но тот отказался. Похоже было, впрочем, что никто не откликнулся на его призыв.

Лекция Нормана была вялой и монотонной. Он удовлетворился тем, что преобразовал свои заметки в полновесные предложения, затратив на это минимум умственных усилий. Одни студенты записывали его слова, другие, судя по движениям их ручек, лениво чертили некие абстрактные фигуры. Две девушки тщились изобразить чеканный профиль президента студенческого братства, который сидел во втором ряду. Норман заметил, как наморщились их лобики, когда они уловили обрывок лекции; однако морщины тут же разгладились, и девушки вернулись к прерванному занятию.

Норман загонял неотвязные мысли в самые темные уголки своего сознания. Откровенно говоря, мыслями их назвать было трудно; скорее, это были отдельные слова, вызывавшие к жизни смутные образы, точь-в-точь как в ассоциативном тесте.

Он вспомнил расхожую шутку: мол, лекцией именуется процесс переноса содержимого профессорской записной книжки в тетради сту-

дентов, который одинаково бесполезен для обеих сторон. Отсюда было рукой подать до мысли о мимеографии.

Мимеография. Маргарет Ван Найс. Теодор Дженнингс. Пистолет. Подоконник. Галилей. Надпись (ну-ка, прочь отсюда! Запретная территория).

Один сон наяву сменился другим. Дженнингс. Ганнисон. Поллард. Президент. Император. Императрица. Жонглер. Башня. Повешенный… Стой! Ни шагу дальше!

День продолжался. Сны наяву постепенно приобретали однообразную расцветку.

Пистолет. Нож. Серебро. Разбитое стекло. Гвоздь. Столбняк.

После лекции он засел в кабинете и сознательно завалил себя всякими мелкими делами, да так, что временами забывал, чем вообще занимается. Однако сны наяву не отпускали его.

Война. Искалеченные тела. Увечья. Убийства. Веревка.

Повешенный (опять не туда!). Газ. Пистолет. Яд.

Они были цвета крови и смерти.

Норман все отчетливее ощущал ритмичное дыхание чудовища в глубинах своего мозга — чудовища, что грезило о кровавой бане и прохлад-

ной болотной жиже. Он был бессилен одолеть эту тварь. Ему чудилось, будто он неосторожно ступил ногой в топь и та потихоньку, незаметно, засасывает его и вскоре поглотит без следа.

По дороге домой Норман столкнулся с мистером Карром.

— Добрый вечер, Норман, — поздоровался тот, приподнимая панаму и заодно вытирая ею лоб, который почти сливался со значительных размеров лысиной.

— Добрый вечер, Линтикум, — отозвался Норман, размышляя, какой нужно отрастить ноготь, чтобы, как следует заточив его, человек мог взрезать им себе вены.

Мистер Карр провел платком по шее ниже бородки.

— Я в восторге от бриджа, — сказал он. — Может быть, нам четверым собраться вместе, когда наши дамы в следующий четверг отправятся на встречу преподавательских жен? Мы с вами сядем друг против друга и будем разыгрывать партии прямо по Калбертсону. Мне надоело все время играть по Блэквуду [8].

Норман кивнул, однако думал он о том, что

---

8 notes: 8

Калбертсон и Блэквуд — авторы популярных учебников по бриджу.

люди научились в крайних обстоятельствах проглатывать языки, обрекая себя тем самым на смерть от удушья. Он попытался приструнить расшалившийся рассудок. Подобные мысли годились разве что для палача из концентрационного лагеря. Но у него ничего не вышло. Дыхание чудовища сделалось оглушительно громким. Мистер Карр вежливо кивнул на прощание и свернул в сторону. Норман пошел быстрее, как будто ядовитые стены прохода, которым двигался легендарный герой, вдруг начали сжиматься; если он хочет выбраться, ему нужно поспешить.

Знакомая студентка изумленно воззрилась на Нормана — или на что-то у него за спиной. Он миновал ее чуть ли не бегом.

На светофоре загорелся красный. Что ж, придется подождать. К перекрестку на приличной скорости приближался большой красный грузовик.

И тут Норман догадался, что должно произойти. Он понял, что не сумеет остановить себя.

Он собирался дождаться, пока грузовик не окажется совсем рядом, а потом прыгнуть под колеса. Конец прохода.

Вот что означал пятый рисунок, карта таро, которой не было в традиционной колоде.

Императрица — Жонглер… Грузовик надвигался. Башня… Свет переключился на желтый, но грузовик не снижал скорости. Повешенный…

Он подался вперед, переминаясь с ноги на ногу, — и услышал голос, ровный и в то же время насмешливый, голос из своего сна:

— Еще две недели. Еще две недели.

Норман выпрямился. Грузовик скрылся за поворотом.

Он огляделся. Никого, если не считать мальчишки-негра и оборванного старика с хозяйственной сумкой. Оба они достаточно далеко. Его прошиб холодный пот.

Галлюцинация, сказал он себе. Голос шел изнутри его головы. Однако, пересекая улицу и подходя к дому, он продолжал настороженно осматриваться. Едва войдя домой, он налил себе изрядную дозу виски, бутылку с которым Тэнси почему-то оставила на шкафу, и разбавил ее содовой. Осушив стакан одним глотком, Норман сделал еще один коктейль, пригубил и с сомнением поглядел на жидкость за стеклом.

Снаружи послышался визг тормозов, а в следующий миг в гостиную, держа в руке пакет, вбежала Тэнси. Она улыбалась, лицо ее раскраснелось. Облегченно вздохнув, она положила

пакет на стол и откинула челку со лба.

— Ну и гадкий день! Я так и думала, что ты захочешь выпить. Если не возражаешь, я присоединюсь.

Когда она поставила стакан обратно, в нем не было ничего, кроме льда.

— Теперь мы с тобой братья по крови — или по виски. Налей себе еще.

— Ты допила мой второй.

— А я-то думала ублажить тебя! — Тэнси присела на край стола и погрозила Норману пальцем. — Слушайте, мистер, вам надо отдохнуть. Или развлечься. Вероятнее всего, и то и другое. Предлагаю вот что: я приготовлю сэндвичей, а когда стемнеет, мы возьмем машину и поедем на Хилл. Мы не были там уже сотню лет. Ну так как, мистер?

Норман заколебался. Подстегнутые алкоголем, мысли его разбегались и путались. Какая-то часть его мозга напряженно размышляла над пережитой галлюцинацией и столь неожиданно проявившимся стремлением к самоубийству. Но другая, большая, постепенно заражалась весельем Тэнси.

— Ну? — Тэнси ущипнула его за нос.

— Идет, — сказал он.

— Прояви же хоть капельку интереса! — Она спрыгнула со стола и устремилась на кухню, загадочно бросив через плечо: — Впрочем, всему своя пора.

Тэнси выглядела очень соблазнительно. Норман смотрел на нее так, словно их свадьба состоялась лишь вчера, а не пятнадцать лет назад. Он видел ее в сотый первый раз.

Испытывая наконец некое подобие облегчения, он опустился в кресло. Что-то твердое и угловатое уперлось ему в бедро. Он вскочил, сунул руку в карман брюк и извлек оттуда револьвер Теодора Дженнингса.

Норман испуганно уставился на оружие, будучи не в состоянии вспомнить, когда он достал его из стола в своем рабочем кабинете. Потом, бросив взгляд в сторону кухни, он подкрался к серванту, открыл нижний ящик и запихнул пистолет под лежащее в нем белье.

Когда Тэнси вернулась в гостиную с готовыми сэндвичами, Норман читал газету и как раз дошел до интересного места внизу пятой полосы.

Хорошая шутка стоит потраченных на нее трудов. Должно быть, именно так рассуждали пока не установленные шутники из числа студентов колледжа Хемпнелл. Однако нас интересует,

каковы были чувства профессора Нормана Сейлора, когда, выглянув этим утром из окна, он обнаружил, что посреди его лужайки сидит каменная горгулия весом в добрых триста фунтов? Ее сняли с крыши одного из принадлежащих колледжу зданий. Как студенты ухитрились отбить статую, спустить с крыши и переправить к дому профессора Сейлора, по-прежнему остается загадкой.

Нам захотелось узнать мнение президента Рэндолфа Полларда. Он рассмеялся и сказал следующее: «По-видимому, наша программа физического воспитания способствует развитию в молодых телах здорового духа».

Наша беседа с президентом Поллардом получилась недолгой, ибо он торопился в «Лайонз-клаб», где ему предстояло произнести речь на тему «Большой Хемпнелл: город и колледж» (см. первую страницу, где приводится отчет о его выступлении).

Чего и следовало ожидать. Обычные неточности. Какая там могла быть горгулия, если горгулия — это слив водосточной трубы в виде головы чудовища с разверстой пастью? Кстати, ни единого упоминания о молнии. Наверно, репортер решил обойтись без нее, поскольку она никак не

соответствовала стилю заметки. Газеты обожают всякие совпадения, но вот от таинственных шарахаются как черт от ладана.

Ну и, разумеется, последний штрих, благодаря которому заметка превращается в рекламу кафедры физического воспитания. Надо отдать должное рекламному бюро Хемпнелла: работает грубо, но эффективно.

Тэнси выдернула газету у него из рук.

— Мир подождет, — сказала она. — Попробуйка сэндвич.

11

Когда они сели в машину, на улице было уже совсем темно. Норман ехал медленно, послушно подчиняясь всем сигналам светофоров. Веселье, которое передалось ему от Тэнси, всего лишь помогало справляться с накатывавшими то и дело волнами беспокойства.

Тэнси загадочно улыбалась. Она переоделась в спортивное белое платье и сделалась похожей на студентку.

— Чем я не ведьма? — спросила она. — Везу тебя на шабаш, на наш личный шабаш.

Норман вздрогнул, но быстро напомнил себе, что, говоря так, она пытается высмеять свое прежнее поведение. Он должен постараться, чтобы она не догадалась о его мрачных мыслях.

Хватит того, что он сам не находит себе места. Зачем волновать еще и ее?

Городские огни остались позади. Проехав примерно с полмили, он круто вывернул руль, и машина съехала на дорогу, которая уводила вверх, в темноту. Норману показалось, что десять лет назад дорога была накатанней. Да и деревья разрослись: ветки так и стучат по лобовому

стеклу.

Когда они добрались до вершины холма, над ним вставала красноватая убывающая луна.

Тэнси показала на нее.

— Как точно я рассчитала! — похвалилась она. — Но где же остальные? Обычно здесь уже стоят две-три машины, тем более — в такую ночь.

Норман затормозил.

— Мода изменчива во всем, — сказал он. — Наш обычай относится к отмирающим.

— Опять ты со своей социологией!

— Угу. Быть может, виной безлюдью происки миссис Карр. Впрочем, мне сдается, что студенты нынче предпочитают уезжать подальше от города.

Тэнси положила голову ему на плечо. Он выключил фары. Залитые лунным светом деревья отбрасывали причудливые тени.

— Помнишь Горэм? — пробормотала Тэнси. — Я училась в твоей группе, а ты был серьезным молодым преподавателем. Правда, вскоре выяснилось, что ты ничуть не лучше студентов. Помнишь?

Он кивнул и взял жену за руку. У подножия холма раскинулся город. Норман различил территорию колледжа; сделать это было вовсе не

трудно, ибо ее освещали мощные прожекторы, с помощью которых администрация выгоняла из укромных уголков уединившиеся парочки. Готические здания корпусов на миг представились ему символом мира бесплодного интеллектуального соперничества и ревнивого традиционализма, мира, который был ему бесконечно чужд.

— Интересно, за что же они нас так ненавидят? — спросил он.

— Ты о чем? — не поняла Тэнси.

— Я имею в виду наших коллег, по крайней мере большинство их. Потому что мы поступаем, как нам хочется.

Тэнси засмеялась.

— Похоже, ты потихоньку становишься самим собой. К сожалению, нам в последнее время редко хочется чего-нибудь этакого.

— Мы живем в мире, где все построено на зависти и соперничестве, — развивал свою мысль Норман. — А соперничество внутри колледжа вроде Хемпнелла в силу того, что тут ты у всех на виду, хуже любого другого. Ты согласна?

— Я думаю об этом много лет, — отозвалась Тэнси.

— Разумеется, никто не действует в открытую; однако исподволь можно добиться куда больше-

го, чем напрямик. Подобная манера поведения вообще присуща человечеству как таковому.

Глядя на Хемпнелл, Норман попытался вообразить, в материальном воплощении, тот заряд недоброжелательства и злобы против него, который мало-помалу накапливался в стенах колледжа. По спине его поползли мурашки; он осознал вдруг, к чему неизбежно приведут такие мысли. Походило на то, что темная сторона его мозга вот-вот восторжествует над светлой.

— Эй, философ, — окликнула его Тэнси, — не желаешь?

Она протянула ему маленькую серебристую фляжку.

Норман узнал ее.

— Не ожидал, что ты сохранишь ее.

— Да? Помнишь, как я предложила ее тебе в первый раз? По-моему, ты был слегка шокирован.

— Но выпил.

— Выпил, выпил. Бери.

Норману показалось, будто он проглотил жидкий огонь. Внезапно нахлынули воспоминания: о годах дурацкого «сухого закона», о Горэме и Новой Англии.

— Бренди?

— Не совсем. Оставь мне.

Воспоминания затопили темную половину мозга, она скрылась под ними, как суша под поверхностью воды. Норман взглянул на Тэнси. В ее зрачках отражалась луна. Конечно, она ведьма, самая настоящая. Она — Лилит. Иштар [9]. Надо сказать ей об этом.

— А ты помнишь, — проговорил он, — как мы скатились по откосу, прячась от ночного сторожа? В Горэме разразился бы грандиозный скандал, если бы нас поймали.

— Да, а потом…

Когда они отправились обратно, луна взобралась еще выше. Норман ехал медленно, не желая повторять тех глупостей, которые творил в былые годы. Их обогнал грузовик. «Две недели». Черт побери! Кто он такой, чтобы слышать голоса? Жанна д'Арк?

Ему вдруг стало весело. Он подумал мельком, а не рассказать ли Тэнси обо всем, что он навоображал себе в эти дни, чтобы она посмеялась вместе с ним. Если поднапрячься, выйдет шикарная история о призраках. Существовала, правда, причина, по которой он не должен был ни о чем рассказывать Тэнси, однако сейчас она

---

9 notes: 9

Лилит — злой дух женского пола в иудейской демонологии. Иштар — богиня плодородия и плотской любви в аккадской мифологии.

выглядела просто вздорной, ибо была частичкой, принадлежностью того мирка, откуда им почаще нужно вырываться. Разве жить — значит постоянно следить за собой, чтобы, не дай Бог, не произнести чего-то такого, что оскорбит нежные чувства имярек?

Поэтому, когда они приехали домой, вошли в гостиную и сели на диван, Норман взял быка за рога.

— Знаешь, Тэнси, насчет всяких колдовских штучек. Я хотел…

Удар застал его врасплох. На мгновение он словно потерял сознание, а очнулся уже в кресле; веселье исчезло без следа, мысли метались и путались, будущее представлялось мрачным коридором длиной в две недели.

Впечатление было такое, как будто одна огромная когтистая лапа зажала ему рот, а другая схватила за плечо, встряхнула и швырнула в кресло.

Как будто?

Он смятенно огляделся.

Может быть, именно это и произошло?

Судя по всему, Тэнси ничего не заметила. Лицо ее белело в полумраке. Она что-то напевала себе под нос.

Норман поднялся, подошел к серванту и налил себе виски, попутно включив в комнате свет.

Выходит, он не в состоянии поведать о происходящем с ним ни Тэнси, ни кому другому? Вот истинная подоплека того, почему жертвы колдовства всегда столь упорно отмалчиваются. Вот почему они не могут сбежать, даже имея под рукой все необходимое для побега. Дело не в слабоволии. За ними наблюдают, как за гангстером, который вышел из доверия у босса. Он сидит в роскошном ночном клубе, болтает с приятелями, подмигивает девушкам, а за его спиной маячат громилы в темных рубашках и светлых галстуках; они не вынимают рук из карманов своих пальто с бархатными отворотами, сопровождая его от клуба до виллы босса, и он не пытается удрать, потому что намерен еще пожить на этом свете, если ему представится возможность.

Но такое случается только в фильмах.

И когтистые лапы — тоже оттуда.

Он кивнул своему отражению в зеркале над сервантом.

— Познакомьтесь с профессором Сейлором, — проговорил он, — известным этнологом, искренне верящим в колдовство.

Лицо в зеркале выглядело не столько озадачен-

ным, сколько испуганным.

Норман смешал себе второй коктейль, не забыв позаботиться о Тэнси, и вернулся в гостиную.

— За порок! — провозгласила Тэнси. — Кстати говоря, последний раз я видела тебя подвыпившим на Рождество.

Он усмехнулся. Гангстеры в фильмах всегда напиваются пьяными, чтобы отвлечься от раздумий о своей плачевной участи. Надо признать, неплохое средство.

Понемногу начало возвращаться настроение, которое они пережили, стоя на холме. Они разговаривали, слушали старые пластинки, рассказывали друг другу анекдоты, достаточно «бородатые» для того, чтобы считаться свежими. Потом Тэнси села за пианино. Чего они только не пели, сперва с запинкой, а затем во весь голос — народные, рабочие и революционные песни, псалмы и государственные гимны, блюзы, Брамса и Шуберта.

Они вспоминали. И продолжали пить.

Но в голове Нормана по-прежнему вращалась кристаллическая сфера, внутри которой бились беспокойные мысли. Алкоголь помог ему справиться с возникшим было страхом, и он принялся со скрупулезностью пьяницы размышлять о

проявлениях колдовства в заселенном людьми мире.

К примеру, разве не логично предположить, что все саморазрушительные стремления проистекают из магического воздействия? Иначе откуда берутся эти всеобщие порывы, идущие вразрез с законами самосохранения и выживания? Чтобы хоть как-то объяснить их, Эдгар По сочинил своего «Беса противоречия», а психоаналитики выдвинули гипотезу «влечения к смерти». Однако гораздо проще приписать их влиянию неких злодейских сил, которые пока не установлены, а потому называются «сверхъестественными».

События прошедших дней можно разделить на две группы. В первую попадут те, от которых его прежде защищало колдовство Тэнси.

Возможно, сюда относится и покушение Теодора Дженнингса на его жизнь. Дженнингс — явный психопат. Он наверняка долго вынашивал свой замысел, но магия Тэнси не подпускала его к Норману. Едва лишь колдовской «защитный экран» был снят, едва Норман сжег последний амулет, Дженнингс преисполнился решимости осуществить задуманное. Как он выразился? «Меня как осенило…»

Итак, Теодор Дженнингс с его пистолетом, обви-

нение Маргарет Ван Найс, неожиданный интерес Томпсона к внеслужебному времяпрепровождению Нормана, находка Соутеллом диссертации Каннингема. Одна группа.

Другая — признаки направленного против него колдовства, цель которого — погубить его.

— Пенни за твои мысли, — предложила Тэнси, глядя на него поверх ободка стакана.

— Я думал о рождественской вечеринке, — отозвался он ровным, немного глуховатым голосом, — вспоминал, как Уэлби изображал святого Бернара и ползал по комнате в медвежьей шкуре с бутылкой виски на шее. Не могу понять, почему по прошествии некоторого времени обязательно кажется, что смеяться было вовсе не над чем, что шутки были донельзя избитыми. Впрочем, шутки, какими бы они ни были, лучше напыщенных рассуждений.

Он был горд, как ребенок, тем, что сумел ускользнуть из расставленной ловушки. Он сейчас воспринимал Тэнси как бы в двух ипостасях: она была ведьмой — и нервнобольной, которую следовало всячески оберегать. Под действием алкоголя его мозг словно разделился на части, никак не связанные между собой.

Обстановка комнаты то пропадала куда-то,

то возникала вновь. Норман как будто проваливался в бездонные колодцы. Мысли его в промежутках между падениями текли с торжественной, достойной профессорского звания неторопливостью.

Тэнси играла «Лазарет святого Иакова».

«Почему женщины не могут быть ведьмами? — думал Норман. — Они обладают интуицией, привержены традициям, склонны к иррациональному. Они, прежде всего, суеверны. Подобно Тэнси, большинство их не уверено до конца, срабатывают их заклинания или нет».

Тэнси потащила его танцевать. Она каким-то образом успела переодеться в розовое платье.

Ко второй группе, думал Норман, относится дракон с крыши Эстри. Миссис Ганнисон вселила в него человеческую или нечеловеческую душу, оживила и направляла по фотографиям. Сюда же следует причислить обсидиановый нож, послушный ветер и чертов грузовик.

Из колонок зазвучало «Болеро» Равеля. Норман в такт музыке постукивал пальцами по столу.

Бизнесмены покупают акции по советам гадалок, думал он, кинозвезды уповают на нумерологов, добрая половина населения земного шара доверчиво внимает астрологам, рекламы

настойчиво твердят о волшебстве и чудесах, а сюрреалистическое искусство — не что иное, как колдовство: его формы заимствованы из первобытных магических узоров, а содержание — у современной теософии.

Тэнси запела «Сент-Луис блюз». Да, Уэлби был прав, она неплохая актриса. Как удачно она воспроизводит армстронговскую хрипотцу!

Тэнси остановила дракона при помощи узлов на бечевке, думал Норман. Однако она оказалась в затруднительном положении, потому что ее дневник с формулами заклинаний попал к миссис Ганнисон, а та уж постарается найти обходной путь.

Они по-братски разделили коктейль, который обжег бы Норману горло, если бы оно уже не потеряло чувствительности. Ему показалось, что он выпил больше половины содержимого стакана.

Рисунок человека под грузовиком — ключ к колдовству, которое направлено на то, чтобы погубить меня, думал Норман. Карты, как и искусство, были первоначально важнейшим магическим средством. Трещотка используется в качестве усилителя. Невидимая тварь у меня за спиной наблюдает за тем, чтобы я не сходил с назначенной мне дороги. Узкий коридор. Две

недели.

Как ни странно, он находил в этих мыслях нечто приятное. В них была какая-то дикая, черная, ядовитая красота, какая-то отравляющая, смертоносная прелесть. Они обладали очарованием невероятного, невозможного. Они содержали в себе намек на невообразимое. Они пугали, ужасали, внушали благоговейный трепет, но холодная красота оставалась при них. Они напоминали видения, порожденные запрещенным наркотиком. Они обольщали предвестием неведомого греха и омерзительной скверны. Теперь Норман догадывался, какая сила подталкивала чернокнижников к их злодействам.

Опьянение внушило ему чувство безопасности. Оно раскололо его мозг на мельчайшие кусочки, которые не испытывали страха, ибо их нельзя было уничтожить. Ведь пуля, которая убивает человека, не в состоянии убить атомы, составляющие его тело.

Кусочки сознания бешено кружились. Все плыло у Нормана перед глазами.

Они с Тэнси держали друг друга в объятиях.

— Все, что у меня, твое? — спрашивала Тэнси. — Все, что у тебя, мое?

Вопрос показался Норману подозрительным,

но в чем именно — он никак не мог сообразить. Что-то подсказывало ему, что в словах таится ловушка. Но какая? Он окончательно запутался.

Тэнси словно читала из Библии:

— Ты отпил из моего кубка, а я отпила из твоего…

Затуманенному винными парами взгляду Нормана ее лицо представлялось размытым овалом, на котором сверкали бриллиантами серо-зеленые глаза.

— Все, что у тебя, мое? Ты отдаешь его мне добровольно, не сопротивляясь?

Ловушка, ловушка!

Какой у нее вкрадчивый голос! Он обволакивает, увлекает, манит…

— Все, что у тебя, мое? Скажи «да», Норм, пожалуйста. Ради меня.

Конечно, он любит ее. Сильнее, чем все остальное на белом свете. Он привлек Тэнси к себе, ткнулся губами в ее лицо, норовя поцеловать сверкающие глаза.

— Да… да… все… — услышал он собственный ответ.

И тут его измученный рассудок обрушился в бездонную тьму, где были тишина и покой.

12

Солнечный свет начертил на задернутой занавеске замысловатый узор, лучи, которые ухитрились проникнуть в спальню, словно наполнили ее зеленоватой мерцающей жидкостью. За окном щебетали птицы. Норман зажмурил глаза и потянулся.

Так, пожалуй, пора приниматься за статью для «Американского антрополога». Кроме того, не мешает внести кое-какие изменения в текст его «Пособия по этнологии». Это, конечно, займет много времени, но деваться некуда. Кстати, надо бы всерьез поговорить с Бронштейном насчет его дипломной работы. Он паренек сообразительный, но иногда его заносит. Да, еще речь для родительского дня. Что ж, у него найдется, что им сказать…

Лежа с закрытыми глазами, Норман наслаждался самым приятным из всех ощущений — зовом дела, которое человек умеет и любит делать, но которое не требует от него слишком многого.

Ведь в такой день, как сегодня, просто грешно не сыграть в гольф. Нужно будет узнать, чем занимается Ганнисон. И потом, они с Тэнси всю

весну безвылазно просидели в городе. Может, поехать куда-нибудь? Решено, он посоветуется с ней за завтраком. Субботний завтрак в их доме всегда был событием. Наверно, Тэнси как раз его готовит. Норман чувствовал себя так, словно побывал под душем и вода раздразнила его аппетит. Интересно, который час?

Он приоткрыл один глаз и взглянул на часы на стене. Двенадцать тридцать пять! А во сколько он лег спать? И что делал накануне?

Память о нескольких последних днях развернулась подобно пружине — так быстро, что сердце Нормана отчаянно забилось. Однако в его воспоминаниях появилось нечто новое. Они казались ему нагромождением бессмысленных, бредовых подробностей. Он будто читал историю болезни постороннего человека, которого осаждали весьма своеобразные идеи по поводу колдовства, самоубийства, преследования и тому подобного. Словом, его воспоминания никак не вязались с тем чувством благополучия, которое он сейчас испытывал. Особенно странно было то, что они не нарушили этого чувства благополучия.

Норман порылся в памяти, разыскивая следы сверхъестественного страха, порыва к самоуничтожению, ощущения того, что за ним

наблюдают. Пусто. Ни малейшего признака. Чем бы они ни были, прошлое поглотило их, увлекло за пределы досягаемости. «Сфера чужеродных мыслей!» И как только могла прийти ему в голову такая чушь? Тем не менее все случилось на деле. А что случилось?

Он машинально прошел в ванную и встал под душ. Намыливаясь и подставляя бока под струю теплой воды, он размышлял над тем, не поговорить ли ему с Холстромом с кафедры психологии или с каким-нибудь хорошим практикующим психиатром. Галлюцинации, которые его донимали, будут отличным материалом для исследования. Впрочем, с чего он взял, будто страдает психическим расстройством? Ему всего лишь довелось пережить один из тех необъяснимых пароксизмов иррационального, какие терзают порой даже совершенно здоровых людей, именно из-за того, что они здоровы, — своего рода разрядку после длительного напряжения. Жаль, конечно, что он не выдержал и поделился своими тревогами с Тэнси, пускай ее собственный, теперь безоговорочно капитулировавший, комплекс и привел к нынешнему положению вещей. Бедняжка, она вчера так старалась развеселить его, хотя все должно было быть наоборот.

Ну ладно, он исправит свой промах.

Норман с удовольствием побрился. Бритва вела себя безупречно.

Кончив одеваться, он вдруг зажмурил глаза, словно человек, который прислушивается к едва различимому звуку.

Ничего. Никаких следов нездорового, противоестественного страха.

Насвистывая бодрый мотивчик, он вошел в кухню.

Завтрака там не было и в помине. Рядом с мойкой стояли немытые стаканы, несколько пустых бутылок и ведерко из-подо льда, полное талой воды.

— Тэнси! — позвал Норман. — Тэнси!

Он прошелся по комнатам, думая, что она, может быть, не смогла добраться до постели. Они вчера позволили себе лишнее. Заглянув в гараж, он убедился, что машина на месте. Наверно, она отправилась в магазин купить чего-ни-будь к завтраку. Успокаивая себя таким образом, он вбежал в дом, словно за ним гнались.

Очутившись в кабинете, он заметил то, что проглядел в первый раз, — опрокинутую чернильницу и листок бумаги рядом с ней, в подсыхающей черной лужице. Чернила не залили его только

каким-то чудом.

Записку, видно, набрасывали второпях. Ручка дважды прорвала бумагу. Написанный, без сомнения, рукой Тэнси, текст обрывался на середине предложения:

> *На мгновение оно отвлеклось. Я не ожидала, что все произойдет так скоро. Два дня вместо двух недель. Не пытайся разыскивать меня! Исполни в точности то, что прочтешь. Возьми четыре белых четырехдюймовых…*

Взгляд Нормана привлекла клякса, которая начиналась от лужицы чернил и тянулась до бледного отпечатка пальца. Воображение тут же нарисовало тягостную картину: Тэнси пишет свое послание, то и дело оглядываясь через плечо; ОНО подмечает, чем она занята, вырывает у нее ручку и бесцеремонно встряхивает. Вспомнив хватку огромных когтистых лап, Норман моргнул. А потом… потом она собирается, тихо, чтобы не разбудить его, хотя вряд ли он проснется, выходит из дома и идет по улице. Встречая знакомых, она весело здоровается с ними и улыбается, потому что за ней ковыляет ОНО, готовое ко всему.

Значит, она ушла.

Норман рванулся было к двери, но остановился.

Лужица чернил почти высохла. Следовательно, чернильницу опрокинули не час и не два назад.

Куда она ушла среди ночи?

Куда угодно. Куда ведет ее узкий коридор длиной уже не в две недели, а в два дня.

В его мозгу как будто вспыхнул яркий свет. Ах, если бы он не был пьян прошлым вечером!..

Один из древнейших колдовских приемов. Передача зла. Подобно шаману, который излечивает болезнь, переводя ее на камень, на врага или на себя самого, ибо он в силах справиться с ней, Тэнси избавила его от нависавшего над головой проклятия. Она разделила его еду, разделила с ним питье! Используя тысячу уловок, она подменила его собой. Ну разумеется! Он напряг память, припоминая, что она говорила: «Все, что у тебя, мое? Все, что у тебя, мое?»

Она подразумевала рок, который ему грозил.

А он ответил «да».

Минутку! О чем, черт побери, он думает? Норман поглядел на полки, заставленные плотными рядами книг. Что же получается? Он снова впадает в тот маразм, с которым боролся последние несколько дней, тогда как ему надлежит дей-

ствовать! Нет, никакого сверхъестественного не существует, и нет никакого ОНО! Все это штучки расшалившихся нервов. Не она заразила его своим безумием, а он — ее. Должно быть, находясь в подпитии, он наболтал Тэнси всяких глупостей, а она всегда была впечатлительной. Тем более, она верит — или верила — в колдовство. Неудивительно, что она вообразила невесть что. Будто приняла на себя его беды — и сбежала неизвестно куда.

Ну и ну!

Он понял, что все еще держит в руках записку. Какие такие «белые четырехдюймовые», невольно подумалось ему.

В дверь позвонили. Норман достал из почтового ящика конверт и вскрыл его. Адрес был написан мягким карандашом, а потому слегка смазался.

Хорошо знакомый почерк был таким корявым, что Норман не сразу разобрал его. Как и предыдущая, эта записка обрывалась на середине фразы:

…бечевки, отрезок лесы, кусочек платины или иридия, осколок магнетита, иглу проигрывателя, на котором только что отзвучала Девятая соната Скрябина. Потом свяжи…

«Бечевки»! Ну конечно же!

Продолжение первой записки, вернее, ее диковинной формулы. Неужели Тэнси действительно убедила себя, что за ней следят и что у нее не осталось возможности дать о себе знать каким-либо иным способом? Ответ на этот вопрос был известен Норману заранее. Когда ты одержим, здравый смысл стушевывается, а воображение способно уверить рассудок в чем угодно.

Он посмотрел на штемпель. Судя по нему, письмо бросили в городке, расположенном в нескольких милях к востоку от Хемпнелла. Приятелей у них там вроде нет, да и вообще они там никогда не были. Его так и подмывало прыгнуть в машину и помчаться туда. Но что он там будет делать?

Раздался телефонный звонок. Норман снял трубку. Звонила Ивлин Соутелл.

— Это вы, Норман? Будьте добры, попросите Тэнси. Мне надо поговорить с ней.

— Сожалею, но ее нет дома.

Ивлин Соутелл, похоже, ничуть не удивилась; во всяком случае, она ничем не выразила удивления.

— Где же она? Мне она очень нужна!

Норман призадумался.

— Она поехала навестить наших друзей за городом, — ответил он наконец. — Может, ей что-нибудь передать?

— Нет, спасибо. А какой номер у ваших друзей?

— У них нет телефона! — огрызнулся Норман.

— Да? Ну что ж, — в голосе миссис Соутелл слышалось удовлетворение, как будто раздражение Нормана доставило ей радость, — я перезвоню попозже. Побегу помогать Харви, он теперь так занят! Всего доброго.

Норман положил трубку. Что за черт… Внезапно он натолкнулся на возможное объяснение. Наверно, кто-то видел, как Тэнси уезжала; Ивлин Соутелл учуяла, что пахнет скандалом, и решила проверить. Вероятно, Тэнси прихватила с собой саквояж.

Он заглянул в комнату жены. Да, маленький саквояж исчез. Ящики стола торчат наружу, словно ей некогда было их задвинуть. А деньги? Что у нас в бумажнике? Пусто? А было сорок с лишним долларов.

На сорок долларов можно уехать на край света. Корявость почерка во второй записке свидетельствовала о том, что ее писали в автобусе или в поезде.

Норман принялся действовать. Покопавшись в расписаниях, он выяснил, что через городок, из которого было отправлено письмо Тэнси, проходит довольно много автобусов и поездов. Он съездил на железнодорожный и автовокзалы, но не сумел узнать ничего определенного.

Хотя у него была мысль обратиться в полицию, по зрелом размышлении он отказался от нее. Что он скажет? «Моя жена сбежала из дому. Она страдает навязчивой идеей, будто...» А если, найдя, ее начнут расспрашивать в присутствии врача, прежде чем он успеет забрать ее?

Нет, ему придется обойтись собственными силами. Однако, если в ближайшее время ему не станет известно ее местонахождение, у него просто не будет выбора. Он заявит в полицию, сочинив для отвода глаз какую-нибудь правдоподобную историю.

Она написала: «Два дня». Если она уверена, что умрет через два дня, не убьет ли ее, как это бывает с дикарями, сама по себе вера?

Ближе к вечеру он возвратился домой, лелея слабую надежду, что Тэнси вернулась в его отсутствие. У парадного крыльца стоял автомобиль для развозки почты. Норман затормозил рядом.

— Что-нибудь для Сейлора?

— Да, сэр. Лежит в ящике.

Послание было более длинным, но столь же неудобочитаемым.

> *Наконец Оно оставило меня в покое. Если я сохраняю невозмутимость, Оно перестает следить за каждым моим движением. Но со вторым письмом я едва не попалась. Норман, ты должен исполнить все, что я тебе говорю. Два дня заканчиваются в полночь с субботы на воскресенье. В бухте. Выполняй мои указания. Свяжи бечевки так, чтобы получились «бабий узел», «риф», «кошачьи лапки» и «плоский штык». Заплети лесу в беседочный узел. Потом…*

Норман посмотрел на штемпель. Город в двухстах милях к востоку. Насколько он мог припомнить, железная дорога обходит его стороной. Ну что ж, направление поисков сужается.

Одно слово из записки звучало у него в мозгу, точно музыкальная нота, которую берут снова и снова, пока не лопнет терпение.

Бухта. Бухта. Бухта. Бухта.

Откуда-то пришло воспоминание о жарком полдне перед самой свадьбой. Они сидели на

краю полуразвалившегося причала. Серые от старости доски пахли солью и рыбой.

— Забавно, — сказала тогда Тэнси, глядя на зеленую воду. — Мне почему-то кажется, что я в конце концов буду там. Я не боюсь, нет, я умею плавать. Но еще в детстве, глядя на бухту — порой зеленую, порой синюю, порой серую, с белыми гребешками волн, залитую лунным светом или затянутую туманом, — я говорила себе: «Тэнси, бухта рано или поздно заполучит тебя». Забавно, правда?

А он рассмеялся и крепко обнял ее, а зеленая вода билась о сваи, увитые до самого верха водорослями.

Он гостил в доме ее отца, который тогда был еще жив; этот дом находился поблизости от Бейпорта, на южном берегу Нью-Йоркской бухты.

Значит, для нее узкий коридор заканчивается в бухте завтра в полночь.

Значит, она направляется туда.

Он позвонил в несколько мест — узнал сначала относительно билета на автобус, потом на поезд и на самолет. С самолетом ему не повезло, однако имелся поезд, который доставит его в Джерси-Сити за час до прибытия того автобуса, на каком скорее всего приедет Тэнси, если он правильно

все рассчитал.

Времени на сборы у него вполне достаточно, хватит даже на то, чтобы по дороге на вокзал обменять чек на наличные.

Норман разложил на столе все три записки — первая была написана ручкой, а две другие карандашом — и перечел их.

Он нахмурился. Достойно ли ученого пренебречь крохотной возможностью? Отвергнет ли командующий план прорыва из окружения лишь потому, что он отсутствует в учебниках? Но ведь бред, сущий бред! Вчера он что-то для него значил — эмоционально, а сегодня превратился в полнейшую ерунду. Однако завтра он может оказаться последней надеждой на спасение.

Но примириться с магией?

«Норман, ты должен исполнить все, что я тебе говорю». Эти слова внезапно бросились ему в глаза.

Между прочим, если он найдет Тэнси в полубезумном состоянии, рассказ о том, как точно он следовал ее наставлениям, поможет ему успокоить ее.

Пройдя на кухню, Норман взял моток белой бечевки.

Отыскав в шкафу свою ракетку для сквоша, он

вырвал из сетки две струны. Они сойдут за лесу.

Камин не чистили с тех самых пор, как в нем пылали колдовские принадлежности Тэнси. Норман потыкал золу кочергой и извлек черный камешек с прилипшей к нему иголкой. Магнетит.

Поставив на проигрыватель пластинку с Девятой сонатой Скрябина, он заменил иглу, взглянул на часы и принялся расхаживать по комнате. Постепенно музыка захватила его. Ее нельзя было назвать приятной для слуха, в ней было нечто дразнящее и мучительное: тягучая мелодия, наплывающие басовые трезвучия, трели в дискант, затейливые хроматические гаммы. Слушая ее, невольно хотелось заткнуть уши.

Норману вспомнилась любопытная вещь. Кажется, Тэнси говорила ему, что Скрябин дал своей сонате название «Черная месса» и отказывался играть ее на концертах. Надо же! Скрябин, тот самый, кто придумал цветовой орган, пытался передать музыкальными средствами сущность мистицизма и умер от какого-то редкого заболевания; русский с лицом невинного младенца и пышными усами. Он припомнил отзывы критики, слышанные им из уст Тэнси: «Омерзительная Девятая соната… музыка, пропитанная

скверной...» Смешно! Что такое музыка, как не абстрактное сочетание тонов!

Однако звуки сонаты заставляли думать иначе.

Темп убыстрялся, прелестная вторая тема словно заразилась общим настроением и сделалась пронзительной и неблагозвучной — марш проклятых, танец грешников, — достигла немыслимой вышины и оборвалась. Затем последовало повторение тягучей первой темы, которое завершилось негромким, но резким звуком в нижнем регистре.

Норман вынул иглу из головки, положил ее в конверт и сунул тот в карман вместе со всем остальным. Лишь сейчас он задумался над тем, почему, если собирался всего лишь успокоить Тэнси, проиграл Девятую сонату. Наверняка неиспользованная игла подошла бы не хуже, если не лучше. Он пожал плечами.

Потом вырвал из большого словаря страницу, на которой были изображены различные узлы.

Телефонный звонок застиг его на пороге.

— О, профессор Сейлор, позовите, пожалуйста, Тэнси, — проговорила миссис Карр.

Норман повторил то, что сказал миссис Соутелл.

— Я рада, что она решила отдохнуть за городом, — сообщила миссис Карр. — Простите, что я вмешиваюсь, профессор Сейлор, но, по-моему, Тэнси в последнее время выглядела не слишком хорошо. Я волновалась за нее. Вы уверены, что с ней все в порядке?

В этот миг безо всякого предупреждения в разговор вклинился посторонний голос.

— Зачем вы проверяете меня? Или я, по-вашему, ребенок? Я знаю, что делаю!

— Тихо! — прикрикнула миссис Карр. — Наверно, кто-то случайно подсоединился к нам. До свидания, профессор Сейлор.

В трубке раздались короткие гудки. Норман нахмурился.

Он готов был поклясться, что второй голос принадлежал Ивлин Соутелл.

Подобрав саквояж, он вышел из дома.

13

Водитель автобуса, которого показали Норману в Джерси-Сити, отличался широкими плечами и заспанным, но внушающим доверие видом. Он стоял у стены и покуривал сигаретку.

— Точно, была такая, — сказал он Норману, поразмыслив. — Симпатичная женщина в сером платье с серебряной брошкой и сумкой. Все, как вы говорите. Я подумал, что она, верно, едет навестить больного родственника.

Норман подавил раздражение. Если бы не полуторачасовая задержка, он прибыл бы в Джерси-Сити намного раньше автобуса, а не на двадцать минут позже.

— Я хотел бы знать, на какой рейс она пересела, — произнес он. — В справочной мне помочь не смогли.

Водитель поглядел на Нормана, однако не изрек ничего вроде «А чё тебе надо-то?» — за что Норман был ему искренне благодарен. Похоже, беглый осмотр убедил его, что дурных намерений у собеседника не имеется.

— Может, я ошибаюсь, мистер, — сказал он, — но, сдается мне, она села на местный автобус,

который ходит до побережья.

— Он останавливается в Бейпорте?

Водитель кивнул.

— А давно он ушел?

— Минут двадцать.

— Я могу попасть в Бейпорт раньше? Если возьму такси?

— Только-только. Если вы оплатите дорогу в оба конца и накинете кое-что сверху, я думаю, Алек подбросит вас.

Водитель небрежно махнул рукой человеку, который сидел в машине, что стояла сразу за зданием автовокзала.

— Учтите, мистер, я не уверен, что она в том автобусе.

— Конечно-конечно. Большое спасибо.

В свете фонарей было видно, как лисьи глазки Алека засверкали от любопытства, однако он не стал ни о чем спрашивать.

— Идет, — сказал он весело, — но времени у нас раз-два и обчелся, так что влезайте.

Прибрежное шоссе пересекало по пути многочисленные болота и пустоши. Иногда Норман улавливал в шуме двигателя шелест высокого тростника; порой в нос ему ударял неприятный запах, исходивший от заливчиков с черной во-

дой, которые они переезжали по длинным и низким мостам. Запах бухты.

В окне изредка, смутно различимые в темноте, мелькали заводы, нефтеочистительные комбинаты, дома местных жителей.

Они обогнали три или четыре автобуса, но Алек молчал и не отводил взгляда от дороги.

Так продолжалось довольно долго. Наконец Алек сказал:

— Тот, должно быть, ее.

Созвездие красных и зеленых габаритных огней впереди перевалило через гребень холма.

— До Бейпорта осталось мили три, — прибавил таксист. — Что будем делать?

— Постараемся попасть в город первыми. Мне нужно на автовокзал.

— О'кей.

Такси пошло на обгон. Окна автобуса находились слишком высоко, чтобы разглядеть пассажиров; к тому же в салоне не горел свет.

Алек утвердительно мотнул головой.

— Точно, тот самый.

Автостанция в Бейпорте располагалась бок о бок с железнодорожным вокзалом. Норману вспомнилась деревянная платформа, отделенная от полотна узкой полоской гравия. Память,

однако, подвела его: вокзал оказался на деле крошечным и грязным, а не довольно просторным и светлым, хотя вычурная внутренняя отделка и вызывала воспоминания о временах, когда Бейпорт был летним курортом, на который съезжались отдохнуть богатейшие люди Нью-Йорка. Окна зала ожидания были темными, но на площади перед вокзалом Норман увидел несколько автомобилей, вокруг которых, негромко переговариваясь, бродили местные; среди них Норман разглядел двоих в солдатской форме — должно быть, из Форт-Монмута или Сэнди-Хука.

Прежде чем подкатил автобус, он успел вдоволь надышаться соленым воздухом, который имел легкий рыбий привкус.

Пассажиры сходили один за другим, высматривая тех, кто их встречал.

Тэнси спустилась по ступенькам третьей. Она держала в руках саквояж из свиной кожи и глядела прямо перед собой.

— Тэнси, — проговорил Норман.

Она словно не слышала. Он заметил на ее правой руке черное пятно, похожее на большой синяк, и вспомнил чернильную кляксу на своем письменном столе.

— Тэнси! — позвал он. — Тэнси!

Она прошла мимо, задев его рукавом.

— Тэнси, что с тобой?

Норман бросился за ней. Она направлялась к стоявшему на площади такси. Люди с любопытством посматривали на них. Норман начал раздражаться.

— Тэнси, перестань! Ну пожалуйста, Тэнси!

Он догнал ее, схватил за локоть и развернул лицом к себе, не обращая внимания на неодобрительный ропот зевак. Черты Тэнси выглядели застывшими, взор был устремлен куда-то в пространство.

Норман рассвирепел. Гнетущее напряжение, которое накапливалось с утра, выплеснулось наружу. Он потряс Тэнси. Та по-прежнему как будто не видела его; она словно изображала аристократку, терпеливо сносящую грубые приставания дикаря. Если бы она закричала или принялась отбиваться, никто бы скорее всего не вмешался. А так — Нормана рванули за плечо.

— Отпусти ее!

— Эй, приятель, угомонись-ка!

Тэнси не двигалась, поза ее была исполнена ледяного величия. Внезапно она выронила на мостовую клочок бумаги; в тот же миг взгляд ее скрестился со взглядом мужа, и Норману пока-

залось, что он разглядел в глазах Тэнси страх. Между ними двоими будто протянулся незримый мост понимания. Быть может, это лишь почудилось Норману, но на какое-то мгновение он словно обрел второе зрение: за спиной жены он различил нечто косматое и черное, с огромными лапами и тускло светящимися глазками.

Но тут Тэнси отвернулась, и видение исчезло. Впрочем, у Нормана сложилось впечатление, что тень ее чересчур велика и что виной тому вовсе не проказы фонаря. Кто-то сильно толкнул его, он пошатнулся — и потерял Тэнси из виду.

Обступившие Нормана люди, судя по всему, перемывали ему косточки, поминая всех его родственников, ближних и дальних. Однако он, как ни прислушивался, не мог разобрать ни слова.

— Врезать бы ему как следует! — из ушей Нормана будто выпали затычки.

— Давайте, — проговорил он, — давайте, все разом.

— Эй, что происходит? — раздался голос Алека, настороженный, но не враждебный. Похоже, Алек размышлял так: «Пускай я ничего не знаю об этом парне, но он ехал в моей машине».

— А где женщина? — спросил один из солдат. — Куда она подевалась?

— Да, где она?

— Она села в такси Джейка, — сообщил кто-то.

— Может, у него был повод преследовать ее, — задумчиво произнес солдат.

Норман ощутил, как меняется настроение толпы.

— Никому не позволено приставать к женщинам, — буркнул державший его мужчина. Однако другой ослабил хватку.

— Ну? Зачем вы гнались за ней? — поинтересовался он.

— Потому что так было нужно.

Пронзительный женский голос воскликнул:

— Сколько шума из-за ерунды!

— Семейная ссора! — хмыкнул какой-то тип в толпе.

Нормана отпустили.

— Учти, — обратился к нему тот, который рассуждал о «позволительности», — если она пожалуется мне, я тебя таки вздую.

— Договорились, — отозвался Норман. — Никто не слышал, что за адрес она назвала?

Некоторые покачали головами, другие попросту проигнорировали вопрос. Их отношение к Норману, по-видимому, если и изменилось, то не слишком сильно. К тому же пять минут назад

они были заняты совсем иным и им было не до адреса.

Люди молча разошлись; Норман не сомневался, что, отойдя за пределы слышимости, они примутся горячо обсуждать случившееся. Машины с площади разъехались. Двое солдат уселись на скамейку перед зданием вокзала: они, вероятно, дожидались автобуса или поезда. Вскоре рядом с Норманом остался один Алек.

Норман увидел, что клочок бумаги, который выронила Тэнси, провалился в щель между досками платформы. Он осторожно извлек его и подошел к автомобилю, чтобы рассмотреть в свете фар.

— Ну, что теперь? — подозрительно справился Алек.

Норман взглянул на часы. Десять тридцать пять. До полуночи еще почти полтора часа. За столь короткий срок он не сумеет выполнить и десятой доли из того, что задумал. Размышления доставляли Норману чуть ли не физическую боль, словно существо, которое привиделось ему за спиной Тэнси, каким-то образом повредило его мозг.

Он огляделся по сторонам. На обращенных к морю фонарях кое-где проступали следы черной

краски — остатки затемнения, уцелевшие со времен войны. Улочка, начинавшаяся от площади, сверкала огнями магазинов.

Норман посмотрел на клочок бумаги, подумал о Тэнси, сосредоточился мыслями на ее образе. Что же, речь идет о том, как помочь ей лучше всего, как поступить, чтобы спасти ее. Разумеется, надо будет обыскать побережье, двигаясь по железнодорожным путям; хотя одному Богу известно, куда увезло ее то проклятое такси. Быть может, он отыщет старый причал, на котором они когда-то целовались. Ждать там? Или попробовать потолковать с водителем такси, когда он вернется? А можно заявить в полицию, что его жена хочет наложить на себя руки, и они тогда прочешут окрестности.

Но вправе ли он забывать об остальном? О том, как Тэнси призналась в колдовстве, о последнем сожженном талисмане, о неожиданных телефонных звонках Теодора Дженнингса и Маргарет Ван Найс, обо всех тех неприятностях, которые обрушились на него в колледже? Покушение Дженнингса на его жизнь, запись звуков, издаваемых трещоткой, фотография дракона, небрежно нарисованные подобия карт таро, смерть Тотема, ветвистая молния, внезапное проявление

самоубийственных и саморазрушительных наклонностей, пьяная галлюцинация — нечто, схватившее его за плечо и заткнувшее рот, видение, посетившее его на вокзальной площади…

Норман напряженно думал, изредка поглядывая на клочок бумаги в своей руке.

Наконец он принял решение.

— На главной улице, по идее, должна быть гостиница, — сказал он Алеку. — Отвезите меня туда.

14

«Гостиница “Орел”» — гласили обведенные черным золотые буквы на вывеске из зеркального стекла. Норман рассмотрел не слишком просторный холл, всю обстановку которого составляли стойка портье и с полдюжины кресел.

Попросив Алека подождать, он снял комнату на ночь. Судя по книге записей, гостиница в последние дни отнюдь не страдала от наплыва постояльцев. Норман отнес в номер свой саквояж и снова спустился в холл.

— Я не был в вашем городе десять лет, — сообщил он портье, пожилому человеку в голубой униформе. — Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, помнится, кварталах в пяти отсюда вниз по улице находится кладбище?

Сонные глазки портье широко раскрылись.

— Бейпортское кладбище? Три квартала прямо, потом полтора налево. Но…

Вопрос, прозвучавший в его голосе, повис в воздухе.

— Благодарю вас, — сказал Норман.

После минутного раздумья он заплатил Алеку. Тот с видимым облегчением взял деньги и завел

двигатель. Норман направился вниз по главной улице, прочь от бухты.

Витрины магазинов мало-помалу остались позади. Окна мрачных домов были темными, лишь иногда мелькал робкий огонек. Норман приближался к окраине Бейпорта. Свернув налево, он расстался с освещавшими дорогу фонарями.

Ворота кладбища оказались запертыми. Норман двинулся вдоль стены, продираясь сквозь кустарник, пока не набрел на дерево, нижняя ветка которого была достаточно толстой для того, чтобы выдержать его. Уцепившись за нее, он взобрался на стену, осмотрелся и спрыгнул на землю с другой стороны.

Послышался шорох, словно он спугнул какое-нибудь маленькое животное. Действуя в основном на ощупь, Норман отыскал ближайшее надгробие. Оно было тонким, поросло внизу мхом и стояло слегка наклонно. Наверно, его поставили где-нибудь в середине прошлого века. Норман поковырял пальцами землю, набрал пригоршню и ссыпал ее в конверт, который достал из кармана.

Перелезая через стену обратно, он наделал много шума, но, похоже, не привлек ничьего внимания.

По пути в гостиницу Норман высмотрел на

небе Полярную звезду и с ее помощью определил местоположение своего номера.

Портье проводил его странным взглядом.

В номере было темно. В открытое окно вливался холодный и соленый воздух. Норман запер дверь, затворил окно, опустил штору и включил свет; слепящее сияние лампочки беспощадно подчеркивало убогость обстановки. Тихонько звякнул телефон.

Норман вынул из кармана конверт и взвесил на ладони. Губы его искривились в горькой усмешке. Он в очередной раз перечел записку, которую уронила Тэнси:

> *…немного земли с кладбища. Заверни все в лоскут фланели, обязательно против солнца. Вели ему остановить меня. Вели привести меня к тебе.*

Земля с кладбища. То, что он обнаружил в туалетном столике Тэнси. То, с чего все началось. Теперь он сам собирает ее.

Норман взглянул на часы. Одиннадцать двадцать.

Поставив имевшийся в номере стол посреди комнаты, он перочинным ножом процарапал на его поверхности метку, которая должна была

обозначать восток. «Против солнца» — значит, с запада на восток.

Разложив на столе все свое добро, он отрезал от полы купального халата полоску фланели, а затем попробовал соединить в единое целое четыре послания. Вот что у него вышло:

> *Возьми четыре белых четырехдюймовых бечевки, отрезок лесы, кусочек платины или иридия, осколок магнетита, иглу проигрывателя, на котором только что отзвучала Девятая соната Скрябина. Потом свяжи бечевки так, чтобы получились «бабий узел», «риф», «кошачьи лапки» и «плоский штык». Заплети лесу в беседочный узел. Добавь немного земли с кладбища. Заверни все в лоскут фланели, обязательно против солнца. Вели ему остановить меня. Вели привести меня к тебе.*

Магическая формула, весьма типичная для негритянского колдовства. Игла проигрывателя, узлы и прочие «современности» явно привнесены белыми.

Но кто в нее поверит? Ребенок или невротик-взрослый, что старается наступать или, наоборот,

не наступать на трещины в асфальте?

Часы в коридоре прозвонили *половину двенадцатого.*

Норман рассматривал предметы на столе. Он не мог найти в себе сил, чтобы приступить к делу. Все было бы иначе, подумалось ему, если бы он собирался колдовать ради забавы или если бы относился к тем людям, которые без ума от сверхъестественного, которые поигрывают с магией, потому что от нее веет средневековьем и потому что древние манускрипты завораживают взгляд. Но принимать ее всерьез, допускать в рассудок суеверия — разве тем самым мы не становимся на сторону сил, толкающих мир вспять, к темным векам, разве не уничтожаем науку как таковую?

Однако он *видел* нечто за спиной Тэнси. Разумеется, это было наваждение. Но когда наваждения начинают вести себя неподобающим образом, когда ряд совпадений выстраивается в некую цепочку закономерностей, ученый обязан обращаться с ними как с реальностью. Когда же галлюцинации принимаются угрожать тебе и твоим близким физической расправой… Нет, не то… Когда приходится задумываться, веришь ли ты любимому человеку. Норман взял первую

бечевку и связал «бабий узел».

Дойдя до «кошачьих лапок», он вынужден был взглянуть на иллюстрацию, которую вырвал из словаря. После пары неудачных попыток он добился желаемого.

Но вот «плоский штык» упорно отказывался завязываться. Норман вертел бечевку в руках, завязывал ее то так, то сяк, однако упрямый узел никак не хотел походить на тот, что был изображен на картинке. Норман отер со лба пот.

— Как душно, — пробормотал он. — Задохнуться можно…

Ему казалось, что пальцы его вдруг сделались толщиной в добрый дюйм. Бечевка выскальзывала из них. Он вспомнил, какими ловкими были пальцы Тэнси.

Одиннадцать сорок одна. Игла проигрывателя покатилась к краю стола. Норман бросил бечевку, поймал иглу и придавил ее авторучкой, чтобы она не укатилась снова. Потом вновь взялся за узел.

На мгновение ему почудилось, будто он подобрал не бечевку, а лесу. Подумать только, укорил он себя мысленно, до чего расшалились нервишки. В горле у него пересохло. Он судорожно сглотнул.

Наконец, не сводя глаз с картинки и повторяя ее шаг за шагом, он ухитрился завязать «плоский штык». Ощущение того, что он пропускает меж пальцев вовсе не бечевку, а что-то гораздо более неподатливое, не покидало его ни на секунду. Вывязав узел, он почувствовал легкий озноб, этакий предвестник лихорадки; свет лампочки словно потускнел. Должно быть, глаза устали.

Игла проигрывателя выкатилась из-под ручки и устремилась к противоположному краю стола. Норман прихлопнул ее ладонью, промахнулся, хлопнул во второй раз. Ага, есть!

Ни дать ни взять спиритический сеанс, хмыкнул он про себя. Кладешь руки на планшетку, пытаясь удержать их в неподвижности. Естественно, накапливается мышечное напряжение, которое постепенно возрастает до критической величины. Неожиданно, как бы отнюдь не по твоей воле, планшетка начинает кружиться на трех своих ножках, подпрыгивать и метаться от буквы к букве. То же самое и здесь. Причина непонятного онемения пальцев заключается в нервном и мышечном напряжении. А он в духе закона психического переноса приписал возникшие затруднения злонамеренности бечевки. С иглой и того проще: то надавливая на стол лок-

тем, то упираясь в него коленкой, он наклонял его, а игла катилась по наклонной плоскости.

Игла завибрировала, словно была частичкой некоего устройства. По пальцам Нормана как будто пробежал ток. Вдруг ему послышались лязгающие звуки Девятой сонаты. Черт! Покалывание в кончиках пальцев — верный признак повышенной нервной возбудимости. Однако в горле было сухо; попытка посмеяться над собой не удалась. Для подстраховки он завернул иглу во фланель.

Одиннадцать сорок семь. Норман потянулся за лесой. Руки его дрожали, словно он влез по длинному канату на крышу дома. Обычная на вид, леса оказалась омерзительно скользкой, словно покрытой какой-то слизью. Соленый аромат бухты куда-то улетучился, уступил место едкому металлическому запаху. Приехали, сказал себе Норман, осязательные и обонятельные галлюцинации вдобавок к зрительным и слуховым. В ушах его по-прежнему отдавалась Девятая соната.

Он знал, как заплетать лесу, в этом не было ничего сложного, тем более что она была на удивление мягкой; однако ему не переставало казаться, что его пальцы подчиняются посторонним силам: леса завязывалась в «риф», в

«полуштык», в затяжной узел — в любой, кроме беседочного. Пальцы болели, глаза слезились, сопротивление нарастало. Норман вспомнил слова Тэнси в ту ночь, когда она отреклась от колдовства: «В чародействе существует правило реакции, нечто вроде отдачи в пистолете…» *Одиннадцать пятьдесят две.*

Огромным усилием воли он отогнал мысли и воспоминания и сосредоточился на узле. Пальцы начали двигаться в странном ритме — ритме Девятой сонаты. Все, завязан, голубчик!

Комната погрузилась в полумрак. Истерическое помутнение зрения, поставил диагноз Норман; к тому же системы энергообеспечения в маленьких городках вечно выкидывают всякие фортели. Почему-то стало очень холодно, так холодно, что ему почудилось, будто он видит пар, который вырывается у него изо рта. И тишина, полная, мертвая тишина. В этой тишине отчетливо разносился стук сердца Нормана, которое лакейски подстраивалось под грохочущую бесовскую музыку.

И тут, в миг дьявольского, парализующего душу озарения, он понял, что это и есть истинное колдовство. Не вздорная болтовня о нелепых средневековых ухищрениях, не изящные пассы,

но изнурительная борьба за то, чтобы удержать в повиновении призванную мощь, лишь символами которой были те предметы, какие лежали перед ним на столе. Норман ощутил, как за стенами номера, снаружи его черепа, за непроницаемыми стенами рассудка собирается и разбухает нечто грозное и смертельно опасное, ожидающее одной-единственной ошибки, чтобы сокрушить его.

Он не мог поверить. Он не верил. И все же вынужден был поверить.

Но устоит ли он? Вот вопрос.

Одиннадцать пятьдесят семь. Без трех минут полночь. Норман принялся складывать принадлежности своего колдовства на лоскут фланели. Игла прильнула к магнетиту. Ну и ну! Они ведь находились в футе друг от друга! Норман посыпал предметы кладбищенской землей: песчинки шевелились под его пальцами, словно личинки насекомого. Чего-то не хватает. Он порылся в памяти, но та подвела. Он хотел перечитать текст, но порыв неизвестно откуда взявшегося ветерка разбросал кусочки бумаги по столу. Неведомые силы возликовали, Норман уставал тягаться с ними. Схватив наудачу одну бумажку, он различил слова «платины или иридия». Норман раскрутил

ручку, отломил перо и добавил его в груду предметов на фланели.

Он встал напротив метки на столешнице, означавшей восток; руки его тряслись, как у пьяницы, зубы громко стучали. В комнате было совсем темно, если не считать лучика голубоватого света, который выбивался из-под шторы. Неужели фонари теперь заправляют парами ртути?

Внезапно фланелевый лоскут начал загибаться наподобие нагретого желатина и сворачиваться с востока на запад, по ходу солнца.

Норман успел, прежде чем он свернулся до конца, ухватить его за край, а потом — пальцы онемели настолько, что фланель для них словно превратилась в металл, — скатал против солнца.

Тишина сделалась оглушительной, поглотила даже стук сердца. Норман сознавал: нечто настороженно дожидается его приказа, пребывая в почти полной уверенности, что он не сможет ничего приказать.

Послышался бой часов. Или то были не часы, а звучало само время? Девять… десять… одиннадцать… *двенадцать*…

Язык Нормана как будто прилип к пересохшему нёбу. Слова толпились в горле, будучи не в силах выбраться наружу. Потолок комнаты словно

слегка опустился.

— Останови Тэнси, — выдавил Норман. — Приведи ее сюда.

Впечатление было такое, будто в Нью-Джерси произошло землетрясение: комната закачалась, пол ушел из-под ног, мрак стал совершенно непроглядным. Стол — или что-то поднимавшееся со стола — ударил Нормана, и он повалился на что-то мягкое.

Затем все вдруг успокоилось. Так уж заведено: напряжение сменяется вялостью. Свет и звук возвратились. Норман лежал поперек кровати, а посреди стола валялся крошечный фланелевый сверток.

Норман чувствовал себя так, словно перепил на вечеринке или нанюхался кокаина. У него не было ни малейшего желания что-либо делать, он не испытывал никаких эмоций.

Внешне все осталось прежним. Его приученный к порядку мозг уже взвалил на себя неблагодарный труд — объяснить случившееся с научной точки зрения; он сплетал паутину из психозов, галлюцинаций и невозможных совпадений.

Однако внутри что-то изменилось — уже навсегда.

Прошло какое-то время.

В коридоре за дверью послышались шаги. Их сопровождал хлюпающий звук, как будто кто-то шел в промокшей обуви.

Шаги замерли у двери номера, который занимал Норман.

Он поднялся, пересек комнату и повернул ключ в замке.

К серебряной брошке прицепилась бурая водоросль. Серое платье было насквозь мокрым; небольшое подсохшее пятно успело покрыться корочкой соли. Сильно запахло морской водой. На лодыжке, обвив перекрученный чулок, висела еще одна водоросль.

На полу, вокруг туфель, уже образовалась маленькая лужица.

Норман бросил взгляд на цепочку следов на ковре, которая тянулась до самой лестницы, и увидел пожилого портье. Тот словно обратился в камень: нога его была занесена над верхней ступенькой, а в руках он держал саквояж из свиной кожи.

— Что происходит? — пробормотал он, заметив, что Норман смотрит на него. — Вы не сказали мне, что ждете жену. А она выглядит так, словно одетая искупалась в бухте. Мы не хотим, чтобы про нашу гостиницу пошла дурная слава…

— Все в порядке, — проговорил Норман, сознательно отдаляя тот миг, когда ему придется взглянуть в лицо Тэнси. — Извините, что забыл предупредить вас. Давайте мне сумку.

— В прошлом году у нас случилось самоубийство, — портье, похоже, не сознавал, что размышляет вслух, — с нас вполне хватит.

Наконец он стряхнул с себя оцепенение, попятился, спустившись на несколько ступенек, поставил саквояж, повернулся и чуть ли не бегом сбежал по лестнице.

Норман неохотно перевел взгляд на Тэнси.

Лицо ее было бледным, очень бледным и лишенным всякого выражения. Губы имели синеватый оттенок, волосы прилипли к щекам, густая прядь, ниспадая на лоб, полностью скрывала один глаз, а другой взирал тускло и безжизненно. Руки безвольно свисали вдоль тела.

С подола платья капала на пол вода.

Губы разошлись. Голос напоминал монотонное журчание воды.

— Ты опоздал. Опоздал на минуту.

15

Они возвращались к этому вопросу уже в третий раз. Норман начал раздражаться. Ему

чудилось, будто он преследует робота, который движется по кругу, ступая на одни и те же стебли травы.

Уверенный, что снова ничего не добьется, он тем не менее спросил:

— Но как ты можешь потерять сознание и одновременно понимать, что ты его потеряла? Если твой мозг пуст, каким образом ты догадываешься о его пустоте?

Стрелки на его часах подползали к трем утра. В сумрачном гостиничном номере как-то по-особенному остро ощущались ночные холод и хворь. Тэнси в купальном халате Нормана и меховых тапочках сидела в кресле; голова ее обернута была полотенцем, а на коленях лежало одеяло. Раньше в подобном наряде она выглядела бы маленькой, но чрезвычайно привлекательной девочкой, но это раньше. Если размотать полотенце, под ним окажется череп с дыркой, через которую извлекли мозг, — именно такое чувство испытывал Норман, когда ему за разговором случалось взглянуть в глаза жены.

— Я ничего не знаю, — сорвалось с бледных губ. — Я только говорю. Мою душу забрали. Голос принадлежит не ей, а телу.

Да, подумалось Норману, и тон его нельзя на-

звать даже наставительным: уж слишком он бесцветен. Слова произносились размеренно, с одинаковой интонацией, походили друг на друга как две капли воды и напоминали монотонный шум какого-нибудь агрегата.

Меньше всего на свете Норману хотелось приставать с расспросами к этой карикатуре на человека, но он чувствовал, что должен любой ценой вызвать хоть какой-то отклик на застывшем, словно маска, лице, должен найти зацепку, от которой мог бы оттолкнуться в рассуждениях его собственный мозг.

— Тэнси, если ты говоришь о том, что творится вокруг, ты не можешь не воспринимать происходящего. Мы с тобой вдвоем, здесь, в этой комнате!

Запеленутая в полотенце голова качнулась из стороны в сторону, как у механической куклы.

— С тобой только тело. «Я» тут нет.

Он машинально исправил «я» на «меня», прежде чем сообразил, что во фразе нет грамматической ошибки. Он вздрогнул.

— Ты хочешь сказать, — спросил он, — что ничего не видишь и не слышишь? Что тебя окружает чернота?

Механическое движение головы, которое убеж-

дало лучше всяких возражений, повторилось.

— Мое тело все видит и все слышит. Оно не пострадало. Оно способно выполнять самые разные действия. Но внутри пусто. Там нет даже черноты.

Утомленное сознание Нормана перескочило вдруг к основному постулату бихевиористской [10] психологии: человеческие поступки могут быть удовлетворительно объяснены без обращения к психике, как будто ее вовсе не существует. Что я, вот доказательство правоты бихевиористов. Впрочем, доказательство ли? Ведь в поведении этого… тела… начисто отсутствуют все те мелочи, которые в сумме и составляют личность. Манера Тэнси щуриться, раздумывая над головоломной задачкой. Подергивание уголков губ — признак того, что она польщена или слегка удивлена. Все, все пропало. Даже быстрое тройное покачивание головой, когда нос Тэнси шевелился, как у кролика, превратилось в тусклое «нет», произнесенное невыразительным голосом робота.

Ее органы чувств реагируют на внешние стимулы. Они посылают импульсы в мозг, а тот

---

10 notes: 10

Бихевиоризм — направление в американской психологии XX в., сводящее психику к различным формам поведения, к совокупности реакций организма на стимулы внешней среды.

перерабатывает полученные сведения и передает сигналы мышцам, в том числе голосовым. Но и только. Нервная деятельность в коре головного мозга продолжается, однако она направлена теперь исключительно на физическое. То, что придавало поведению Тэнси своеобразный, присущий ей одной стиль, исчезло без следа. Остался организм, который утратил одухотворявшую его личность. Даже безумная или глупая — да! почему бы не воспользоваться устарелым термином, если он подходит к случаю? — душа не проглядывает в этих серо-зеленых глазах, которые моргают с регулярностью хорошо отлаженного механизма, но лишь для того, чтобы смазывалась роговая оболочка.

Норман ощутил угрюмое облегчение: он сумел-таки описать состояние Тэнси в точных терминах. И то ладно… Память неожиданно воспроизвела, едва ли не слово в слово, прочитанную им когда-то в газете заметку о старике, который многие годы хранил в своей спальне тело молодой женщины; он любил ее, а она умерла от неизлечимой болезни. При помощи воска и прочих ухищрений ему удалось предотвратить гниение. Он разговаривал с телом утром и вечером каждого дня и пребывал в полной уверенности, что однажды

оживит умершую. Но полиция заинтересовалась стариком, провела у него дома обыск и забрала тело женщины, чтобы похоронить его.

Норман кисло усмехнулся. Черт подери, воскликнул он мысленно, как можно задумываться над необузданными, бредовыми фантазиями, когда вот сидит Тэнси, которая, очевидно, страдает от редкого нервного заболевания?!

Очевидно?

Необузданные фантазии?

— Тэнси, — произнес он, — почему ты не умерла, когда лишилась души?

— Обычно душа терпит до конца, будучи не в силах убежать, и погибает вместе с телом, — ответил механический голос с размеренностью метронома. — Но мою душу терзал Тот-Кто-Идет-Следом. Открыв глаза, я увидела зеленую воду и поняла, что наступила полночь и что у тебя ничего не вышло. В этот миг отчаяния он и похитил мою душу. Но тут меня обхватили и повлекли к воздуху руки твоего посланца. Моя душа была близко, но уже не могла вернуться в тело. Ее бессильная ярость — последнее, что отложилось у меня в памяти. Твой посланец и Тот-Кто-Идет-Следом, должно быть, решили, что добились каждый своего, а потому разошлись с миром.

Картина, возникшая в сознании Нормана, была настолько яркой и правдоподобной, что казалось немыслимым, будто ее могли нарисовать слова робота. Однако лишь робот способен был повествовать о подобном событии с поистине ледяным безразличием.

— И ничто тебя не волнует? — спросил вдруг Норман, содрогаясь вновь при виде пустоты в ее глазах. — И ничегошеньки не хочется?

— Хочется. Одного, — это заявление сопровождалось не покачиванием головой, а утвердительным кивком. В лице Тэнси появился какой-то намек на чувство. Мертвенно-бледный язык облизал синеватые губы. — Я хочу свою душу.

У Нормана перехватило дыхание. Он пожалел о том, что его стремление вывести Тэнси из ступора увенчалось успехом. Под наружностью человека притаился зверь. Ее реакция напомнила ему любящего свет червяка, который спешит выбраться на солнце.

— Я хочу свою душу, — повторил механический голос. В его монотонности было нечто такое, из-за чего Нормана так и подмывало заткнуть уши. — Расставаясь со мной, моя душа наделила меня этим желанием. Она знала, что ее ожидает. Ей было очень страшно.

— Где, по-твоему, она находится? — процедил Норман сквозь зубы.

— У нее. У женщины с тусклыми глазами.

Норман ошарашенно уставился на Тэнси. Он ощущал, как зарождается в сердце гнев, и ему было все равно, осмысленный это гнев или нет.

— У Ивлин Соутелл? — спросил он хрипло.

— Да. Но не стоит называть ее по имени.

Его рука метнулась к телефону. Ему надо чем-то занять себя, иначе он просто сойдет с ума.

Разбудив портье, Норман через него связался с местной телефонной станцией.

— Да, сэр? — послышался в трубке мелодичный женский голос. — Хемпнелл, 1284. Кого позвать? Ивлин Соутелл? Еще раз, сэр. И-В-Л-И-Н С-О-У-Т-Е-Л-Л. Хорошо, сэр. Повесьте, пожалуйста, трубку. Мне потребуется время, чтобы дозвониться.

— Я хочу свою душу. Я хочу отправиться к той женщине. Я хочу в Хемпнелл, — похоже, Норман разбудил голодного зверя. Как игла проигрывателя, что застряла в канавке на заезженной пластинке, подумалось ему, или как механическая игрушка, которую куда подтолкни, туда она и пойдет.

— Конечно, мы поедем в Хемпнелл, — сказал он с запинкой. — И вернем твою душу.

— Но тогда нужно вызвать горничную, чтобы она почистила и погладила мою одежду.

Плавно поднявшись, она шагнула к столику, на котором стоял телефон.

— Тэнси, — устало проговорил Норман, — времени четвертый час. Какая может быть горничная?

— Мне надо почистить и погладить одежду. Я скоро поеду в Хемпнелл.

Ей-богу, подумал Норман, как сварливая старуха! Вот только голос сомнамбулический.

Тэнси приближалась к нему. Он осознал вдруг, что отодвигается как можно дальше, словно стремясь вжаться в стену.

— Даже если ты ее добудишься, — сказал он, — она не придет.

Бледное лицо повернулось к нему.

— Горничная — женщина. Она придет, когда услышит меня.

Тэнси сняла трубку.

— В вашей гостинице есть горничная? — справилась она у ночного портье. — Пришлите ее в мой номер… Ну так позвоните ей… Я не могу ждать до утра… Она нужна мне немедленно… Неважно… Спасибо.

Последовала долгая пауза, которую нарушали

только гудки на том конце провода. Наконец там проснулись.

— Это горничная? Подойдите в номер 37.

Норман как будто сам услышал возмущенный ответ.

— Разве по моему голосу вы не догадываетесь, в каком я состоянии?.. Да... Приходите немедленно...

Тэнси опустила трубку на рычаг.

Норман не сводил с нее глаз. Неожиданно для себя он спросил:

— Тэнси, ты способна отвечать на мои вопросы?

— Да, способна. Я отвечаю на них вот уже три часа.

Почему же, не отступалась логика, помня, что произошло в последние три часа, она... Но что такое память, как не тропинка, проложенная в нервной системе? Чтобы объяснить суть памяти, вовсе незачем обращаться к психике.

Хватит биться головой о каменную стену, глупец! Ты ведь заглядывал ей в глаза, верно? Каких еще доказательств ты ищешь?

— Тэнси, — произнес он, — что ты подразумевала, говоря, что твоя душа у Ивлин Соутелл?

— То, что сказала.

— Ты имеешь в виду, что она, миссис Карр и миссис Ганнисон обладают над тобой некой психологической властью, что они как бы эмоционально поработили тебя?

— Нет.

— Но твоя душа…

— …есть моя душа.

— Тэнси, — у него не было никакого желания заговаривать на эту тему, но он чувствовал, что должен, — ты веришь, что Ивлин Соутелл ведьма, что она занимается колдовством, как когда-то ты?

— Да.

— А миссис Карр и миссис Ганнисон?

— Они тоже.

— Ты хочешь сказать, будто веришь, что они делают то, от чего отказалась ты, — творят заклинания, наводят чары, используют познания своих мужей, чтобы обеспечить им продвижение по службе?

— Не только.

— А что еще?

— Они занимаются и белой и черной магией. Их не пугает то, что они причиняют боль или убивают.

— Почему?

— Ведьмы похожи на людей. Среди них есть лицемерки, склонные к самовосхвалению и самообману, которые считают, что цель оправдывает средства.

— Ты веришь, что они все трое злоумышляют против тебя?

— Да.

— Почему?

— Потому что они ненавидят меня.

— За что?

— Отчасти из-за тебя: они боятся, что ты обойдешь их мужей. Но главная причина их ненависти в том, что они чувствуют — я другая. Я пыталась это скрыть, но они чувствуют, что во мне нет уважения к респектабельности. У ведьм зачастую те же боги, что и у людей. Они опасаются меня, поскольку чувствуют мое презрение к Хемпнеллу. С миссис Карр, впрочем, все не так просто.

— Тэнси, — Норман запнулся. — Тэнси, как, по-твоему, случилось, что они стали ведьмами?

— Случилось, и все.

Установилось молчание. Чем дольше Норман размышлял, тем правильнее представлялся ему диагноз: «паранойя».

— Тэнси, — наконец проговорил он, — неужели

ты не понимаешь, что из этого следует? Что все женщины — ведьмы!

— Да.

— Но как ты…

— Молчи, — перебила его Тэнси. — Она идет.

— Кто?

— Горничная. Спрячься, я кое-что тебе покажу.

— Спрятаться?

— Да. — Тэнси шагнула к нему. Он невольно отпрянул и коснулся рукой дверцы шкафа.

— Сюда? — спросил он, облизывая губы.

— Да. Спрячься там, и я докажу тебе.

В коридоре послышались шаги. Норман помедлил, нахмурился — и влез в шкаф.

— Я оставлю дверцу приоткрытой, — сказал он, — вот так.

Ответом ему был механический кивок.

В дверь постучали.

— Звали, мэм? — вопреки ожиданиям Нормана, голос был молодой. Однако создавалось впечатление, что горничная говорит через силу.

— Да. Я хочу, чтобы вы почистили и погладили мои вещи. Они побывали в соленой воде. Возьмите их на вешалке в ванной.

Горничная появилась в поле зрения Нормана. Скоро она растолстеет, подумалось ему, но сейчас

ей не откажешь в миловидности, хотя лицо ее опухло от сна. Она была в форменном платье, но непричесанная и в тапочках.

— Пожалуйста, осторожнее с шерстяными вещами, — донесся до Нормана бесцветный голос Тэнси. — Я жду вас через час.

Если Норман предполагал, что горничная возразит, то просчитался.

— Хорошо, мэм, — ответила девушка. С мокрой одеждой в руках она двинулась было к двери, словно торопясь уйти, пока ее не спросили о чем-нибудь еще.

— Постой, девушка. Я хочу задать тебе вопрос, — голос Тэнси сделался немного громче. Больше в нем не произошло никаких изменений, однако этого было достаточно, чтобы он зазвучал повелительно.

Девушка нехотя подчинилась. Норман смог как следует разглядеть ее. Тэнси он не видел, ибо щель, в которую он наблюдал, была очень узкой, однако страх, написанный на сонном лице горничной, явно был как-то связан с его женой.

— Да, мэм?

Судя по тому, что девушка съежилась и крепко прижала к груди мокрые вещи, Тэнси, должно быть, взглянула на нее в упор.

— Тебе известен Легкий Способ Делать Дела? Ты знаешь, как Добывать и Оберегать?

Норман готов был поклясться, что девушка вздрогнула. Однако она отрицательно помотала головой.

— Нет, мэм… Я не понимаю, про что вы говорите.

— Ты разумеешь, что никогда не изучала, Как Добиваться Исполнения Желаний? Ты не колдуешь, не творишь заклинаний, не наводишь чар? Тебе неведомы тайны Ремесла?

— Нет, — прошептала горничная так тихо, что Норман едва расслышал. Она попыталась отвести взгляд, но не смогла.

— По-моему, ты лжешь.

Девушка в отчаянии стиснула руки. Она выглядела перепуганной до смерти. Норману даже захотелось вмешаться, но любопытство удержало его на месте.

— Мэм, — взмолилась девушка, — нам запрещено рассказывать об этом!

— Со мной ты можешь не бояться. Какие Обряды вы совершаете?

Горничная, похоже, несказанно удивилась.

— Обряды, мэм? Я ничего не знаю про них. Сама я колдую по мелочи. Когда мой парень был в

армии, я заклинала каждый день, чтобы его не ранило и не убило и чтобы он не засматривался на других женщин. Еще я иногда пробую лечить больных. Все по мелочи, мэм. У меня часто не получается, как я ни стараюсь.

Словесный поток мало-помалу иссяк.

— Ну хорошо. Где ты всему научилась?

— В детстве меня учила мама. А заклинание от пуль сказала мне миссис Найдел, которая узнала его от своей бабушки, пережившей какую-то войну в Европе. Но так бывает редко; я имею в виду, женщины все больше молчат о таком. Кое до чего я додумалась сама. Вы не выдадите меня, мэм?

— Нет. Посмотри на меня. Что со мной случилось?

— Честно, мэм, я не знаю. Пожалуйста, не заставляйте меня говорить, — в голосе девушки слышался неподдельный ужас, и Норман даже рассердился на Тэнси, но потом вспомнил, что в своем теперешнем состоянии она не отличает доброту от жестокости.

— Я хочу, чтобы ты мне сказала.

— Я не могу, мэм… Вы… вы мертвая, — внезапно горничная упала в ноги Тэнси. — Пожалуйста, пожалуйста, не забирайте мою душу! Пожалуйста!

— Я не возьму ее, хотя впоследствии ты, может,

о том и пожалеешь. Ступай.

— Спасибо, мэм, огромное вам спасибо, — девушка поспешно подобрала с пола одежду. — Я скоро все принесу, обещаю вам.

Она выбежала из номера.

Только шевельнувшись, Норман осознал, что мышцы его онемели от нескольких минут полной неподвижности. На негнущихся ногах он выбрался из шкафа. Фигура в халате и с полотенцем на голове сидела в кресле: руки сложены на коленях, взгляд устремлен туда, где мгновение назад стояла горничная.

— Если все это было тебе известно, — спросил Норман, мысли которого окончательно перепутались, — почему ты согласилась выполнить мою просьбу?

— Любая женщина состоит как бы из двух половинок, — Норману почудилось, будто он беседует с мумией, которая излагает ему древнюю мудрость. — Первая — рациональная, мужская. Вторая же половинка не ищет разумных объяснений; она знает. Мужчины — искусственно изолированные существа, подобные островкам в океане магии. Их защищают собственный рационализм и женщины, с которыми они соединили свои судьбы. Изолированность помогает им мыс-

лить и действовать, но женщины знают. Они могли бы в открытую управлять миром, но не желают брать на себя такую ответственность. К тому же тогда мужчины могли бы превзойти их в познании тайн Ремесла. Уже сейчас встречаются колдуны, однако пока их мало.

На прошлой неделе я подозревала многое, но решила не делиться с тобой своими подозрениями. Рациональная сторона во мне довольно сильна, и потом, я хотела быть как можно ближе к тебе. Подобно большинству женщин, я сомневалась в своей правоте. Когда мы уничтожили мои талисманы и обереги, я на какое-то время словно ослепла. Я ощущала себя наркоманом, который привык к одним дозам, а ему вводят другие, гораздо более слабые. Рационализм взял верх, и несколько дней я наслаждалась чувством безопасности. Но то же здравомыслие подсказало мне, что ты стал жертвой колдовства. А по пути сюда я узнала кое-что новое, в том числе — от Того-Кто-Идет-Следом.

Помолчав, Тэнси добавила с невинной ребяческой хитрецой:

— Не пора ли нам ехать в Хемпнелл?

Зазвонил телефон. Ночной портье, возбужденный до такой степени, что его чрезвычайно

трудно было понять, прокричал что-то о полиции и выселении из гостиницы. Чтобы успокоить его, Норман сказал, что немедленно спустится в холл.

Портье дожидался его у подножия лестницы.

— Послушайте, мистер, — начал он, покачивая пальцем, — я хочу знать, что происходит. Сисси вышла из вашего номера бледная как полотно. Нет, она мне не жаловалась, но дрожала с ног до головы. Она моя внучка. Я устроил ее сюда, а потому отвечаю за нее. Я всю жизнь проработал в гостиницах, и мне известно, что они из себя представляют. Я знаю, какой люд в них селится, какие попадаются временами мужчины и женщины и на что они подбивают молоденьких девушек.

Поймите, мистер, я на вас зла не держу. Но вы же не станете убеждать меня, будто с вашей женой все ладно. Когда она попросила прислать Сисси, я решил, что она заболела или что-нибудь в этом роде. Но если она больна, почему вы не вызвали врача? И почему вы не спите, в четыре-то утра? Миссис Томпсон из соседнего с вашим номера позвонила мне и заявила, что вы своими разговорами не даете ей заснуть. Я имею право знать, что происходит!..

Напустив на себя профессорский вид, Норман

принялся втолковывать старику, что его опасения безосновательны. Тот поворчал, но как будто удовлетворился. Он вернулся за стойку, а Норман пошел наверх.

Еще с лестницы он услышал звонок телефона.

Тэнси стояла у кровати и что-то говорила в трубку, которая, изгибаясь от уха до рта, подчеркивала своим иссиня-черным цветом бледность губ и щек и призрачную белизну полотенца.

— Это Тэнси Сейлор, — произнес механический голос. — Я хочу свою душу. — Пауза. — Вы не поняли, Ивлин? Это Тэнси Сейлор. Я хочу свою душу.

Норман совсем забыл про междугородный вызов, который сделал, поддавшись безрассудному гневу. Теперь он никак не мог сообразить, что собирался сказать миссис Соутелл.

Из трубки донесся приглушенный вой. Тэнси повысила голос:

— Это Тэнси Сейлор. Я хочу свою душу.

Норман переступил порог. Громкость звука в трубке быстро нарастала, к вою добавился пронзительный визг.

Норман протянул руку, но тут Тэнси круто развернулась, и на глазах у Нормана случилось нечто невероятное.

Когда неодушевленные предметы начинают

вести себя так, словно в них заронили крупицу жизни, неизбежно возникает мысль о наваждении или мошенничестве. Например, есть такой фокус: карандаш в пальцах вдруг как бы утрачивает твердость, гнется во все стороны, будто резиновый. Магия? Нет, ловкость рук.

Несомненно, Тэнси притронулась к телефону, однако Норману показалось, что тот внезапно ожил, превратился в жирного червяка и присосался к коже Тэнси на подбородке и чуть ниже уха. А к вою и визгу в трубке, почудилось ему, примешалось утробное урчание.

Он действовал без промедления: упал на колени и оторвал провод от розетки на стене. Посыпались голубые искры. Оборванный конец провода, извиваясь точно раненая змея, обвился вокруг его запястья, судорожно сжался — и ослаб; Норман брезгливо сбросил его на пол и встал.

Телефон валялся рядом с ножкой стола. Он выглядел совершенно обычно. Норман пнул его ногой. Он отлетел в сторону. Норман нагнулся и осторожно коснулся его. На ощупь он был таким, каким и положено быть телефонному аппарату.

Норман посмотрел на Тэнси. Та стояла на прежнем месте, в лице ее не было и намека на испуг. С безразличием механизма она подняла руку, по-

гладила щеку и шею. Из уголка рта по подбородку бежала тоненькая струйка крови.

Ну да, она чересчур сильно прижала трубку и прикусила губу.

Но он видел…

Должно быть, он просто не заметил, как Тэнси встряхнула аппарат.

Какое там «встряхнула»! Он видел… невообразимое! Невозможное!

Но разве слово «невозможно» еще хоть на что-нибудь годится?

На том конце провода была Ивлин Соутелл. Он сам слышал звук трещотки. Так что ничего сверхъестественного. Вот факт, которого нужно придерживаться, в который нужно вцепиться зубами.

Норман рассвирепел. Ненависть, захлестнувшая его при мысли о женщине с тусклыми глазами, была поистине поразительной. На миг он почувствовал себя инквизитором, которому донесли, что одна поселянка была замечена в колдовстве. Перед его мысленным взором промелькнули дыба, пыточное колесо, «испанские сапоги». Потом средневековая фантасмагория исчезла без следа, но гнев остался — впрочем, он перерос в отвращение.

Во всех неприятностях и бедах Тэнси виноваты Ивлин Соутелл, Хульда Ганнисон и Флора Карр. Это Норман знал наверняка. Вот второй факт, который следует постоянно принимать в расчет. Они повредили мозг Тэнси — то ли внушая ей исподволь всякие несуразности, то ли каким-то иным способом.

Они виноваты, однако доказать их вину на суде, если таковой состоится, нечего и думать. Он, Норман Сейлор, — единственный мужчина на свете, который может спасти Тэнси. Значит, он должен в одиночку сразиться с тремя ведьмами, используя против них их собственное оружие.

Он должен убедить себя, что верит в силу магических средств и колдовских принадлежностей.

Тэнси опустила руку и облизнула губу, к которой присохла капелька крови.

— Мы можем ехать в Хемпнелл?

— Да!

16

Норман поглядывал в окно, прислушиваясь к перестуку вагонных колес, этой колыбельной машинного века. Мимо проносились залитые ярким солнечным светом зеленые поля, фермы, разморенные жарой стада. Он и сам был бы не прочь подремать, но понимал, что у него ничего не выйдет. *Она* же, по всей видимости, во сне не нуждалась.

— Я буду думать вслух, — сказал он, — а ты поправь меня, если увидишь, что я ошибаюсь.

Краем глаза он уловил утвердительный кивок фигуры, что сидела между ним и окном.

Какое, однако, у него гнусное умение приспосабливаться к обстоятельствам! Прошло всего-то полтора дня, а он уже вовсю использует Тэнси в качестве справочного автомата, обращается к ней с вопросами, требует вспомнить то-то и то-то, как будто она — проигрыватель, на который можно поставить ту или иную пластинку.

В то же время он сознавал, что иначе не вынес бы ее присутствия в одном с собой купе. От нехороших мыслей он отвлекал себя маленькими хитростями — например, старался не смотреть

Тэнси в глаза. К тому же он тешил себя надеждой, что ее нынешнее состояние — временное. Если он начнет думать о том, каково это — делить стол и постель, провести жизнь в компании ледышки с черной пустотой внутри…

Норман с содроганием припомнил вчерашний вечер в Нью-Йорке. Люди расступались перед ними, чтобы только не коснуться Тэнси; их провожали взглядами, в которых поровну было любопытства и страха. А та женщина, которая вдруг завопила на всю улицу! Хорошо, что они успели затеряться в толпе.

Поэтому он искренне обрадовался, когда они сели в поезд. Пульмановское купе он воспринял как неприступную твердыню, в которую никому и никогда не ворваться.

А все-таки интересно, что замечали другие люди? Конечно, если приглядеться, толстый слой косметики лишь оттеняет неестественную бледность лица, а помада бессильна скрыть синеватый оттенок губ. Но чтобы рассмотреть все это под вуалью?.. Может, их изумляла ее походка или одежда? Надо признать, Тэнси кажется одетой… гм… слегка небрежно. Или же чувствуется то, о чем вынуждена была сказать та девушка из Бейпорта?

Норман сообразил, что намеренно оттягивает момент, которого так или иначе не избежать. Ему придется выполнить задуманное, какие бы чувства у него при этом ни возникали.

— Магия относится к числу практических наук, — заговорил он, уставившись на стену, словно диктовал. — Вот в чем заключается разница между формулой физической и магической, хотя они носят одно и то же название. Первая описывает в строгих математических символах причинно-следственные взаимоотношения различных явлений. А вторая является способом получения либо достижения чего-то. Она всегда учитывает желания и стремления того, кто ее использует, — будь то алчность, любовь, месть или что еще. Тогда как результат физического эксперимента по большому счету не зависит от личности экспериментатора. Короче говоря, «чистая наука» существует, а «чистая магия» — нет или почти нет.

Но различие, которое мы проводим между физикой и магией, на деле всего лишь — прихоть истории. Физика начиналась как разновидность магии, подтверждением чему могут служить алхимия и мистическая математика Пифагора. Современная физика тоже сделалась практи-

ческой, однако у нее имеется теоретическая надстройка, которая у магии отсутствует. Подобная надстройка для магии может быть создана через исследования в области «чистой магии», через изучение магических формул и сравнение их друг с другом, через вывод основополагающих формул, которые будут выражены в математических символах и получат широкое применение. Большинство же тех, кто практиковал магию, были слишком сильно заинтересованы в плодах колдовства, чтобы заботиться о теоретическом его обосновании. Однако как исследования в области «чистой науки» привели — на первый взгляд случайно — к поразительным практическим результатам, так и исследования в области «чистой магии» способны принести чародейству неоценимую пользу… Сегодня уже появились такие ученые, которые проводят опыты, как-то связанные с магией, которые собирают свидетельства о случаях ясновидения, пророческого откровения и телепатии, которые изучают возможность установления прямого контакта между сознанием двух и более людей, хотя бы они находились на разных сторонах планеты.

Помолчав, Норман продолжил:

— Магия как наука по своему материалу род-

ственна физике, несмотря на то…

— По-моему, она больше схожа с психологией, — перебил механический голос.

— То есть? — спросил он, не поворачивая головы.

— Она исследует способы управления другими существами, призывания их и удержания их в повиновении.

— Пусть так, разница невелика. По счастью, формулы остаются осмысленными до тех пор, пока мы понимаем, к чему именно они относятся, хотя истинная природа того, что они описывают, может при этом быть неизвестной нам. Скажем, физику нет необходимости давать визуальное описание атома, даже если термин «визуальное описание» можно применить к атому, что представляется сомнительным. Подобным образом и колдуну незачем описывать наружность и внутреннюю суть того существа, которое он призывает; отсюда многочисленные «неописуемые» и «безымянные» ужасы в книгах по магии. Впрочем, ты подметила верно. Многие как будто безличные силы, вроде ураганов, разбушевавшись, словно обретают личность. Поэтому не будет преувеличением сказать, что для описания одного-единственного электрона со всеми

его метаниями и шараханьями понадобится некая наука с психологическим уклоном, хотя в агрегатном состоянии электроны подчиняются относительно простым законам, как и люди, когда рассматривается поведение не отдельного человека, а какой-то группы. Вот почему отчасти магические процедуры столь ненадежны и опасны, вот почему заклинания не действуют, если намеченная жертва знает, как защищаться. Все формулы, записанные в твоем дневнике, оказались бесполезными, как только он попал в руки миссис Ганнисон…

Норман слушал себя и удивлялся, догадываясь, однако, что, если он отбросит сухую, академическую манеру рассуждать и позволит себе отвлечься, его рассудок попросту не выдержит.

— Идем дальше, — проговорил он. — Мне представляется, что магия как наука сильно зависит от окружающей среды, то есть от ситуации в мире и во Вселенной. Я поясню. Евклидова геометрия годится для земных условий, но в космосе гораздо больше пригодна неевклидова. Так и с магией. Основные магические формулы, по-видимому, изменяются с течением времени и довольно часто; заметь, я вовсе не хочу сказать, что не существует формул, которые управляли бы такими

изменениями. Утверждалось, что законы физики склонны к похожему эволюционированию; если это правда, то они развиваются куда медленнее магических формул. Ну, к примеру, считается, что скорость света изменяется в зависимости от того, как давно он идет от своего источника. Вполне естественно, что законы магии развиваются быстрее, поскольку магия основана на взаимодействии материального мира и иной плоскости бытия, а это взаимодействие — штука сложная и в высокой степени нестабильная.

Возьми хотя бы астрологию. За несколько тысячелетий благодаря предварению равноденствий Солнце в одно и то же время года побывало в различных небесных домах, как называются знаки Зодиака. Про человека, который родился, скажем, 22 марта, говорят, что его созвездие — Овен, хотя на деле он был рожден, когда Солнце находилось в Рыбах. Пренебрежение фактором смещения делает астрологические формулы неточными и…

— По-моему, — заявил голос, — астрология никогда не была точной наукой. Она — одна из многих псевдонаук, которые смешивают с настоящей магией.

— Может быть. Во всяком случае, тогда становится понятнее, почему над магией принято

потешаться.

Предположим, что основополагающие физические формулы — три закона Ньютона — претерпели за пару тысяч лет серьезные изменения. Открытие любого физического закона всегда сопровождалось значительными трудностями. Однотипные эксперименты в разные эпохи дадут различные результаты. Вот в чем закавыка с магией, вот из-за чего рациональные умы посмеиваются над теми, кто верит в нее. Старый Карр сообщил мне интересную вещь. Он, правда, рассуждал о картах, но это ерунда. После нескольких перетасовок множества космических факторов законы магии изменяются. Зоркий глаз может различить перемену, однако требуется бесчисленное количество экспериментов, чтобы методом проб и ошибок отразить ее в практических формулах, тем более что нам неведомы базовые формулы магии.

Конкретный пример: формула, которой я воспользовался в ночь с воскресенья на понедельник. Она имеет отчетливые признаки модернизации. Что, кстати говоря, предлагалось в оригинальной формуле вместо иглы проигрывателя?

— Определенной формы свисток из ивовой

коры, в который свистели всего один раз, — ответил голос.

— А вместо платины или иридия?

— Раньше применялось серебро, но чем металл тяжелее, тем лучше. Свинец, впрочем, не годится. У меня с ним ничего не вышло. Его свойства совсем иные, нежели у серебра.

— Конечно. Метод проб и ошибок. К тому же, поскольку теоретическое описание отсутствует, мы не можем быть уверены в том, что все составляющие магической формулы одинаково необходимы для успешного исполнения заклинания. Здесь, пожалуй, могло бы помочь сравнение магических формул разных стран и народов. Оно показало бы, какие элементы наличествуют во всех формулах и, следовательно, являются неотъемлемой их частью.

В дверь постучали. Фигура рядом с Норманом опустила вуаль и отвернулась к окну, словно ее что-то вдруг там заинтересовало. Норман открыл.

Официант принес обед, хотя близилось уже время ужина. Та же самая история была и с завтраком. Официант был новый — с лицом кофейного цвета вместо черного как смоль. Должно быть, первый чересчур разнервничался, а потому

подыскал себе замену.

Норман следил за движениями официанта с нетерпеливым любопытством. Тот сначала бросил взгляд на фигуру у окна — наверно, подумалось Норману, они с Тэнси сделались достопримечательностью поезда, — потом, продолжая искоса поглядывать на нее, разложил столик. Глаза его испуганно расширились, смуглая кожа посерела. Внезапно став неуклюжим, он кое-как расставил тарелки, выдавил из себя улыбку и торопливо откланялся.

Норман также принял участие в сервировке стола: он положил ножи и вилки так, чтобы они находились под прямым углом к направлению, в котором их обычно кладут.

Обед был довольно скудным и гораздо больше подошел бы для умерщвления плоти. Норман старался не смотреть на Тэнси. В методичности, с которой она поглощала пищу, было нечто худшее, чем животный голод. Поев, он откинулся к стенке купе, достал сигарету и…

— Ты ничего не забыл? — спросила фигура без выражения.

Норман поднялся, собрал остатки обеда в маленькую картонную коробку, накрыл ее салфеткой, которой начисто вытер тарелки, и сунул

в свой саквояж, где уже лежал конверт с обрезками его ногтей. Чистые тарелки после завтрака были одной из причин нервозности первого официанта, однако Норман решил для себя, что будет строго соблюдать, все табу, которые как будто имели значение для Тэнси.

Поэтому он собирал остатки пищи, следил, чтобы ножи и другие режущие инструменты не были повернуты острой стороной к нему или к его спутнице, укладывался спать головой к месту назначения и так далее. Еда в купе, а не в ресторане, помимо всего остального, тоже принадлежала к числу магических ритуалов.

Он взглянул на часы. Ба, до Хемпнелла всего полчаса! Он и не подозревал, что они так близко. Неожиданно Норману показалось, будто воздух становится плотнее, словно норовя задержать их. Что ж, пока есть время, надо попытаться выяснить кое-что еще.

Повернувшись к Тэнси спиной, он спросил:

— Как ты думаешь, где твоя душа? По мифам, ее можно заключить куда угодно — в дерево, в камень, в веревочный узел, в какое-нибудь животное.

Как он и опасался, ответом на его вопрос были все те же размеренно звучащие слова:

— Я хочу свою душу.

Норман судорожно стиснул руки. Нет, не зря он до сих пор не задавал этого вопроса. Но если возможно, ему надо узнать местонахождение души Тэнси.

— Но где нам ее искать?

— Я хочу свою душу.

— Понимаю, — он с трудом сдерживался, чтобы не закричать. — Но куда ее могли запрятать? Скажи, если знаешь.

За коротким молчанием последовала лекция, прочитанная механическим голосом, который будто подражал манере профессора Нормана Сейлора излагать факты и свои комментарии к ним.

— Душа помещается внутри человеческого мозга. Оказавшись на свободе, она тут же начинает искать свое окружение. Можно сказать, что душа и тело — два отдельных существа, которые живут в симбиотическом единстве, таком тесном и крепком, что кажутся единым целым. Их близость друг к другу, похоже, возрастает с течением времени. В самом деле, когда тело, которое она населяет, гибнет, душа обычно бессильна покинуть его и, как правило, умирает вместе с ним. Но при помощи сверхъестественных средств душу порой можно извлечь из тела, в котором

она пребывает. Тогда, если ей не дают вернуться в прежнее тело, она проникает в другое, невзирая на то, занято оно или свободно. Таким образом, плененная душа чаще всего находится в мозгу своего похитителя и вынуждена воспринимать все то, что воспринимает его собственная душа. В этом, быть может, заключается главная пытка.

На лбу Нормана выступил пот.

Когда он задавал следующий вопрос, голос его не дрожал, а наоборот — звучал непривычно твердо:

— Что такое Ивлин Соутелл?

Ответ Тэнси напоминал цитату из характеристики:

— Она руководствуется стремлением достичь высокого положения в обществе. Безуспешно старается показать, что принадлежит к снобам. Лелеет романтические надежды, но, поскольку они вряд ли осуществимы, чопорна и склонна к морализаторству. Считает, что обманулась в муже, и постоянно опасается, что он пустит на ветер тот капитал, который ей удалось для него накопить. Лишенная уверенности в себе, подвержена приступам жестокости и злобы. В настоящий момент напугана и держится настороже. Вот почему, разговаривая по телефону, она

пустила в ход магию.

— А миссис Ганнисон? — спросил Норман. — Что ты думаешь о ней?

— Она преисполнена энергии, хорошая жена и хозяйка. По характеру ей следовало бы быть владелицей феодального имения. Ей нравится повелевать. Она ненасытна и находит самые невероятные способы для удовлетворения своих потребностей. Служанки Ганнисонов порой рассказывают странные вещи, но всегда с оглядкой, ибо известно, что по отношению к тем, кто неверен ей или распускает про нее слухи, она не ведает жалости.

— А миссис Карр?

— Про нее мало что можно сказать. Она вертит, как хочет, своим мужем и наслаждается ролью местной святой. Однако она томится по молодости. Мне кажется, она стала ведьмой уже в зрелом возрасте и поэтому испытывает чувство разочарования. Что ею движет, я не знаю, поскольку не могу заглянуть в ее мозг.

Норман кивнул.

— Какие существуют формулы для возвращения похищенной души? — спросил он.

— Я много их записывала в дневник, который украла миссис Ганнисон. Мне почему-то дума-

лось, что однажды они пригодятся. Но я не помню их и сомневаюсь, чтобы они подействовали. Я к ним ни разу не прибегала, а с первой попытки у меня никогда ничего не выходило. Снова метод проб и ошибок.

— Но если окажется возможным сравнить их, выявить среди них основную, тогда…

— Может быть.

В дверь постучали. Проводник пришел за багажом.

— Через пять минут прибываем в Хемпнелл, сэр. Вам помочь?

Норман сунул ему в руку банкноту, но от помощи отказался. Проводник, криво улыбнувшись, отправился дальше.

Норман встал у окна. Сначала видна была только полоса гравия у полотна да черные деревья за ней, но вскоре поезд покатил под уклон, и взгляду открылась лесистая долина.

Лес подступал к самому городу, грозя поглотить его. С холма Хемпнелл выглядел совсем крошечным. Здания колледжа отчетливо выделялись в вечернем полумраке. Норману показалось, будто он различает окно своего кабинета.

Эти серые башни и темные готические крыши были частичкой иного, более древнего мира.

Сердце Нормана учащенно забилось: он словно приближался к вражеской крепости.

17

Подавив желание встать на цыпочки, Норман свернул за угол, расправил плечи и заставил себя оглядеться. Сильнее всего его поразила обыденность пейзажа. Разумеется, он не ожидал, что Хемпнелл каким-то материальным способом проявит свою злобную натуру, свой отвратительный норов. Однако мир и покой, царившие на территории колледжа, обрушились на него подобно удару грома, и его сознание на миг застыло на грани безумия. Студенты небольшими группами возвращались в общежития или брели в столовую попить содовой, девушки в белых костюмчиках и с ракетками в руках шли на занятия по теннису и громко смеялись — словом, все было как обычно.

Тебя дурачат, твердил он себе. Некоторые из этих девушек наверняка заразились. Их респектабельные мамочки потихоньку учат их, как Добиваться Исполнения Желаний и всему такому прочему. Они уже знают, что описание невроза в учебнике психиатрии является весьма неполным и что тексты по экономике даже не затрагивают сути Магии Денег. Наверняка не химические

формулы они затверживают наизусть, когда их взгляды приобретают отсутствующее выражение! А на поверхности — украшения, наряды и разговоры о мальчиках!

Он быстро поднялся по ступенькам Мортон-холла.

Как выяснилось, Норман отнюдь не до конца израсходовал свою способность удивляться. Очутившись на третьем этаже, он увидел, как из аудитории выходят студенты, и, взглянув на часы, сообразил, что наблюдает слушателей одного из своих собственных семинаров, которые прождали положенные десять минут после начала занятий и теперь расходятся. Что же вы, профессор Сейлор? Норман поспешил покинуть опасное место.

Постояв несколько минут перед дверью, он вошел в свой кабинет. Как будто все было в порядке, тем не менее двигался он со звериной осторожностью и, прежде чем к чему-нибудь прикоснуться, внимательно оглядывал предмет.

В стопке корреспонденции среди прочих находилось послание от Полларда, приглашавшее Нормана на заседание опекунского совета. Он усмехнулся. Что ж, карьера рушится прямо на глазах.

Сложив то, что ему требовалось, в портфель, Норман окинул кабинет прощальным взглядом, заметив попутно, что дракона на крышу Эстрихолла до сих пор не вернули, и вышел в коридор.

Там он столкнулся с миссис Ганнисон.

Он едва не сбил, ее с ног.

— Хорошо, что я вас поймала! — воскликнула она. — Гарольд испробовал все средства, чтобы связаться с вами. Где вы пропадали?

Внезапно Норман осознал, что война, которую он ведет, внешне никак не проявляется, и испытал одновременно облегчение и разочарование. Он пустился рассказывать миссис Ганнисон о том, как они с Тэнси, проводя уик-энд с друзьями за городом, отравились несвежими продуктами; упомянул и о том, что письмо, отправленное им в колледж, должно быть, затерялось на почте. Эта ложь, придуманная недавно, прекрасно подходила для того, чтобы объяснить состояние Тэнси, если кому-нибудь взбредет в голову поинтересоваться им; к тому же ему будет на что сослаться при разбирательстве на опекунском совете.

Он не рассчитывал, что миссис Ганнисон поверит, но все же старался говорить убедительно.

Она внимательно выслушала, выразила сочувствие и сказала:

— Обязательно разыщите Гарольда. По-моему, он хочет побеседовать с вами относительно заседания совета. Гарольд принимает в вас такое участие! До свидания.

Норман озадаченно посмотрел ей вслед. Странно, очень странно: при расставании в ее голосе прозвучали дружелюбные нотки. И вообще, она была словно сама не своя.

Впрочем, Бог с ней. Норман быстрым шагом пересек территорию колледжа и добрался до боковой улочки, на которой припарковал автомобиль. Поглядев исподлобья на неподвижную фигуру на переднем сиденье, он завел двигатель и поехал к дому Соутеллов.

Они жили в огромном особняке, перед которым по всем правилам садового искусства была разбита лужайка. Трава на ней местами пожелтела, цветы, что выстроились стройными рядами, выглядели поникшими и заброшенными.

— Оставайся здесь, — сказал Норман. — Не выходи из машины, что бы ни случилось.

Харви встретил его на пороге. Под глазами заведующего кафедрой социологии виднелись синяки, суетливость его была заметней обычного.

— Я так рад вашему появлению, — проговорил он, втаскивая Нормана в дом. — Я просто не

представляю, как быть. На меня столько всего свалилось! Отменить занятия — я, найти преподавателя для замены — я, составить расписание на следующий год — тоже я! Пойдемте ко мне в кабинет.

Соутелл провел Нормана через большую, роскошно, но безвкусно обставленную гостиную в крошечную комнатку с малюсеньким окошком, вдоль стен которой от пола до потолка возвышались книжные полки.

— Я едва не спятил, честное слово! Вдобавок ко всему я боюсь выходить из дома с тех самых пор, как на Ивлин напали.

— Что?!

— Вы разве не слышали? Об этом писали в газетах. Я еще удивлялся, почему вы не звоните, пробовал застать вас дома и в колледже, но не сумел, — даже в такой тесноте Соутелл умудрялся следовать своей привычке расхаживать взад-вперед. — Да, на нее напали ночью в субботу, и с воскресенья она не встает с постели. Стоит мне только заговорить о том, чтобы выйти на улицу, как у нее начинается истерика. Сейчас она, слава Богу, спит.

Норман поспешил принести извинения, потом поведал Соутеллу историю с пищевым отрав-

лением, однако мысли его вращались вокруг субботнего вечера. Ему вспомнился поздний звонок из бейпортской гостиницы. Правда, тогда Ивлин нападала сама, и он вернулся в Хемпнелл, чтобы сразиться с ней. Но теперь…

— Вечная моя доля! — патетически воскликнул Соутелл, едва дослушав неуклюжие объяснения Нормана. — Кафедра разваливается в первую же неделю моего руководства ею! Разумеется, вашей вины в том нет, не подумайте. Молодой Стэкпол заболел гриппом…

— Все образуется, — утешил его Норман. — Садитесь и расскажите мне про Ивлин.

Соутелл примостился на край стола, сдвинув в сторону загромождавшие его бумаги, и испустил душераздирающий стон.

— Это случилось в воскресенье, около четырех утра, — произнес он, бесцельно перебирая документы. — Меня разбудил крик. Постель Ивлин была пуста. Я вышел в холл; там было темно, но от подножия лестницы доносились непонятные звуки, как будто кто-то возился…

Вдруг он вскинул голову.

— Что это? — воскликнул он. — Мне показалось, я слышал шаги.

Не успел Норман раскрыть рот, как Соутелл

уже успокоился.

— Нервы, — сказал он. — Мерещится всякая ерунда. Ну вот, я схватил, по-моему, вазу и спустился по лестнице. Все сразу стихло. Я включил свет и прошелся по всем комнатам. В гостиной я обнаружил Ивлин: она лежала на полу без сознания, а на шее у нее проступали отвратительного вида синяки. Рядом валялся телефон. Мы держим его там потому, что Ивлин часто приходится звонить. Клянусь, я чуть было не обезумел! Я вызвал врача и полицию. Когда Ивлин пришла в себя, она объяснила нам, что произошло, хотя вся дрожала. Среди ночи внезапно зазвонил телефон. Она поторопилась подойти, а меня будить не стала. Едва она сняла трубку, на нее набросился какой-то человек. Она отбивалась — о, я прямо в ярости, честное слово! — но он скрутил ее и принялся душить, и больше она ничего не помнила.

В возбуждении Соутелл смял лист бумаги, который держал в руках, заметил, что натворил, и быстро разгладил его.

— Благодарение небесам, что я спустился вниз! Должно быть, мое появление спугнуло его. Врач сказал мне, что, если не считать синяков, Ивлин не пострадала. Но синяки привели его в замешательство. Он утверждал, что в жизни не видел

ничего похожего. Полиция решила, что тот человек, проникнув в дом, вызвал центральную станцию и попросил прозвонить наш номер — мол, звонок вроде бы не в порядке. Однако они не могли понять, как он пробрался внутрь — ведь все двери и окна были на запоре. Но тут, наверное, виноват я сам: забыл, видно, запереть на ночь парадную дверь. Проклятая небрежность!

Полиция посчитала, что к нам наведался грабитель или сексуальный маньяк, но, мне кажется, он был просто чокнутый. На полу в гостиной валялось серебряное блюдо, рядом лежали, почему-то крест-накрест, две серебряные вилки и все такое прочее. К тому же он, по-видимому, слушал проигрыватель: крышка была снята, диск вращался, а на ковре я разглядел кусочки одной из пластинок Ивлин.

Норман изумленно взирал на свое боязливое начальство, однако недоумение, написанное на его лице, было всего лишь маской. На самом деле он напряженно размышлял. Перво-наперво ему подумалось, что теперь он получил доказательство того, что слышал в телефоне звук трещотки, ибо что иное могло быть записано на разбитой пластинке? Выходит, Ивлин Соутелл все-таки занималась колдовством: подтверждение тому

— серебряное блюдо с вилками и «все такое прочее». Кроме того, Ивлин, похоже, ожидала звонка и подготовилась к нему, иначе для чего ей понадобились все эти предметы?

Затем мысли его перескочили на синяки, о которых упомянул Соутелл: они подозрительно смахивали на те, которые наставила себе Тэнси с помощью телефонной трубки. Те же синяки, то же подручное средство — чем не свидетельство существования призрачного мира, в котором отраженный удар черной магии обрушивается на того, кто его нанес, в котором, вернее, замысел припугнуть недруга наведенными якобы чарами обернулся против того, в чьем больном мозгу зародился?

— Во всем виноват я один, — твердил Соутелл, дергая себя за галстук. Норману припомнилось, что Соутелл всегда будто нарочно предлагал себя Ивлин на роль козла отпущения. — Я должен был проснуться! Я, а вовсе не она, должен был подойти к телефону! Когда я думаю о том, как она в темноте спускалась по лестнице, не догадываясь, что… О, а еще кафедра! Говорю вам, Норман, я потихоньку схожу с ума! Мне страшно за Ивлин: она, бедняга, никак не отойдет!

Он затянул галстук так сильно, что тот сдавил

ему горло; Соутелл торопливо ослабил узел.

— Знаете, с воскресного утра я не сомкнул глаз, — сообщил он, когда его дыхание восстановилось. — Если бы миссис Ганнисон, по доброте душевной, не вызвалась вчера посидеть пару часов с Ивлин, я не представляю, что бы я делал. Она не позволила мне даже… О Господи! Ивлин!

Сверху донесся истошный вопль. Воскликнув: «Я же слышал шаги! Он вернулся!» — Соутелл вылетел из кабинета. Норман устремился за ним, испытывая страх по совершенно другому поводу. Опасения его подтвердились, когда в окно гостиной он увидел, что в автомобиле на улице никого нет. Обогнав Соутелла на лестнице, он первым достиг двери в спальню и остановился. Соутелл, бормоча на бегу что-то невразумительное, врезался в него.

Картина, открывшаяся взгляду, потрясла Нормана.

Ивлин Соутелл, завернувшись в розовое шелковое одеяло, прижималась к спинке кровати. Зубы ее стучали, на лице разливалась мертвенная бледность.

У кровати стояла Тэнси. На миг Норман ощутил надежду, но потом увидел ее глаза, и надежда исчезла без следа. Тэнси откинула вуаль. Из-за

грубого макияжа, из-за этих нарумяненных щек и ярко накрашенных губ она выглядела непристойно размалеванной статуей, особенно на фоне нелепых розовых шелковых занавесок. Однако статуя изображала хищника, и хищника голодного.

Соутелл выбрался из-за спины Нормана, приговаривая:

— Что случилось? Что случилось? — Тут он заметил Тэнси. — Я не знал, что вы тоже приехали. Когда вы вошли? Вы напугали ее!

Механический голос статуи заставил его замереть с раскрытым ртом.

— Нет, я не напугала ее. Правда, Ивлин?

Ивлин Соутелл глядела на Тэнси округлившимися от ужаса глазами, зубы ее выбивали дробь.

— Да, Тэнси не напугала меня, — выдавила она. — Мы разговаривали… и… мне показалось… я услышала шум…

— Шум? — переспросил Соутелл.

— Да… как будто шаги… в холле… — закончила Ивлин, не сводя взгляда с Тэнси. Та коротко кивнула.

По настоянию Соутелла Норман помог ему обыскать верхний этаж. Поиски, разумеется, были тщетными, но исполненными драматичности.

Вернувшись в спальню, мужчины застали Ивлин в одиночестве.

— Тэнси пошла в машину, — сказала она Норману. — Наверно, мне померещилось.

Но в глазах ее по-прежнему таился страх. Она не обращала никакого внимания на мужа, который суетился вокруг, то поправляя подушки, то накрывая ее одеялом. Норман откланялся.

Тэнси сидела в машине, глядя прямо перед собой. Поза ее выражала все тот же животный голод. Норман с неохотой задал свой вопрос.

— Моей души у нее нет, — ответил ему механический голос. — Я долго выпытывала у нее истину, а под конец даже обняла. Тогда она закричала, потому что безумно боится мертвецов.

— Что она тебе сказала?

— Что мою душу у нее забрали. Это сделала та, которая не слишком доверяла Ивлин Соутелл, которой моя душа была нужна для собственных целей. Миссис Ганнисон.

Норман с такой силой стиснул руль, что у него на руках побелели костяшки пальцев. Он вдруг вспомнил о том загадочном взгляде, каким одарила его миссис Ганнисон.

18

Кабинет профессора Карра казался попыткой свести переполненный страстями материальный мир к девственной чистоте геометрии. Стены украшены были тремя заключенными в рамочки изображениями усеченных конусов. Книжный шкаф, заполненный трудами по математике в золоченых переплетах, венчали две модели криволинейных поверхностей, выполненные из тонкой проволоки и нейзильбера. Наполовину раскрытый зонт в углу комнаты вполне мог сойти за еще одну модель. На столе, разделявшем Карра и Нормана, не было ничего, кроме пяти листков бумаги, испещренных символами. Худой и бледный палец Карра уперся в верхний лист.

— Да, — сказал профессор, — подобные уравнения в символической логике допустимы и имеют смысл.

Откровенно говоря, Норман в этом и не сомневался, однако был рад получить подтверждение из уст математика. Накануне он проглядел классическую работу Рассела и Уайтхеда, но не был уверен, что сумел ухватить суть.

— Прописные буквы обозначают классы, а

строчные — отношения между ними, — пояснил он.

Карр потер подбородок.

— Понятно, — пробормотал он. — Но какие именно классы и отношения?

— Вы ведь можете проверить уравнения, не зная значения отдельных символов, которые их составляют? — спросил в ответ Норман.

— Конечно, конечно. Результаты ничуть не изменятся от того, скрываются ли за символами яблоки, боевые корабли, поэтические идеи или знаки Зодиака. При условии, разумеется, что первичная связь между сущностью и символом установлена верно.

— Вот что меня и интересует, — сказал Норман. — На первом листе семнадцать уравнений. Они как будто сильно отличаются друг от друга. Мне хотелось бы узнать, не присутствует ли во всех них одно простенькое уравненьице, которое попросту погребено под грудой всяких красивостей. То же самое и для других листов.

— Гм-м, — профессор Карр взялся за карандаш; взгляд его упорно возвращался к листку бумаги. — Должен признаться, ваши символы меня заинтриговали. Я как-то не думал, что символическая логика может получить применение в

социологии.

Ответ Нормана был заготовлен заранее.

— Я не стану лукавить с вами, Линтикум, — сказал он. — Мне в голову пришла до того невероятная мысль, что я решил ни с кем не обсуждать ее, пока сам как следует не разберусь.

Карр улыбнулся.

— Понимаю. Знаете, я до сих пор не могу забыть поистине катастрофических последствий своего заявления, будто мне удалось рассечь угол на три равные части. Ну, в то время я учился в седьмом классе… Моему учителю, — прибавил он с гордостью, — можно было посочувствовать. Тем не менее, — в его голосе снова послышалось мальчишеское любопытство, — ваши символы весьма своеобразны. Судя по всему, они могут относиться… гм-м… к чему угодно.

— Извините, — проговорил Норман, — мне крайне неудобно обременять вас.

— Что вы, что вы! — Крутя в руках карандаш, Карр снова посмотрел на лист, и взгляд его словно за что-то зацепился. — Гм-м… очень интересно. Я этого сначала не увидел.

Карандаш заскользил по листу, решительно вычеркивая целые шеренги символов и выводя новые уравнения. Вертикальная морщинка меж-

ду седыми бровями Карра сделалась резче: он с головой погрузился в работу.

Облегченно вздохнув про себя, Норман откинулся на спинку кресла. Он устал как собака, глаза болели от напряжения. Пять листков бумаги представляли собой итог непрерывного двадцатичасового труда, который занял ночь со вторника на среду, утро и половину дня среды. Впрочем, даже при таком изнурительном режиме он вряд ли справился бы в срок без помощи Тэнси, которая записывала формулы под его диктовку. Он научился полностью доверять ей в подобных рутинных занятиях.

Как загипнотизированный, он следил за тонкими старческими пальцами, что набрасывали уравнение за уравнением. Их быстрые, но упорядоченные движения лишний раз подчеркивали суровый, монастырский покой маленького кабинета.

До чего же все-таки странно, подумалось Норману, не только делать вид, будто веришь в черную магию, чтобы произвести впечатление на троих суеверных, склонных к неврозу женщин, которые каким-то образом сумели расстроить психику Тэнси, но и прибегать для подкрепления и обоснования этой веры к поддержке столь современной

науки, как символическая логика. Что бы сказал старый Карр, узнав, какие «сущности» скрываются за символами? Дожили: символическая логика используется для распутывания противоречий и двусмысленностей в колдовских формулах!

Однако лишь призвав на подмогу высшую математику, он убедил Тэнси, что ему по силам сразиться с ее врагами. Кстати говоря, он действует вполне в духе традиции. Колдуны, исходя из соображений престижа, всегда старались включать в свои заклинания новейшие сведения. Что такое колдовство, как не битва за престиж в мистических сферах, и кто такой колдун, как не тот, кто сумел, прибегнув к незаконным средствам, обставить своих противников?

Утомленный мозг Нормана начинал понемногу воспринимать все, если можно так выразиться, в истерически-смешном свете. Ну и нелепое же зрелище, подумалось ему: женщина, которая наполовину верит в ведьмовство, доведена до безумия тремя другими, которые то ли искренне верят в то же самое, то ли не верят вообще; им противостоит мужчина, который ни капельки не верит, но притворяется, будто верит целиком и полностью, и намерен поступать так, как велит ему воображаемая вера!

Нормана клонило в сон. Строгая математическая простота обстановки убаюкивала сознание, открывала мысленному взору картину абсолютного, бесконечного пространства. Почему бы, подумалось Норману, не отпихнуть подальше здравомыслие и не признать, что у Тэнси была душа, которую похитила тощая ведьма Ивлин Соутелл, а ее потом обокрала жирная ведьма Хульда Ганнисон, и что сейчас он пытается найти оружие…

Сбросив с себя дремоту, он рывком вернулся в мир здравого смысла. Карр пододвинул ему листок, а сам склонился над следующим из пяти лежавших на столе.

— Уже всё? — изумился Норман.

Карр, похоже, рассердился, что ему мешают работать.

— Разумеется, — отрывисто бросил он. Карандаш его вновь заскользил было по бумаге, но внезапно математик оторвался от вычислений и как-то странно посмотрел на Нормана. — Последнее уравнение, вон то, короткое. По правде сказать, я сомневался в том, что сумею чего-то добиться, но ваши символы, к чему бы они ни относились, как будто не бессмысленны.

Он снова склонился над листком.

Норман вздрогнул. Интересно, подумал он, глядя на уравнение, что оно обозначает? Память не желала помочь. Так что же, прикажете на глазах у Карра сверять символы с кодом?

— Простите, что побеспокоил вас, — пробормотал он.

Карр уделил ему мимолетный взгляд.

— Ну что вы, наоборот. Такие задачки всегда доставляют мне удовольствие.

Постепенно в комнате воцарился полумрак. Норман включил свет; Карр поблагодарил его кивком головы. Карандаш летал над бумагой. Норман получил еще три листка. Математик трудился над последним, когда дверь кабинета распахнулась.

— Линтикум! — проговорил с еле слышимой укоризной мелодичный голос. — Чем ты так занят? Я жду тебя внизу уже полчаса.

— Прости, милая, — откликнулся профессор, поглядев сначала на часы, а потом на жену, — я заработался…

Миссис Карр увидела Нормана.

— О, я не знала, что ты не один! Что подумает профессор Сейлор! Боюсь, ему показалось, что я командую тобой!

Она сопроводила свои слова столь обворожи-

тельной улыбкой, что Норман повторил вслед за Карром:

— Вовсе нет.

— Профессор Сейлор выглядит смертельно усталым, — продолжала миссис Карр, озабоченно глядя на Нормана. — Надеюсь, ты не замучил его своими выкладками, Линтикум?

— Не беспокойся, дорогая. Все расчеты я проделал сам, — сказал ее муж.

Она обошла стол и взглянула на листок.

— Что это? — спросила она, мило улыбаясь.

— Понятия не имею, — отозвался Карр, потянулся и подмигнул Норману. — По-моему, профессор Сейлор собирается устроить переворот в социологии, но пока хранит все в тайне. Я не знаю, к чему относятся его символы. Он использует меня в качестве электронного мозга.

Как бы испросив кивком разрешения у Нормана, миссис Карр взяла один листок и поднесла его к глазам за толстыми стеклами очков. Должно быть, стройные ряды символов смутили ее, и она быстро положила листок обратно.

— Математика для меня сущее наказание, — проговорила она.

— Глупости, Флора, — возразил Карр. — На рынке я тебе и в подметки не гожусь. Сколько я

ни пробовал, ты считаешь скорее моего.

— Ну, это такие мелочи, — протянула миссис Карр.

— Мне осталось совсем чуть-чуть, — сказал ее муж и вернулся к своим вычислениям.

— О, профессор Сейлор, будьте так любезны, передайте Тэнси, что я приглашаю ее на бридж завтра вечером, — полушепотом произнесла миссис Карр. — Завтра у нас четверг. Будут Хульда Ганнисон и Ивлин Соутелл. У Линтикума, к сожалению, дела.

— Конечно, — сказал Норман. — Однако я боюсь, что она не сможет прийти.

Он вновь пустился рассказывать о придуманном пищевом отравлении.

— Какой ужас! — воскликнула миссис Карр. — Могу ли я чем-нибудь помочь?

— Спасибо, — поблагодарил Норман. — Мы наняли сиделку.

— Разумно, — одобрила миссис Карр и пристально поглядела на Нормана, словно хотела дознаться, где находится источник его мудрости. Под ее взглядом, одновременно хищным и наивным, ему стало неловко. Он понял бы, если бы на него так посмотрела одна из студенток, но эта пожилая женщина…

Карр отложил карандаш.

— Готово, — сообщил он.

Рассыпаясь в благодарностях, Норман собрал листки.

— Не стоит, — скромно ответил Карр. — Признаться, мне было очень любопытно.

— Линтикум просто обожает математику, а в особенности — всякие задачи, — сообщила миссис Карр. — Однажды, — продолжила она с одобрением в голосе, — он составил таблицы для скачек!

— Да… всего лишь… э… в качестве примера вычисления вероятностей, — прибавил Карр, горделиво улыбнувшись.

Ее ладонь лежала на его плече; он положил сверху свою руку. Пожилые, но энергичные, старые телом, молодые духом, они казались безупречной парой.

— Если я произведу переворот в социологии, — сказал Норман, — то вы будете первым, кто об этом узнает, Линтикум, обещаю вам. Всего хорошего.

Придя домой, он достал код и углубился в его изучение. Первый лист был помечен буквой «W». Норман вроде бы помнил, что стоит за этой буквой, но для надежности решил проверить себя.

Итак, «W»: как похитить душу.

Да, вот оно. Обратившись к выведенным Карром формулам, он расшифровал базовое уравнение. «С — зазубренная полоска меди». Норман кивнул. «Т — повернуть по солнцу». Он нахмурился. Не годится. Как удачно все-таки он сообразил воспользоваться помощью математика, чтобы упростить семнадцать уравнений, каждое из которых представляло собой заклинание по извлечению души из тела и принадлежало тому или иному народу — арабам, зулусам, полинезийцам, американским неграм, индейцам и так далее. Самые современные формулы, причем те, которые применяются на практике!

«А — бледная поганка». Вот еще! Нет, явно не годится. Где ему, скажите на милость, искать бледную поганку? Он вполне обойдется без нее. Норман взял два других листа: с буквами «V» — «Как управлять чужой душой» и «Z» — «Как напускать сон». Через несколько минут он убедился, что составные части основных формул раздобыть будет нетрудно, хотя «Z» требовал использования Руки Славы и предписывал бросить кладбищенскую землю на крышу того дома, обитателей которого надо было погрузить в сон. Что касается руки, то нужно только пробраться в

анатомическую лабораторию. А потом…

Осознав вдруг, что устал и что его воротит от этих формул, которые выглядели не столько смехотворными, сколько омерзительными, Норман встал. Впервые с того момента, как появился дома, он посмотрел на фигуру у окна. Она сидела лицом к задернутым шторам и раскачивалась на стуле. Ритмическое движение зачаровывало.

Внезапная, как удар, на Нормана обрушилась тоска по Тэнси, по ее жестам, интонациям, причудам — всему, что делает человека настоящим, близким и любимым. Присутствие же в доме ледяной статуи, злобной карикатуры на Тэнси лишь усиливало тоску. Что он, черт возьми, за мужчина, если морочит себе голову оккультными формулами, тогда как… «Душа уязвима», говорила Тэнси; «служанки Ганнисонов порой рассказывают странные вещи…» Ему следует отправиться к Ганнисонам и потребовать ответа у Хульды!

Собрав волю в кулак, Норман подавил гнев. Поступив так;, он лишь окончательно все разрушит. Разве можно применять физическую силу против того, у кого в заложниках психика, то бишь самая суть любимого тобой человека? Нет, он уже прошел через это и наметил образ действий. Он

должен победить ведьм их собственным оружием. Отвратительные колдовские формулы — его единственная надежда. Тут Норман совершил привычную ошибку: посмотрел в лицо Тэнси. Поежившись, он переместился так, чтобы стоять спиной к качающемуся стулу.

Ему было не по себе, по телу распространялся какой-то зуд — словом, о продолжении работы не могло быть и речи.

Неожиданно он спросил:

— Почему, по-твоему, все вдруг так переменилось к худшему?

— Потому что было нарушено Равновесие, — откликнулся механический голос. Судя по скрипу стула, фигура все раскачивалась.

— Как? — он начал было поворачивать голову на скрип, но вовремя одумался.

— Когда я отреклась от магии.

— Но почему они возжелали нашей смерти?

— Потому что своим отречением я нарушила Равновесие.

— Да, но как ты объяснишь столь резкий переход от пустяковых уколов и подначек к покушению на жизнь?

Скрип прекратился. Иного ответа не последовало. Впрочем, сказал себе Норман, он знает ответ.

То существо у него за спиной верило в колдовство; война же колдунов или ведьм между собой очень похожа на «окопную войну» или на осаду крепости. Железобетон и броня отражают пули и снаряды, а защитные заклинания обезвреживают все попытки врага причинить зло. Но как только железобетон и броня исчезли, ведьма, которая отреклась от своего ремесла, оказалась на «ничейной земле»…

И потом, пока существует возможность контратак, редко кто отважится на лобовой удар. Разумнее всего выжидать, нападая лишь тогда, когда противник «подставится». К тому же в колдовской битве, как и в настоящей, наверняка берут заложников, заключают тайные соглашения и, следовательно, всячески стараются избегнуть кровопролития, если таковое не неизбежно.

Теперь становится понятно, почему вроде бы малозначительный поступок Тэнси нарушил Равновесие. Что подумает воюющая сторона, если в самый разгар войны враг неожиданно пустит на дно все свои корабли и уничтожит все свои самолеты, как бы предлагая покончить с собой? Рассуждая здраво, ответ может быть только один. Это будет означать, что у врага появилось оружие куда более мощное, чем корабли и самолеты,

вместе взятые, и что он намерен завести разговор о мире, который в конечном итоге обернется ловушкой. И выход — незамедлительно ударить самим, пока противник не развернул вновь боевые порядки.

— Мне кажется… — произнес он.

То ли свист рассекаемого воздуха, то ли скрип половицы под толстым ковром, то ли некое шестое чувство — что-то заставило его обернуться.

Резко отпрянув, он увернулся от опускающейся ему на голову железяки. Та с размаха обрушилась на спинку стула. Удар по касательной задел плечо Нормана, которое тут же онемело.

Хватаясь здоровой рукой за стол, Норман поднялся с пола и огляделся. Увиденное настолько потрясло его, что он пошатнулся.

Тэнси — вернее, существо в ее обличье — застыло посреди комнаты, слегка подавшись телом вперед. Ноги существа были босыми: тапочки оно сняло, чтобы производить меньше шума. В руке оно сжимало стальную кочергу, которая обычно стояла у камина.

Лицо его обрело жизнь — жизнь, которая вынудила оскалить зубы, которая раздувала ноздри и сверкала в голодных глазах. Зарычав, существо замахнулось кочергой на лампу на потолке. Ком-

ната погрузилась во мрак.

В темноте прошелестели шаги. Норман отпрыгнул, но все равно чуть было не попал под удар. Судя по раздававшимся звукам, существо взобралось на стол. Внезапно наступила тишина, в которой отчетливо слышалось учащенное дыхание — дыхание животного.

Норман скорчился на ковре, стараясь не шевелиться и напрягая слух. До чего же беспомощной, подумалось ему, становится слуховая система человека, когда нужно определить, откуда исходит звук. Сначала шорохи доносились из одного угла комнаты, потом словно переметнулись в другой, и постепенно Норман потерял ориентацию. Он попытался вспомнить, в каком именно направлении отскочил от стола. Упав на ковер, он откатился — куда? на сколько? Где стена — перед ним или позади? Чтобы поставить препоны любителям подглядывать в окна, он сам опустил шторы в гостиной и в спальне; что ж, он поработал на славу. В комнату не проникал снаружи ни единый лучик света. Норман сознавал, что лежит на ковре; это было единственное, что он знал наверняка.

Где-то во мраке пряталось *оно.* Может, *оно* способно видеть в темноте? Тогда чего *оно* ждет?

Норман прислушался. Все было тихо, пропало даже учащенное дыхание.

Должно быть, такая же темнота царит под пологом джунглей. Цивилизация не может существовать без света. Когда свет гаснет, цивилизация погибает. Норман попытался мыслить так, как если бы был тем существом, которое охотилось за ним. На что оно рассчитывало, разбивая лампу? Неожиданно комната словно превратилась в первобытную пещеру, а Норман как будто перекинулся в дикаря, который испуганно озирается по сторонам в непроглядном мраке: колдунья вселила в тело его возлюбленной демона, жирная колдунья с отвислой губой и звериным взглядом. Должен ли он схватить топор и размозжить ту милую головку, в которую проник демон? Или лучше найти колдунью и пытать ее, пока она не отзовет своего демона? Но что станется с его женой? Соплеменники, наткнувшись на нее, убьют на месте — таков закон. А засевший в ней демон хочет смерти ему…

Голова у Нормана пошла кругом. Пробуя собраться с мыслями, он внезапно догадался, чего дожидается демон в человеческом облике.

Мышцы его уже болят. Онемение проходит, и плечо начинает подергиваться от боли. Рано или

поздно он пошевелится. И тогда демон набросится на него.

Норман осторожно вытянул руку. Медленно, очень медленно он повел ею вокруг. Пальцы его нащупали какую-то книгу. Зажав ее между большим и указательным пальцами, Норман подтащил книгу к себе. От усилия, которое потребовалось на то, чтобы сохранить тишину, рука его мелко задрожала.

Примеривишись, он швырнул книгу прочь, так, чтобы она упала на ковер в нескольких футах от него. Послышался глухой стук, а сразу за ним — другой. Ободренный успехом своего замысла, Норман рванулся на звук, норовя схватить демона. Но тот перехитрил его. Руки Нормана вцепились в диванную подушку, которая накрыла собой книгу; только чудо спасло его от кочерга. Та врезалась в ковер совсем рядом.

Норман слепо зашарил в темноте и вдруг нащупал холодный металл. Завязалась борьба. Мгновение спустя Норман рухнул на ковер, сжимая в пальцах кочергу, а существо, судя по шарканью ног, удалилось к черной двери.

Норман последовал за ним на кухню. Раздался грохот: из кухонного стола вывалился ящик с ножами, ложками и вилками.

Света в кухне было вполне достаточно, чтобы Норман мог разглядеть демона и успел перехватить руку с ножом. Существо прыгнуло на него, и они покатились по полу.

Тело, которое прижималось к телу Нормана, было теплым и, казалось, каждой своей клеточкой источало ненависть. Ощутив щекой холод стального лезвия, он дернулся, отбил нож и подтянул ноги к животу, чтобы обезопасить себя от коленей существа. Оно впилось в ту его руку, которой он защищался от ножа. Зубы вонзились в рукав пиджака, и ткань поползла по шву, когда Норман тряхнул рукой, стараясь высвободить ее. Ему меж пальцев попались волосы, и он судорожно вцепился в них. Демон выронил нож и замахнулся растопыренной пятерней, норовя выцарапать Норману глаза. Когда у него ничего не вышло, он зарычал и плюнул противнику в лицо. Норман заломил ему руки за спину, рывком встал на колени и распахнул дверцу нижнего отделения буфета, где хранились всякие веревки. Существо продолжало глухо порыкивать.

19

— Дело очень серьезное, Норм, — сказал Гарольд Ганнисон. — Феннер с Лидделлом рвут и мечут.

Норман подвинулся ближе вместе со стулом, как будто разговор с Ганнисоном и был той причиной, которая привела его сюда.

— Думаю, — говорил Ганнисон, — они намерены использовать случай с Маргарет Ван Найс: мол, дыма без огня не бывает. Кроме того, они могут выставить против вас Теодора Дженнингса и заявить, что его «нервный срыв» был вызван вашей несправедливостью к мальчику и так далее. Разумеется, мы отстоим вашу невиновность, но боюсь, что даже упоминание о подобных вещах произведет неблагоприятное впечатление на остальных членов опекунского совета. Прибавьте еще ту лекцию о сексуальном образовании, которую вы собирались прочитать, и своих друзей-актеров, которых вы пригласили в колледж. Я ничего не имею против них, Норм, однако вы выбрали для приглашения крайне неудачное время.

Норман кивнул, как того требовали обстоятель-

ства. Миссис Ганнисон должна скоро подойти. Служанка сказала ему по телефону, что она только что поехала к мужу на работу.

— Конечно, по сути это все мелочи, — положительно, Ганнисон сегодня выглядел непривычно суровым. — Но, как я уже сказал, они производят неблагоприятное впечатление. Реальная же опасность заключается в обсуждении вашего поведения на занятиях, тематики ваших публичных выступлений, пустяковых промашек, допущенных вами в обществе. И тогда найдется кто-нибудь, кто предложит сократить расходы колледжа. Вы понимаете, что я имею в виду. — Ганнисон помолчал. — Меня тревожит то, что Поллард охладел к вам. Мы беседовали с ним о Соутелле, и я высказал ему все, что думаю об этом назначении; он ответил мне, что Соутелла навязали ему опекуны. Он неплохой человек, однако — и прежде всего — политик. — Ганнисон пожал плечами, словно поясняя Норману, что разделение на политиков и профессоров берет начало еще в ледниковом периоде.

Норман заставил себя проявить интерес.

— По-моему, на прошлой неделе я оскорбил его. Мы разговаривали на повышенных тонах, и я не выдержал.

Ганнисон покачал головой.

— Да нет, к оскорблениям ему не привыкать. Если он присоединился к вашим врагам, то потому, что счел это необходимым или по крайней мере полезным — ненавижу это слово! — с точки зрения общественного мнения. Вы же знаете, как он руководит колледжем. Каждые год-два он обязательно отдает кого-то на съедение волкам.

Норман слушал его краем уха. Он думал о Тэнси — такой, какой он ее оставил: связанная по рукам и ногам, оскаленные зубы, хриплое дыхание и запах виски, которое он силой влил ей в горло. Он выбрал обходной путь, но иной возможности у него не было. Ночью, утратив на миг мужество, он решил было вызвать врача и попросить, чтобы Тэнси поместили в больницу, но потом сообразил, что так навсегда потеряет ее. Какой психиатр поверит в существование заговора против его жены? По тем же соображениям он не стал обращаться за помощью ни к кому из друзей. Нет, единственный шанс состоял в том, чтобы застать миссис Ганнисон врасплох. Однако с утра Норману мерещились газетные заголовки вроде: «ПРОФЕССОРСКАЯ ЖЕНА — ЖЕРТВА ПЫТОК! ЗАПЕРТА В ШКАФУ СОБСТВЕННЫМ МУЖЕМ!»

— Дело очень серьезное, Норм, — повторил

Ганнисон. — Моя жена тоже так думает, а она в таких вещах разбирается.

Его жена! Норман послушно кивнул.

— Жаль, что все завертелось именно сейчас, — продолжал Ганнисон, — когда у вас и без того хлопот полон рот.

Норман заметил, что Ганнисон исподтишка посматривает на полоски пластыря в углу левого глаза и на верхней губе, но не стал ничего объяснять. Ганнисон беспокойно заерзал в кресле.

— Норм, — сказал он, — у меня складывается впечатление, что с вами что-то произошло. Вы один из немногих известных мне людей, которые способны стойко переносить удары судьбы. Но теперь мне кажется, что у вас не все ладно.

Норман понимал, что намек, прозвучавший в словах Ганнисона, сделан из искреннего сочувствия. На мгновение он подумал о том, чтобы открыть Ганнисону хотя бы частичку правды, — и с негодованием отверг эту мысль. Поступить так — все равно что обратиться в суд; а он мог представить — и представлял с изумительной, неправдоподобной отчетливостью, — что его ожидает в подобном случае!

Вот на свидетельское место становится Тэнси, пускай даже в ее прежнем, замороженном со-

стоянии. «Вы утверждаете, миссис Сейлор, что ваша душа была похищена из нашего тела?» — «Да». — «Вы сознаете отсутствие своей души?» — «Я ничего не сознаю». — «Ничего? Надеюсь, вы не имеете в виду, что вы без сознания?» — «Да, я без сознания, я не вижу и не слышу». — «Вы хотите сказать, что не видите и не слышите меня?» — «Да». — «Но тогда…» Судья стучит молотком. «Если это безобразие немедленно не прекратится, я распоряжусь очистить помещение!» Или выходит на то же место миссис Ганнисон, а он, Норман Сейлор, начинает взывать к присяжным: «Господа, взгляните ей в глаза! Смотрите внимательнее! Душа моей жены там, в них, надо только увидеть ее!»

— Что с вами, Норм? — услышал он доброжелательный голос Ганнисона. Отгоняя неожиданно накатившую дремоту, он встряхнулся.

И тут в кабинет вошла миссис Ганнисон.

— Добрый день, — поздоровалась она. — Я рада, что вы двое наконец сошлись. Сдается мне, вы не спали как минимум две ночи подряд, — прибавила она, окинув Нормана слегка покровительственным взглядом. — Что с вашим лицом? Или его расцарапал ваш кот?

Ганнисон рассмеялся, сглаживая, как обычно,

некоторую резкость жены.

— Женщина! Любит собак и терпеть не может кошек. Но она права, Норм, вам явно не помешает выспаться.

Увидев миссис Ганнисон, услышав ее, Норман встрепенулся. Она выглядела так, словно недавно поднялась с постели после десятичасового сна. Дорогой зеленый костюм шел к ее рыжим волосам и придавал ей своеобразную величавость. Характерная небрежность ее наряда, разумеется, присутствовала, но она вдруг показалась Норману капризом властелина мира, который настолько могуществен, что может позволить себе неаккуратность в одежде. Внезапно сердце Нормана учащенно забилось: при миссис Ганнисон не было ее пухлой сумки.

Он не решился заглянуть ей в глаза, но привстал на стуле.

— Не уходите, Норм, — проговорил Ганнисон, — нам многое еще нужно обсудить.

— Да, куда вы спешите? — осведомилась миссис Ганнисон.

— Извините, — пробормотал Норман, — если не возражаете, я зайду попозже. Или в крайнем случае завтра утром.

— Хорошо, — согласился Ганнисон, — но учти-

те, что опекунский совет соберется завтра днем.

Миссис Ганнисон уселась на стул, который освободил Норман.

— Передавайте привет Тэнси, — сказала она. — Мы с ней увидимся сегодня вечером, если она, конечно, поправится.

Утвердительно кивнув, Норман вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

Ему сразу бросилась в глаза сумка миссис Ганнисон: она лежала на столе в приемной, рядом со шкафчиком, где выставлены были капли принца Руперта и прочие диковинки. Он чуть не закричал от радости.

В приемной сидела секретарша-студентка. Норман подошел к ней.

— Мисс Миллер, — проговорил он, — принесите, пожалуйста, сведения об успеваемости вот этих студентов, — и перечислил несколько фамилий.

— Но они находятся в архивном отделе, профессор Сейлор, — сказала девушка.

— Знаю. Скажите там, что я послал вас. Если не подействует, сошлитесь на доктора Ганнисона.

Студентка отправилась выполнять поручение.

Норман выдвинул верхний ящик ее стола и нашел там, как и рассчитывал, ключ от шкафчика

с экспонатами.

Вскоре в дверях показалась миссис Ганнисон.

— Я думала, вы ушли! — воскликнула она, потом прибавила в своей грубоватой манере: — Вы что, ждете моего ухода, чтобы поговорить с Гарольдом наедине?

Он ничего не ответил. Взгляд его был устремлен на ее переносицу.

Она подобрала сумку.

— Вам не стоит таиться от меня, — продолжала она. — Мне о ваших неприятностях известно ничуть не меньше, чем Гарольду, — наверняка даже больше. Если быть откровенной, вы оказались в незавидном положении. — В ее голосе послышались торжествующие нотки. Она усмехнулась.

Норман по-прежнему не отрываясь глядел на ее переносицу.

— И не надо притворяться, будто вам все равно, — заявила она; похоже, ее начало раздражать его молчание. — Я знаю, что вы переживаете. Имейте в виду, завтра Поллард предложит вам уволиться. На что вы уставились?

— Так, — ответил он, отводя взгляд.

Недоверчиво фыркнув, она достала из сумки зеркальце, мельком посмотрелась в него, затем принялась внимательно изучать собственное

отражение.

Норману показалось, что секундная стрелка на стенных часах неподвижно застыла.

Миссис Ганнисон так углубилась в свое занятие, что не соизволила обернуться, когда Норман заговорил.

— Миссис Ганнисон, — произнес он, — мне известно, что вы похитили душу моей жены, и я знаю, как вы это сделали. Я изучал способы похищения душ. К примеру, среди прочих есть такой: когда вы находитесь в одном помещении с тем человеком, чью душу хотите украсть, и он смотрится в зеркало, а зеркало вдруг разбивается, причем в нем как раз отражался тот самый человек, то…

Негромко тренькнув, зеркало в руке миссис Ганнисон испарилось, превратившись в горстку радужной пыли.

В тот же миг Норману почудилось, будто мозг его стал больше и тяжелее; откуда-то извне в его мысли проник густой мрак.

У миссис Ганнисон вырвался вздох не то изумления, не то испуга. Лицо ее приобрело туповатое выражение — из-за того, что лицевые мускулы разом расслабились.

Норман взял ее за руку. Она недоуменно погля-

дела на него.

— Пойдемте, — сказал он, и ее тело подчинилось: она сделала шаг, потом другой.

Дрожа с головы до ног от переполнявших его чувств, Норман вывел миссис Ганнисон в коридор. У лестницы они столкнулись с мисс Миллер, которая возвращалась из архивного отдела с кипой карточек.

— Искренне сожалею, что мне пришлось побеспокоить вас, — обратился Норман к девушке, — но выяснилось, что карточки нам не понадобятся. Отнесите их, пожалуйста, обратно.

Студентка кивнула и вежливо, хотя и довольно криво, улыбнулась.

Выводя непривычно тихую миссис Ганнисон из административного корпуса, Норман все отчетливей ощущал, как мысли его словно наливаются мраком. Ничего подобного ему до сих пор испытывать не приходилось.

Неожиданно мрак расступился, как расходятся на закате грозовые тучи, и в щель нырнул алый лучик. Грозовые тучи накапливались в его мозгу, а алый лучик был сгустком бессильной ярости, в которой Норману чувствовалось что-то знакомое.

Ярость захлестнула мозг. Очертания зданий

колледжа расплылись у Нормана перед глазами. Если существует такая вещь, как расщепление личности, подумалось ему, и если в перегородке между двумя сознаниями появляется трещина…

Глупости! Безумие!

Он вдруг вспомнил слова, что сорвались с уст Тэнси в купе поезда: «Душа помещается внутри человеческого мозга». И еще: «…если ей не дают вернуться в прежнее тело, она проникает в другое, невзирая на то, занято оно или свободно. Таким образом, плененная душа чаще всего находится в мозгу своего похитителя…»

Внезапно из щели во мраке, поднявшись на гребне алой волны гнева, возникла внятная мысль: «Кретин, как тебе это удалось?!» Злобой своей она напомнила Норману миссис Ганнисон, и он, отрешившись от сомнений насчет собственного здравомыслия и реальности колдовства, признал как установленный факт, что мозг миссис Ганнисон оказался внутри его черепа и взывает к его собственному мозгу.

Норман искоса поглядел на женщину, которая покорно плелась за ним по территории колледжа. На мгновение ему захотелось соприкоснуться с ней сознанием. Но только на мгновение. Велев себе не валять дурака, он двинулся дальше, мыс-

ленно беседуя на ходу с миссис Ганнисон.

— Как вам это удалось? — твердила та.

Норман призадумался было, забыв, что миссис Ганнисон теперь слышит его мысли.

— Я положил в вашу сумку зеркало принца Руперта из шкафчика с экспонатами. Перекладывая, я завернул его в платок, а когда вы прикоснулись к нему пальцами, тепло, исходящее от вашей кожи, разрушило его. По древним верованиям, отражение в зеркале — это душа человека или, на худой конец, ее образ. Если зеркало разбивается, когда в нем отражается чье-либо лицо, то душа того человека выходит из тела.

Поскольку в разговоре не были задействованы органы речи, Норман «произнес» свою тираду как бы единым духом.

Сквозь щель во мраке проник другой вопрос:

— Куда вы ведете мое тело?

— К себе домой.

— Что вам нужно?

— Душа моей жены.

Наступило молчание. Щель во мраке сомкнулась, потом снова разошлась.

— Вы не можете забрать ее. Я владею ею, как вы владеете моей душой. Она спрятана и подчиняется мне.

— Пускай. Зато я могу удерживать вашу душу, пока вы не согласитесь вернуть душу моей жены в ее тело.

— А если я откажусь?

— Ваш муж реалист, он не поверит в то, что вы ему расскажете. Он обратится к лучшим психиатрам, а в итоге, хотя будет жестоко страдать, отправит ваше тело в сумасшедший дом.

Норман почувствовал в мыслях миссис Ганнисон страх и признание своего поражения. Впрочем, она еще пыталась сопротивляться.

— Вы не сумеете удержать мою душу. Она вам ненавистна, она вызывает у вас отвращение. Ваш мозг извергнет ее.

Тоненький лучик, что пробивался сквозь щель во мраке, сделался вдруг почти ослепительно ярким. Норман мысленно чертыхнулся. Быстро же она освоилась! Он прибавил шаг; женщина, ковылявшая следом за ним, начала задыхаться.

— Первой была Энн, — поневоле Норман вынужден был прислушиваться к воспоминаниям миссис Ганнисон. — Она нанялась ко мне в услужение восемь лет назад. Этакая хрупкая на вид блондиночка, справлявшаяся, однако, со всей домашней работой. Она была излишне впечатлительна и всего боялась. Вам известно, что

людьми можно управлять через страх, не прибегая к физической силе? Резкое слово, суровый взгляд — важно не то, что ты говоришь, а то, что подразумеваешь. Постепенно Энн наделила меня всей той строгостью, с которой к ней в детстве относились отец, учитель и священник. Я взглядом заставляла ее рыдать, я останавливалась у двери ее спальни, и Энн впадала от ужаса в безумие; повинуясь моим приказаниям, она брала голыми руками горячие кастрюли и сковородки и ждала, пока я не кончу разговаривать с Гарольдом.

Помимо Энн Норман узнал про Клару и Милли, Мэри и Эрменгард. Он не мог не слушать, не мог сомкнуть щель во мраке, хотя способен был расширить ее. Подобно омерзительной медузе или некоему мясистому плотоядному растению, душа миссис Ганнисон прилепилась к его душе, как будто тюремщик и пленница неожиданно поменялись местами.

— А еще была Труди, толстая, неуклюжая и недалекая Труди, девушка с фермы. Она преклонялась передо мной, часами возилась с моей одеждой. Я поощряла ее то так, то этак и мало-помалу превратилась для Труди в святую. Она жила, чтобы добиться моей похвалы. Она готова была сделать для меня что угодно, несмотря на то что

очень часто попадала впросак и вечно чего-то стыдилась…

Наконец они добрались до дома Сейлоров. Поток гнусных мыслей иссяк. Щель во мраке сузилась до размеров крохотной точки.

Норман провел тело миссис Ганнисон в комнату Тэнси и показал на связанную фигуру на полу. Та лежала в той же позе, в какой он ее оставил: глаза закрыты, зубы оскалены, дыхание с хрипом вырывается из груди. Это зрелище кузнечным молотом обрушилось на мозг Нормана, и так уже изнемогавший под натиском сознания миссис Ганнисон.

— Заберите то, что вы вселили в нее, — услышал Норман свой собственный голос.

Черный паук спрыгнул с юбки Тэнси и резво припустил по расстеленному на полу одеялу. Норман действовал без промедления: его каблук раздавил паука, как только тот перебежал на паркет. Он различил приглушенный мысленный стон: «Мой верный Король! Ты покинул меня, ты больше не оживишь ни человеческую плоть, ни дерево, ни камень. Придется мне искать нового помощника».

— Верните то, что вы у нее забрали, — сказал Норман.

Щель во мраке исчезла.

Связанная фигура шевельнулась, сложно желая изменить положение. Губы задрожали, глаза раскрылись. Не обращая внимания на черноту, что давила на его мозг, Норман наклонился, разрезал веревки и вынул из-под них прокладки, которыми предусмотрительно обмотал запястья и лодыжки Тэнси. Ему показалось, будто он слышит стук ее сердца.

Голова Тэнси качнулась из стороны в сторону. С губ слетело: «Норман…» Ресницы затрепетали, тело вздрогнуло — и внезапно в комнате словно расцвел цветок: на лице Тэнси появилось осмысленное выражение, ее руки обняли Нормана за плечи, а из широко раскрытых глаз взглянула на него живая человеческая душа.

Мгновение спустя чернота, давившая на его мозг, куда-то улетучилась.

Окинув их злобным взглядом, миссис Ганнисон отвернулась, вышла из комнаты и направилась к парадной двери. Норман прижал Тэнси к себе и прильнул губами к ее губам.

20

Входная дверь захлопнулась. Как будто это послужило для нее сигналом, Тэнси мягко оттолкнула Нормана.

— Рано радоваться, Норман, — проговорила она. — Наше счастье по-прежнему в опасности.

Она посмотрела на него так, словно видела перед собой огромную стену, которая скрывала солнце. Отвечая на его изумление, она произнесла шепотом, будто боялась, что иначе накличет беду:

— Миссис Карр…

Она крепче обняла его, словно чтобы он скорее осознал угрозу.

— Норман, мне страшно. Мне очень страшно. За себя и за тебя. Моя душа столькому научилась. Дела обстоят вовсе не так, как мне думалось. Они гораздо хуже. А миссис Карр…

Норман вдруг ощутил усталость и безразличие. Ну почему, почему все хорошее так быстро проходит? Почему обязательно нужно разрушать даже иллюзию благополучия? Он тупо воззрился на Тэнси, как будто она была видением из опиумных грез.

— Ты в безопасности, — пробормотал он. — Я сражался за тебя, я возвратил тебя и никому на отдам. Они не посмеют и прикоснуться к тебе.

— О, Норман, — Тэнси потупилась, — я знаю, каким ты был смелым и хитроумным. Мне известно, чем ты рисковал и чем пожертвовал ради меня. Ведь ты всего за неделю сумел отказаться от здравомыслия и стойко вынес гнусные мысли той женщины. Ты победил Ивлин Соутелл и миссис Ганнисон в честном бою, играя по их правилам. Но миссис Карр… — ее руки задрожали. — О, Норман, она позволила тебе победить их. Она хотела напугать их и использовала для устрашения тебя. Но теперь она сама вступает в игру.

— Нет, Тэнси, нет, — твердил Норман, силясь придумать какой-нибудь довод в поддержку своего заявления.

— Бедняжка, ты так устал, — проговорила она; в голосе ее послышались заботливые нотки. — Я приготовлю тебе коктейль.

У него сложилось впечатление, что она отсутствовала лишь какие-то секунды: он успел только потереть глаза, моргнуть и помотать головой.

— Пойду переоденусь, — сказала Тэнси, оглядывая свой помятый и кое-где порванный костюм, — а потом мы поговорим.

Норман залпом выпил коктейль, налил себе еще. Но, похоже, алкоголь бессилен был поднять его настроение. Посидев, Норман встал и, пошатываясь, побрел в спальню.

Тэнси надела белое шерстяное платье, которое ему нравилось больше других и которое она в последнее время почему-то избегала носить. Помнится, она сказала, что платье сделалось ей мало. Однако сейчас она, как видно, решила показать ему, что ее тело не утратило девичьей стройности.

— Я как будто переехала в новый дом, — с улыбкой проговорила она. — Или возвратилась в старый после долгой отлучки. Никак не привыкну.

Лишь теперь Норман заметил, что в ее движениях проскальзывает неуверенность, словно она впервые поднялась с постели после тяжелой болезни.

Она расчесала волосы, и те волной ниспадали ей на плечи; босые ноги придавали ей вид маленькой девочки. Даже в своем нынешнем, поистине кошмарном, состоянии Норман нашел ее чрезвычайно привлекательной.

Он смешал ей коктейль. Она пригубила и отставила стакан.

— Нет, Норман, — сказала она, — нам нужно поговорить. Мне многим надо с тобой поделиться, а времени у нас, быть может, в обрез.

Он огляделся. Взгляд его на миг задержался на двери комнаты Тэнси. Кивнув, он опустился на кровать. Ощущение того, что он грезит, накурившись опиума, представлялось ему единственной реальностью; странная хрипотца в голосе Тэнси казалась неотъемлемой принадлежностью нездорового сна.

— За всем стоит миссис Карр, — начала Тэнси. — Это она свела миссис Ганнисон с Ивлин Соутелл. Как будто ничего особенного, да? Но женщины предпочитают не разглашать тайн своего колдовства. Они обычно действуют поодиночке. Знания, вернее частичка их, передаются только от старых к молодым, чаще всего — от матерей к дочерям, но и то скорее по обязанности, чем от чистого сердца. Миссис Ганнисон — я кое-что узнала о ней, наблюдая за ее душой, — уверена, что ее сотрудничество с Ивлин Соутелл и миссис Карр — уникальный случай, потрясение основ, которое предвещает великие перемены в будущем. Даже теперь мне неизвестны истинные стремления миссис Карр, однако я догадываюсь, что они чудовищно велики. Она вынашивает

свои замыслы вот уже три четверти века.

Норман молча слушал, время от времени отпивая из стакана.

— Она выглядит этакой безобидной и глуповатой старушкой, которая печется о нравственности и соблюдении приличий, хотя сама молодится, — продолжала Тэнси. Норман удивленно посмотрел на нее: ему почудилось, что в ее голосе прозвучала насмешка. Впрочем, подумал он, я, должно быть, ослышался. — Однако она притворяется, Норм. На деле же она — великолепная актриса. Простоватая и милая на вид, она сохраняет спокойствие там, где взорвалась бы миссис Ганнисон, умеренна там, где Ивлин Соутелл обуяла бы жадность. Она преследует свои цели. Знаешь, ее идеал — пуританский Массачусетс. Порой мне кажется, что она какими-то таинственными средствами и способами хочет восстановить ту пропитанную суевериями, так называемую теократическую общину.

Своим подручным она внушает ужас. В некотором роде они — всего лишь подмастерья. Ты познакомился поближе с миссис Ганнисон, а потому поймешь, что это значит, если я скажу, что миссис Ганнисон все время боится, как бы ей не обидеть миссис Карр.

Норман допил коктейль. Его рассудок, вместо того чтобы осознать надвигающуюся угрозу, норовил увернуться от нее. Надо встряхнуться, сказал он себе. Тэнси пододвинула ему свой стакан.

— Страх миссис Ганнисон вполне оправдан, ибо миссис Карр обладает таким могуществом, перед которым заклинания большинства ведьм — детские забавы. Опаснее всего ее глаза. Она не случайно скрывает их за толстыми стеклами очков. Она владеет тем самым сверхъестественным оружием, на защиту от которого направлено так много колдовских чар, оружием, которое настолько хорошо известно во всем мире, что сделалось любимым предметом острот для скептиков. Я говорю о дурном глазе. С его помощью она может наводить порчу и подчинять себе души людей.

До сих пор она держалась в тени, потому что желала наказать своих товарок за различные мелкие провинности и заставить их умолять о прощении. Однако она готовит удар, ибо увидела в тебе опасность для себя, — Тэнси говорила все быстрее и быстрее, и Норман с трудом разбирал ее слова. — Кроме того, во мраке, который клубится в ее мозгу, зреет еще один замысел. Иногда я замечала, что она внимательно присматривается

к моим движениям, жестам и…

Внезапно лицо Тэнси побелело.

— Я чувствую ее… она разыскивает меня… она прорывается… Нет! Нет, вы не заставите меня!.. Я не буду… Не буду!..

Она упала на колени.

— Не отдавай меня ей, Норман! — воскликнула она, словно перепуганный ребенок. — Не подпускай ее ко мне!

— Не подпущу, — проговорил он, рывком возвращаясь к действительности.

— О… у тебя не получится… Она идет сюда, сама!.. Вот до чего она боится тебя… Она заберет мою душу… Я не могу сказать тебе, что ей нужно… Это просто мерзость!..

Норман схватил жену за плечи.

— Ты должна сказать! — крикнул он. — Что?

Тэнси медленно подняла голову, взглянула Норману в глаза и прошептала:

— Ты знаешь, миссис Карр любит молодость. Она ведет себя как молоденькая девушка. Она окружает себя молодыми людьми, впитывает их чувства, невинность, восторженность. Норман, миссис Карр жаждет юности. Она долго сопротивлялась старению, дольше, чем ты думаешь. Ей не семьдесят, а все девяносто. Но годы берут свое.

Смерть не пугает ее, но она отдаст что угодно, поверь мне, Норман, что угодно за молодое тело.

Неужели ты не понимаешь? Другим нужна была моя душа, но ей необходимо мое тело. Разве ты не видел, как она на тебя смотрит? Она влюблена в тебя, Норман, эта мерзкая старуха влюблена в тебя. Вот зачем я понадобилась ей. Она хочет вселиться в мое тело, оставив мне свое. Моя душа погибнет вместе с ее гнусной плотью. Понимаешь?

Норман тупо глядел в ее испуганные, немигающие, чуть ли не гипнотические глаза.

— Ты должен остановить ее, Норман, остановить единственно возможным способом.

Не сводя с него взгляда, Тэнси встала и, пятясь, вышла из комнаты.

Наверно, в ее взоре и впрямь было нечто гипнотическое; вероятно, такое воздействие оказывал переполнявший ее страх. Норман не успел моргнуть, как Тэнси уже вернулась и вложила ему в руку холодный, угловатый на ощупь предмет.

— Не медли, — проговорила она. — Если ты замешкаешься хотя бы на единый миг, если дашь ей хотя бы малейшую возможность посмотреть на тебя, мы пропали, пропали навсегда. Она — кобра, что плюет ядом в глаза жертве. Готовься,

Норман. Она приближается.

Под окном послышались шаги. Со скрипом отворилась входная дверь. Тэнси вдруг прижалась к нему, прильнула влажными губами к его губам. Он крепко поцеловал ее.

— Не медли, милый, — повторила она шепотом и скользнула в сторону.

Норман поднял пистолет. В спальне было темно — Тэнси задернула шторы. В дверном проеме обрисовалась тоненькая фигурка в сером шелковом платье. Блеснули стекла очков. Палец Нормана лег на курок.

Фигура в сером быстро качнула головой.

— Скорее, Норман, скорее! — поторопил голос сбоку.

Фигура в сером не шелохнулась. Пистолет в руке Нормана дрогнул, его дуло дернулось — и уставилось на женщину, которая притаилась в углу комнаты.

— Норман!

21

Легкий ветерок шелестел листвой дуба, что стоял угрюмым часовым у особняка Карров. Стены профессорского домика поражали своей белизной; злые языки уверяли, что старая хозяйка каждый вечер, дождавшись, пока уснут соседи, моет их тряпкой, надетой на швабру с длинной ручкой. На всем чувствовался налет крепкой и бодрой старости. От особняка исходил неповторимый запах: так пах, должно быть, сундук, в котором капитан клипера, ходившего в Китай, привозил домой всякие пряности.

Окна домика выходили на колледж. Студентки спешили мимо него на занятия и, наверно, вспоминали, как чинно сидели там на стульях с прямой спинкой, а в очаге весело потрескивали дрова. Миссис Карр — такая душка! Конечно, она со странностями, но при случае ей безо всякого труда можно отвести глаза. К тому же она рассказывает очень интересные истории, совершенно не замечая двусмысленностей, которые в них проскальзывают. А к чаю с корицей у нее всегда имбирные пряники.

Веерообразное окно над балконной дверью

осветилось. Немного спустя на крыльце показался профессор Карр.

— Я пошел, Флора! — крикнул он. — Твои партнеры по бриджу что-то запаздывают.

— Они вот-вот появятся, — ответил ему мелодичный голос. — До вечера, Линтикум.

Профессор Карр закрыл за собой дверь. Жаль, что придется пропустить бридж. Однако доклад по теории простых чисел, который собирается прочесть молодой Рейфорд, несомненно, будет весьма интересен. Так что надо выбирать. Его шаги прошуршали по посыпанной гравием дорожке, вдоль которой, словно оторачивая ее кружевами, росли белые цветы, и затихли в отдалении.

За домом остановилась машина. Раздался такой звук, как будто поднимали что-то тяжелое, затем послышалось шарканье ног. Дверь черного хода распахнулась; на мгновение в прямоугольнике света возник черный мужской силуэт. На плече этот мужчина нес нечто, весьма напоминающее очертаниями связанную женщину. Но, разумеется, ничего подобного в доме Карров происходить не могло. Дверь закрылась, и установилась тишина, которую нарушал только шелест ветра в листве.

Взвизгнули тормоза. У парадного крыльца особ-

няка Карров застыл «студебекер» цвета воронова крыла. Из него выбралась миссис Ганнисон.

— Поспешите, Ивлин, — сказала она. — Из-за вас мы опоздаем, а она этого не любит.

— Не подгоняйте меня, — огрызнулась ее спутница.

Едва белая дверь открылась, пряный запах из глубины дома сделался более резким.

— Вы опоздали, дорогие мои, — прозвучал звонкий голос. — Но я прощаю вас, потому что у меня есть для вас сюрприз. Идемте.

Вслед за тоненькой фигуркой в шелковом платье они прошли в гостиную. За столом для игры в бридж, с его расшитой скатертью и двумя конфетницами из граненого стекла, стоял Норман Сейлор. В полумраке, который царил в комнате, выражение его лица разобрать было невозможно.

— Поскольку Тэнси не смогла прийти, — проговорила миссис Карр, — он вызвался заменить ее. Ну, как вам мой сюрприз? Не правда ли, профессор Сейлор очень любезен?

Миссис Ганнисон, похоже, набралась храбрости.

— Я не уверена, что мне это нравится, — пробормотала она.

— А давно ли, позвольте узнать, меня стало интересовать ваше мнение, — миссис Карр выпрямилась. — Садитесь все!

Когда они расселись вокруг стола, миссис Карр принялась перебирать колоду, извлекая из нее отдельные карты и раскладывая их перед собой. Ее голос был, как всегда, сладкозвучным.

— Это вы, мои дорогие, — сообщила она, кладя рядом даму бубен и даму треф. — А это профессор Сейлор, — она прибавила к дамам короля червей. — А вот я, — она положила даму пик поверх трех остальных карт. — Тут, в сторонке, у нас будет дама червей, то бишь Тэнси Сейлор. Я хочу сделать следующее, — она накрыла даму пик дамой червей. — Не понимаете? Ну что ж, ничего удивительного, поскольку умом вы никогда не блистали. Сейчас поймете. У нас с профессором Сейлором состоялся очень интересный разговор по поводу его исследований. Не правда ли, профессор Сейлор? — Норман кивнул. — Он открыл весьма любопытную вещь: сумел вывести законы для той деятельности, которой мы, женщины, занимаемся. По-моему, порой от мужчин бывает польза, да?

Профессор Сейлор любезно поделился своим открытием со мной. Вы и представить не можете,

насколько все становится проще, безопаснее и эффективнее! Последнее — самое важное в наши дни. Профессор Сейлор даже показал мне кое-что, и мы с ним приготовили сюрпризы для вас и для еще одного человека. Это не подарки, они останутся у меня. Так что, если кто-нибудь из вас будет плохо себя вести, мне не составит труда наказать виновную, отобрав у нее — сами знаете что.

Теперь же пришло время приступать к обряду, который сблизит нас с профессором Сейлором и объединит наши усилия. Вы нам поможете. Вот зачем я нас позвала. Откройте дверь в столовую, Норман.

Старомодная задвижная дверь скользнула в сторону.

— Ну? — спросила миссис Карр. — Как вам очередной сюрприз?

Тело было привязано к стулу. Над кляпом сверкали бессильной яростью глаза Тэнси Сейлор.

Ивлин Соутелл приподнялась со своего места. Крик застрял у нее в горле.

— Можете не закатывать истерики, Ивлин, — бросила миссис Карр. — Она обрела душу.

Ивлин Соутелл села. Губы ее дрожали.

Миссис Ганнисон побледнела, но выпятила

подбородок и оперлась локтями о стол.

— Мне это не нравится, — произнесла она. — Слишком рискованно.

— Мне представилась возможность, которой неделю назад не было в помине, — сообщила миссис Карр. — Вы с Ивлин должны помочь мне. Разумеется, вы вольны отказаться, если хотите. Но, надеюсь, вы сознаете последствия своего отказа.

Миссис Ганнисон потупилась.

— Хорошо, — проговорила она. — Но давайте поторопимся.

— Я старая женщина, — сказала миссис Карр, слегка растягивая слова, — и обожаю жизнь. Грустно было думать о том, что конец все ближе. К тому же, как вам известно, у меня имеются особые причины опасаться смерти.

Однако обстоятельства изменились, и я собираюсь вновь насладиться всем тем, на что взирают с завистью отживающие свой век старухи. События последних двух недель подсказали мне способ, а профессор Сейлор выяснил, как осуществить задуманное. Что касается вас, милочки, вы нужны мне для того, чтобы составить ту четверку людей, которая необходима для возникновения, скажем так, своего рода электрического напряжения.

И тогда, как выразился профессор Сейлор — он очень, очень умный человек! — искра перепрыгнет через разрыв в цепи. Говоря конкретнее, она перескочит от меня туда, — миссис Карр показала на связанную фигуру. — Вернее, искр будет две. Когда все кончится, дама червей накроет даму пик, но и дама пик накроет даму червей. Сегодня, дорогие мои, мы с вами выйдем в четвертое измерение. То, чего мы не понимаем, зачастую оказывается наиболее важным, не правда ли?

— Вы не сделаете этого! — воскликнула миссис Ганнисон. — Вы не сможете скрыть истину!

— Да? К вашему сведению, я не буду и пытаться. Ну-ка, скажите мне, что произойдет, если старой миссис Карр взбредет в голову заявить во всеуслышание, что она — Тэнси Сейлор? Мне кажется, вы догадываетесь, что ожидает милую, безобидную старушку. Все-таки законы, по которым живут здравомыслящие люди, иногда на что-то годятся.

Начинайте, Норман. А я объясню нашим гостьям, что от них требуется.

Норман кинул в огонь щепотку порошка. Он вспыхнул зеленым пламенем; из камина повалил едкий, удушливый дым.

Кто знает? Быть может, в тот миг что-то шевель-

нулось в самом сердце мира, что-то всколыхнуло беззвучные потоки черной бездны. На ночной стороне планеты миллионы женщин беспокойно заворочались во сне, а некоторые пробудились, дрожа от страха. На дневной стороне миллионы других женщин испытали чувство тревоги: одни из них погрузились в грезы наяву, вторые совершили ошибку в работе и были вынуждены заново — кто пересчитать цифры, кто подсоединить провод, кто составить лекарство; третьи ощутили, как в их сознание проникает извне нездоровая подозрительность. Некая космическая стрелка словно замерла в раздумье, едва заметно подрагивая, и те существа, что находились рядом и все видели, кинулись врассыпную. Поведение стрелки напоминало волчок, который, кружась, подбирается к краю стола. Вот он уже на грани падения — и вдруг отворачивает от края и движется вспять, к центру стола. Пожалуй, можно сказать и так: колебание бездны прекратилось. Равновесие было восстановлено…

Норман Сейлор распахнул окна, чтобы остатки едкого дыма выветрились из комнаты, потом перерезал веревки и вынул кляп изо рта привязанной к стулу фигуры. Она встала и, сопровождаемая Норманом, направилась к двери.

Остальные молча следили за ними. Старуха в сером шелковом платье сидела сгорбившись и уронив голову на грудь, руки ее безвольно свисали вдоль тела.

У двери женщина, которую освободил Норман Сейлор, повернулась.

— Мне осталось сказать вам только одно. Все, что вы сегодня услышали от меня, было правдой, за одним-единственным исключением.

Миссис Ганнисон вздрогнула. Ивлин Соутелл насторожилась. Старуха не шелохнулась.

— Этим вечером душа миссис Карр не переселилась в тело Тэнси Сейлор. Все произошло гораздо раньше, когда миссис Карр украла душу Тэнси у миссис Ганнисон и проникла в опустевшее тело жены профессора Сейлора, заключив ее душу в своем собственном старческом теле, которое было обречено на смерть. Миссис Карр знала, что Тэнси Сейлор будет думать лишь о том, как ей связаться с мужем. Она — миссис Карр — надеялась, что сумеет убедить Нормана Сейлора убить то тело, которое приютило душу его жены, внушив ему, что он убивает миссис Карр. И тогда с душой Тэнси Сейлор было бы покончено.

Миссис Ганнисон, вам было известно, что миссис Карр похитила у вас душу Тэнси Сейлор,

которую вы по тем же причинам отобрали у Ивлин Соутелл. Но вы не осмелились признаться в этом Норману Сейлору, потому что опасались за свою участь. И сегодня вы подозревали, что что-то не так, но не посмели выступить открыто.

Вы помогли нам, и душа миссис Карр возвратилась в тело миссис Карр, а душа Тэнси Сейлор — в тело Тэнси Сейлор. В мое тело. Доброй ночи, Ивлин. Доброй ночи, Хульда. Доброй ночи, милая Флора.

Белая входная дверь захлопнулась за ними. Под ногами зашуршал гравий.

— Как ты догадался? — это было первое, о чем спросила Тэнси. — Когда я стояла там, щурясь сквозь, очки и тяжело дыша, потому что бежала всю дорогу, — как ты догадался?

— Она выдала себя в конце, — задумчиво проговорил Норман. — Ты ведь помнишь ее привычку выделять в разговоре отдельные слова? Ну вот. Впрочем, только из-за этого я бы не решился. Она — блестящая актриса и наверняка изучала твои манеры не год и не два. Знаешь, после сегодняшнего спектакля, когда ты изображала ее практически безо всякой подготовки, я думаю, что вряд ли сумел бы распознать ее.

— Но как-то ты распознал?

— Твои шаги на дорожке — они отличались от походки миссис Карр. И, даже находясь в ее теле, ты держалась иначе, нежели она. Однако главное — то, как ты покачала головой. Я не мог не узнать твоего движения. Тут все встало на свои места.

— Скажи мне, — проговорила Тэнси, — после всего случившегося не начнешь ли ты задумываться, кто я на самом деле?

— Пожалуй, начну, — ответил он серьезно. — Но не беспокойся: сомнения — одно, а мы с тобой — совсем другое.

Из сумрака впереди донесся дружеский оклик.

— Привет, — поздоровался мистер Ганнисон. — Уже уходите? Я решил прогуляться с Линтикумом, а потом подвезти Хульду. Кстати, Норман, после обсуждения доклада меня поймал Поллард. Он вдруг изменил свое решение относительно того, о чем мы с вами говорили. А опекунский совет отложил заседание.

— Доклад был очень интересный, — сообщил мистер Карр, — и я доволен тем, что задал докладчику вопрос с подковыркой. Поверите ли, он ответил мне; правда, пришлось кое-что ему пояснить. Жаль, что я пропустил бридж. Ну ничего, не смертельно.

— Забавно, — сказала Тэнси, когда Ганнисон

с Карром ушли, — забавно рассуждать о смерти вот так. — И она рассмеялась звонким, озорным, заразительным смехом. — Милый мой, милый, — проговорила она, — теперь-то ты веришь или притворяешься ради меня? Ты веришь, что сегодня спас душу своей жены, вырвав ее из тела другой женщины? Или, как истинный ученый, убедил себя, что занимался прошлую неделю разными якобы колдовскими штучками лишь для того, чтобы излечить меня и трех других невротичек от галлюцинаций?

— Не знаю, — голос Нормана был тих и серьезен. — Честное слово, не знаю.

НЕОБЪЯТНОЕ ВРЕМЯ

THE BIG TIME

роман

перевод К. Королева

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕРНЫХ ГУСАР

Когда при молниях, под гром
Мы в дождь сойдемся вновь втроем?
Как только завершится бой
Победой стороны одной.
У. Шекспир. «Макбет» [11]

Звать меня Грета Форзейн. Двадцати девяти лет от роду, подружка на вечерок. Старики мои из Скандинавии, сама я родилась в Чикаго, а теперь большей частью пребываю вне пространства и времени — не в раю и не в аду, куда я и краем глаза не заглядывала, но и не в известной вам Вселенной.

Во мне нет того романтического очарования, которым славилась моя тезка-кинозвезда; пожа-

---

11 notes: 11
Перевод Ю. Корнеева.

луй, я чуть грубовата, но этим и беру. По-другому нельзя, ведь моя работа — приводить в порядок и в чувство Солдат, пострадавших в битвах величайшей из войн современности. Я говорю о Войне Перемен, войне путешественников во времени. Наши Солдаты отправляются в прошлое или даже в будущее; они изменяют ряд событий, чтобы окончательная победа, через миллиард с лишним лет от сегодняшнего дня, досталась нам. Как видите, кончится эта бойня не скоро.

Вы и слыхом не слыхивали о какой-то там Войне Перемен, но, уж поверьте, сказывается она на всей вашей жизни; быть может, истина открывалась вам, но вы ее просмотрели.

Не казалось ли вам порой, что память подводит вас, что картины прошлого в вашем сознании неясны и расплывчаты? Не страшились ли вы того, что однажды окажетесь не властны над собой? Что вас подстерегает неожиданная смерть? Пугала ли вас мысль о Призраках — не о тех, из книжек, но о миллиардах созданий, некогда столь могущественных, что невозможно поверить, будто они обезврежены раз и навсегда? Не хотелось ли вам познакомиться поближе с теми, кого вы зовете бесами или Демонами — духами, которые способны перемещаться в пространстве

и во времени, пронизывать горячие сердца звезд, что бьются в холоде космической ночи? Не чудилось ли вам, что Вселенная сошла с ума? Если да — Война Перемен стучится и в вашу дверь.

Кто сражается там, на чьей стороне перевес, почему вы ни о какой войне и не слыхали, какие чувства она у меня вызывает, как я завербовалась — все это вам еще предстоит узнать.

Точку вне космоса, в которой находится наша станция, я не мудрствуя лукаво называю Местом. Ну а где Месту располагаться? Там, где глубже, на Глубине.

Мои товарищи — две девушки и трое парней из разных эпох и стран; все вместе мы — Комедианты. У каждого из нас свои причуды, но дело от того не страдает. А вот когда к нам вламываются измотанные, побывавшие чуть не в аду Солдаты — тут только держись. Как раз по милости троих Солдат и случилась у нас та заварушка, о которой я собираюсь рассказать и которая на многое раскрыла мне глаза.

К тому моменту, когда все началось, я пробыла на Глубине уже с тысячу снов и с пару тысяч кошмаров; шел пятьсот первый тысячный цикл моей работы на станции. Кошмары, конечно, штука малоприятная, но от них никуда не денешься. И

потом, приходится делать вид, что привыкла к ним, потому что направление на Глубину считается почетным назначением.

По размерам наше Место — нечто среднее между ночным клубом, где отдыхают Комедианты, и небольшим ангаром для дирижаблей. К слову, дирижабль бы нам не помешал. Снаружи, где сверкает холодный утренний свет, можно встретить кого угодно, от динозавров до космонавтов, которые почему-то все словно на одно лицо. Однако, если вы из Комедиантов и если у вас есть голова на плечах, вы остережетесь часто выбираться наружу.

По настоянию врача я шесть раз с тех пор, как приступила к работе на Глубине, брала отпуск, но толку от этого было чуть. До отпуска ли, когда вокруг творится невесть что! В прошлом цикле меня потянуло в Рим эпохи Возрождения: я было увлеклась Чезаре Борджиа, но совладала с собой. Нет, отпуска нужны не нам, а тем парням и девчонкам, которых Скорпионы посылают сопровождать Солдат.

«Они отправляются изменять прошлое. Вы пойдете с ними. Не забегайте вперед, но и не отставайте, а главное — ни во что не вмешивайтесь».

Им далеко до нас. Наша станция — отнюдь не походный лазарет. Мы развлекаем Солдат, они возвращаются на передовую довольные и счастливые. Очень, очень редко что-нибудь портит наши вечеринки.

По людским меркам я мертва, но пусть это вас не тревожит, так как жизни во мне — с избытком. При встрече вам скорее захочется приударить за мной, чем звать на помощь полицейского или требовать монаха, чтобы тот окропил меня святой водой, конечно, если вы не принадлежите к числу воинствующих ханжей. Впрочем, столкнуться нам с вами будет непросто: отдыхать я предпочитаю в Италии пятнадцатого века и в Риме времен правления Августа, да заглядываю иногда на Пратер и на Бейзн-стрит; к тому же я стараюсь не отдаляться от Места. Оно — самое чудесное Место во всем Переменчивом Мире. (Это уж совсем никуда не годится! Я думаю о нем и то с большой буквы!)

Короче, в тот вечер я лежала на кушетке рядом с пианино и рассматривала свои ноготки, размышляя, стоит их покрасить или нет, и наконец решила, что никто все равно не заметит.

Как всегда перед прибытием гостей, в комнате установилась напряженная тишина. В сером

занавесе окружавшей нас Пучины возникали порой бледные огоньки, похожие на те, что появляются, если зажмурить глаза в темноте.

Сид, наш командир, настраивал Компенсаторы, изредка наклоняя голову, чтобы вытереть рукавом потный лоб, позолота ого роскошного камзола в этом месте изрядно потускнела.

Борегард весь подался вперед, не отрывая взгляда от пальцев Сида; коленом он опирался на розовую плюшевую подушку тахты, в которой помещался пульт управления. Бо одновременно был пианистом и вторым пилотом. Лицо у него было такое, словно он поставил все, что имел, на карту, которую ему сейчас откроют.

Доктор, успевший уже поднабраться, сидел у стойки бара, сдвинув на затылок цилиндр. Глядя прямо перед собой, он будто прикидывал, что лучше — жить в оккупированной нацистами царской России или быть пьяным Демоном-алкоголиком в Переменчивом Мире.

Мод, наша Старенькая, и Лили, Новенькая, перебирали жемчуга своих одинаковых ожерелий.

Красный сигнальный огонек на Большом Компенсаторе погас. В Пучине начала прорисовываться дверь. Задули Ветры Перемен, сердце мое пропустило пару ударов, а в следующий миг

трое Солдат переступили порог Места. Они пришли из иного времени; шаги их громом отдались у нас в ушах.

Как нас и предупреждали, на них были гусарские мундиры. Первым шагал Эрих, мой давний знакомец, гордость рода фон Хогенвальдов и гроза Скарабеев. За ним следовала угрюмая личность, сильно смахивающая на римлянина. Третьим был блондин с лицом греческого бога, только что покинувшего христианский ад.

Кивера, сапоги, ментики с меховой опушкой — все было черным, лишь скалились с киверов белые черепа. На запястье Эриха поблескивал браслет вызывного устройства; блондин стянул перчатку с правой руки и теперь комкал ее в левой.

— Приветствую вас, ребята, — прогудел Сид. Бо изобразил дружескую улыбку.

— Дверь закройте! — окликнула новоприбывших Мод.

— Закройте дверь! — повторили мы с Новенькой. Когда дверь нараспашку, Ветры Перемен бушуют вовсю.

— Поторопитесь, вы! — крикнула Мод своим мальчишечьим голоском. В коротком, по колено, платье в обтяжку она выглядела совсем юной.

Солдаты не обратили на нее внимания. Римлянин — я вспомнила, его звали Марком — бродил по комнате, натыкаясь на все подряд. Эрих с блондином продолжали жаркий спор, то и дело поминая какого-то ребенка, Эйнштейна, летний дворец, треклятую перчатку, Скарабеев и Санкт-Петербург. На губах Эриха играла злобная усмешка, с какой он обычно колотил меня.

— Куда ты так спешил? — кипятился блондин. — Наше бегство разнесло в клочья Невский проспект!

— Нам повезло, что мы унесли ноги, дурья твоя башка! Или ты не понял, что они стреляли из станнеров?

— Ну да! — фыркнул блондин. — Их заряда не хватит даже на то, чтобы парализовать кошку! Почему ты увел нас?

— Заткнись! Я твой командир, и нечего обсуждать мои приказы.

— Ты не командир, ты — трусливый нацистский ублюдок!

— Weibischer Englander! Scarabous! [12]

Перевода блондину не понадобилось. Выхватив из ножен саблю, он отпрыгнул назад — и

---

12 notes: 12
Английская баба! Скарабей! (нем.)

врезался в Бо, который при первых признаках ссоры бесшумно, как… — нет, я не произнесу этого слова, — поднялся с тахты и скользнул к спорщикам.

— Господа, вы забываетесь, — проговорил он повелительно, держась за плечо блондина, чтобы не упасть. — Вы находитесь на Станции релаксации и развлечений Сидни Лессингема, и здесь присутствуют дамы…

Презрительно усмехнувшись, англичанин оттолкнул его. Бо рухнул на тахту, подушки которой спружинили и швырнули его на Компенсаторы. Сид одним движением убрал их с его пути, словно это были карманные радиоприемники, а потом поставил обратно на сервировочный столик прежде, чем Бо обрушился на пол. Тем временем Эрих тоже обнажил саблю, отразил выпад блондина и атаковал сам. Сталь зазвенела о сталь, гусарский сапог царапнул мозаичный пол.

Перекатившись на бок, Бо вскочил и извлек из-за пазухи станнер, замаскированный под короткоствольный пистолет. Мне стало страшно — за Эриха и за всех нас, — и подумалось еще: должно быть, у Комедиантов нервишки пошаливают не меньше, чем у Солдат, а виноваты в том Скорпионы, которые неизвестно с какой стати

отменили двадцать снов назад все увольнительные и отпуска.

Метнув на Бо суровый взгляд, Сид рявкнул:

— Не лезь, паршивец! Без тебя разберусь!

Его рука потянулась к Малому Компенсатору. Я заметила, что на панели Большого снова зажегся красный огонек, и порадовалась, что дверь закрыта. Хотя, по правде сказать, Ветры Перемен все равно просачиваются внутрь.

Мод прыгала от восторга, забыв обо всем на свете; Новенькая побледнела. Эрих перешел в наступление. Вот он взмахнул саблей — и на щеке блондина показалась кровь. Разъяренный англичанин бросился вперед, Эрих отскочил — и вдруг оба они беспомощно затрепыхались в воздухе.

Я догадалась, что Сид отключил гравитацию в Прихожей и Кладовой; в Гостиной же и в Операционной все осталось как было. Такая система была придумана специально для наших приятелей-инопланетян, которые иногда заглядывали к нам, чтобы поднабраться сил. Угодить им бывало порой трудновато.

В голосе Сида зазвучал металл:

— Ладно, ребятишки, повеселились и будет. Вложите клинки в ножны.

Неприятно рассмеявшись, Эрих повиновался.

Лишних движений он не делал, невесомость не была ему в новинку. Повиснув вниз головой, блондин смерил противника свирепым взглядом и ухитрился-таки сунуть саблю в ножны, приняв вдобавок при этом нормальное положение. Сид увеличил гравитацию — постепенно, чтобы парочка не плюхнулась на пол.

Эрих весело улыбнулся и шагнул к нам, хлопнув попутно блондина по плечу.

— Вот тебе и первый боевой шрам, — хмыкнул он.

Блондин промолчал. Помахав пальцем перед носом Эриха, Сид обозвал моего коменданта «мерзавцем» и устремился к новичку. Я прижалась к Эриху; он целовал меня и обнимал так, что даже ребра трещали, приговаривая: «Liebchen! Meine Liebchen!» [13] Я и вправду любила его, да и подходим мы друг другу по всем статьям.

Только мы прервались, чтобы перевести дыхание, — голубые глаза Эриха словно притягивали меня, — как позади послышался глухой стук. Док свалился с табурета, цилиндр съехал ему на лоб. И тут Мод взвизгнула: римлянин, про которого все забыли, вышагивал по краю Пучины. Его чер-

---

13 notes: 13
Милая! Милая моя! (нем.)

ная форма будто растворялась в сером тумане.

Бо и Мод кинулись к нему. Наш пианист, как видно, успел прийти в себя. Сид наблюдал за происходящим, стоя у Компенсаторов.

— Что с ним такое? — спросила я у Эриха.

— Обычная история: шок от Перехода, — он пожал плечами. — Ко всему прочему его едва не подстрелили из станнера и конь чуть не сбросил. Видела бы ты Петербург, Liebchen! Невский проспект, каналы, всадники в голубых с золотом мундирах, женщины в мехах и шляпках со страусовыми перьями, монах с камерой на треноге… Знаешь, я дрожал от страха, когда мы пролетали мимо этих зомби. Ведь любой из них, да тот же фотограф, мог оказаться Скарабеем!

В Войне Перемен мы сражались со Скорпионами против Скарабеев. Они, как и мы, были Демонами и Двойниками. Линии наших жизней давно оборвались. Двойники мы потому, что, обитая в своем измерении, способны проникать в ваше, а Демоны — потому, что ведем себя как живые. Призракам это не под силу. Комедианты и Солдаты, на чьей бы стороне они ни воевали, — Демоны-Двойники. Зомби мы зовем мертвецов, чьи линии жизни связаны с так называемым прошлым.

— А что вы делали в Петербурге? — справилась я. — Или это тайна?

— Да какое там! Мы отправились в 1883 год, чтобы вызволить из плена Скарабеев маленького Эйнштейна, которого они похитили у нас. Да, Liebchen, они украли его несколько снов назад, поставив под угрозу победу Запада над Россией.

— Которая развяжет руки твоему ненаглядному Гитлеру на целых пятьдесят лет. Ты помнишь, что ваши бравые парни залюбили меня до смерти при взятии Чикаго?

— Зато, если Скорпионы одолеют Скарабеев, коммунизму уж точно крышка. В общем, у нас ничего не вышло. Скарабеи понаставили всюду охранников, чего мы никак не ожидали. Еле вырвались. Неудивительно, что Брюс потерял голову. Впрочем, это его не извиняет.

— Его зовут Брюсом? — я взглянула на блондина, стоявшего в одиночестве посреди комнаты.

— Да. Он был лейтенантом английской армии в первую мировую.

— У него в самом деле женский характер?

— А, Weibischer [14], — ухмыльнулся Эрих. — Надо же мне было как-то оскорбить его. Он неплохой

---

14 notes: 14
Неженка (нем.).

парень и, если его помуштровать слегка, будет отличным Солдатом.

— Вы, мужчины, горазды на оскорбления, — я понизила голос до шепота. — Но зачем ты обозвал его Скарабеем, мой милый Эрих?

Комендант скривил губы.

— А вдруг? Санкт-Петербург доказал, что лазутчики Скарабеев становятся все хитрее. Вот ты, Liebchen, — его глаза превратились в голубые льдинки, — верна ли ты Скорпионам?

— Эрих!

— Не сердись, я и впрямь перегнул палку — и с Брюсом тоже. Все мы ходим в эти дни как чумовые, а край пропасти совсем рядом.

Мод и Бо вели римлянина к кушетке. Тот не сопротивлялся. Мод сгибалась под его тяжестью. Сид по-прежнему наблюдал, а Брюс по-прежнему стоял столбом. Им бы должна была заняться наша Новенькая, но ее нигде не было видно. Я решила, что у нее был нервный припадок и что сейчас она отлеживается в Гостиной.

— Римлянин-то, похоже, плох, — сказала я.

— Марк крепкий орешек, — отозвался Эрих. — Исполнен доблести, как говаривали его современники. Наша девушка со звезд вернет его к жизни, если…

— …если это жизнь, — закончила я.

Он был прав. Мод с ее познаниями в психомедицине двадцать третьего века успешно подменяла Дока, когда тот «отключался».

— Мод и Марк. Интересный эксперимент, — продолжал Эрих. — Напоминает мне об опытах Геринга с замороженными мужчинами и голенькими цыганочками.

— Нацистская ты свинья! По-моему, она применит электрофорез и подсознательное внушение.

— Между прочим, Liebchen, она собирается задернуть шторки.

— Ты грязная нацистская свинья!

— Так точно. — Эрих прищелкнул каблуками и выпятил подбородок. — Эрих Фридрих фон Хогенвельд, обер-лейтенант армии Третьего Рейха, к вашим услугам! Погиб под Нарвой, где и был завербован Скорпионами. Благодаря Великой Перемене линия жизни после первой смерти удлинилась. В настоящий момент — военный комендант Торонто, где откармливаю на фермах детишек, которых потом, если верить листовкам подпольщиков, поедаю на завтрак.

— Не заводись, Эрих. — Я тронула его за рукав. Он был одним из тех несчастных, чье Воскресение случилось раньше смерти. Великая Перемена

сдвинула дату смерти Эриха, и та оказалась позади даты Воскресения. Всякий Демон скажет вам, что помнить собственное будущее — сущая пытка и что чем короче срок между Воскресением и смертью, тем лучше. Я сумела умереть и воскреснуть на кишащей людьми Норт-Кларк-стрит за какие-то десять минут.

Эрих накрыл мою руку своей ладонью.

— Военное счастье непостоянно, Liebchen. Я — Солдат, которого иногда посылают в будущее. Честно говоря, мне непонятно, откуда взялась эта навязчивая идея по поводу наших будущих воплощений. Я знаю, что стану тощим, как селедка, полковником, которому будет в высшей степени наплевать на подпольщиков. Признаться, меня выручает то, что я вижу его как бы в перспективе. По крайней мере я частенько возвращаюсь в то измерение. А вы, Комедианты, в худшем положении.

Я не сказала вслух, что на его месте остереглась бы походов в Переменчивый Мир, так как поняла вдруг, что молюсь о даровании покоя моему отцу. Пусть Ветры Перемен не поломают линию жизни Энтона Э. Форзейна, профессора психологии, родившегося в Норвегии и похороненного в Чикаго. Пусть лежит он в своем гробу на старом

кладбище Вудлоун.

— Конечно, Эрих, конечно, — согласилась я. — Хотя мы, Комедианты, живем не так уж убого.

Он с подозрением уставился на меня, словно проверяя, не оторвалась ли на платье пуговица.

— Убого? — повторил он. — При чем здесь убожество? Или ты намекаешь на Брюса, какой у него жалкий вид? Далась ему эта перчатка! Чего он ее комкает? Что ты имела в виду, Грета?

— То, что сказала. Жизнь убога, но не слишком.

Потихоньку до него начало доходить.

— Убога, — пробормотал он. — У Бога… У Бога! Грета, сколько я тебя просил: прекрати такие шутки! Нельзя же потешаться надо всем и вся!

— Принимай меня такой, какая есть, — фыркнула я. — Подожди, подожди, не замахивайся! Не буду больше ничего тебе рассказывать.

Эрих рассмеялся невеселым смехом.

— Чего ты скис? — не отставала я. — Потерпи, скоро расстанемся. Или ты не бывал в переделках почище?

Угрюмо кивнув, он огляделся по сторонам.

— Обещай мне, Грета, что не будешь насмехаться надо мной. На передовой я уверял ребят, что за кулисами нас встретит моя подружка Грета Форзейн, балерина с мировым именем.

Эрих неплохо усвоил наш жаргон. Место удивительно напоминало сцену какого-нибудь театра. Зрительным залом служила Пучина, серый туман которой едва ли загораживали раздвижные ширмы Операционной (уф!), Гостиной и Кладовой. Между последними двумя располагались бар, кухня и пианино Бо. Пространство между Операционной и тем сектором, где обычно возникала дверь, занимали полки и подставки Художественной Галереи. В центре сцены стояла тахта. Ее окружали шесть низких продолговатых кушеток, шторки одной из которых были сейчас задернуты, и полдюжины невысоких столиков. Другими словами, обстановка выглядела как декорации к балетному спектаклю, а наши причудливые одеяния отнюдь не разрушали иллюзию — ну то есть ни капельки! Дягилев [15] не раздумывая пригласил бы нас к себе в труппу, не справившись даже, в ладах ли мы с ритмикой.

15 notes: 15
Дягилев С. П. (1872–1929) — русский театральный деятель.

ПЕРЧАТКА С ПРАВОЙ РУКИ

На неделе — в Вавилоне,
Прошлой ночью — в Риме.
Р. Ходжсон

Бо зашел за стойку бара и о чем-то тихо переговаривался с Доком. Глаза его так и бегали, лицо отливало нездоровой желтизной. Новенькая до сих пор где-то пряталась. Сид, разобравшись наконец с Марком, направился к Брюсу.

Он махнул мне, и я приблизилась к ним, сопровождаемая Эрихом.

— Приветствую тебя, юноша. Я Сидни Лессингем, хозяин этого заведения и твой соотечественник. Родился в Кингз-Линн в 1654 году, обучался в Кембридже, но Лондон стал моим домом, моей жизнью и смертью. Я пережил Бесси, Джимми, Чарли, вот только Олли не успел [16]. Был причетником, соглядатаем, сводником, что почти одно и то же, поэтом-бумагомаракой, нищим, продавал религиозные памфлеты. Короче, «Ты слышишь

16 notes: 16

Речь идет о королеве Елизавете I, королях Джеймсе I и Карле I, а также об Оливере Кромвеле, лорде-протекторе Англии.

зов: “Сверши — и все твое!”» [17]

Услышав слово «поэт», блондин поднял голову, но взгляд его выражал недоверие.

— Не спрашивай меня, я сам тебе отвечу, — продолжал Сид. — Да, я знавал Уилла Шекспира, и был он такой тихоня, что мы никак не могли взять в толк, из чего берутся сюжеты его пьес. Прошу прощения, но твоей царапиной не мешало бы заняться.

Новенькая вышла из Операционной с пакетом первой помощи на подносе. Прикоснувшись тампоном к пораненной щеке Брюса, она проговорила визгливым от волнения голоском:

— Позвольте мне…

Надо же было ей так не вовремя всунуться! Брюс, который хмуро поглядывал на Эриха и потемнел лицом при последних словах Сида, попросту оттолкнул ее. Эрих стиснул мою ладонь. Поднос с грохотом ударился об пол; Бо едва не уронил один из стаканов. С того момента, как Новенькая очутилась на станции, Бо не отпускал ее от себя ни на шаг, хотя, по-моему, ничего серьезного между ними не было. У Бо не оставалось выбора: я тогда увивалась вокруг Сида, а Мод

---

17 notes: 17
Перевод Ю. Корнеева.

обламывала Дока — она у нас любительница тяжелых случаев.

— Умерь свой пыл! — прикрикнул Сид, одновременно бросая на Бо повелительный взгляд. — Зачем обидел ты невинную девицу? Не трать понапрасну желчь, уж лучше дай ей излиться стихами. Ага, тебя проняло! Признайся, ты поэт?

Сид угадал. Чутье в очередной раз его не подвело.

— Да, я поэт! — воскликнул блондин. — Меня зовут Брюс Марчант, проклятые вы зомби! Я был поэтом в мире, где чистейшие строки Библии и вашего драгоценного Уилла запачканы навозом Скарабеев и ядом Скорпионов! Вы меняете нашу историю, лишаете нас опоры в жизни, уверяете, что всемогущи и хотите помочь, и что же?! Забирайте свою поганую перчатку!

Он сжал перчатку в комок.

— Чем она тебе не угодила, друг? — справился Сид. — Сделай милость, объясни.

— Тебе повезло, камрад, — ухмыльнулся Эрих. — Нам с Марком и того не досталось.

— Чем-чем, — огрызнулся Брюс. — Они обе на левую руку!

И швырнул перчатки на пол.

Мы расхохотались. Он повернулся к нам спи-

ной и пошел прочь, но за него можно было не беспокоиться — он в Пучину не шагнет.

— Mein Gott, Liebchen [18], — прошептал мне на ухо Эрих. — Таковы все Солдаты: чем сильней досада, тем ничтожней причина. Не сомневайся, проверено.

Не смеялась лишь Новенькая. Едва она услышала имя Брюса Марчанта, лицо у нее сделалось такое, словно ее причастили святых даров. Я порадовалась тому, что хоть что-то ее заинтересовало — до сих пор она высокомерно воротила нос от всего, что ей предлагали, а по рекомендациям выходило, будто в двадцатые годы ее носили на руках Нью-Йорк и Лондон. Окинув нас неодобрительным взглядом, она подобрала с пола поднос и возложила на него перчатку Брюса.

Бо заговорил было с ней, но она тенью проскользнула мимо, а он не смог ее остановить, так как руки у него были заняты подносом со стаканами. Видно, он решил как можно скорее избавиться от своей ноши и принялся обходить нас. Я глотнула как следует: на моих глазах Новенькая скрылась за ширмой Операционной, а я терпеть не могу эту комнату. Хорошо, что Док вечно пьян,

---

18 notes: 18
Боже мой, милая (нем.).

и потому мы ею не пользуемся. С хирургией у меня связаны малоприятные воспоминания, о которых я всей душой хотела бы забыть.

Брюс вернулся.

— Послушайте, — сказал он с усилием, — дело вовсе не в перчатке, как вам наверняка известно, гнусные вы Демоны.

— А в чем же, золотой ты мой? — спросил Сид. Рыжая с проседью борода придавала ему вид наивного простачка.

— В принципе, — заявил Брюс, подозрительно поглядывая на нас. Мы сдержали улыбки. — Смерть надела маску благого всемогущества. Мы не знаем, кто такие Скорпионы; мы видимся только с агентами, вроде нас самих. Скорпионы поднимают нас из могил…

— Что в том плохого, приятель? — пробормотал Сид.

— …воскрешают нас и говорят, что мы должны сражаться против Скарабеев, которые вознамерились покорить космос в его прошлом, настоящем и будущем.

— А разве не так?

— Мы еще не очнулись, а нас уже отправляют на Глубину, кидают в какие-то сточные канавы вне пространства и времени, сажают чуть ли не

в выгребные ямы — не обижайтесь, Сидни, я не про ваше Место. Мы вынуждены мотаться из прошлого в будущее, менять историю, расстраивать планы Скарабеев…

— Верно, сынок.

— У нас нет ни секунды передышки, шок накладывается на шок, наши нервы никуда не годятся, всякие представления о жизни рушатся в одно мгновение, слово «реальность» утрачивает всякий смысл. Мы запутались, запутались вконец.

— Мы все прошли через это, сынок, — сказал Сид.

Бо утвердительно мотнул головой.

— Ты бы видел меня, камрад, в мои первые пятьдесят снов, — проговорил Эрих.

— Посмотри на женщин, Брюс, — прибавила я.

— Разумеется, со временем я привыкну. Меня тревожит не сумятица в собственных мыслях, не утрата опоры под ногами, — говорил Брюс. — Я готов примириться с переделкой истории, с уничтожением бесценных красот прошлого, если мне пояснят, ради чего. Скорпионы не устают твердить, что для победы над Скарабеями нужно, чтобы Запад одолел Восток. Но как они того добиваются? Вот вам пример: чтобы стабилизировать положение в древнем Средиземноморье, они

возвеличили Крит за счет Греции, превратили Афины в город призраков, Платона — в заурядного писателишку, а греческую культуру — в нечто невообразимое!

— У тебя хватает времени на культуру? — услышала я свой голос и торопливо зажала рот ладонью.

— Но ты ведь помнишь «Диалоги», сынок, — сказал Сид. — И не поливай грязью Крит: у меня там подружка.

— Как долго я буду помнить Платоновы «Диалоги»? И кто еще, кроме меня, помнит их? — горько усмехнулся Брюс. — Другой пример. Скорпионы утверждали, что заинтересованы в могуществе Рима. Они так помогали Риму, что тот пал под ударами германцев и парфян через несколько лет после смерти Цезаря!

Тут в разговор вмешался Бо. По совести говоря, мы все обожали такие ученые беседы.

— Вы забыли упомянуть, сэр, что последнее падение Рима произошло благодаря усилиям образованного Скарабеями нечестивого Тройственного Альянса, в который вошли мусульманизированные христиане, восточные народы и коммунисты. Скарабеи хотели, чтобы власть над миром перешла к византийцам, а от тех — к

Восточной Церкви. Таков, сэр, трехтысячелетний план Скарабеев. Мы сражаемся за восстановление былой славы Рима.

— Успешно, надо полагать? — фыркнул Брюс. — Третий пример. Чтобы справиться с Россией, Скорпионы удержали Англию и Соединенные Штаты от участия во второй мировой войне. Нацисты вторглись в Новый Свет, и теперь Великий Рейх простирается от соляных шахт Сибири до нолей Айовы, от Нижнего Новгорода до Канзас-Сити!

Он замолчал. Волосы мои стали дыбом. Сзади нас послышался чей-то невыразительный голос, напоминавший скрип башмаков по снегу:

— Salz, Salz, bringe Salz. Kein' Peitsch', gnodige Herren. Salz, Salz, Salz.

Я обернулась. Док, согнувшись в три погибели, так что концы его длинного шарфа подметали пол, приближался к нам неверными шажками, пьяно тряся головой.

Эрих перевел мне слова песенки:

— «Соль, соль, я несу соль. Не бейте меня, господа. Соль, соль, соль». Он говорит на моем родном языке!

Мне вспомнилось, что Док провел последние месяцы своей жизни на нацистской соляной

шахте.

Увидев нас, Док выпрямился и поправил цилиндр. Он было нахмурился, потом брови его разошлись, он пожал плечами и пробормотал:

— Дребедень.

— Верно, сэр, — произнес Бо, обращаясь к Брюсу. — Война Перемен покончила с некогда великими цивилизациями. Но их место заняли другие, что прежде были загублены на корню. Мне довелось в семидесятых годах девятнадцатого века плавать по Миссисипи, воды которой никогда не разрезали кили канонерок Гранта [19]. Я брал уроки музыки, изучал языки и теорию вероятности под руководством величайших европейских умов в университете Виксберга.

— По-вашему, паршивое американское захолустье может сравниться…

— Брось, сынок, — перебил Брюса Сид. — Все нации равны между собой, как равны безумцы или пьяницы. И не спорь со мной, тебе же будет хуже. Нации не исчезают, как ты ни пытайся изменить прошлое, ибо они — чудовища с железным чревом и медными нервами. Жалей людей, но не нации.

---

19 notes: 19

Улисс Грант (1822–1885) — главнокомандующий армией северян в годы Гражданской войны в США.

— Именно так, сэр, — сказал Бо, оскорбленный, похоже, нападками на его Державный Юг. — В большинстве своем мы попадаем в Переменчивый Мир с искаженными представлениями о действительности. Почему-то считается, что малейшая подвижка в прошлом полностью изменит будущее. Лишь понемногу постигаем мы суть Закона Сохранения Реальности: когда прошлое изменяется, будущее всего только подстраивается под него. Ветрам Перемен приходится преодолевать мощнейшее сопротивление. Иначе последствия нашей первой операции в Вавилонии были бы катастрофическими: мы уничтожили бы Нью-Орлеан, Шеффилд, Штуттгарт и поселение на Ганимеде, в котором родилась Мод Дэвис!

Брешь, образовавшуюся после падения Рима, тут же заполнили крещеные германцы с имперскими замашками. Лишь опытному историку-Демону под силу определить разницу между древней латинской и нынешней готической католической церковью. Вы говорили о Греции, сэр. Старую мелодию переложили на новый мотив. Да, Великая Перемена не проходит бесследно, однако если не брать в расчет неизбежные несчастные случаи, то культуры,

народы и отдельные личности продолжают свое существование.

— Ладно, ладно, — проворчал Брюс. — Быть может, я слегка увлекся. Но объясните мне, почему мы прибегаем к таким отвратительным способам? Зачем мы подсыпали яду Черчиллю и Клеопатре? Зачем пытались похитить младенца Эйнштейна?

— Его украли Скарабеи, — сказал я.

— Ну да, а мы не придумали ничего лучше, как отплатить им той же монетой. — Брюс все больше напоминал мне сварливую кумушку. — Если нам так необходим Эйнштейн, почему мы не воскресили его? К чему нам несмышленыш?

— Прошу меня простить, — снова вмешался Бо, — но, побыв подольше в шкуре Двойника, вы поймете сами, что великих людей воскрешать нелегко. Линии их жизней с трудом поддаются прерыванию.

— Извините, но это ерунда. Я уверен, что они попросту отказываются сотрудничать со Скарабеями или со Скорпионами. Воскрешение такой ценой их не устраивает.

— Брат мой, откуда в них столько величия? — прошептала я.

— Вы приняли Воскрешение, сэр, а значит, и

обязательства, которые оно налагает и которыми вы как джентльмен не вправе пренебречь, — заключил Бо.

— Как мне было его не принять? — раздраженно отозвался Брюс. — Получив предложение за десять минут до смерти, я уцепился за него, словно пьяница за бутылку наутро после попойки. Я думал тогда, что смогу исправлять исторические несправедливости, нести людям мир, — голос его становился все звонче. Я заметила, что Новенькая не сводит с него восхищенных глаз. — И вдруг выясняется, что Скорпионам я нужен, чтобы воевать, воевать без конца, чтобы каждой новой Великой Переменой приближать гибель Вселенной!

Пальцы Сида нащупали мою ладонь.

— Как по-твоему, — прошептал он, — чем нам утихомирить этого не в меру буйного паршивца? Что-то он разошелся.

— Я знаю, кто способен унять его, — шепнула я в ответ. — Беда в том, что он на нее и не смотрит.

— Ты про Новенькую? Верно, милая, верно. Он вещает, как ангел во гневе. Сердце мое соглашается с ним, и это мне не нравится.

— Нас посылают в прошлое, — говорил Брюс, — откуда дуют в будущее Ветры Перемен, ломая

преграды на своем пути и сшибаясь порой друг с другом. Любой из них может переместить дату нашей смерти за дату Воскресения, и тогда мы растворимся в воздухе или рассыплемся в пыль. То, что мы находимся вне Вселенной, нас не спасет. Дверная щель достаточно широка, чтобы Ветер просочился в нее.

Лица моих товарищей затвердели. Упоминать о Второй Смерти считается среди нас, Комедиантов и Солдат, дурным тоном. Эрих, конечно же, не выдержал:

— Не болтай, камрад! Ты забыл про повторное Воскрешение.

Брюс упрямо не желал ничего слушать.

— А есть оно? Скорпионы обещали его нам, но Двойник, которого они выберут вместо меня, уже не будет мной нынешним. — Он стукнул себя кулаком в грудь. — Да пускай даже он окажется мной, пускай. Зачем его воскресят? Чтобы сражаться вновь и вновь, — голос его поднялся до крика, — во славу всемогущей силы, которая настолько бессильна, что не может обеспечить одного-единственного Солдата своих коммандос парой нормальных перчаток!

Он выбросил вперед правую руку, слегка растопырив пальцы, словно надеялся пробудить

сочувствие в наших сердцах.

На этот раз Новенькая все рассчитала правильно. Она протиснулась между нами и, прежде чем Брюс успел пошевелиться, надела на его руку черную перчатку, перчатку для правой руки.

Давно мы так не смеялись. Мы хохотали, проливали вино, падали в изнеможении на кушетки и снова принимались хохотать как сумасшедшие.

— Перчатка, Liebchen, перчатка! — заходился смехом Эрих. — Откуда она ее взяла?

— Должно быть, вывернула старую наизнанку, и из левой получилась правая. Я сама так делала, — прыснула я.

— Тогда была бы видна подкладка, — возразил он.

— Ну, не знаю, — сказала я. — У нас в Кладовой полным-полно всякой всячины.

— Не переживай, Liebchen, — утешил меня он. — Но какая молодец девчонка!

Брюс молча разглядывал перчатку, время от времени напрягая пальцы, а Новенькая смотрела на него так, словно он пробовал пирог, который она испекла.

Когда мы угомонились, Брюс повернулся к Новенькой.

— Как, вы сказали, вас зовут? — спросил он,

улыбаясь во весь рот.

— Лили, — ответила она. Хотите верьте, хотите — нет, но с того момента я зауважала ее: как ловко она утихомирила Брюса!

— Лилиан Фостер, — назвалась она полным именем. — Я тоже родом из Англии, мистер Марчант. А вашу «Юношескую фантазию» я помню наизусть.

— Правда? Это слабая вещь, я нацарапал ее еще в Кембридже, в студенческие годы. Окопы многому меня научили.

— Пожалуйста, не клевещите на себя — и прочитайте что-нибудь из новых стихов! Знаете, то место, где вы погибли, Пашендале, — я переиначила его в Дол Павших.

— В самом деле? Между прочим, так называли его все томми [20], а Ипр они окрестили Вепрем.

— Удивительно! Мне кажется, мистер Марчант, нас с вами завербовали в одно время, летом семнадцатого года. Я тогда записалась в Красный Крест, хотя мне не хватало лет и меня собирались уже отправлять из Франции домой.

— Сколько вам было… сколько вам лет?

— Семнадцать.

---

20 notes: 20

Томми — солдат английской армии (жар г.).

— Семнадцать в семнадцатом, — пробормотал Брюс.

Слушать их было тошно. Эрих ухмыльнулся и подмигнул мне, словно говоря: «Ну разве не славно, Liebchen? Брюсу есть теперь с кем развлекаться в промежутках между походами!»

Глядя на Лили — густая челка, жемчужное ожерелье, облегающее фигурку платьице до колен — и на Брюса в его шикарном гусарском мундире, я поняла вдруг, что вижу начало того, о чем давно успела позабыть. Мой Дэйв пропал ни за грош, сражаясь против Франко. Почему я не пыталась воскресить его? Потому, что воды с тех пор утекло несчетно; пусть лучше Ветры Перемен не тревожат Дэйва. Но все-таки жаль, что дети на Глубине не рождаются.

— В семнадцатом я не умерла, — говорила Лили, — меня лишь завербовали. Видите, на мне одежда, модная в двадцатые годы. Я намного пережила вас, но давайте не будем об этом, хорошо? О, мистер Марчант, обещайте мне, что вспомните какое-нибудь стихотворение из сочиненных вами в окопах! Неужели они лучше вашего сонета, который кончается такими строчками: «Ночь. Звезды. Ветер шелестит листвой. Спи, бедолага, спи, пока живой»?

Я едва удержалась, чтобы не фыркнуть. Поэты все одним миром мазаны: обожают свои стихи, как ничьи другие. Ладно, пускай себе милуются, а я пойду к Эриху. Обойдутся без меня.

ВЕЧЕРИНКА ДЛЯ ДЕВЯТЕРЫХ

В Аду мое место. Туда лежит дорога духовников и рыцарей, убитых на турнирах или на войне. Туда пойду и я вместе с храбрыми воинами и любезными кавалерами, вместе с прекрасными дамами, у которых не счесть любовников. Там золото и серебро, горностаи и соболя. Там встречу я менестрелей и великих правителей.
«Окассен и Николетт», средневековый рыцарский роман

Бо в очередной раз обносил всех напитками, и я взяла у него с подноса очередной бокал. Серый туман Пучины потихоньку обрел оттенок утренней дымки над рекой; мне чудилось даже, что в нем искрятся мириады крошечных бриллиантов. Док восседал у стойки бара с чашкой чая в руке — видно, готовился запить пропущенный стаканчик. Сид, посмеиваясь в бороду, переговаривался с Эрихом. Словом, вечеринка была в разгаре, но чего-то ей недоставало.

Красный огонек на панели Большого Компенсатора светился, точно лампа в окне родного

дома; кнопки, шкалы, ручки — и одинокая рукоять инвертора, к которой никто из нас не смел прикасаться.

Шторки над кушеткой Мод раздвинулись, и мы увидели наших голубков. Оглядев себя с таким видом, словно он не верил собственным глазам, римлянин произнес:

— *Omnia mutantur, nos et mutamur in illis.*

Я посмотрела на Бо. Тот не подвел свой виксбургский университет.

— Все меняется, и мы меняемся тоже, — перевел он.

Обведя нас взглядом, Марк улыбнулся, и это вышло у него вполне естественно.

— Нас девятеро, — сказал он, — и столько же кушеток. Значит, можно отдыхать.

Мод хихикнула.

— С возвращением из Пучины, камрад! — крикнул Эрих. Немец по рождению, он считал, что вечеринка обязательно должна быть шумной и хотя бы чуть-чуть помпезной, а потому вскочил на кушетку и объявил:

— Дамы и господа, позвольте представить вам храбрейшего из римлян, Марка Випсия Нигера, легата императора Клавдия Нерона, которому в прошлом временном потоке дали прозвище

Германикус. Наш Марк погиб смертью Солдата в десятом году нашей эры в Александрийской битве, сражаясь против парфян и Скарабеев. Гип-гип-ура!

Мы дружно подняли бокалы. Послышались одобрительные возгласы. Сид накинулся на Эриха:

— Не порть мне мебель, неслух ты этакий! — Потом усмехнулся и прогудел: — Веселитесь, ребята.

Мод с Марком присоединились к нам. Марк, сам того не желая, слегка обидел Бо, отказавшись от фалернского и предпочтя ему виски с содовой. Завязался общий разговор.

Мы рассуждали обо всем сразу.

— Скарабеи ставят в Пучине мины.

— Ерунда, разве можно минировать ничто?

Кто-то требовал бурбон, кто-то искал заколку для волос, кто-то утверждал, что Марка надо было напичкать стабилитином. Сам Марк пустился в воспоминания.

— Марсия? Ее здесь больше нет…

(Она угодила в Вихрь Времени и истлела прямо на наших глазах, но рассказывать об этом я не собиралась.)

Потом, не жалея красок, римлянину расписали

случай с Брюсом и его перчаткой, а Марк в ответ поведал нам о легионере, которого замучил живот, потому что ему случайно выдали в паек сахар вместо обычной соли. Эрих спросил Сида, не припас ли тот Призрачных Красоток. Старый греховодник подергал себя за бороду.

— Что тебе в них, любострастный аллеман [21]? Есть, есть у меня красавицы, а среди них — графиня из Вены времен Штрауса. Эх, если бы не вон та милашка…

— За тобой нужен глаз да глаз, мой маленький фон Хогенвальд, — проговорила я, упершись пальцем в грудь Эриху. — Ты явно питаешь слабость ко всяким призракам.

Он фыркнул, прижал меня к себе, доказывая, что я ошибаюсь, и предложил показать Брюсу Художественную Галерею. Когда я попробовала отговорить его, он уперся. Брюс с Лили охотно согласились. Царапина от удара саблей на щеке Брюса была еле заметна: Лили смыла всю запекшуюся кровь.

Наша Галерея сильно отличается от всех. В ней хватает картин и скульптур, но главное место отведено разным поделкам, которые смастерили

---

21 notes: 21
От латинского названия Германии — Allemagne.

перебывавшие на станции Солдаты. Материал, что пошел на эти поделки, волей-неволей напомнит вам о Войне Перемен — медные патроны, потрескавшийся кремень, осколки древней глиняной посуды, собранные воедино каким-то ваятелем-футуристом, современная чеканка на золотых слитках инков, хитроумные кружева из лунной проволоки, картина, написанная темперой на потрескавшемся куске кварца, что стоял некогда в иллюминаторе звездолета, шумерская надпись, выбитая на кирпиче из атомной печи.

В общем, в Галерее так всего много, что я каждый раз обнаруживаю там нечто новенькое, чего не видела раньше. Глядя на статуи и прочие вещицы, начинаешь задумываться о тех, кто приложил к ним руку. Порой, когда меня одолевает тоска, я прихожу сюда, чтобы мне стало еще хуже. Если настроению некуда падать, оно поднимается. В Галерее — история нашего Места, и то, что ее составляет, выдерживает пока все шквалы Ветров Перемен.

Эрих болтал без умолку, но я не прислушивалась к его словам. Я размышляла о том, как ужасно, что для нас существует лишь Перемена с большой буквы. Каково это, по-вашему: знать, что мысли, которые тебя осеняют, или чувства,

которые ты испытываешь, вполне могут оказаться последствиями вмешательства в прошлое Скорпионов или Скарабеев?

Ветры Перемен несут с собой не только смерть. Они бесконечно опережают время, и никто не скажет вам, как далеко они проникают, какие разрушения сулят и скоро ли успокоятся. Глубина есть Глубина.

Мы, Демоны, боимся того, что однажды потеряем себя, что наши тела займут другие. Считается, что Перемены на нас не действуют; потому-то мы — Демоны, а не Призраки, как остальные Двойники, и не зомби. Бо не солгал: среди нас нет великих. Зато и людей толпы можно пересчитать по пальцам. Таких, как мы, поискать; поэтому Скорпионы вынуждены вербовать нас без оглядки на наше прошлое. Мы — Иностранный Легион Времени, диковинные существа, смышленые и неприметные, печальные и циничные. Мы меняем личины с легкостью центаврийских оборотней; наша память — бездонный колодец. Мы — Народ Перемен, сливки общества проклятых.

Однако иногда я задаюсь вопросом: в самом ли деле мы помним все? Быть может, мы забыли минувшее, забыли, что забыли его?..

Вот так всегда, стоит мне только заглянуть в

Галерею.

— Иди-ка ты лучше к своему коменданту, Грета, — одернула я себя.

Эрих рассматривал зеленую чашу, на которой сплетались золотистые силуэты то ли дельфинов, то ли космических кораблей.

— По-моему, — сказал он, — в искусстве этрусков сильны египетские мотивы. Ты согласен, Брюс?

Довольно улыбаясь, тот обернулся к нему:

— Что-что?

Лицо Эриха потемнело. Я порадовалась, что наши лихие гусары оставили сабли в Прихожей. Эрих открыл было рот, но тут вмешался Док — он забрал у немца чашу.

— Чудесный образчик среднесистемного венерианского стиля, — Док находился в том состоянии, когда пьяный кажется трезвее трезвого. — Мастер Эйтайх говорил мне, что при взгляде на нее нельзя не припомнить, как шуршат над крышами домов на Северных Отмелях морские волны. Пожалуй, надо бы ее инвертировать. Угу… Кто вы такой, молодой человек? А, дребедень.

Аккуратно вернув чашу на подставку, Док поплелся дальше.

По правде сказать, он единственный из нас

знал назубок, что и где стоит в Галерее, и если бы он не был постоянно навеселе… Эрих хотел догнать Дока, но я не разрешила.

— Его «дребедень» меня доконает, — пожаловался он. — Будь моя воля, Liebchen, я бы повыгонял всех русских даже из Комедиантов.

Я улыбнулась ему и сжала его руку.

— Док здорово сдал в последнее время.

Эрих усмехнулся.

— Я не любитель ссор, Грета, но порой веду себя как старый ревнивый болван.

Насчет «старого» он явно загнул: несмотря на седые волосы, ему не исполнилось еще и тридцати трех.

Наши влюбленные ворковали у ширмы Операционной. Я бы так не смогла, но Лили, должно быть, не разделяла моего предубеждения. Она говорила, что, прежде чем попасть к нам на станцию, отведала службы в полевом госпитале Скорпионов, но навряд ли ей довелось познать то, что пережила я в бытность медицинской сестрой. Помню как сейчас: врач повернул переключатель, и тяжело раненный человек превратился в продолговатый сверкающий кокон… Уф, до сих пор пот прошибает. А папочка Энтон мечтал, что его Грета будет лечить людей!

Ну да ладно, хватит брюзжать. В конце концов вечеринка у нас или не вечеринка?

Док что-то втолковывал Сиду. Только бы ему не вздумалось подражать крикам животных. Впечатление, скажу я вам, остается отвратительное. Инопланетян, которые как-то заглянули к нам, Док попросту оскорбил в лучших чувствах.

Мод показывала Марку коленца двойного степа двадцать третьего века. Бо подыгрывал ей на пианино.

Просветлев лицом, Эрих потащил меня к ним. Мои каблучки простучали по мозаичному полу, который мы не накрываем ковром потому, что так нравится нашим приятелям с других планет. Усадив меня на кушетку рядом с пианино, обложив подушками и вручив бокал с вином, мой ненаглядный комендант важно прокашлялся. Он готовился излить свою Weltschmerz [22] в песне, но меня это не встревожило — голос у Эриха приятный.

Компенсатор работал в холостом режиме, поддерживая существование Места и его привязку к космосу, иногда производя требуемые корректировки. Что ни говори, но в заброшенности и

---

22 notes: 22
Мировая скорбь.

отдаленности Места есть свои прелести.

Бо подмигнул Эриху, тот кивнул, и они затянули песню, которую знали мы все, хотя, кто ее сочинил, я, например, так и не дозналась. Почему-то я подумала про Лили и про обычай называть этим именем всех новеньких на всех станциях восстановления. Редко так бывает, чтобы имя совпадало с устоявшимся прозвищем.

На краю Пучины, на краю всего
Дверь раскрыта настежь дома твоего.
Буйствуют, шалеют Перемен Ветра.
Ты зовешь Солдата, говоришь: «Пора,
Воевал ты славно, отдохни теперь.
Заходи скорее и захлопни дверь!»

SOS НИОТКУДА

Де Бейлаш, Фреска, миссис Кэммелл
Вращаются вокруг Медведицы дрожащей,
На атомы распавшись.
Т. С. Элиот

Пианино смолкло, предоставив Эриху услаждать наш слух в одиночестве. Бо, Мод и Сид бросились к тахте. На Большом Компенсаторе замигал ярко-зеленый огонек срочного вызова. Мне стало дурно. Но тут Эрих, поднатужась, проревел последние слова песни, я стряхнула остолбенение, и мы втроем с Марком поспешили следом за нашими товарищами.

Лампочка погасла. Сид велел нам не двигаться, чтобы мы не загородили ему свет. Мы затаили дыхание, а он, все время косясь на индикатор, принялся подкручивать верньеры.

Рука его скользнула над рукоятью интровертора к Малому Компенсатору, и Место в единый миг погрузилось во мрак. Я стиснула ладонь Эриха; глаза мои быстро привыкли к темноте, но я так ничего толком и не разглядела.

Зеленая лампочка зажглась снова — тусклый отсвет падал на лицо Сида, придавая ему сходство с обитателем морских глубин. Накал понемногу усиливался, и вот Сид включил освещение. Я облегченно вздохнула.

— Кем бы они ни были, теперь добро пожаловать. Готовьтесь принимать гостей.

Бо, который, разумеется, стоял рядом, вопросительно поглядел на Сида. Тот передернул плечами.

— Сперва я решил, что вызов идет с нашего шарика, а время — за тысячу лет от Рождества Христова, но ошибся. Похоже, что нас вызывают откуда-то из космоса. Мне почудилось, будто я узнал одного из гостей. Это был атомщик Бенсон-Картер. Однако он слишком быстро сгинул.

— Мы ведь не вошли еще в фазу приема, сэр? — справился Бо.

— Вошли, но не по графику, — ответил Сид.

— Значит, гостей мы не ждали?

— Да, — сказал Сид.

Глаза Марка блеснули. Он похлопал Эриха по плечу.

— Ставлю октавианский динарий против десяти рейхсмарок: здесь не обошлось без Скарабеев.

Эрих усмехнулся.

— Как-нибудь в другой раз.

Ответ Эриха лишь подтвердил мою догадку. Шутки в сторону: нам угрожает нечто неизвестное. Скарабеи уже не единожды нарушали неписаные правила войны, а потому Мод взялась проверять оружие. Док помогал ей. Лили с Брюсом сосредоточенно наблюдали за ними.

Индикатор засветился ярче. Сид потянулся к Компенсатору, приговаривая:

— Спокойно, мои милые, спокойно. Не забудьте, что через нашу дверь кто только не ходит…

Дверь появилась слева вверху, на своем обычном месте, но прорисовалась подозрительно быстро. На меня пахнуло соленым морским бризом, но Ветров Перемен, на встречу с которыми я настроилась, не было и в помине. Дверь стала чернильно-черной; в ее проеме показалась смуглая женщина. Мелькнуло что-то серое, послышался цокот копыт. Эрих держал гостей на прицеле. Дверь исчезла, женщина направилась к нам. Ее сопровождали серебристый лунный осьминог и венерианский сатир.

Обвешанный оружием лунянин нес в щупальцах кипу одежды. Сатир на пару с женщиной тащил бронзовый, тяжелый на вид сундук. На женщине были короткая юбка и темно-коричне-

вая куртка с высоким воротом. Волосы ее были уложены в традиционную критскую прическу. На ногах, выше сандалий, посверкивали ножные браслеты; среди наручных я разглядела обруч вызывного устройства. С широкого пояса свисал двулезвийный боевой топор. Смуглая, с осиной талией; покатый лоб, крошечный подбородок — лицо ее сильнее всего напоминало наконечник стрелы.

Меня словно осенило. Но не успела я воскликнуть: «Кабизия Лабрис!» — как раздался восторженный вопль Мод:

— Кто к нам пожаловал! Это же Каби с двумя друзьями!

Лишь сейчас я рассмотрела, что лунянин — не кто иной, как мой старый приятель Илхилихис, и изумилась себе самой: наконец-то я научилась отличать одну осьминожью физиономию от другой.

Подойдя к тахте, Илли свалил на пол всю свою амуницию. Сатир поставил сундук. Каби пошатнулась, но оттолкнула обоих инопланетян, когда те хотели поддержать ее, а Сида, шагнувшего было к ней, испепелила взглядом. Хороша «подружка с Крита», подумалось мне.

Рухнув на тахту, она с шумом втянула в себя

воздух, откинула голову и приказала:

— Вина!

Бо опрометью кинулся выполнять распоряжение, а Сид попытался завладеть рукой Каби.

— Лапушка, я и думать не думал, что это ты.

— Займись лучше Илли, — отозвалась она. Я поглядела на Илхилихиса: у него недоставало половины одного щупальца.

Так, это уже по моей части. Направляясь к Илли, я попутно наставляла себя:

> Не забудь, при семи футах росту весит он всего-навсего пятьдесят фунтов. Не любит тихих звуков и терпеть не может, когда его хватают. У него две ноги, на которых он ходит, а на щупальцах прыгает и пользуется ими вместо рук. Если они вытянуты, значит, он всем доволен, сложены — беспокоится или настороже, поджаты — сердится. Приветствует он…

Щупальце погладило меня по лицу.

— Илли, сколько снов мы с тобой не виделись?! — Я почесала ему рыльце; мне стоило больших трудов не обнять его. Я потянулась к поврежденному щупальцу, но он живо отдернул его.

— Ничего, папа справится сам, — прозвучал голос Илли из модулятора, что висел у него на ремне. — Ты умеешь обращаться с осьминогами, Гретхен?

Я не стала говорить ему, что однажды мне пришлось перевязывать разумного осьминога из далекого будущего Земли. Я подставила Илли ладонь, и он принялся выстукивать на ней все, что хотел мне сказать. Странное ощущение, но приятное. Интересно, кто научил его английскому? Продолжая разговор, он извлек из своей сумки бинт и обмотал им обрубок щупальца.

Тем временем сатир опустился на колени перед сундуком, который украшен был изображениями свастики, но вряд ли принадлежал когда-либо нацистам. С крышки его таращились на нас маленькие черепа.

— Ловко ты подгадал с дверью, шеф, — сказал сатир Сиду. — Может, подсобишь?

Сид нажал кнопку на панели Малого Компенсатора, и мы все утратили вес. Мой желудок немедленно взбунтовался. Сатир взгромоздил на сундук одежду и оружие, которые побросал Илли, и отволок это шаткое сооружение к дальнему концу стойки бара.

Судя по манере выражаться, наставник в языке

у него был еще тот.

Сид сообразил справиться у Илли, не установить ли тому в одном секторе лунную силу тяжести. Мой приятель отказался: его, мол, вполне устраивает земная гравитация. Помнится, он как-то спросил меня:

— Каково будет на Юпитере жуку, а, Гретхен?

Я поинтересовалась у Илли, как зовут сатира. Лунянин сообщил мне, что его зовут Севенси и что раньше он его не встречал. Я знала, что сатиры — из будущего, что нас отделяет от них миллиард лет, так же как и от лунян — правда, те из прошлого. Должно быть, Скорпионов по-настоящему приперло, раз они отрядили на операцию существа, между которыми разница в два миллиарда лет. Ну и цифра!

Я хотела было выспросить у Илли все подробности, но тут вернулся Бо с громадной красно-черной глиняной кружкой в руке. Посуды у нас в избытке, самой разной: ведь одни привыкли к рюмкам, а другим подавай стаканы. Выхватив кружку у Бо, Каби осушила ее чуть ли не до дна одним глотком и грохнула об пол. Она порой выкидывает такие штучки, сколько Сид с ней ни мучился. Уставившись перед собой, она оскалила зубы, глаза ее налились кровью — сущая фурия;

инопланетяне — и те больше походили на людей. Лишь путешественнику во времени известно, как на деле выглядели древние.

Каби взвизгнула так, что волосы у меня встали дыбом.

— О Богиня! — воскликнула она, ударив кулаком по подушке. — Неужели я столь провинилась, что должна наблюдать, как сызнова гибнет Крит? Твоя раба не вынесет этого!

По-моему, она себя недооценивала.

Со всех сторон посыпались вопросы. Каждому хотелось узнать, что произошло на Крите. Каби подняла руку, требуя тишины, сделала глубокий вдох — и начала:

— Битва шла без перевеса. Черные сороконожки наступали, наседали зло дорийские галеры. С Севенси, укрывшись в скалах, игломет мы наводили, чтобы потопить дорийцев. С нами был и Илхилихис, с виду — чудище морское. Вдруг…

Голос ее дрогнул, она всхлипнула, но лицо ее по-прежнему искажено было гримасой ярости. Сид взялся утешать ее, решив, видно, что теперь она его не отпихнет.

ПРИЗРАЧНЫЕ КРАСОТКИ СИДА

Когда я читаю газету, мне чудится, будто между строчками притаились призраки. Похоже, они повсюду. Я сравниваю призраков с крупинками песка: их тоже не перечесть.
Г. Ибсен

Уперев руки в боки, наш командир обратился к нам так сурово, словно мы вели себя как не в меру расшалившиеся дети.

— Слушайте все! Хозяин на станции я, чума на ваши головы! Переменчивый Мир может катиться в тартарары, но ты, милочка, сперва приди в чувство, а потом расскажешь нам, что с тобой случилось. Пока же — никаких расспросов. Бо, сыграй нам что-нибудь повеселее.

Фыркнув, Каби позволила Сиду обнять себя за плечи.

— Договорились, толстячок, — буркнула она.

Зазвучала музыка. Мы подыскали нашим инопланетянам пары, и все остались довольны.

Знаете, в Переменчивом Мире про восстановительные станции ходит немало слухов, но верить

им не стоит. Да, Солдаты ищут у нас отдыха и развлечений, но как же иначе: даже если их не ранило, они все равно нуждаются в лечении — ведь душевные раны бывают пострашнее телесных.

Сражаться во Времени — это вам не шутки шутить. Немного найдется таких, чей рассудок безболезненно перенес превращение в Двойника или в Демона, не говоря уж о Солдатах. Разве можно отказывать в помощи тому, кто о ней умоляет? Они всего и просят, чтобы их обихаживали да жалели. Кстати, забавно получается: инопланетяне и земляне — все предпочитают общество существ противоположного пола.

Вот суть того, чем мы занимаемся на восстановительных станциях. Мы — Комедианты; мне нравится это прозвище. Мы — я говорю о женщинах — должны быть не только подружками на вечерок, но и няньками, матерями, актрисами, разбираться в психологии и этнологии. Главное же — чтобы в нас видели надежных друзей.

Мы далеко не безупречны, но стремимся к идеалу. Когда приходит вызов, некогда думать о собственных неурядицах — а их у нас, уверяю вас, предостаточно. Мы спешим на выручку, не спрашивая к кому.

Настоящей Комедиантке без разницы, кого раз-

влекать. Взять хотя бы нашу компанию. Я вовсе не горела желанием бросать Эриха, но понимала, что мне нужно посочувствовать Илли: каково ему, бедняге, среди антропоидов?!

Я неравнодушна к Илли. Он такой милый, помесь паукообразной обезьяны и персидского кота. И потом, он хороший парень. Ну как мне было не пожалеть его, когда он заявился к нам, израненный и несчастный? Пусть сплетники из Переменчивого Мира треплют языками. Мы-то с вами умные люди: нам незачем выдумывать то, чего не было и не могло быть.

Сид засомневался, припасены ли у нас самки осьминогов и нимфы; он сказал, что не мешало бы проверить. Однако инопланетяне потребовали себе человеческих особей. Сид был рад стараться. Пожав руку Марка, Мод пристроилась к Севенси («Какие у тебя острые копытца, дружок!» Смотрика, теперь она подражает мне). Бо поглядел через плечо на Лили, опасаясь, верно, что она подсядет к Илли. Он, пожалуй, единственный среди нас, не сообразил еще, что Лили нет дела ни до кого, кроме Брюса.

Эрих притворился, будто сердится на мой уход, но я видела его насквозь. Он считал себя докой по части Призрачных Красоток и не упускал случая

доказать это всем и каждому. А вы устояли бы перед таким соблазном?

Сид вывел из Кладовой графиню, ослепительную блондинку в белой атласной юбке до пят и с пышным эгретом на шляпке. Прозрачная, как сигаретный дымок, она затмила собой и меня, и Мод, и Лили. Прищелкнув каблуками, Эрих поклонился, поцеловал ей руку, усадил на кушетку и заговорил с ней по-немецки. Он покачивал головой, льстиво улыбался и болтал без передышки, и наконец она начала отвечать ему взаимностью, а взгляд ее утратил безразличное выражение. Что ж, за Эриха можно не волноваться, честь вермахта он не посрамит.

Марку досталась греческая гетера по имени Фрина — наверно, все-таки не та, которая содержит знаменитый стриптиз-клуб в Афинах. Он поил ее виски с содовой, то и дело посматривая на Каби, которую Сид настойчиво угощал хлебом с оливками и вином. Док — вот чудо-то! — с воодушевлением втолковывал что-то Севенси и Мод — быть может, по поводу той чаши с Северных Отмелей. Бо заиграл новый мотив. Брюс и Лили, облокотившись о рояль, одобрительно улыбались, однако улыбка Лили предназначалась не Бо.

Налюбовавшись на них на всех, Илли повернулся ко мне и проквакал:

— Потешные вы существа, Гретхен, и ваши одежды яркие, как флаги.

Не знаю, не знаю. Во всяком случае, мой костюм — цвета Пепельной Среды: серый свитер и такая же юбка. Щупальце Илли коснулось моих губ — он хотел выяснить, улыбаюсь ли я.

— Я кажусь тебе скучным, Гретхен? — спросил он. — У меня нет флагов. Я зомби из прошлого, неинтересный, как Луна сегодня. А ведь когда-то она сверкала в небе, голубея атмосферой. Или я все же привлекаю тебя, как ты меня, девушка из моего будущего?

— Илли, ты прелесть, — отозвалась я и легонько похлопала его. Шерсть Илли еще топорщилась, и я решила, что Сид мне не указ. Надо выведать, где их троих носило. Расскажет — успокоится, да и любопытно опять же.

КРИТ ОКОЛО 1300 ГОДА до н. э

Дева, Нимфа и Мать — вот та Троица,
которой поклоняются на острове. Это
ипостаси Триединой Богини, связанные с
фазами Луны — возрастанием, полнолу-
нием и убыванием.
Р. Грейвз

Каби отвергла очередную порцию оливок. Сид вопросительно приподнял кустистые брови, но она кивком дала ему понять, что знает, что делает. Едва она встала, все притихли; замолчали даже Брюс с Лили. Выражение лица Каби смягчилось, но голос ее звучал как-то неестественно.

— Горе Криту, Скорпионы! Вести тяжкие несу я. Мужественно их примите. Только навели орудье мы, как треск вокруг раздался. Пушка наша раскалилась и растаяла в мгновенье, тепловым лучом задета. Испугавшись, что в засаду Скарабеев мы попали, я послала срочный вызов…

Понять не могу, как это у нее выходит. Ведь говорит она не по-гречески, а по-английски! Не репетирует же она заранее, в самом деле?

Бо уверяет, что для древних мыслить стихами

было в порядке вещей, но мне что-то сомнительно. Хотя, казалось бы, глупо сомневаться, когда с тобой разговаривают именно таким образом.

— Мы надеялись пробиться и, быть может, обнаружить лучемет, что нас нащупал. Поползли в обход мы трое; хоть самцы со мною были, в храбрости им не откажешь. Вскоре нам открылся лагерь Скарабеев: их там было множество, в одеждах критских.

Раздались возмущенные возгласы. Как говорили мне Солдаты, Война Перемен велась по неписаным правилам. Но обсуждать их Комедиантам было не положено.

— Мы увидели друг друга, и они нас обстреляли. В щупальце был Илхилихис, доблестно сражаясь, ранен под огнем под перекрестным. Отступили мы за дюны и к воде спускаться стали. О, ужасная картина! Корабли критян горели и скрывались под волнами. Снова греки победили, Скарабеями ведомы!

Их галеры черной стаей по-вдоль берега шныряли. Напились враги досыта крови воинов отважных! Ощутила я внезапно: Ветры Перемен задули. Я как будто раздвоилась; затуманилось сознанье, руки мелко задрожали… Так все было, о Богиня, Триединая Богиня!

Каби вздрогнула. Сид обеспокоенно поглядел на нее, но она совладала с собой.

— О Богиня, дай мне силы рассказать, что было дальше! Бросились мы трое в море, думая, что вплавь спасемся. И тотчас же лучеметы гладь зеленую вспороли, превратив ее в ловушку, в ад клокочущего пара. Но достиг мой вызов цели — дверь, по счастью, появилась. Мы нырнули, а за нами хлынули воды потоки.

Мне вспомнилось, как когда-то, на Золотом побережье Чикаго, Дейв учил меня плавать с аквалангом. Да, Каби не позавидуешь.

— Все смешалось ненадолго. Дверь захлопнулась за нами. Мы на станцию попали, где трудился в одиночку в тесноте волшебник старый; его звали Бенсон-Картер. Откачал он быстро воду, сообщил о нас куда-то. Мы обсохли, отдохнули. Вдруг меня как подтолкнуло посмотреть на Компенсатор. Он гудел, менялся, таял! Бенсон-Картер тронул ручку — и без чувств на пол свалился. Начала темнеть Пучина, сокращаться и сжиматься. Снова я послала вызов, вовремя, скажу вам честно!

Я не знаю, так ли, нет ли, но мы трое испугались, что проклятым Скарабеям удалось проникнуть в тайну наших станций на Глубинах. Может стать-

ся, их атака повредила Компенсатор…

Я исподтишка огляделась: похоже, струхнула не я одна. Если Каби не привирает, значит, с нами все равно что покончено. Только Брюс и Лили продолжали улыбаться друг другу. Любовь, говорят, придает храбрости. Смотря кому; мне она доставляет сплошное беспокойство.

— Приуныли? Страхи наши, — проговорила Каби, — нижу я, вам передались. Если бы была возможность, инвертировали мы бы Компенсатор, чтоб нарушить связи станции с другими. К сожаленью, Компенсатор плавился, а мы в бессильном гневе на него глядели. Я звала, звала на помощь.

Я зажмурила глаза, но результат получился обратным тому, на который я рассчитывала. Я словно наяву увидела, как подбирается к ним Пучина. Вот тебе и поэзия, пробирает до костей.

— Бенсон-Картер перед смертью прошептал мне, что нам делать: повернуть поочередно в направленье против стрелки часовой те черепа. А вращать в таком порядке: первым — третий, следом пятый, там шестой, второй, четвертый и седьмой. А после надо уносить скорее ноги, ведь в запасе остается лишь каких-то полчаса.

Я ничего не поняла, и остальные, судя по их

виду, тоже. Брюс, правда, наклонился к уху Лили. Почему-то мне вспомнились маленькие черепа на крышке сундука. Я поглядела на Илли. Тот развел щупальца, будто говоря, что Бенсон-Картер и впрямь что-то такое шептал, но сам он не слышал.

— Многое мне прошептал он, стоя на пороге смерти, — вещала Каби. — По случайности услышал вызов мой, а направлялся, Сид, к тебе он, и заданье у него такое было: встретить трех гусар, дождаться совпаденья фаз пространства и забрать Солдат с собою в те года, когда Египет был еще под властью римлян и когда еще не свергнут был последний император. Им сразиться предстояло в битве под Александрией, уничтожить Скарабеев, разгромить их вместе с зомби!

О, прости меня, Богиня, что в тебе я усомнилась. Лишь теперь я осознала, что твоя рука незримо указует мне дорогу. Мы найти сумели Сида, и гусары — перед нами. Им мы отдадим оружье и парфянские одежды, что хранил в своем приюте Бенсон-Картер, чьей могилой стала серая Пучина. Ты спасла нас, о, Богиня, дверь явив, когда мы трое с жизнью навсегда прощались. Я прошу тебя, даруй мне ненависть взамен любови. Отомстим мы Скарабеям, отомстим за Крит, Богиня, хоть

и в северном Египте! Дай победу Скорпионам, Триединая Богиня!

Громовой рев, который потряс стены и заставил меня заткнуть уши, издал Сид. Лицо его сделалось багровым, и я мысленно укорила своего бывшего кавалера: умереть от апоплексического удара на Глубине ничуть не труднее, чем в первой жизни.

— Разрази меня гром! Кто смеет призывать к мести в моем доме? Кабизия Лабрис, ты спятила! Что за стрелки, что за черепа? Ерунда, бред, вздор! Где то оружие, о котором ты болтала? В этом вшивом ящике?

Каби равнодушно кивнула. Видно, приступ стихоплетства благополучно миновал. Ответ ее прозвучал слабым эхом недавних восклицаний:

— Там находится тактическая атомная бомба.

ВРЕМЯ НА РАЗДУМЬЕ

Примерно через 0,1 миллисекунды радиус огненного шара достигает 45 футов, а температура устанавливается в пределах 300 ООО градусов Цельсия. Яркость, при наблюдении с расстояния в 100 000 ярдов (5,7 мили), приблизительно в 100 раз превосходила яркость Солнца, видимого с Земли… Шар расширился до максимального радиуса в 450 футов менее чем за одну секунду.
Отчет об испытаниях атомной бомбы в Лос-Аламосе

Усидели на своих кушетках лишь Каби да двое инопланетян; остальные же повскакивали, изрыгая проклятия. Казалось бы, подумаешь, эка невидаль — примитивное взрывное устройство из середины двадцатого века! Уж нам-то, способным перемещаться во времени, знакомым, пускай и понаслышке, с грозным оружием будущего, Мыслебомбой, бояться его не след. Но заприте атомщиков в одной комнате с бенгальским тигром — что они вам потом скажут? Точно

так же чувствовали себя и мы.

Физика для меня — темный лес, но и дураку понятно, что взрыв разнесет Место так, что и клочьев не останется. В общем, беда не приходит одна: сначала Санкт-Петербург, дальше Крит, Бенсон-Картер, расплавленный Компенсатор… Похоже, Скорпионам пора вскидывать лапки кверху.

Ладно, страх страхом, но и нюни распускать нечего. Смотреть противно, до чего все перетрусили. Или Док заразил нас своим пристрастием к выпивке?

Так или иначе, собой мы не владели.

— Выкиньте его! — взвизгнула Мод, оттолкнула сатира и бросилась к сундуку.

— Господа, мы должны инвертироваться, — прошипел Бо. Перепрыгнув через табурет, он рванулся к Компенсатору.

— Gott in Himmel, ja [23], — поддержал его бледный Эрих, позабыв разом про красавицу графиню, чьи изящные пальчики обхватывали хрупкую ножку пустого бокала.

Я обомлела. Инвертировать Место — все равно что очутиться под шквальным огнем, и даже ху-

---

23 notes: 23
Клянусь небом, он прав.

же. Ведь дверь надо прикрыть так плотно, чтобы Ветры Перемен не проникли внутрь. Инвертируясь, вы разрываете всякие связи с космосом.

Среди моих многочисленных приятелей нет никого с инвертированных станций.

Ссадив Фрину на кушетку, Марк ринулся наперерез Мод. Гречанка, тело которой давно утратило прозрачность, сонно огляделась и поправила у горла свой пеплос. На какой-то миг она отвлекла мое внимание, и я подумала: тем зомби, чьих призраков мы вызываем на Глубину, снятся, верно, порой диковинные сны.

Сид перехватил Бо у самого Компенсатора, заключил пианиста в медвежьи объятия и рявкнул:

— Да вы что, с ума все посходили? Совсем спятили! Мод! Марк! Магдалена! Не трогайте этот ящик, ради всего святого!

Скинув с сундука на пол одежду, луки и колчаны со стрелами, Мод поволокла его в Прихожую — видно, чтобы вышвырнуть вон, когда дверь проявится снова. Марк одновременно и помогал ей, и пытался оторвать ее от сундука.

Они вели себя так, будто Сид обращался вовсе не к ним.

— Отпусти, меретрикс! — крикнул Марк. — Рим

должен отомстить парфянам!

По виду Каби легко можно было догадаться, что она охотно помогла бы Марку, но не желает связываться с какой-то там — Марк сказал то же самое, но на латыни — потаскушкой.

Вдруг я рассмотрела те семь черепов на крышке бронзового сундука. Я словно увидела их через увеличительное стекло; я испугалась и, не соображая, что делаю, побежала прочь. И тут вокруг меня обвились щупальца Илли.

— Не горячись, Гретхен, — проквакал он. — Пожалей бедного папочку. Вам, двуногим, дай только волю — вывернетесь наизнанку, если приспичит.

Вес его тела в конце концов остановил меня, и я даже слегка опомнилась.

— Не трогайте, я сказал! — повторил Сид, выпуская Бо, однако продолжая искоса поглядывать на него. А потом воскликнул — Проклятье! Неужто вы подумали, что я способен взбунтоваться, покинуть Скорпионов и забиться в нору, как загнанная лисица? Чума на ваши головы! Кто предложил это? Инвертироваться без приказа, без разрешения — верная смерть. Прикиньте-ка: что было бы, если бы мы инвертировались раньше, чем услышали вызов Каби, а?

Критянка сдержанно кивнула. Сид заметил и погладил ее по волосам.

— Твой план безумен, детка, — проговорил он, — но выбрасывать этот чертов сундук тоже не годится. Боги, боги, — он отер ладонью пот со лба, — дайте мне собраться с мыслями.

Верно, мой толстячок, подумать никогда не мешает. Правда, Севенси, похоже, держался другого мнения.

— Кончай заливать, шеф, — пробормотал он кисло.

Внезапно Док — ну вылитый Эйб Линкольн! — выпрямился во весь рост, махнул рукой, требуя тишины, и заявил:

— Интверт… инвер… першк…

Тут внутри у него как будто что-то переключилось, и он добавил:

— Я знаю наверняка, что надо делать.

Перетрухнули мы все-таки здорово — стали бы иначе, затаив дыхание, выслушивать рассуждения запойного пьяницы!

— Инвер… ящ… — мы выжидательно глядели на него. — Дребедень.

Он протянул руку, взял со стойки бутылку, запрокинул голову и, жадно глотая виски, съехал по стойке на пол. В тот же миг на стойку, откуда

ни возьмись, вскочил Брюс.

— У меня вопрос. Никто из присутствующих не запускал часовой механизм? — спросил он звонким голосом. — Значит, бомба не взорвется.

Его деловитость и уверенность в себе неожиданно отогнали мои страхи.

— К тому же, если я не ошибаюсь, после запуска у нас в запасе останется еще полчаса. Правильно?

Каби кивнула.

— Отлично, — сказал он. — Второй вопрос. Нет ли среди нас тех, кто знаком со слесарным ремеслом?

В наблюдательности Брюсу не откажешь. Он разглядел утвердительное выражение на лицах Бо и Мод, прежде чем кто-либо из них успел раскрыть рот.

— Отлично, — повторил он. — Значит, сундук мы поручим вам двоим. Третий вопрос: как насчет техника-атомщика?

До ответа пришлось докапываться совместными усилиями. Илли сообщил, что его предки пользовались атомным оружием, выжгли им поверхность планеты и нагородили без числа кратеров. Но сам он не техник, а «вещатель» (я решила сперва, что у него испортился ком-

муникатор). Кто такой вещатель? Это тот, кто воздействует на вещи особым способом, который невозможно описать. Нет, атомная энергия вещанию не поддается. Атомных вещателей не бывает; эти два слова противоречат друг другу. Севенси, с высоты своих двух тысяч лет в будущее, уведомил нас, что его культуре никакая энергия вообще не требовалась. Сатиры просто перемещались в пространстве, которое оборачивалось вокруг них.

— Нам было нужно, вот оно и крутилось. В Пучине, правда, так не повертишься. Тут надо… не знаю чего. У нас все равно этого не было.

— Короче говоря, техника среди нас нет, — подвел черту Брюс. — А потому вскрывать сундук бесполезно. Еще один вопрос, — он повернулся к Сиду. — Как скоро мы сможем его выбросить?

Сид, во взгляде которого читались признательность и легкая зависть, пустился было в объяснения. Брюс нетерпеливо слушал его и, едва он произнес слово «ритм», перебил.

— То есть как только мы вновь подстроимся под космос. Спасибо, мастер Лессингем. В нашем распоряжении по меньшей мере пять часов безделья, поскольку до тех пор мы бессильны что-либо предпринять.

Скупо улыбнувшись, он принялся расхаживать

вдоль стойки бара. Несколько стаканов со звоном свалились на пол, но ни он, ни мы не обратили на них внимания. Брюс неотрывно глядел на нас, а мы — на него. Светлые волосы, обрамлявшие его лицо, отчетливо выделялись на фоне Пучины.

— Что ж, — сказал он. — Нас четырнадцать, двенадцать Скорпионов и двое Призраков. Можем поговорить. Мы все сидим в одной лодке, мы все сражаемся в одной войне, так что вы меня поймете. Я уже заводил об этом речь, но тогда меня подвела перчатка. Поэтому долой перчатки!

Вытащив их из-за пояса, Брюс швырнул перчатки на стойку — чтобы придавить каблуком при следующем шаге.

— Я догадался, чем мы кончим, чем обернется для нас война. Мы развлекаемся, мы бродим по пространству и по времени, а потом отдыхаем на вечеринках. И как приятно сознавать, что нет такой щели в реальности, куда мы не могли бы протиснуться, нет такого уединения, которое мы не могли бы нарушить. Знание — колдовская сила. Оно прекраснее вожделения, радостей чревоугодия или опьянения битвой, оно — голод, неутолимый голод. Отнюдь не омерзительно ощущать себя Фаустом, даже среди стаи Фаустов.

Потешаться над реальностью, искажать линию

развития цивилизации, стирать и заново создавать прошлое, распоряжаться судьбами людей, убивать мужчин и похищать женщин не ради удовлетворения жажды власти — в этом есть своя прелесть. Ветры Перемен проникают в тебя, и ты познаешь прошлое, которое было, прошлое, которое есть, и прошлое, которое будет. Хорошо иметь оружие, способное прервать линию жизни зомби и превратить его в Двойника.

Приветствуем тебя, брат-Демон; выбирай, кем ты будешь — Комедиантом, Солдатом или кем-то еще.

А если он не в силах перенести Воскрешения, если оно неизмеримо страшит его, ты возвращаешь его обратно, к прежним снам, только сны его отныне будут чуть ужаснее, чем раньше. Или, если то была она и ты разглядел в ней нечто, ты призываешь ее к себе под маской Призрачной Красотки. И вторая смерть на деле привлекает тебя. Ты понимаешь, что прошлое уничтожимо, что будущее недостоверно, что в реальности нет ничего святого, что космос может исчезнуть в мгновение ока и Бог — вместе с ним.

Он раскинул руки в стороны.

— А потому вдвойне прекрасно, что существует Место, где можно укрыться от Ветров Перемен,

насладиться вполне заслуженным отдыхом, поделиться переживаниями, поболтать и повеселиться в компании таких же, как ты, Фаустов и Фаустин.

О, жизнь чудесна, однако я спрашиваю вас, — он огляделся, — что с нами происходит? Я много размышлял над тем, какой была моя жизнь, какова она сейчас и какой могла бы быть. Я следил за вами, как вы воспринимаете то, что творится вокруг, — новости из Санкт-Петербурга и с Крита. Впрочем, больше всего меня интересовала эта паршивая бомба. Итак, я спрашиваю вас: что с вами происходит?

Он остановился, сунул пальцы под ремень и замер в этой позе, словно прислушиваясь к скрежету колесиков в мозгах одиннадцати Демонов. Не знаю, как остальные, а я быстренько опамятовалась. Ненавижу, когда меня вынуждают против моей воли над чем-то задумываться. Брюс почти добился своего: мне припомнились Дейв, отец, взятие Чикаго, мама, песчаные дюны Индианы, ресторанчик, в котором я выступала, тот переключатель в операционной госпиталя…

Чтобы привести себя в чувство, я воспользовалась старой уловкой Комедиантов: если тебе плохо, взгляни в лица тех, кто тебя окружает.

Бо выглядел так, будто взвалил на плечи все грехи мира. Пристыженный, отвергнутый подружкой, он мрачно восседал на кушетке.

Инопланетян я пропустила: кто их разберет, о чем они думают. Док тоже не в счет; слишком уж часто просветление у него переходит в помутнение.

Мод, похоже, психовала ничуть не меньше Бо. Она ведь из будущего, которое отстоит от нас на три сотни лет, и считает, глупышка, что по уму мы ей в подметки не годимся. Косметика ее эпохи позволяет ей разыгрывать из себя двадцатилетнюю девчонку, хотя на деле Мод за пятьдесят. Она стояла рядом с пианино, прильнув всем телом к Лили.

Та, утешая Мод, не сводила с Брюса восхищенного взгляда. Эрих хмурился, но видно было, что он гордится своим камрадом, который совладал с оравой перепуганных Демонов. Сид одобрительно покачивал головой.

Даже Каби с Марком, что застыли, словно на посту, у бронзового сундука, — драконы в предвкушении кровавой схватки, — казалось, готовы выслушать Брюса до конца. Глядя на них, я поняла, почему Сид не осаживал Марчанта, хотя того иногда заносило. Что делать с бомбой, никому не

известно; Солдаты вот-вот всерьез перессорятся с Комедиантами — и Сид попросту тянул время, надеясь, что все как-нибудь да уладится.

Я подметила еще кое-что. Сид задумчиво покусывал нижнюю губу. Значит, его, как и всех нас, задели за живое слова Брюса. Он разбередил наши сердца, отразил все нападки и почти заставил нас согласиться с собой. Ладно, посмотрим, к чему он клонит.

ТОЧКА ОПОРЫ

Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю.
Архимед

Мельком взглянув на Пучину, Брюс продолжил:

— Вы никогда не задавались вопросом, откуда взялись эти имена, Скорпионы и Скарабеи? Врагам обычно придумывают всякие оскорбительные прозвища, но как быть со Скорпионами? Подожди, Илхилихис; я знаю, что нет существ злобных или отвратительных по природе, но ты забываешь о человеческих чувствах и обычаях. Да, Марк, среди римских легионов были такие, что носили клички Пьяных Львов или Улиток. Я могу себе представить обиду легионеров: это все равно что назвать «шаркуном» солдата Британского Экспедиционного Корпуса.

Банды юнцов, что терроризируют большие города, и те выбирают имена позвучнее и поприятнее. А тут — Скорпионы. И Скарабеев ведь не мы так прозвали, а они сами. Скорпионы и Скарабеи. Кто же в конце концов они такие, наши

повелители?

Я вздрогнула. Мысли мои перепутались, я растерялась и окончательно сбилась с толку.

Взять того же Илли. У него восемь ног; помнится, я как-то сравнивала его с паукообразной обезьяной. Мудрость, атомное оружие, миллиард лет в запасе — разве этого мало, чтобы сражаться в Войне Перемен?

Или, может статься, в далеком будущем земные скорпионы обрели разумность и создали жестокое общество пауков-каннибалов? Вполне возможно, им удалось сохранить свое существование в тайне. Понятия не имею, кто населяет Землю там, откуда прибыл Севенси. Кто знает, вдруг мои домыслы — вовсе не домыслы?

А Бо? В его движениях, в поведении есть что-то этакое, нечеловеческое.

Скорпионы и Скарабеи. С и С… СС! Нацистские Schutzstoffel [24], чернорубашечники! Вдруг кто-то из них открыл способ путешествовать во времени…

Я отчаянно замотала головой, спрашивая себя:

— Грета, ты что, и впрямь рехнулась?

Неожиданно подал голос Док. Лежа у подножия

---

24 notes: 24

«Охранные отряды» *(нем.)*.

стойки, он закричал на Брюса — ни дать ни взять проклятый из адского пекла:

— Не клевещи на Скорпионов! Не кощунствуй! Они слышат шепот нерожденных. Другие бичуют лишь тело, а они — сердце и мозг!

— Хватит, Брюс, — поддержал Дока Эрих.

Но Брюса было не остановить.

— Кем бы ни были Скорпионы, становится яснее ясного, что они теряют былую силу, былую власть. Они громоздят анахронизм на анахронизм, не считаясь с тем, что Ветры Перемен вырываются из подчинения! Нам тут расписывали стычку критян с дорийцами, как будто это величайшее сражение Войны Перемен и единственная возможность поправить положение. А слышали вы о перелете Константина [25] из Британии на Босфор на ракете? О субмарине, которая сопровождала Великую Армаду [26]? Теперь нам велят спасать Рим с помощью атомной бомбы!

Боги, неужели нельзя было использовать гре-

---

25 notes: 25

Римский император (ок. 285–337).

26 notes: 26

Испанский военный флот, понесший в 1588 году огромные потери в столкновениях с англичанами и из-за сильного шторма.

ческий огонь [27] или, на худой конец, динамит? Атомная бомба... Тешу себя надеждой, что вы догадываетесь, сколько новых пробелов возникнет в нашей куцей истории! Умиротворение Греции, исчезновение Прованса с его трубадурами и многого, многого другого!

Царапина на его щеке начала кровоточить, но он этого не замечал. Губы его исказила язвительная усмешка.

— Однако я запамятовал, что мы участвуем в космической войне, что поля битвы — миллиарды, триллионы планет и населенных газовых туманностей, а время — миллионы столетий. Наш мир — крохотная точка в пространстве, едва различимая звездная система. Какое дело нашим хозяевам до книг, которые мы чтим, до пророков, которым мы поклоняемся, до традиций, которые мы храним? Для них, озабоченных вселенскими проблемами, это — пустяки!

Наверно, найдутся такие, кто предпочтет смерть миру, лишенному «Суммы» [28], уравнений поля, «Гамлета», «Одиссеи», творений Китса и

---

27 notes: 27

Зажигательная смесь из смолы, нефти, селитры, серы и др.

28 notes: 28

«Сумма теологии» — сочинение католического богослова св. Фомы Аквинского (1225(?) —1274).

Рассела. Однако тем, кому мы повинуемся, неведома ложная чувствительность. И вербуют они тех, кто жаждет жить, несмотря ни на что!

— Говорю тебе, Брюс, кончай, — повторил Эрих.

Но Марчант будто не слышал.

— Всякие мелочи, вроде отмены отпусков, нехватки припасов, потери промежуточной станции, использования станций восстановления под оперативные пункты, не заслуживают того, чтобы тратить на них нервы. Они неизбежны. Скажем, в прошлой операции вместе с нами были задействованы трое Солдат из-за пределов галактики. Разумеется, они нам больше мешали, чем помогали. От накладок не застрахован никто. Но важно другое.

Он замолчал. Интригует, подумалось мне. Моей руки коснулась ладошка Мод.

— Что будем делать? — прошептала она.

— Слушать, — отозвалась я, не поворачивая головы. Ее вопрос почему-то рассердил меня.

Она поглядела на меня, заломив золотистую бровь:

— Ты тоже?

Что тоже? Втрескалась в Брюса? Чепуха!

Брюс тем временем вещал с видом пророка:

— Вы не задумывались над тем, насколько вынослива История? А вдруг очередное изменение начисто уничтожит прошлое заодно с настоящим и будущим? Не казалось ли вам, что закон сохранения действительности — всего лишь выдумка теоретиков? Вторая смерть безжалостна и окончательна. Наши операции постепенно превращают действительность в этакий черновой набросок, грубый рисунок карандашом, который остается на холсте, когда смыты краски.

Если мы не остановимся, космос рухнет в ничто. Все больше и больше обитателей действительности становятся Двойниками. Сколько это может продолжаться? И потом, любая операция пробуждает к жизни зомби. Ветры Перемен стихают, а эти несчастные еще долго мучаются, будучи не в силах обрести покой. Те из вас, кому доводилось бывать в темпоральных секторах повышенной активности, понимают меня. Вы помните их косые взгляды, которые будто говорят: «Снова ты? Уйди, Христа ради. Мы мертвы. Мы не хотим просыпаться, не хотим быть Демонами или Призраками. Перестаньте издеваться над нами!»

Я не удержалась и украдкой поглядела на Красоток. Они сидели вдвоем на тахте, лицами к нам, а спинами к Компенсаторам. В руках у графини

была бутылка с вином, которую отдал ей Эрих; она то передавала ее товарке, то забирала обратно. На белых кружевах ее блузки расплывалось розовое пятно.

— Наступит день, — пророчествовал Брюс, — когда зомби объединятся с нерожденными против нас и их бесчисленные орды обрушатся на нас с криками: «Пришла пора!»

Я приглядывалась к Красоткам. Обе они подались вперед, опираясь локтями на колени и расставив ноги. Узкая юбка графини стесняла ее движения; пеплос гетеры сполз вниз, обнажив плечо. Выглядели они на удивление материальными, хотя никто не уделял им внимания вот уже с полчаса. Щурясь, они смотрели куда-то под потолок и как будто прислушивались к словам Брюса.

— Мы различаем зомби и нерожденных; тех, чьи линии жизни лежат в прошлом, и тех, кому наши операции доставляют беспокойство в будущем. Но существует ли сейчас это различие? Не перепуталось ли прошлое с будущим? Способны ли мы определить, где настоящее, подлинное настоящее космоса? Все Места обладают своим собственным настоящим, настоящим Глубины, на которой они расположены. Но меня интере-

сует не оно.

Скорпионы уверяют, что подлинное настоящее заключено во второй половине двадцатого века. Значит, кое-кто из нас живет на самом деле. Настоящее перемещается вдоль линий их жизней. Но как быть с вами, Илхилихис и Севенси? Каково слугам Триединой Богини? Скорпионам октавианского Рима? Демонам эпохи доброй королевы Бесс [29]? Двойникам с Великого Запада? Скажи мне, Мод, разве экипажи звездолетов состоят из нерожденных?

Если верить Скорпионам, дым сражений не позволяет пока зафиксировать настоящее, но все переменится, когда Скарабеи безоговорочно капитулируют. Восстановится космический миропорядок, продолжится прерванное было развитие. Если верить; но верите ли вы? Или считаете, подобно мне, что прошлое и будущее для нас едины, что подлинное настоящее благодаря нашим действиям сведено на нет — то настоящее, на которое мы только и могли уповать?

Он прошелся по стойке, давая нам возможность воспринять сказанное.

— Брюс, в последний раз… — заявил Эрих, но

---

29 notes: 29
Английская королева Елизавета I Тюдор (1558–1603).

наш новоявленный прорицатель перебил его.

— Однако пускай нас окружает сплошной мрак, мы можем еще спасти Космос, вернуть действительности богатство красок, погрузить Призраков в крепкий сон и даже отыскать подлинное настоящее. Средства для этого — у нас под руками. Способность путешествовать во времени должна служить не целям войны и уничтожения, а исцелению, взаимопроникновению культур, сотрудничеству — короче, миру…

И тут мой комендант доказал, что знаком с основами сценического искусства. Брюс вел себя так, словно играл главную роль, а Эрих изображал голос из зала. Естественно, красу рода фон Хогенвальдов это не устраивало. Он бросился вперед и с разбега вскочил на проклятый сундук с бомбой.

Мгновение спустя Мод, не проронив ни звука, показала мне след от моих пальцев на своей руке. Илли проквакал укоризненно, выдергивая из моего кулака щупальце:

— Не делай больше так, Гретхен.

Эрих возвышался на сундуке. Он притоптывал каблуками, а я обливалась холодным потом, хотя понимала, что вряд ли у него получится надавить на черепа в нужной последовательности.

— …что означает бунт, мой юный друг, — говорил он, уставив палец на Брюса. — Послушайся меня, Брюс, слезай, пока не натворил дел. Мы с Марком старше тебя. Доверься своим камрадам, доверься их житейской мудрости.

Я неотрывно глядела на него, беззвучно кляня всех и вся.

— Ты старше меня? — ухмыльнулся Брюс. — Если я не ошибаюсь, ты — представитель расы садистов-параноиков, что существовала в мире, пережившем мировую войну. Марк старше меня? Он моложе меня на две тысячи лет, волчонок из римской стаи! Вы старше, потому что в вас больше цинизма, которым заражен Переменчивый Мир? Не смеши меня!

Я англичанин, я жил в ту пору, когда о мировой войне упоминали с содроганием, когда ростки мысли еще пробивались из почвы. Я поэт, а поэты — мудрейшие из людей, ибо они единственные могут думать и чувствовать одновременно. Верно, Сид? Я неспроста заговорил о мире. Представьте себе: оказывать помощь тем, кто в ней нуждается на деле, а не тем, кто ее пожелает. Мы понесем другим чистое, незамутненное знание, мы будем заботливы и внимательны, и великолепие Вселенной вознаградит нас…

— Да, Брюс, ты поэт, — прервал его Эрих. — Ты способен игрой на флейте вызвать у нас слезы умиления. Ты коснешься клавиш органа — и мы задрожим, словно заслышав поступь Иеговы. Ты пичкаешь нас поэзией уже добрых двадцать минут. Но кто ты такой? Комедиант? Или Солдат?

Именно тогда я ощутила вокруг растущую неприязнь к Брюсу. Сид кашлянул. Мне почудилось, будто действительность как-то поблекла, утратила прежнее очарование. Да, Брюс подцепил-таки нас на свой крючок, и до бунта оставалось, по-моему, всего ничего. Эрих, конечно, мерзавец, но как вовремя он вмешался!

Слова Брюса и то, что стояло за ними, кружили мне голову. Вдруг Эрих носком сапога задел один из черепов на крышке сундука, и мне захотелось как следует надрать ему уши, чтобы он соображал, что делает.

— Я Солдат, — ответил Брюс, — и надеюсь, что ты не сомневаешься в моем мужестве. Ведь чтобы донести весточку о мире до других Мест, мужества требуется гораздо больше, чем для любой из наших операций. Быть может, нас перехватят при первой же попытке, но какая разница? По крайней мере, мы увидим перед смертью своих хозяев, чего я, откровенно говоря, желаю всей ду-

шой. А потом, в драке, может случиться всякое.

— Значит, ты Солдат, — криво усмехнулся Эрих. — Знаешь, Брюс, я не спорю: ты побывал в переделках пострашнее всего, что довелось пережить мне в мою первую сотню снов. Однако ты позволил чувствам одержать над собой верх. Любовь к женщине перевернула тебя, и ты пустился рассуждать о мире…

— Да, клянусь Всевышним! Любовь к женщине изменила меня! — воскликнул Брюс. Я вспомнила, как Дейв произнес: «Я еду в Испанию»; наше прощание до сих пор стоит у меня перед глазами. — Вернее, она придала мне смелости защищать то, во что я всегда верил. Она…

— Wunderbor [30], — перебил Эрих, пританцовывая на крышке. У меня застучали зубы. Уперев руки в боки, он отвесил чопорный поклон и быстро-быстро заморгал. — Пригласишь ли ты меня на свадьбу, Брюс? В шаферы я не гожусь, а вот бросать цветочки гостям — это пожалуйста. Лови, Марк. Держи, Каби. Тебе тоже достанется, Грета. Danke schon [31]. Та-та… та-та… та-та-та-та-та…

— По-твоему, женщины нужны лишь затем,

---

30 notes: 30
Чудесно (нем.).

31 notes: 31
Спасибо (нем.)

чтобы развлекаться с ними в свободное время?

Продолжая напевать и перебирать ногами, Эрих кивнул.

— Точно.

Ах, вот оно как? Впрочем, разве это для меня новость?

— Отлично, — проговорил Брюс, — пускай себе веселится, а мы займемся делом. Наше с Лили предложение вполне серьезно. Нам предстоит не только связаться с другими Местами, что, по счастью, довольно просто, но и снестись со Скарабеями и установить постоянный контакт с их Демонами.

Это его заявление вынудило Эриха остановиться. Кто-то негромко вскрикнул, и мне почему-то показалось, что вскрикнули мы все, разом. Эрих посуровел.

— Брюс! Ты злоупотребляешь нашим терпением. Или ты думаешь, что тут все сходит с рук — пьянки, дуэли, пустая болтовня? Извини, но мне придется тебя разочаровать. Разумеется, в шайке тайных агентов-головорезов не может быть такой дисциплины, как в земной армии. Но вот что я тебе скажу, Брюс: и Сид, и Каби, и Марк поддержат меня, как офицеры того же звания. В Чикаго правит фюрер, а здесь — Скорпионы. Тебе

наверняка известно, что некоторые наказания, которые они практикуют, в два счета сбили бы спесь с моих соотечественников из Бельзена и Бухенвальда. Еще не поздно признать, что ты ломал комедию…

— Балаболь, балабон, — пренебрежительно махнул рукой Брюс. — Я сказал все. Решайте, — он помолчал. — Что выбираешь ты, Сидни Лессингем?

Колени мои подогнулись: Сид ничего не ответил, лишь судорожно сглотнул и огляделся по сторонам. Да что же такое делается?! Сид расправил плечи, но его опередил Марк.

— Прости, Брюс, но, по-моему, ты рехнулся. Эрих, надо посадить его под замок.

Каби кивнула с видимым равнодушием.

— Заприте труса или убейте его. Потом выпорем девчонку и поспешим в Египет.

— Правильно, — согласился Марк. — Вообще-то я погиб в той битве, но теперь это можно поправить.

— Ты нравишься мне, римлянин, — сказала Каби.

Брюс язвительно улыбался.

— Ты, Илхилихис?

Никогда раньше мне не чудилось, будто у Ил-

ли, точнее, у его коммуникатора механический голос.

— Я увяз во времени глубже любого из вас, тра-ля-ля. Но папочка любит жизнь. Я не с тобой, Брюси.

— Мисс Дэвис?

— Разве я похожа на идиотку? — спросила Мод.

Увидев за ее спиной Лили, я подумала: Бог мой, на ее месте я, быть может, смотрела бы так же гордо, но вот уверенности мне явно не хватило бы.

Бо заговорил, не дожидаясь, пока Брюс повернется к нему.

— Вы отнюдь не расположили меня к себе, сэр, скорее наоборот. Однако Место наскучило мне сильнее, чем Бостон; к тому же рискованные предприятия — моя стихия, пускай даже они будут очень рискованными. Я с вами, сэр.

Меня словно что-то кольнуло в грудь, в ушах зашумело, но я разобрала бормотание Севенси:

— Вшивые Скорпионы сидят у меня в печенках. Я с тобой.

Док кое-как поднялся на ноги. Он уронил цилиндр; волосы его растрепались. Ухватив за горлышко пустую бутылку, он шарахнул ею по стойке и гаркнул:

— Убивайте Скорпионов — и немцев!

Как ни странно, Док не упал, хотя рука, которой он опирался о стойку, предательски задрожала. Не припомню такой тишины, какая установилась вслед за его словами. Брюс медленно обернулся к Сиду.

Но произнес он вовсе не то, что я ожидала услышать.

— Мисс Форзейн?

Смешно, подумалось мне; я рассудила ни с того ни с сего, что он обращается к графине: Взгляды всех остановились на мне, и тут только я сообразила, что к чему. Неужели он спрашивает меня? Но что я могу ответить? Я ничего не знаю. Нет, Грета. Нет, нет!

Тишина давила мне на плечи. Я сказала себе: «Грета, не молчи, хотя бы выругайся». Внезапно меня как осенило. Я поняла, на что похожа тишина. У меня возникло диковинное ощущение: будто я вижу изображение, но не слышу звука; будто Ветры Перемен утихли навсегда; будто Эрих снова запел один, без аккомпанемента… Я догадалась, что произошло.

Призрачные Красотки исчезли. Большой Компенсатор, которым кое-кто предлагал воспользоваться, исчез вместе с ними.

ВЗАПЕРТИ

Мы обследовали мох между кирпичами и убедились, что он нигде не поврежден.
— Вы, конечно, искали в бумагах Д. и среди книг его библиотеки?
— Разумеется. Мы заглянули во все пакеты и свертки, мы не только открыли каждую книгу, но и пролистали их все до единой…
Эдгар А. По [32]

Три часа спустя мы с Сидом уселись на кушетку поблизости от кухни. Есть нам не хотелось, мы слишком сильно устали. Долгие поиски убедили нас, что Компенсатора нет нигде.

Первые два часа мы твердили наперебой, что он вот-вот найдется. Если наши знания о Переменчивом Мире чего-нибудь да стоят, Компенсатор не мог никуда пропасть, потому что иначе пропало бы и Место. Малый Компенсатор поддерживает атмосферу, температуру, влажность, силу тяжести и тому подобное, а Большой не дает стенам и

---

32 notes: 32
«Похищенное письмо», перевод И. Гуровой.

потолку обрушиться. Он невелик размерами, но от него зависит столь многое!

Ему не нужны ни провода, ни радиоволны. Когда его включают, он, как мы говорим, вцепляется в окружающее пространство-время.

Мне объясняли, что внутри он состоит из огромных и чудовищно прочных молекул, каждая из которых — сама по себе космос. А снаружи он выглядит портативным радиоприемником: шкалы, индикаторы, переключатели, гнездо для наушников и прочая мура.

Компенсатор исчез, однако Пучина пока не поглотила нас. Честно говоря, я настолько умаялась, что мне было плевать, сожрет она нас или нет.

Ясно было одно: кто-то инвертировал Компенсатор прежде чем похитить его, или же его исчезновение привело к автоматическому инвертированию. В общем, мы инвертировались — уж в чем-чем, а в этом я разбираюсь. Серая пелена Пучины как будто проникла в мой мозг, и мне почудилось, будто я разглядела то, суть чего пытались растолковать мне: что Место якобы узел пересечения энергетических линий. Короче, я рассмотрела то, что грамотеи называют Великой Монадой.

Я сказала себе: «Грета, если мы и впрямь инвер-

тировались, то я не в восторге. В том, чтобы знать, что ты оторвалась от космоса, приятного куда как мало». Я дошла до того, что начала завидовать людям, которые оказывались в одиночестве на плоту посреди Тихого океана или на борту звездолета, затерянные в пространстве.

Зачем Скорпионам понадобилось устанавливать на Компенсаторы инверторы, если нам разрешается пользоваться ими лишь в крайнем случае, когда выбор — либо инвертироваться, либо сдаться Скарабеям? Раньше я как-то над этим не задумывалась, а ведь ответ лежит на поверхности.

Инвертирование — то же бегство. И там, и там ты стремишься сохранить свои секреты в тайне от врага. Оно забрасывает Место туда, откуда его не вытащить даже верховному командованию Скорпионов, топит его в Пучине.

И если это именно так, то возможностей вернуться обратно у нас столько же, сколько у меня — превратиться в девчушку, что бегала когда-то по песчаным дюнам.

Я придвинулась поближе к Сиду, обняла его за плечо, потерлась щекой о серый бархат камзола и проговорила:

— Долог путь до Линн-Регис, а, Сидди?

— Ланушка, ты изрекла истину, — отозвался он, намеренно перейдя на велеречивый язык своей эпохи. Эх, старина, старина…

— Сидди, — спросила я, — зачем тебе позолота на камзоле?

— Кто ж ее знает, милая, так оно принято, да и красиво.

— Ну да, чтобы девушки царапались, — фыркнула я. — Не бросай его в очиститель, Сидди, подожди, пока мы выберемся.

— С чего ты взяла, будто я собираюсь его чистить? — непритворно удивился он. Мы, путешественники во времени, зачастую не замечаем, какой он нас исходит запах.

Потом Сид помрачнел и кинул на меня испытующий взгляд.

— Как бы нам не заплутать, когда будем выбираться.

— Да уж, — согласилась я, гадая, почему он так на меня смотрит. Навряд ли я привлекаю его как женщина, хотя, пока шли поиски, он все время держался рядом со мной. Мне вспомнилось, что лишь мы двое не ответили на вопрос Брюса. Быть может, мужское самолюбие Сида было задето таким сопоставлением? Я-то, признаться, была благодарна Компенсатору за то, что он столь

своевременно пропал.

Посовещавшись, мы решили, что Компенсатор похитили Красотки. Все говорило против них. Мод уведомила нас, что всегда не доверяла Призракам и что, мол, ее не удивляет проявленная ими самостоятельность. Каби вбила себе в голову, что всему виной — гречанка Фрина и что наша гибель неминуема.

Когда мы в первый раз осматривали Кладовую, конверты, в которых хранятся Призраки, показались мне необычно плоскими. Разумеется, эктоплазма занимает немного места, но я все-таки вскрыла сначала один конверт, потом другой, а потом — позвала на помощь.

Все конверты до единого были пусты. Мы потеряли весь наш запас, в котором было с тысячу Красоток.

Ну что ж, по крайней мере мы убедились в том, о чем и не подозревали: что существует незримая связь между Призраком и линией его жизни. Когда эту пуповину перерезают, Призрак погибает.

Интересно, подумалось мне, а не испаримся ли следом за Призраками и мы? Ведь мы, Демоны, такие же Двойники. Конечно, мы поматериальнее Призраков, но отсюда следует лишь то, что мы протянем подольше. Логично? Вполне.

Конверты мы проверяли втроем — Лили, Мод и я. Мужчин только пусти в Кладовую; сразу начнутся разговоры о «девушках по вызову». Мужчины — они все одинаковые, что в прошлом, что в будущем.

Так вот, раскрыв очередной конверт, я поглядела на Лили с Мод и сказала:

— Хорошая у нас была компания.

— Твоя правда, — откликнулась Лили.

— Шагаем в ничто, — прибавила Мод, и мы обнялись.

Фрина с графиней растворились, должно быть, одновременно с остальными Красотками, но ко мне привязалась одна мысль, и я высказала ее вслух:

— Сидди, возможно ли, что, пока мы глядели на Брюса, наши подружки настроили Компенсатор, разыскали дверь и удрали через нее?

— Ты читаешь мои мысли, лапушка, но увы — всё против нас. Первое: хорошо известно, что Призраки не способны что-либо задумывать или выполнять по своей воле. Второе: дверь в Пучине возникает не по нашему желанию. Третье и, пожалуй, главное: без Компенсатора Место складывается, как карточный домик. И четвертое: нелепо предполагать, будто никто из нас ни разу

не оглянулся.

— Я оглядывалась, Сидди. Они перебрались на тахту и пили вино. А было это, когда Брюс толковал о зомби.

— Есть еще пятое, лапушка: я могу поклясться, что ничья рука не притрагивалась к Компенсатору с тех пор, как я отошел от него. Однако…

— То-то и оно, — уколола его я.

Так или иначе, кто-то сумел открыть дверь и благополучно уволок Компенсатор. Наши поиски были обречены на провал. Предмет размером с портативную пишущую машинку спрятать не так-то легко, тем более что мы переворошили все, от пианино Бо до восстановителя в Гостиной.

С отчаяния мы даже решились на флюороскопию. Илли извивался, как угорь на сковородке, крича, что ему щекотно. Он начал было отнекиваться, но я настояла на своем и целых пять минут разглаживала ему мех.

Осмотр бара, кухни и Кладовой продолжался довольно долго, но мы твердо вознамерились ничего не пропустить. Каби помогла Доку перерыть Операционную: она побывала в полевом госпитале (похоже, Скорпионы используют их как командные пункты) и кое-чему там научилась.

Док трудился в поте лица. За ним и за Каби

наблюдали по меньшей мере трое. Когда выяснилось, что Компенсатор исчез, Док мгновенно протрезвел. Я уже видела его таким раньше, а потому не удивилась. Но едва мы закончили с Операционной и перешли в Галерею, он приложился к бутылке и вскоре пустился выписывать ногами кренделя.

С Галереей тоже пришлось повозиться, потому что там полным-полно было всякой всячины. Топор Каби расколол надвое чудесную деревянную статуэтку венерианской медузы. Я укорила критянку, но она ответила, что Компенсатор важнее. Тоненько вскрикнув, Док опустился на колени и принялся прилаживать одну половинку медузы к другой.

Мы обшарили все углы, но ничего не обнаружили, и тогда Марк предложил поднять пол. Сид и Бо совместными усилиями попробовали объяснить ему, что наше Место — одностороннее, что под полом — Пучина и что алмазные сверла тут бесполезны. Однако Марк заупрямился («Римляне все такие», — шепнул мне Сид); он сломал четыре сверла, прежде чем отступился.

Оставалась одна Пучина, но вещи, брошенные в нее, не пропадают бесследно, а плавают там, наполовину расплавленные, а наполовину замо-

роженные. В Гостиной лежат три венерианских кокоса, которые швырнул в Пучину во время ссоры силач хетт. Я стараюсь не смотреть на них: они так похожи на сушеные человеческие головы, что стоит мне вспомнить о них, как мои зубы сами начинают выбивать дробь. Помещения, которые примыкают к Пучине, обладают необычными пространственными свойствами; эти свойства составляют принцип работы хитроумного прибора в Операционной… Стоп, еще не хватало грохнуться в обморок.

Каби с Эрихом пользовались своими вызывными устройствами как определителями направления, чтобы отыскать Компенсатор, подобно тому как в космосе с их помощью находят дверь. Но техника словно спятила, стрелки на шкалах безостановочно вращались по кругу, и никто не мог понять, в чем дело.

Так, куда мы не заглядывали? В Малый Компенсатор? Интересная мысль. Однако он размерами не больше потерявшегося собрата и к тому же по-прежнему работает. Значит, он не в счет. Сундук с бомбой? Но перед тем как Эриху вздумалось сплясать на нем джигу, к сундуку никто не притрагивался. Правда, говорят, что невозможного не существует.

Все мы — путешественники во времени. Следовательно, любой из нас в состоянии отправить Компенсатор в прошлое или в будущее, на время или навсегда. Но Место находится на Глубине, а по ней путешествовать никак нельзя. Глубина — поезд, а Мелководье — пейзаж за окном. Мы едем на поезде и лишь изредка выходим в дверь. Как сказала бы Герти Стайн [33]: нельзя путешествовать во времени, по которому путешествуешь во времени, когда путешествуешь во времени.

Может статься, Компенсатор засунули в нечто такое, что можно передавать из рук в руки? Тогда среди нас заговорщики? А уж если приплести к какому-либо событию заговор, считай, что дело в шляпе. Кстати, о шляпах. Мне не давали покоя гусарские кивера. Я не угомонилась, пока не собрала их вместе и не заглянула во все три разом.

— Грета, проснись и возьми что-нибудь. Я не могу стоять около тебя весь вечер, — Мод держала в руках поднос с закуской. Весьма, весьма к месту.

Посмотрев на поднос, я сказала:

— Сидди, я хочу булочку с сосиской.

— А я пирог с олениной! Имей совесть, ты, кривляка, привереда, шельма, бестия!

---

33 notes: 33

Гертруда Стайн (1874–1946) — американская писательница-модернистка.

Схватив с подноса пирожок, я прильнула к Сиду.

— Продолжай, Сидди, — промурлыкала я. — Назови меня еще как-нибудь.

ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Я лишь подумал об убийстве этом,
И вот уж призрак душу мне потряс,
Ум подавил предчувствием и свел
Всю жизнь к пустой мечте.
У. Шекспир. «Макбет» [34]

Поставив поднос себе на колени, мой толстый друг из Линн-Регис набросился на еду. Другие уже заканчивали. Эрих, Марк и Каби вели вполголоса яростный спор. Мы сидели у дальнего конца стойки, рядом с бронзовым сундуком, а потому я так и не услышала, из-за чего они препираются. Илли разлегся на пианино, свесив щупальца, и сильнее, чем когда-либо, походил на осьминога.

Севенси и Бо расхаживали по Гостиной неподалеку от тахты, время от времени перебрасываясь отрывистыми фразами. Брюс и Лили расположились на кушетке напротив нас и о чем-то разговаривали. Мод вязала, взобравшись на табурет у стойки. Вязание — одна из тех привычек, что помогают убивать время между вечеринками,

---

34 notes: 34
Перевод Ю. Корнеева.

все равно что шахматы, выпивка или Коммуникатор, с которым тоже нужно уметь обращаться. Док бродил по Галерее, подбирая экспонаты и расставляя их по местам. Его изрядно покачивало, но он хоть не падал — и на том спасибо.

Не переставая оживленно переговариваться, Брюс и Лили поднялись. Щупальце Илли забегало по клавишам; наигрывал он не пойми что.

Откуда у них берутся силы? — подумала я с завистью и поняла вдруг, что со мной творится то же самое, что дело тут просто-напросто в нервном возбуждении.

Перемены — они как наркотик. Постепенно привыкаешь к тому, что нет ничего постоянного, что прошлое сливается с будущим, образуя всякий раз новый узор, что тебя осаждают странные мысли, что в твоей голове, будто в ночном клубе, мелькают, перемежаясь темнотой, разноцветные огни. Это бесконечное мельтешение успокаивает не хуже прогулки по железной дороге. Осваиваешься с ним быстро, а когда оно нежданно-негаданно прекращается и ты возвращаешься к себе и к тому, что было вчера и будет завтра, — тогда наступает пора испытаний.

Едва мы инвертировались, Место оказалось отрезанным от всего, что в него проникало, и

мы остались наедине с собой, каждый в своей собственной скорлупе. У меня было такое ощущение, словно меня бросили в бассейн с цементом и не дают вылезти.

Что бы мы ни делали, во всем чувствовалось лихорадочное желание хоть на миг забыть о случившемся. Пожалуй, лучше всех держалась Мод. Ну, ей-то одиночество не в новинку — сколько вахт она выстояла на мостике звездолета; и потом, она старше любого из нас, даже Сида.

За поисками Компенсатора мы было отвлеклись от невеселых раздумий, зато теперь они навалились на нас тяжким грузом. И ни Брюс, ни Эрих не порывались уже читать нам нравоучения. Помнится, впервые я ощутила страх, когда Эрих вспрыгнул на сундук с бомбой и принялся разглагольствовать о поэзии. Но, быть может, Компенсатор инвертировали еще раньше, когда я отвернулась, чтобы взглянуть на Красоток. Бред!

Поверите вы мне или нет, но цемент, в котором я бултыхалась, затвердевал на глазах. Нарисованная Брюсом картина Вселенной без Перемен показалась мне сущим вздором. Я машинально откусила от очередного пирожка.

— Сидди, а у инвертора есть индикатор?

— Тише, ты, горлопанка! Знаешь, я будто ма-

лость перебрал. Да, синий. По инструкции он должен мигать часто-часто. А что?

— Да так. Ох, Сидди, если бы только задули Ветры Перемен!

— И не говори, детка, — простонал он. Должно быть, вид у меня был совсем никуда, потому что Сид обнял меня за плечи и прошептал: — Не пугайся, лапушка. Утешайся тем, что вторая смерть нам пока не грозит.

— Чего-чего? — переспросила я.

Уподобляться тем, кто бесцельно слонялся по комнатам, мне ни капельки не хотелось. И вот, чтобы не спятить, я начала припоминать, кто этим вечером подходил к Компенсатору и зачем.

Когда мы обыскивали Место, недостатка в предположениях насчет судьбы Компенсатора не было, причем среди толковых попадались чудовищные по своей нелепости: колдовство Скарабеев, вернее, какое-нибудь новое изобретение; приказ верховного командования Скорпионов об эвакуации Мест, связанный, быть может, с гибелью Бенсон-Картера; проделки космонитов, загадочных гипотетических существ, которые якобы успешно противились Ветрам Перемен, а жили гораздо позже Севенси и его собратьев, — может статься, космониты как раз и затеяли

Войну Перемен.

Запутавшись в предположениях, мы стали косо поглядывать друг на друга. Кто знает, вдруг один из нас — шпион Скарабеев, или тайный агент полиции Скорпионов, или — Брюс, Брюс! — лазутчик Комитета Правителей Переменчивого Мира, или соглядатай революционного подполья? А недавние препирательства Эриха с Брюсом, о которых все как будто позабыли?

Говорят, что в минуту опасности ум хорошо, а два — лучше, но мне поделиться своими подозрениями было не с кем.

Кто же? Кому понадобилось инвертировать Место, разорвать все связи с космосом, рискуя никогда не вернуться обратно?

Если бы меня спросили в лоб, я бы скорее всего ткнула пальцем в Дока. Он понимал, что Сиду когда-нибудь надоест покрывать его. А за нарушение воинского долга, Эрих не преувеличивал, полагается кое-что похуже расстрела. Однако с того момента, когда Брюс вскочил на стойку бара, и до обнаружения пропажи Компенсатора Док пребывал в отключке, хотя я, разумеется, специально за ним не следила.

Бо? Он сразу заявил, что Место ему приелось, поэтому вряд ли стоит думать на него, будто он

решил остаться тут, быть может, навсегда, тем более — в компании с Брюсом и с девчонкой, на которую они оба имеют виды.

Мод, Каби, Марк, инопланетяне? Им-то с какой стати похищать Компенсатор? Правда, Севенси явился из будущего, где, по слухам, хозяйничают космониты, а критянка с римлянином, похоже, не прочь продлить знакомство. Инвертировать Место — чем не способ?

Не городи чепухи, Грета, одернула я себя.

Сид обожает действительность, переменчивая она или нет; он обожает людей. Таких, как он, я больше не встречала — взрослый ребенок, готовый сунуть в рот все, что ни подвернется ему под руку. Невозможно представить, чтобы он решился покинуть космос.

Значит, восемь мимо. Кто еще? Эрих, Брюс, Лили и я сама.

Эрих… У моего коменданта нервы как у койота, а храбрости — как у рехнувшегося кота. Если ему взбрело в голову закончить спор с Брюсом здесь и сейчас, его ничто не удержит.

Перед тем как вспрыгнуть на сундук, Эрих приставал к Брюсу. Что же получается? Он отвлек наше внимание, подкрался к Компенсатору, инвертировал его и… Бессмыслица какая-то!

Если во всем виновата я, выходит, я тронулась умом, и это будет наилучшим объяснением. Бр-р-р!

Брюс вел себя самым подозрительным образом, призывал нас к бунту, и, право слово, жаль, что он все время был на виду. А если бы он инвертировал Компенсатор до того, как влезть на стойку, мы бы наверняка заметили мигающий голубой огонек. Во всяком случае, я заметила бы его, когда обернулась к Красоткам. Правда, Сид сказал, что ему не доводилось видеть индикатор в работе; он просто вычитал о нем в инструкции.

Однако Брюс мог спокойно наблюдать за всем со стороны, потому что у него была Лили, которая, как говорят наши мужчины, смотрела ему в рот. Я не очень-то верю этим рассуждениям насчет того, что женщина — игрушка в руках мужчины, которого она любит, но вынуждена признать, что что-то в них есть. Кстати, я сочла вполне естественным наше решение не подпускать Лили с Брюсом к поискам Компенсатора.

Как будто все чисты. Стало быть, к нам в гости пожаловал некто посторонний (интересно, как он нашел дверь без помощи Компенсатора?); быть может, он где-то прятался или вышел из Пучины. Глупости! Но все же Пучина беспокоила меня

— серая пелена, рыхлая, вязкая, дрожащая…

Подожди-ка, Грета, сказала я себе, подожди. И как ты до сих пор не сообразила?

Брюс, возвышаясь на стойке, должен был видеть и Пучину, и Компенсатор, который от него ничто не загораживало.

Эрих — другое дело; он изображал из себя трибуна, защитника интересов народа и глядел большей частью в лицо Брюсу.

Но Брюс должен был видеть, хотя, если он воспарил духом…

Не смеши меня, детка. Демон — прежде всего актер, пускай даже он искренне верит в то, что произносит. И нет такого актера, который не заметил бы зрителя, что выходит из зала во время его коронного монолога.

Следовательно, Брюс что-то от нас скрывает. Актер из него — хоть куда. Он ухитрился обмануть всех, кроме меня, иначе ему было бы несдобровать.

Но меня он может не опасаться. Я не люблю наседать, да и настроение у меня, откровенно говоря, еще то.

А не в аду ли мы? — спросила я себя и прибавила: как не стыдно, Грета! Тебе все-таки двадцать девять!

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 1917 ГОД

Стена огня продвинулась вперед.
Пригнувшись, вылезают из окопов
Солдаты — страх опустошил их лица.
Винтовки, скатки, ранцы — друг за другом
Они встают нестройными рядами.
А на запястьях тикают часы.
З. Сэссун

— Пожалуйста, Лили, не надо.

— Надо, любимый.

— Лапушка, проснись. Что с тобой?

Я открыла глаза и улыбнулась Сидди. Брюс спорил о чем-то с Лили. Я позавидовала им и пожалела, что некому спасти меня от Переменчивого Мира.

Судя по всему, Лили одержала верх. С улыбкой она высвободилась из объятий Брюса. Тот отошел на несколько шагов. Надо отдать ему должное: он не стал пожимать плечами, как наверняка поступил бы каждый второй из мужчин в его положении, хотя видно было, что он нервничает. Впрочем, все мы чувствовали себя примерно

одинаково.

Лили положила руку на подушку тахты, плотно сжала губы и огляделась по сторонам. Ее волосы перехватывала серая шелковая лента. В своем коротеньком платьице без талии она выглядела маленькой девочкой, не достигшей даже подросткового возраста, однако глубокий вырез опровергал первое впечатление.

Взгляд ее задержался на мне, и я догадалась, что нас ожидает. Почему-то женщины предпочитают плакаться в жилетку именно мне. И потом, в разгорающемся конфликте мы с Сидди занимали центристские позиции.

Глубоко вздохнув, Лили выставила вперед подбородок и воскликнула звонко:

— Нам, девушкам, часто приходилось просить, чтобы вновь прибывшие закрывали дверь, — она говорила с сильным британским акцентом. — Но теперь дверь закрыта надежней некуда.

Я поняла, что не ошиблась, и ощутила глухое раздражение. Знаю я эти штучки влюбленных: «Я не могу без тебя», «Я хочу быть с тобой». Ну да, а заодно оседлать другого, заморочить ему голову, чтобы не вздумал удрать. Ладно, начала она неплохо. Посмотрим, что будет дальше.

— Мой жених надеется, что мы сможем отво-

рить дверь. Я с ним не согласна. Он считает, что не стоит торопиться, что время пока работает на нас. Здесь мы с ним снова расходимся.

От бара послышался громкий смех. Наши милитаристы не замедлили с ответом. Эрих крикнул, довольно усмехаясь:

— Женщины учат нас уму-разуму! Где мы находимся? Или мы попали на собрание швейного кружка Сидни Лессингема?

Бо и Севенси, которые остановились на полпути между баром и тахтой, повернулись к Эриху. Сатиров на иллюстрациях к книгам обычно изображают добродушными, но у Севенси вид был достаточно внушительный. Притопнув копытом, он бросил:

— Трепло базарное!

Да, грузчик, который обучал Севенси английскому, мог гордиться своим учеником. Эрих заткнулся, но губы его по-прежнему кривила усмешка.

Лили кивком поблагодарила сатира и прокашлялась. Я видела, что она над чем-то призадумалась. Лицо ее осунулось и постарело, словно она угодила в Ветер Перемен, которому как-то удалось просочиться к нам. На глазах у нее выступили слезы, а когда она наконец заговорила,

голос ее звучал на полтона ниже, да и британский выговор уступил место американскому.

— Я не знаю, как вы восприняли Воскрешение, потому что я здесь новенькая и терпеть не могу задавать вопросы, но для меня оно было сущим мучением. Жаль, что у меня не хватило смелости сказать Сузаку: «Я бы хотела остаться зомби. Пусть лучше мне снятся кошмары». Как бы то ни было, я приняла Воскрешение, потому что усвоила, что невежливо отказываться, когда тебе что-то предлагают, и потому еще, что во мне сидит Демон, который без ума от жизни. Однако чувства мои не изменились и кошмары все так же изводят меня, разве что они стали правдоподобнее.

Внешне я превратилась в семнадцатилетнюю девочку — какая женщина не захочет омолодиться? — но сознание мое было иным. Ведь я умерла в Нью-Йорке в 1929 году от болезни Брайта, а потом, ибо Перемена рассекла линию моей жизни, — в 1955-м, от той же болезни в занятом нацистами Лондоне; правда, во второй раз все произошло не так быстро. Переменчивый Мир не избавил меня от этих воспоминаний; они постоянно со мной, а я-то по наивности рассчитывала, что их острота притупится.

Мне говорят: «Эй, красотка, ну-ка улыбнись!» — или: «Какое на тебе шикарное платье, крошка!» — а я мысленно возвращаюсь в клинику Беллвью, или в ту пропахшую джином палату в Степни, где заходится кашлем Филлис, или, на долю секунды, в Гламорган — вновь смотрю на римскую дорогу и хочу поскорее вырасти.

Я поглядела на Эриха, которому выпала похожая доля. Он уже не ухмылялся. Быть может, сходство судеб остудит его пыл? Ой, что-то мне сомнительно.

— Трижды все повторялось, — продолжала Лили. — Я трижды влюблялась в молодого поэта, с которым даже не была знакома. Его называли «голосом молодого поколения». Я трижды лгала, чтобы меня записали в отряд Красного Креста и отправили во Францию, где воевал он. Я воображала, как подбираю его на поле боя, раненного, но не слишком серьезно, с окровавленным бинтом на голове, как зажигаю ему сигарету и улыбаюсь, а он и не догадывается о моих чувствах…

Но пулеметная очередь скосила его у Пашендале, и не понадобилось никаких бинтов, а семнадцатилетняя девушка решила озлобиться на весь мир, чего у нее не вышло, и научиться пить, в чем преуспела, хотя допиться до смерти

— это надо уметь. Я сумела.

Потом прокричал петух. Я очнулась от смертного сна и увидела, что близится рассвет. Сильно пахло навозом. Я ощупала свои ноги, которые, как я помнила, разнесло водянкой, ощупала — и поразилась.

В маленьком окошке виднелись верхушки деревьев — должно быть, тополей. Я рассмотрела, что вокруг меня стоят койки, на которых, укрывшись одеялами, спят люди; на спинках коек висела одежда. Кто-то похрапывал. Снаружи раздался грохот; стекло в окошке задребезжало. Я вспомнила, что нахожусь в лагере Красного Креста за много-много миль от Пашендале и что Брюс Марчант погибнет сегодня на рассвете.

Он выпрыгнет из окопа, и наголо стриженный пулеметчик возьмет его на прицел и сразит короткой очередью. А я переживу его и умру в 1929-м и в 1955-м.

Я задыхалась от бессильного гнева, и тут заскрипели половицы и из полумрака вышел японец с женской прической. Лицо его было бледным, а брови — иссиня-черными. На нем был розовый халат, перетянутый в талии черным поясом, к которому прицеплены были два самурайских клинка. В правой руке он сжимал диковинного

вида серебристый пистолет. Он улыбнулся мне так, как улыбаются родственнику или возлюбленной, и сказал: «Voulez-vous vivre, mademoiselle?» Я изумленно уставилась на него. Тогда он покачал головой и проговорил: «Мисс жить, да, нет?»

Сид накрыл своей лапищей мою дрожащую ладонь. Не могу спокойно слушать, когда кто-нибудь рассказывает о своем Воскрешении. Мое собственное было и того хуже, но Лили вроде бы тоже натерпелась. Пропусти, пропусти, беззвучно молила ее я, и она послушалась.

Пять минут спустя он ушел вниз, а я заторопилась одеваться. Вещи будто приклеились к спинке, и дотрагиваться до них было противно. На улице потихоньку светлело. Моя койка выглядела так, словно я не вставала с нее, и ни за что на свете я не согласилась бы заглянуть под одеяло.

Я спустилась. Длинная юбка не мешала мне, потому что я подобрала ее. Сузаку провел меня мимо часового, который ничего не заметил, мимо толстощекого крестьянина, который кашлял и отплевывался. Когда мы пересекали двор, небо на востоке заалело; поднялось солнце, и я подумала, что в эту минуту Брюс Марчант умер от потери крови.

Мы миновали пустой прогулочный автомо-

биль, двигатель которого сердито урчал. У него были большие, заляпанные грязью колеса с деревянными спицами, а на медном радиаторе было написано «Симплекс». Сузаку подвел меня к навозной куче, поклонился — и я вошла в дверь.

— Как трогательно! — воскликнул Эрих, обращаясь к своим приятелям у стойки бара. — Пожалуй, и у меня найдется, о чем рассказать.

Если он надеялся на общий одобрительный смех, то просчитался.

— Вот так Лилиан Фостер очутилась в Переменчивом Мире с его живописными кошмарами, неустойчивостью и беспредельной тоской. Я была живее, чем когда-либо раньше, но казалась себе самой трупом, которого подстегивают электрическими разрядами. У меня не было ни надежды, ни цели; я считала, что Брюс Марчант потерян для меня навсегда.

И вдруг, пять с небольшим часов назад, среди нас появился Солдат в черном мундире. Я подумала еще: как похож! Кто-то назвал его Брюсом, а потом он крикнул, что его зовут Брюс Марчант. Значит, существует Воскрешение после Воскрешения, настоящее Воскрешение. О, Брюс…

Лили взглянула на Марчанта, и тот улыбнулся ей сквозь слезы, и к ней вернулась вся красота ее

молодости. Ветры Перемен, подумалось мне, но откуда? Признай очевидное, Грета, — есть чудеса, с которыми Переменам не сравниться.

— Ветры Перемен улеглись, когда Скарабеи испарили наш Компенсатор. Или же Призрачные Красотки инвертировали его и бежали. Других объяснений у меня нет. Так или иначе, Ветры Перемен улеглись. Мое прошлое и мое будущее стали для меня сносными, потому что мне теперь есть с кем их разделить. Неужели вы не понимаете? Наше будущее неизвестно! Мы создадим его сами! Понимаете?

— Ура суфражисткам Сидни Лессингема! — гаркнул Эрих. — Бо, сыграй нам что-нибудь этакое. Ты тронула меня, Лили, я рыдаю горючими слезами. Ну, кто следующий?

СТОЛКНОВЕНИЕ

К настоящему привыкаешь. Что гнетет, так это груз ошибок прошлого и страхов перед будущим. Мне пришлось научиться закрывать двери перед вчера и завтра и жить здесь и сейчас.
Неизвестный автор

Шуточки Эриха встречены были гробовым молчанием.

Он, конечно, психопат, мелькнула у меня мысль, но в чем-то он прав. Лили предлагает всем нам по кусочку от своего пирога, да только любовь не разрежешь на дольки.

Насчет Красоток — это она подметила верно. Им ничего не стоило, исчезая, прихватить с собой Компенсатор. Тогда понятно, почему не мигали никакие огоньки. Смотри-ка, народ призадумался. Естественно, на подковырках-то далеко не уедешь.

И все-таки я колебалась. Сомнения одолевали меня, и я сказала себе: не горячись, Грета, не горячись.

— Труднее всего свыкнуться с тем, что в распо-

ряжении. Демонов — все необъятное время, — проговорила Лили с улыбкой. — Мы не могли захлопнуть двери перед вчера и завтра, чтобы жить в настоящем. Но нам помогли: дверь закрыта, и нам не нужно больше бояться прошлого или будущего. Ни Скорпионы, ни Скарабеи не отыщут нас. Мне говорили, что инвертирование означает полный разрыв с космосом. Мы в безопасности, мы ни с кем не враждуем и никому не служим. И у нас есть Место, которое снабдит нас всем необходимым.

Она помолчала.

— Сидни, Борегард и доктор Пешков объяснили мне, что наше Место — сбалансированная система, во многом подобная космосу. Никто не знает, сколько времени существует оно тут, на Глубине, но его ни разу не ремонтировали, а сменялись в нем лишь предметы роскоши и экипажи. Никто не знает, как долго оно продержится, но мне еще не доводилось слышать о поломках Малых Компенсаторов. Иными словами, наше будущее обеспечено. Нам есть где жить — всем вместе.

Разрази меня гром, ну Лили дает! Слушая ее, я никак не могла отделаться от мысли, что мы обязательно задохнемся, если не откроем дверь в ближайшие полчаса. Вообще-то мне не впервой

мыкаться взаперти: однажды я просидела целых сто снов в Месте без двери — и ничего, обошлось.

Мысли мои переметнулись на другое, и я словно наяву представила себе последствия нашего совместного проживания.

Первым делом, разумеется, я принялась подбирать пары. Так, что мы имеем? Четыре женщины, шестеро мужчин, двое инопланетян.

— Грета, — пробормотала я, — тебе на роду написано стать мисс Полли Андри [35]. Учредим ежедневную газету, организуем танцкласс, Брюсу поручим вести рифмованную хронику; бар у нас будет работать исключительно по вечерам…

А школы для детей? Интересно будет посмотреть на отпрысков Сидди или моего коменданта. «Не подходите близко к Пучине, милые». Правда, с инопланетянами получается закавыка; впрочем, Севенси не так уж сильно отличается от нас, да и генетика чего-то там вроде добилась. Мод должна знать. А в Операционной каких приборов только нет, и когда Док протрезвеет…

— Мой жених предложил вам передать на другие станции весточку о мире, — прибавила Лили, — положить конец Переменам и восстано-

---

35 notes: 35

От «полиандрия» — многомужество.

вить то, что было разрушено.

Я взглянула на Брюса. На лице его застыло озабоченное выражение, которое появляется у мужчин, когда женщины начинают говорить за них. Она распинает его, подумалось мне, она не позволит ему отступить, хотя цепляться тут не за что.

— Он хотел как лучше, но мы теперь не в силах что-либо передавать; и потом, мне кажется, что слишком поздно. Космос переродился и вскоре исчезнет без следа. Мы — единственные, кто уцелеет. Факел жизни — в наших руках.

Вам не приходило в голову, что Ветры Перемен улеглись насовсем? Скорее всего нам не добраться до другого космоса, и мы обречены на вечное скитание в Пучине. Ни у кого из нас нет опыта инвертирования, а потому мы не можем даже предположить, как все обернется. Мы — семена, из которых взойдет новое будущее. А вдруг все погибающие Вселенные оставили после себя такие семена? Наше Место — эмбрион жизни; дадим же ему развиться.

Поглядев на Брюса с Сидом, Лили процитировала:

— Вперед, друзья, еще не познан мир!

Я схватила Сида за руку, но он не обратил на

меня внимания. Мечтательно закатив глаза и приоткрыв рот, он слушал, как Лили читает Теннисона [36]. Эх, Сидди…

И остальные туда же — разинули, понимаешь, рты! Илли, должно быть, мысленно блуждал по прекрасным лунным лесам. Дитя звезд Мод ап-Арес Дэвис, как видно, вообразила себя стоящей на мостике звездолета, что мчался по направлению к далекой галактике, или прикидывала, как сложилась бы ее жизнь, не соблазнись она мнимыми прелестями Переменчивого Мира. Эрих смотрел этаким покорителем Вселенных; Марк молодцевато подбоченился. Судя по виду Бо, ему грезилась Миссисипи.

И мне привиделся — нет, не Большой Чикаго. Не будем впадать в истерику, сказала я себе, бросила взгляд на Пучину и вздрогнула: мне почудилось, будто она отодвигается, а Место разрастается в размерах.

— Говоря о семенах, я не преувеличивала, — продолжала Лили с запинкой. — Мы все знаем, что дети в Переменчивом Мире не рождаются, что нас каким-то образом стерилизуют и лунный цикл не оказывает на женщин никакого

---

36 notes: 36
Альфред Теннисон (1809–1892) — английский поэт.

влияния.

Это уж точно, проверено и перепроверено миллион раз.

— Однако мы вырвались из Переменчивого Мира, и его ограничения утратили свою силу. Я убеждена в этом, — она огляделась. — Нас, женщин, четверо. Наверняка кто-то сможет подкрепить мои слова доказательством.

Все начали переглядываться. Лицо Мод выразило безмерное удивление. Она осторожно слезла с табурета, держа в руках недовязанный розовый бюстгальтер, из которого торчали во все стороны иголки; глаза ее округлились, словно она ожидала, что он вот-вот превратится в распашонку. Потом она направилась к Лили. Удивленная мина сменилась мягкой улыбкой, плечи слегка расправились.

На мгновение мне стало завидно. В ее-то возрасте! Нет, тут можно только восхищаться. Сказать по правде, я испугалась. Даже Дейв не мог уговорить меня на роды.

Поднявшись, мы с Сидди рука в руке двинулись к тахте, будто она притягивала нас к себе. Около нее сгрудились Бо, Севенси, Брюс и наши бравые гвардейцы, Каби с Марком. Их взгляды предвещали возрождение былой славы Крита и Рима — и

что-то еще, менее величественное. Илли, помедлив, оторвался от пианино и заковылял к нам.

Интересно, а он на что-нибудь надеется? По-моему, маленьких Илхилихисов ему не видать. Может, ему все равно?

Или в сплетнях о лунянах содержится зернышко истины? Вернее всего, он просто присоединился к большинству.

За нашими спинами послышалось шарканье ног. Док вышел из Галереи, прижимая к груди абстрактную скульптуру. Она представляла собой сверкающее нагромождение металлических шаров, каждый из которых был размером с мяч для гольфа, и сильно смахивала на увеличенный человеческий мозг. В шарах зияли отверстия. Док протянул ее нам, как младенца, чтобы мы обмерли от восторга. Губы его зашевелились; он явно хотел нам что-то сказать, но мы ничего не разобрали. Пускай наш Максим Алексеевич запойный пьяница, подумала я, но сердце у него золотое.

Мы столпились у тахты. Нас было одиннадцать — чем не футбольная команда? За названием дело не станет. Например, «Духи мира». Севенси поставим в защиту, Илли — на левый край; из него получится отличный разыгрывающий.

Эрих остался в одиночестве у стойки бара. О нет, не может быть, пронеслось у меня в голове, когда он шагнул к нам. Лицо его исказила гримаса. Немного не дойдя, он остановился и криво усмехнулся.

Что же ты, комендант, подумалось мне, где хваленое братство по оружию?

— Значит, Лили с Брюсом и Grossmutterchen [37] Мод свили себе гнездышки? — голос его сорвался на крик. — А что прикажете делать остальным? Ворковать над ними?

Выгнув шею, он хлопнул в ладоши и загукал:

— Гули-гули! Гули-гули!

Да, парень, сказала я себе, теперь я убедилась, что ты чокнутый.

— Teufelsdreck [38]! Ну что вы нюни распустили? Детишек захотелось? Да поймите вы, что Переменчивый Мир — естественное завершение эволюционного процесса, пора наслаждений и оценки по достоинствам, конец истории, то, что женщины называют гибелью — «Ах, помогите, насилуют!», «Ох, мои бедные детки!» — а мужчины исполнением желаний.

---

37 notes: 37
Бабуля (нем.).

38 notes: 38
Здесь: дьявольщина! *(нем.)*

Вы ведете себя как актеришки, между которыми распределили роли в «Сумерках богов», а они отправились к композитору, похлопали его по плечу и сказали: «Знаете, герр Вагнер, что-то уж слишком мрачно. Почему бы вам не написать для нас оперу про маленьких белокурых ангелочков с голубыми глазками? Сюжет? О, нет ничего проще! Мальчик любит девочку, и они решают пожениться, когда вырастут».

Черт побери! На что будет похожа жизнь без двери, за которой — свобода и приключения? Или вы хотите мирно состариться, болтаясь по этому астероиду навыворот? А как насчет бомбы? Уютная пещерка, теплый женин бок — вот предел ваших мечтаний? Не предел? Ну да, город расширяется! Kirche, Kinder, Kuche [39]! Тьфу!

Ненавижу баб! У нас свое счастье, а у них — свое. Глядишь, какая-нибудь сгорбленная старуха шепчет: «Он слабеет, он сдает, скоро он станет совсем беспомощным и пропадет без меня». Вот твоя паршивая Триединая Богиня, Каби, родительница, невеста и плакальщица! Женщина изнуряет мужчину, связывает его по рукам и ногам, калечит и уродует!

---

39 notes: 39
Церковь, дети, кухня *(нем.)*.

Он показал пальцем на Лили.

— Кого ни возьми, все они норовят искалечить мужчине жизнь, подрезать крылья, сделать из него марионетку. Признавайся, птичка! Это ты спрятала Компенсатор, чтобы заполучить своего Брюса!

У него перехватило дыхание, и он замолчал. Я поглядела на Брюса. Чего он ждет? Вмазал бы разок как следует… Но Брюс словно растерялся. Да, где вы, мускулистые герои из дешевых журнальчиков?

И все-таки Эрих нарвался. Взмахнув руками, будто хотел обнять Марчанта, он проговорил:

— Не поддавайся, Брюс. Они посадят тебя на цепь, как собачонку, они надуют тебя. Ты же Солдат, Брюс. Вспомни, даже за мир ты был готов сражаться. Ты пускал нам пыль в глаза, ты врал и не краснел, но ты с нами, Брюс, а не с ними.

Тут и случилось это.

Все совершилось в одно мгновение. Брюс выпрямился, шагнул вперед — и его кулак врезался Эриху в челюсть.

— Локи! — бросил он.

Я мысленно перенеслась в прошлое и услышала голос матери. Та рассказывала мне о зловредном скандинавском боге, о том, что когда другие боги

решили его наказать и пришли за ним, он как раз доканчивал плести рыболовную сеть, которая, если бы они хоть чуть-чуть опоздали, накрыла бы весь мир.

Эрих распростерся на полу и, потирая челюсть, смотрел на Брюса волком. Стоявший рядом со мной Марк пошевелился. Я подумала, что он сейчас кинется на Марчанта, чтобы, так сказать, отомстить за товарища по оружию. Но Марк только покачал головой и произнес:

— *Omnia vincit amor.*

— Что значит?.. — спросила я, пихнув его в бок.

— Любовь побеждает все, — ответил он.

Ай да римлянин! Что ж, где-то он прав. Лили и впрямь победила: ее возлюбленный вздул приятеля-женоненавистника, который иначе не давал бы ему ночевать дома. Мне показалось, Лили для Брюса куда важнее, чем будущее Переменчивого Мира. Мы, женщины, иногда берем верх — пока не приходят легионы или не пылят по дороге «пантеры» полоумного ефрейтора [40].

Эрих поднялся, все еще держась рукой за челюсть и свирепо глядя на Брюса, но желания продолжить потасовку не выказывал. Был бы у

---

40 notes: 40

Имеется в виду Гитлер. «Пантера» — танк, состоявший на вооружении вермахта в годы второй мировой войны.

него пистолет, подумалось мне, он бы наверняка застрелился.

Брюс открыл было рот, но заколебался, и тут встрял Док. Пошатываясь, он приблизился к Эриху, протянул тому свою скульптуру и забубнил что-то неразборчивое. Я испугалась, что Эрих убьет его, но мой комендант лишь выхватил у Дока скульптуру и швырнул ее через плечо. Та грохнулась на пол, однако, как ни странно, не разбилась. Покрутившись, она застыла в нескольких шагах от меня.

Похоже, то, что она не раскололась, окончательно добило Эриха. Клянусь, я видела, как наливаются кровью его глаза. Круто развернувшись, он бросился к бронзовому сундуку.

Мне почудилось, будто время замерло. Все мужчины, кроме Брюса, устремились вдогонку за Эрихом; правда, Сидди почти сразу остановился. Илли весь подобрался, готовясь к прыжку. Волосатые ляжки Севенси и белоснежные брюки Бо загораживали мне обзор, но я рассмотрела-таки палец Эриха, что нажимал на черепа в той последовательности, которую перечислила Каби: третий, пятый, шестой, второй, четвертый, седьмой. Как я ни умоляла про себя, он не ошибся.

Эрих разогнул спину. Илли приземлился рядом

с сундуком и обвил щупальцами его крышку, что твой громадный серебристый паук. Остальные затормозили.

Дышал Эрих тяжело, но голос его был ровным:

— Вы рассуждали о нашем будущем, мисс Фостер. Теперь мы можем конкретизировать. Если мы не вернемся в космос и не выкинем сундук, или не найдем техника-атомщика, или не свяжемся со штаб-квартирой, где нам скажут, как обезвредить бомбу, будущего у нас — ровно тридцать минут.

ТИГР НА ВОЛЕ

Неведомо откуда он пришел,
Людьми ль, зверями дикими рожден.
Но молоком волчицы вскормлен он.
Э. Спенсер

По-моему, когда нажимают кнопку, или перебрасывают рубильник, или захлопывают ловушку, или фокусируют луч, редко кто падает в обморок или сходит с ума от страха. Но всяком случае, про меня такого не скажешь. Я не пропустила ни единого движения, ни единого слова; я видела нее будто под микроскопом.

Эрих стоял около сундука с бомбой и язвительно усмехался. У ног его пристроился Илли — вы, конечно, понимаете, что я имею в виду. Ближе к нам были Марк, Севенси и Бо. Бо опустился на одно колено и внимательно разглядывал сундук, нагнув голову чуть ниже, чем требовалось для того, чтобы как следует все рассмотреть, — должно быть, от испуга. Руки он заложил за спину — верно, чтобы не поддаться искушению надавить на кнопку, которая якобы отключала взрывной механизм.

Док, пьяный, как видно, в доску, лежал на кушетке лицом вниз.

Мы четверо по-прежнему сидели на тахте. Удивительно, но Каби не порывалась встать, хотя испуганной вовсе не выглядела, скорее наоборот.

Сид глядел на Малый Компенсатор, и вид у него был га кой, словно он призывал чуму на головы всех недоумков из Линн-Регис, и я догадалась почему: если бы он сообразил нос пользоваться Малым Компенсатором на какую-то долю секунды раньше, то мог бы попросту пришпилить Эриха к молу, увеличив силу тяжести.

Брюс опирался рукой о подушку тахты и смотрел на собравшихся у сундука так, будто Эрих облагодетельствовал его, нажав на эти треклятые черепушки. Или ему все равно, что через двадцать девять с чем-то минут Место превратится в подобие ада?

Как я и ожидала, Эрих поторопился развить успех.

— Ну, что же вы не спросите у Лили, куда она запрятала Компенсатор? Это ее рук дело, слишком уж уверенно она говорила о его пропаже. А Брюс должен был видеть со стойки, кто взял Компенсатор. Естественно, он ее покрывает.

Плагиатор чертов! Ладно, пускай забирает все мои мысли без остатка, только бы сумел обезвредить бомбу!

Эрих посмотрел на часы.

— Между прочим, у вас осталось двадцать девять с половиной минут, а ведь нужно еще открыть дверь или связаться со штаб-квартирой. Спешите, друзья, спешите.

Брюс отрывисто рассмеялся и шагнул к нему.

— Послушай, старина, — сказал он, — нет никакой надобности приставать к Лили, а со штаб-квартирой ты не выйдешь на связь, как ни старайся. И потом, ты копаешь на пустом месте, извини за прямоту. В общем, я — техник-атомщик, и эта бомба мне знакома. Надо всего лишь покрутить вон те крестики. Дай, я тебе покажу…

Аллах всемогущий! Не я одна заподозрила, что он откровенно блефует. Эрих еще не раскрыл рта, а Севенси с Марком уже навалились на Брюса и скрутили ему руки.

— Нет, Брюс, — проговорил Эрих. — Очень благородно с твоей стороны заступаться за даму сердца, но, знаешь ли, мы как-то не горим желанием взлететь на воздух. Бенсон-Картер предостерегал нас, чтобы мы не вздумали нажимать все кнопки напропалую. Шито белыми

нитками, Брюс. Ты явился к нам из девятьсот семнадцатого, ты не пробыл на Глубине и сотни снов, ты сам не так давно разыскивал атомщика. Ты боишься за мисс Фостер, Брюс, но, к сожалению, тут ничего не поделаешь, если, конечно, она не перестанет упрямиться.

— Отпустите меня, вы, — потребовал Брюс, пробуя вырваться. — Да, я искал атомщика — потому что хотел привлечь ваше внимание. Подумай, Эрих, разве приказали бы Бенсон-Картеру доставить нам бомбу, если бы среди нас не было техника?

— На войне случается всякое, — ухмыльнулся Эрих.

Тут вмешалась Каби.

— Бенсон-Картер был волшебником. Он встретил нас в обличье старухи. Мы захватили с собой его плащ.

Неужели она — та самая девица, которая так многозначительно поглядывала на Марка каких-нибудь десять минут назад?

— Ну? — повторил Эрих, глядя на часы.

Он осмотрелся. Мы все уставились на Лили. В ее взгляде читались растерянность и отчаяние загнанного зверя, и догадка Эриха показалась мне вдруг вполне резонной.

Брюс, видно, сообразил, что дело плохо. Силясь вывернуться, он крикнул:

— Ради всего святого, не трогайте Лили! Отпустите меня, болваны! Говорю вам, я могу обезвредить бомбу. Севенси, ты же поддержал меня. Сид, мы оба — англичане. Бо, ты джентльмен и тоже любишь ее. Остановите их!

Бо взглянул на Брюса, на тех, кто заламывал ему руки; лицо его было непроницаемым. Сида, похоже, снова раздирали сомнения. Бо решился первым, и действовал он быстро, но рассудительно. Не вставая с колен, не повернув головы, он метнулся к Эриху.

Но нам не дано предусмотреть всего. Илли перехватил Бо на полпути, обвил его своими щупальцами, и они покатились по полу. Бо вцепился в щупальца, лицо его побагровело. Я глядела на них широко раскрытыми глазами.

Севенси как будто зазевался. Брюс вырвал у него руку и попытался сшибить с ног Марка, но тот был начеку и живо скрутил его.

Эрих по своей привычке наблюдал, но в драку не ввязывался. Лупит он только меня, а до других не снисходит.

Сид наконец собрался с духом и потянулся к Малому Компенсатору, но Каби опередила его.

Презрительно усмехнувшись, она подхватила аппарат и ткнула Сида коленкой в живот так, что он повалился на четвереньки. Мне стало его жалко. Каби же мимоходом отпихнула Лили, и та упала на тахту.

Эрих засиял, точно электрическая лампа, и вытаращился на Каби.

Критянка отступила на шаг, крепко сжимая в левой руке Малый Компенсатор — ни дать ни взять баскетболистка перед штрафным броском. Оценив положение, она решительно махнула свободной, правой, рукой. Я не поняла ее, но Эрих тотчас спрыгнул с сундука и проскочил в Гостиную, а Марк последовал за ним, поднырнув попутно под кулак Севенси, который, судя по всему, перепутал, с кем он и против кого. Илли оторвался от Бо и сиганул следом.

Каби повернула регулятор до упора, и Брюс, Бо, Севенси и бедный Сидди оказались прижатыми к полу. Восемь — это вам не шутка.

Поблизости от тахты сила тяжести, как мне показалось, была поменьше. Но Сидди лежал лицом вниз, раскинув ноги, и судорожно хватал ртом воздух; я могла бы дотронуться до его руки, но предпочла не шевелиться. Брюс ухитрился поднять голову. Все вместе они напомнили мне

иллюстрацию Доре к «Аду» — к тому месту, где говорится о грешниках, что мыкаются по горло во льду в последнем адском круге [41].

Мой край тахты выдавался в Гостиную, поэтому возросшая гравитация на меня не подействовала. Однако я сделала вид, что мне ничуть не лучше, чем моему толстячку, — отчасти из сострадания, отчасти для того, чтобы обезопасить себя от «любезностей» Каби.

Эрих, Марк и Илли медленно приближались к нам. Рывок Мод был для них полной неожиданностью. Наша Старенькая коршуном налетела на Каби, явно вознамерившись втолкнуть критянку в зону повышенной силы тяжести, вырвав у нее при этом Малый Компенсатор.

---

41 notes: 41

«Ад» — первая из трех частей «Божественной комедии» Данте Алигьери.

«ТЕПЕРЬ ТЫ ЗАГОВОРИШЬ?»

Как бриллианты нас гранит Судьба.
Дж. Уэбстер

Или у Каби глаза на затылке, или Комедианты в подметки не годятся Солдатам. Критянка повела плечом — и бедная Мод угодила туда, куда предполагала отправить соперницу. Гравитация словно проглотила ее, честное слово!

Я могла бы попытаться схватить Каби, но не буду лукавить — натура у меня не героическая.

Лили приподнялась с тахты, озадаченно крутя головой. Каби пихнула ее обратно и тихо спросила:

— Где он?

Не дожидаясь ответа, она размахнулась и ударила Лили по лицу. Меня поразил ее равнодушный взгляд. Ладно там, когда ты вне себя от ярости или когда распаляешь себя, чтобы заглушить голос совести; но вот так, хладнокровно и сознательно…

Щека Лили заалела, и мне почудилось даже, что она начала кровоточить, однако Лили пришла в чувство и стиснула зубы. Каби попробовала было

затянуть вокруг ее шеи ожерелье, но нитка порвалась, и жемчужины запрыгали по полу, точно теннисные мячики. Тогда Каби сорвала с головы Лили шелковую ленту, что перехватывала волосы, и накинула петлю на горло подружке Брюса. Лили закашлялась. Эрих, Марк и Илли подошли и встали рядом с Каби. Похоже, они полностью одобряли ее методы.

— Слушай, потаскушка, — сказала Каби, — нам некогда. У вас тут есть Операционная. Учти, я знаю, как ею пользоваться.

Ну все, приехали, подумалось мне. Им обязательно надо было извлечь на свет самый отвратительный из моих кошмаров, ужас с этикеткой, на которой написано мое имя. Мало им бомбы; умереть спокойно не дадут.

— Там имеется приборчик, который называется проникателем, — продолжала Каби; вернее, я не слышала ее, но ничего другого она сказать не могла. — Он вывернет тебя так, что твои глаза, уши, нос и прочее окажутся внутри, скатает тебя в клубок, а дышать ты будешь воздухом, который успеет скопиться в полости, образованной твоими волосами. Больных обычно погружают в сон, чтобы они не свихнулись в ближайшие пятьдесят ударов пульса. Для начала мы продержим

тебя без воздуха десять ударов. Ну что, теперь ты заговоришь?

Я не прислушивалась, опасаясь рехнуться безо всякого проникателя. Док обронил как-то, что печень человека загадочнее звезд, потому что за всю свою жизнь ты ее ни разу не видишь и вечно путаешься с ее местонахождением. Мысль о том, что кто-то будет рассматривать твои внутренности и копаться в них, мне, например, омерзительна.

Что же делать? Бр-р-р! Едва Каби упомянула о проникателе, Илли мгновенно втянул свои щупальца, и сейчас они сильно смахивали на сосиски, которые зачем-то вываляли в перьях. Эрих кинул на него вопросительный взгляд, но вы не поверите — этот паразит проквакал:

— Ерунда, рефлекс сработал. Не отвлекайтесь. Заставьте ее разговориться.

Нет, надо что-то предпринять, и немедленно. Абстрактная скульптура, которую пытался разбить Эрих, валялась буквально в нескольких сантиметрах от меня. Чиркнув по полу, она оставила на нем еле различимый серебристый след. Я вытянула руку; пальцы мои словно коснулись песка или порошкового стекла. Я поглядела на скульптуру: на ее поверхности не было ни ца-

рапины. Значит, эта штуковина раскрошила алмазный пол!

Выходит, Док не дурачился, когда приставал к нам со скульптурой и старался произнести нечто вразумительное? Он ведь пробурчал что-то, когда мы совещались, как нам поступить с бомбой. А что именно?

Я напрягла память. «Инвер… ящ…» Какой-такой ящ? Ящерка, ящерка, проводи по дому…

Что еще? «Першк…»

И тут до меня дошло. Голова моя закружилась, и я с трудом удержалась, чтобы не чихнуть.

Откуда взялась та перчатка на правую руку, которую раздобыла для Брюса Лили? В Кладовой она ее найти не могла — мы обшарили комнату сверху донизу и не обнаружили вообще никаких перчаток, не говоря уж о непарных левых. Те перчатки, которыми размахивал Брюс, были обе левыми, но на полу, около стойки бара, лежали собственная Брюсова левая и принесенная Лили правая.

Стало быть, одна левая перчатка исчезла. Лили водрузила ее на свой поднос, и больше ее никто не видел. Зато появилась правая. Все понятно: Лили превратила левую перчатку в правую. Превратила, заметьте, а не вывернула наизнанку,

иначе были бы видны швы.

Мне было прекрасно известно, что существует не совсем обычный способ выворачивать вещи наизнанку. Кладете то, что вам нужно, в проникатель и включаете его.

Ограниченной мощности вполне достаточно, чтобы получить зеркальную трехмерную копию, правую перчатку — из левой. Ученые называют это «вращением через четвертое измерение». По-моему, таким образом лечили марсиан, у которых асимметричные тела, и даже вернули кому-то ампутированную руку.

Обыкновенно проникатель применяют для лечения и неодушевленных предметов в него не засовывают, особенно на станции, где врач постоянно под мухой, а оборудование бессовестно простаивает.

Но влюбленных, сами знаете, тянет на подвиги. Короче: Лили подобрала вторую левую перчатку Брюса, затолкала ее в проникатель и — нате вам, пожалуйста! — обзавелась правой.

Док хотел нам сказать, чтобы мы инвертировали ящик, то есть бронзовый сундук с бомбой, а навела его на эту мысль проделка Лили. Какова тактическая атомная бомба изнутри, я не имею ни малейшего представления и не очень-то

стремлюсь узнать, хотя, быть может, и увижу.

Одна догадка повлекла за собой другую. Позднее Лили вообразила, что никто не принимает ее возлюбленного всерьез — ну, когда тот подбивал нас на бунт. Вполне возможно, уже тогда ей привиделось уютное гнездышко, в котором копошатся птенчики Брюса… В общем, она проскользнула в Операционную с Большим Компенсатором в руках, а спустя пару-тройку секунд поставила на подставку в Галерее милую скульптурку, происхождение которой вряд ли кого-нибудь заинтересует.

Я смотрела на скульптуру — нагромождение серых шаров, каждый из которых был размером с мячик для гольфа. Я знала, что внутри Компенсатор состоит из огромных и прочных молекул, но такого я себе не представляла.

— Грета, — пробормотала я, — ты должна это сделать, потому что слушать тебя не будут.

Я неслышно поднялась — так, словно выбиралась из чужой постели. Каби как раз объясняла про удары пульса. Все, кто стоял, смотрели на Лили. Сид шевельнулся, и я мысленно взмолилась, чтобы никто, привлеченный шумом, не оглянулся на нас.

Я разулась и босиком перебежала в Опера-

ционную. Чем хорош алмазный пол — он не скрипит. Очутившись за ширмой, тонкой и полупрозрачной, как сигаретный дым, я принялась вспоминать, чему меня учили в мою бытность медсестрой. И, не давая себе опомниться и запаниковать, положила скульптуру в приемник проникателя.

Рука моя потянулась к переключателю — и замерла. Чем напугал меня тогда, давно, вывернутый наизнанку мозг? Ну да ладно. То ли зажав нос, то ли попрощавшись сама с собой, я дернула ручку.

Глазам моим предстал Большой Компенсатор, на панели которого, трижды в секунду, мигал голубой огонек.

По-видимому, инвертирование никак на него не подействовало, разве что в своем прежнем состоянии он сбивал с толку определители направлений.

ГОСПОДИН СКОРПИОН

Черные скорпионы с алым пламенем в сердцах…
Неизвестный автор

— Боже мой!

Я обернулась. Сид глядел на меня из-за ширмы. Вид у мет был такой, будто он случайно заглянул в спальню королевы Елизаветы.

Насладиться в полной мере лицезрением целого и невредимого Компенсатора ему не удалось. Рука, на которой сверкал медный браслет, отпихнула его в сторону, и появилась Каби, волоча за собой Лили. Замыкали шествие Эрих, Илли и Марк. Увидев голубой огонек, они застыли как вкопанные. Эрих метнул на меня взгляд, который не предвещал ничего доброго. Потом он шагнул вперед, взял Компенсатор в левую руку и перевел рукоятку инвертора в исходное положение, улыбаясь так, словно открывал бутылку виски.

Голубой огонек погас. Ветры Перемен закрутили меня, закружили, как будто я выпила чего-нибудь крепкого. Признаюсь честно, мне почудился глас ангельских труб.

Прошлое и будущее снова слились в сплошную череду, и мир вновь обрел неустойчивость, которой ему так не хватало, воспоминания унеслись прочь, как опавшие листья. Мне захотелось отчубучить что-нибудь этакое, вылить шампанское на асфальт мостовой; мне было наплевать, что Ветры Перемен — наши гробовщики. Я была счастлива приветствовать их.

И другие, я знала, — тоже. Осунувшаяся, подавленная Лили и та словно говорила: я ненавижу вас всех вместе взятых, но обожаю ту дрянь, которую вы принудили меня проглотить. Наверно, никто из нас не был на все сто уверен, что, даже отыскав Компенсатор, мы сумеем возвратиться обратно, к Ветрам Перемен, которые любим и ненавидим.

Вывела нас из оцепенения не мысль о бомбе, а голос Сида. Он по-прежнему стоял у ширмы, теперь — лицом к Гостиной, демонстрируя нам свою широкую спину. Его возглас «Свят!» заставил нас вздрогнуть.

Сперва я никак не могла разобрать, с кем он там разговаривает, но клянусь — никогда раньше его голос не был таким подобострастным, благоговейным и в то же время испуганным.

— Господин, я не в силах поверить, что ты

почтил своим присутствием мое убогое обиталище, — говорил Сид. — Я сказал «мое», ибо не смел надеяться, что когда-нибудь ты снизойдешь до твоего покорного слуги, хотя мечта не покидала меня… твой зрак следил за мной… за мной, за горсткой праха, что скитается среди звезд… Я подл и сир, но молю, скажи, чем я могу услужить тебе? И как мне обращаться? Скажи, мой господин… король… император Скорпион!

Мне показалось вдруг, будто я уменьшилась до размеров песчинки, но видна осталась как на ладони. То, что снова задули Ветры Перемен, придало мне храбрости, однако нельзя же так, в самом-то деле! Ну сколько можно?!

Впрочем, нет ничего удивительного, что наши боссы наблюдали за нами. Ведь мы инвертировались — вот они и решили заодно проверить, на что мы годимся и получится ли у нас выбраться из переделки, которую мы сами себе устроили. Я попробовала вообразить, как выглядит собеседник Сида, и тут же пожалела об этом.

Я изнывала от страха, но, глядя на остальных, еле-еле сдерживала глупый смех.

Наши бравые солдатики выпятили подбородки, расправили плечи и только что не прищелкнули каблуками. Компенсаторы, которые держали

в руках Эрих и Каби, в мгновение ока словно превратились в необходимое дополнение к походному снаряжению. Посмотрев на свои вызывные устройства, мой комендант с критянкой одобрительно кивнули друг другу. Даже Илли умудрился встать по стойке «смирно».

Из-за ширмы донесся звук, мерзостнее которого просто быть не может — неразборчивое, угрожащее бульканье. Я затряслась как в лихорадке. Правда, в этом бульканье было что-то знакомое, но вот что?

Сид ответил, громко, но с запинкой:

— Прошу прощения, господин. Я не сообразил. Конечно, гравитация… Сию секунду, господин.

Не поворачиваясь, он требовательно щелкнул пальцами. Каби подчинилась и вложила ему в руку Малый Компенсатор. Сид сразу же скрылся за ширмой.

Бульканье прекратилось. Если Скорпион выражал так свое недовольство силой тяжести, будем надеяться, что мне не придется общаться с ним накоротке.

Эрих поджал губы, кивнул — и они вчетвером шагнули за ширму. Ни с того ни с сего мне почудилось, что он хочет взять меня под руку, но Эрих, чеканя шаг, промаршировал мимо, словно

я была всего лишь… Комедианткой.

Пускай меня сожрут вместе с одеждой, но я должна увидеть, что там происходит! И потом, если мы не кончим рассыпаться в любезностях и не займемся делом, Скорпион на собственной шкуре испробует, каково это — подорваться на атомной бомбе.

Мы с Лили вышли из-за ширмы.

Солдаты остановились в нескольких метрах от нее.

Я огляделась, готовая сделать все, что от меня ни потребуют — хоть реверанс, хоть что угодно. Однако Скорпион куда-то пропал. Около тахты стояли Брюс, Бо, Севенси и Мод; перед ними, придурковато ухмыляясь, расхаживал Док. Может, наш высокий гость — невидимка? Принять по желанию любое обличье боссам наверняка все равно что раз плюнуть.

Вдруг, я заметила, что все, даже Док, смотрят туда, где обычно возникает дверь. На краю Пучины, зажав под мышкой Малый Компенсатор, стоял Сидди.

— Не двигайтесь, ребята, — предупредил он, нехорошо улыбаясь, — иначе я живо разделаюсь с вами. Место может взрываться ко всем чертям, но Компенсатор я больше из рук не выпущу.

Ай да Сидди, подумалось мне, настоящий артист! Видно, ему было у кого учиться; как-никак, он — ровесник Бёрбеджа [42].

Сид обманул нас дважды: сперва притворился, будто сила тяжести в Кладовой гораздо выше, чем она была на самом деле, а потом разыграл сценку с мнимым Скорпионом. Он околпачил Солдат, он обвел вокруг пальца моего победоносного коменданта, которого совсем недавно прямо-таки распирало от самодовольства! Как ловко он все рассчитал!

— Борегард! — позвал Сид. — Вызови штаб-квартиру. Нет, иди через Гостиную. Я никому из вас не верю.

— Сидди, какой ты молодец! — воскликнула я. — Когда ко мне просунулась твоя борода…

— Назад, коварная блудница, королева пройдох, жрица обмана! Тебе я доверяю меньше всех. Не знаю, зачем ты спрятала Компенсатор, но душу я из тебя вытрясу!

Да, пожалуй, без объяснений не обойтись.

Док, вдохновленный, верно, криком Сида, закинул голову и завыл по-волчьи. Надо сказать, умеет он это здорово. Сид погрозил ему кулаком,

---

42 notes: 42

Ричард Бёрбедж (ок. 1567–1619) — английский актер, друг Шекспира.

и он притих. Теперь я догадалась, кто булькал за ширмой, помогая Сидди облапошить нас.

Бо подошел к Эриху, и тот, не препираясь, отдал Большой Компенсатор. Солдаты мрачно переглянулись.

Смахнув на пол какие-то тряпки, Бо водрузил Компенсатор на табурет, встал перед ним на колени, надел наушники и принялся настраивать. Глядя, как он крутит ручки, я и думать забыла про свою маленькую победу. Мысль о бомбе в бронзовом сундуке зудела, как назойливая муха.

Может, предложить им инвертировать сундук? Нет, пока я их уломаю, будет уже слишком поздно.

Эрих словно подслушал мои рассуждения. Бросив взгляд на часы, он проговорил:

— Если наше время совпадает с космическим, осталось девять минут.

Бо не отрывался от Компенсатора. Его движения были столь незаметными, что казалось, он окаменел.

Неожиданно шагнул вперед Брюс. За ним по пятам следовали Севенси и Мод. Я припомнила, что Брюсу первому вздумалось взорвать нас со всеми потрохами.

— Сидни, — окликнул он Сида. — Сидни, мы с

тобой оба из Питерхауса.

Я не поняла. Брюс с вызовом посмотрел на Эриха, с нежностью и горечью — на Лили. Щека Лили распухла, на горле лиловели синяки.

Снова вызывающе глянув на Эриха, Брюс резко обернулся, схватил в охапку растерявшегося Севенси и швырнул его в Мод. Они покатились по полу, а Брюс метнулся к бронзовому сундуку.

— Останови его, Сид! Останови! — завопили мы наперебой. Меня как осенило: Брюс просил у Лили прощения за то, что собирается разнести нас в клочья, влюбленный недоумок!

Рука Сида потянулась к Малому Компенсатору, но не дотронулась ни до одной кнопки. Черт меня побери, неужели Сидди надоело жить?

Брюс упал на колени перед сундуком. Я видела его так ясно, словно на него навели прожектор. Я бормотала что-то себе под нос, едва ли прислушиваясь к собственным словам. Мод и Севенси, расцепившись, ринулись к Брюсу. Крики, шум, гам. Эрих сиял, как начищенный медяк; Сид не отзывался на наши истошные вопли. Я почувствовала, как лопаются в мозгу сосуды, как трещит по швам аорта, как сбиваются с ритма клапаны сердца. Теперь я знаю, подумалось мне, как умирают от сердечного приступа и повышен-

ного давления. Я усмехнулась тому, что сумела одурачить бомбу, и тут Брюс вскочил на ноги.

— Порядок! — объявил он весело. — Долбите по ней хоть кувалдой, она не взорвется.

Севенси и Мод насилу затормозили. Гляди-ка, сказала я себе, жизнь продолжается, а ты считала, что сердечный приступ — минутное дело.

Бо повернулся к нам, освободив от наушников одно ухо.

— Штаб-квартира на связи, — сообщил он. — Я попросил их рассказать, как нам в случае чего обезвредить бомбу. Ваши действия, сэр? — это он Брюсу.

— Под замком расположены в ряд четыре креста. Первый слева поворачиваем на четверть вправо, второй — на четверть влево, то же самое с четвертым, а к третьему не притрагиваемся.

— Точно, — подтвердил Бо.

Тишина, что установилась следом, доконала меня. Должно быть, есть предел всему, даже страху. Набрав в грудь воздуха, я крикнула:

— Сидди, пускай я последняя шлюха и Верховная Лиса всех лисиц, но скажи мне, что такое Питерхаус?!

— Старейший колледж Кембриджа, — ответил он холодно.

ПОКОРИТЕЛИ НЕВОЗМОЖНОГО

Вам знакомы пути бесконечных Вселенных, где возможно всё? Да, всё возможно и всё бывает. Буквально всё.
Р. Хайнлайн

Какой-нибудь час спустя я лежала на самой дальней от пианино кушетке, сонно поглядывая по сторонам и потягивая слабый коктейль. Мы направлялись в Египет, чтобы принять участие в битве под Александрией.

Сид разложил все по полочкам, и вот что у него получилось.

Мы наломали немало дров — с инвертированием и со всем прочим, поэтому трепать языками о том, что с нами было, не след.

Эрих включил взрывной механизм, Брюс подбивал нас на бунт, Док пил горькую — словом, всем нам было что скрывать. Так, Каби с Марком ни за что не проболтаются, Мод будет нема как рыба, да и Эрих — тоже, разрази его гром. Илли… тут я засомневалась. Впрочем, в любой бочке меда найдется ложка дегтя. Мед с мехом? Тьфу, гадость какая!

Сид скромно умолчал о собственных заслугах, но как командир он отвечал за все, а потому, случись что, ему не позавидуешь.

Вспомнив о проделке Сида, я попыталась представить себе настоящего Скорпиона. Выходя из Операционной, я отчетливо видела его перед собой, но теперь никак не могла собраться с мыслями. Жалко — но, быть может, мне померещилось, что он привиделся мне? Смешно, ей-богу: я и Скорпион! Нет, хватит с меня мурашек по коже.

Но смешнее всего то, что никто мне не поверил! Сид так и не дал мне объяснить, как я отыскала Компенсатор. Лили призналась, что инвертировала его, но говорила она с таким равнодушием в голосе, что даже мне захотелось крикнуть ей: «Все ты врешь, голубушка!» Выяснилось, между прочим, что перчатку она сначала вывернула наизнанку, а затем бросила ее в проникатель и включила его на полную мощность, чтобы швы оказались внутри.

Я попробовала растормошить Дока, чтобы тот подтвердил мой рассказ, но он заявил, что был в отключке и совершенно ничего не помнит, хотя Мод дважды принималась его просвещать на этот счет. Видно, должно пройти какое-то время,

чтобы во мне разглядели гениального сыщика.

Неожиданно я заметила под кушеткой черную перчатку Брюса и подняла ее. Правая, мое главное доказательство, провались оно пропадом! Я отшвырнула перчатку. Илли, развалившийся на соседней кушетке, ловко выставил щупальце и поймал ее, словно осьминог — зазевавшуюся рыбку. Каков, а? Напугал бедную девушку до полусмерти и доволен!

Жестокость и безразличие Илли, Сид с его излишней подозрительностью, тяжелые кулаки Эриха — вот они, мои кавалеры! Вот они — а вот я.

Что касается Брюса, тот не стал запираться. Как и многие из нас, попав в Переменчивый Мир, он перепробовал множество занятий. Как-то ему пришлось поработать секретарем у группы парней — разработчиков проекта «Манхэттен» [43]. Насколько я поняла, он поднабрался у них не только знаний, но и крамольных мыслей. Кстати сказать, едва все закончилось, его снова нужно было за уши оттаскивать от Марка с Эрихом. Мужчины, ну что с них возьмешь!

Всякие размолвки и благие намерения были

---

43 notes: 43

Кодовое название проекта создания первой атомной бомбы.

позабыты. Быть может, они всплывут потом, после отдыха. Я чувствовала по себе, что отдохнуть нам явно не помешает.

Компания у пианино делалась все оживленнее. Лили, которая танцевала на черной лаковой крышке, спрыгнула вниз, в распростертые объятия Сида и Севенси. Она была пьяна, и коротенькое серое платьице шло ей сейчас, как помочи — великовозрастному лбу. Она старалась никого не обидеть и прижималась то к Сиду, то к Эриху, то к сатиру. По с ухарской ухмылкой барабанил по клавишам. Играл он то, что заказала ему Лили.

Я была рада, что меня не трогают. Кто сравнится с опытной, начисто утратившей иллюзии семнадцатилетней девчонкой, которая впервые позволила себе повеселиться от души?

Что-то коснулось моей ладони. Илли вернул мне черную перчатку, хотя видел, что я ее выбросила. Я отпихнула его щупальце, обозвала лунянина вполголоса придурковатым тарантулом и сразу же почувствовала себя виноватой. Кто я такая, чтобы судить его? А если меня запереть в одной клетке с одиннадцатью осьминогами из далекого будущего? И вообще, не судите да не судимы будете.

Радуясь своему одиночеству, я наблюдала за остальными. Брюс медленно, но верно напивался. Сид подошел к нему, спросил о чем-то, а Брюс процитировал ему Руперта Брука, те самые чувствительные строчки: «Лишь только в Англии найдут Сердца отважные приют. А Кембриджшир приветит всех, Кого мечта не вводит в грех». Я вспомнила, что Брук тоже погиб молодым в первую мировую. Брюс пил, а Лили время от времени поглядывала на него, замирала — и разражалась смехом.

Брюс, Лили и Эрих… Я пораскинула мозгами. Лили требовала себе гнездышко и не желала ничего слушать, а теперь она развлекается танцульками, хотя ее скорее всего ожидает третья в Переменчивом Мире смерть от болезни Брайта. В Брюсе я, похоже, ошибалась: ни собственное гнездышко, ни Лили не значат для него столько, сколько Переменчивый Мир с его умопомрачительными выкрутасами. Семена, о которых рассуждала Лили, его не прельстили.

Однажды он, вполне возможно, и решится на открытый бунт, но, по-моему, он из тех, чьи руки не поспевают за языком.

Их увлечение друг другом вряд ли быстро сойдет на нет. Неважно, что сейчас они разбежались.

Любовь, конечно, побоку, но на ней свет клином не сошелся; если они встретятся когда-нибудь, им найдется, о чем поговорить.

Эрих может гордиться своим камрадом, у которого достало мужества и сообразительности обезвредить бомбу. Да, они один другого стоят. Эрих не задумался поставить нас перед выбором: Компенсатор или атомная духовка. Таких, как он, ничем не пробьешь.

Знаете, откуда у меня синяк под глазом? Я подошла к Эриху со спины и сказала: «Ну что, как поживает мой комендант? Забыл про своих Kirche, Kinder и Kuche?» Он обернулся ко мне, и я провела ногтями ему по щеке. Мод хотела поставить мне электронную пиявку, но я предпочла старый носовой платок и ледяную воду. Так что Эрих обзавелся царапинами — правда, Брюсова глубже, зато у него их четыре, а у Брюса одна. Может, в них угодила какая-нибудь зараза; ведь я не мыла рук с тех пор, как начались поиски Компенсатора. Обидно только, что Эрих считает, будто шрамы украшают мужчину.

Подняться с пола мне помог Марк.

— Как насчет очередной «омнии»? — буркнула я.

— По поводу? — удивился он.

— По поводу того, что здесь творится, — отозвалась я.

Он призадумался — и произнес:

— *Omnia mutantur, nihil interit.*

— Ну и? — спросила я.

— Все проходит, но ничто не исчезает.

Что ж, звучит неплохо, особенно когда под дверь поддувают Ветры Перемен, но глупо. Неужели Марк на деле верит в это? Мне бы его веру. Порой мне кажется, что лишь идиоты могут мечтать о доле Демона или Комедианта. Но я говорю себе: «Такова жизнь, Грета. Приучайся терпеть». Терпение терпением, но иногда так и подмывает бросить все к чертям собачьим!

Что-то вновь скользнуло по моей ладони. Илли распушил усики на конце щупальца, и они растопырились этаким симпатичным кустиком. Я убрала было ладонь, но поняла, что лунянину одиноко, и решила: пускай щекочет, если ему от того легче.

И тут я услышала:

— Скучаешь, Гретхен?

Я чуть с кушетки не свалилась, честное слово. Может, я заснула? Мамочки мои, когда ж это я научилась разбирать постукиванье Илли?

Да нет, коммуникатор его вроде бы помалки-

вал, и телепатией здесь тоже не пахнет. Наконец я сообразила: тая, что я умею обращаться с коммуникатором, Илли воспользовался моей ладонью вместо его клавиатуры. Он стучал, а мой мозг автоматически переводил его стук в слова.

На мгновение мне стало страшно, но я была настолько измотана, что плевать хотела на самоуправство сознания. Я просто лежала и слушала. Поговорить всегда приятно, хотя бы и с осьминогом-переростком. Квакать он не квакает, и на том спасибо.

— Тебе грустно, Гретхен? — справился Илли. — Ты не понимаешь, что происходит с нами? Ты боишься, что ты — не более чем тень, которая сражается с другими тенями и ублажает теней в промежутках между боями? Тебе давно пора усвоить, что на деле все обстоит иначе, что идет не война, а эволюция, отличная, правда, от той, о которой распространялся Эрих.

У вас, землян, существует теория, которая подходит сюда один к одному. Ты с ней, наверно, знакома. Теория четырех порядков: растения, животные, люди и Демоны. Растения повелевают энергией. Они не способны перемещаться ни в пространстве, ни во времени, зато накапливают энергию и преобразуют ее. Животным подвласт-

но пространство, они могут передвигаться в нем. Люди (земляне и все прочие) — хозяева времени, потому что наделены памятью.

Демоны — четвертый порядок жизни, покорители невозможного. Они в силах выжать из события все, что оно в себе заключает. Наше Воскрешение сродни перерождению гусеницы в бабочку: хризалида, существо третьего порядка, вырывается из линии своей жизни и переносится в четвертый. Ты стряхиваешь с себя неизменную действительность, ты обретаешь свободу. По-моему, большинство мифов о бессмертии так или иначе связано с Переменчивым Миром.

Со стороны эволюция выглядит как война: многоногие против двуногих, млекопитающие против рептилий. Однако она диалектична по сути. Есть тезис — назовем его Скарабеями, есть антитезис — Скорпионы. Синтез же состоится тогда, когда будут полностью реализованы все возможности, все до единой. Война Перемен — вовсе не слепое разрушение, каким она представляется.

Помнится, скарабей у вас — символ мира, а скорпион — коварства. Ты не зря опасаешься и тех и других. Высшие существа по природе своей одновременно ужасны и ослепительны. Пусть

тебя не смущают мои познания, Гретхен. У меня был миллиард лет на то, чтобы изучить Землю, ее языки и мифы.

Спрашивать, кто на самом деле Скорпионы и Скарабеи, — все равно что строить догадки, кем был Адам. Кем был Каин, Гретхен, кем были Ева и Лилит?

Покоряя невозможное, Демоны связуют воедино материальное и духовное. Существа четвертого порядка обитают в космосе и в головах других созданий. Даже наше Место — по-своему, разумеется — может сойти за гигантский мозг: пол — черепная коробка, граница Пучины — кора серого вещества, Компенсаторы — чем не аналоги гипофиза и гипоталамуса?

Вот так, Гретхен.

Постукиванье прекратилось. Усики на щупальце Илли сплелись в клубок, притронувшись к которому я передала:

— Спасибо, папочка Длинные Ноги.

Размышляя над словами Илли, я взглянула на тех, кто крутился у рояля. Компания, похоже, потихоньку распадалась. Сид пересел на тахту и настраивал приборы на Египет. Марк с Каби следили за ним. Судя по их глазам, они уже видели перед собой грибовидное облако дыма над

полем жестокой сечи. Припомнив фразу Илли, я через силу улыбнулась. Если он прав, то, выиграв бой сегодня, мы потерпим поражение завтра, и наоборот.

Марк напялил на себя парфянский костюм.

— Снова брюки! — простонал он.

На голове у него была остроконечная шапка, которая больше всего смахивала на подбитую мехом порцию мороженого; руки беспомощно торчали из широких рукавов куртки. Взмахнув коротким клинком, он крикнул Эриху с Брюсом, чтобы они собирались.

Каби надела платье, которое забрала у Бенсон-Картера. Я даже пожалела ее: бедняжка, ей придется изображать из себя немощную старуху.

Эрих подошел к Брюсу и что-то ему сказал. Тот встал и направился за комендантом к роялю. Эрих похлопал Бо по плечу, наклонился и прошептал что-то ему на ухо; Бо кивнул, закруглился скоренько с «Лаймхаус-блюзом» и заиграл нечто медленное и печальное.

Эрих и Брюс с улыбками помахали Марку, словно говоря, что, присоединится он к ним или нет, они трое — легат, комендант и лейтенант — закадычные друзья. Севенси обнял Лили с такой страстью, что мне стало стыдно за мои генетиче-

ские домыслы, а Эрих и Брюс запели:

Слава проклятому войску, слава армии времен,

Слава тем, кто не боится Перемен,

Слава доблестным коммандос! Скорпион, эй,

Скорпион,

Что ты приобрел себя взамен?

Мы из виду потеряли верный след.

Не шуми!

В настоящее уже возврата нет.

Не шуми!

А Красотки вдаль глядят,

Дожидаются Солдат.

Мы придем когда-нибудь назад.

Слушая их, я посмотрела на себя, на Лили, на Мод и подумала: три серые мышки для трех черных гусар. Вот такой у нас расклад. Трое да трое — шестеро; вместе мы — сила. Конечно, не все нам по плечу, но не забудьте — проиграв сегодня, мы победим завтра. Или наоборот.

Я простучала Илли:

— Порядок, Скорпион!

СЕРЕБРЯНЫЕ МУДРЕЦЫ

THE SILVER EGGHEADS THE POWER OF PUPPETS

повесть и рассказ **

** **notes:** **

В данном издании ошибочно указано, что «Серебряные мудрецы» — повесть. На самом деле это роман.(fantlab) прим.Joe-Jim

СЕРЕБРЯНЫЕ МУДРЕЦЫ

перевод И. Почиталина

1

Гаспар де ла Нюи, писатель-поденщик, провел мягкой замшей по бронзовой станине своей огромной словомельницы. Его взгляд привычно скользнул по гигантской, высотой в двухэтажный дом, панели электронной машины, по рядам сигнальных лампочек (все выключены) и приборных шкал (все на нуле). Потом он широко зевнул и потянулся.

Он провел свое ночное дежурство в полудреме, выпил несколько чашек кофе и дочитал «Грешников с астероида» и «Каждый себе философ». Трудно было пожелать более спокойной смены.

Гаспар бросил замшевую салфетку в ящик видавшего виды письменного стола, критически посмотрел в зеркало, пригладил темные волнистые волосы, поправил складки пышного черного бархатного галстука и застегнул карманы черной бархатной куртки, обшитые тесьмой.

Затем повернулся, энергичным шагом подошел к табельным часам и отметил время ухода с работы. Его сменщик запаздывал уже на целых двадцать секунд, но Гаспару не было до этого никакого дела. Пусть у дисциплинарной комиссии голова болит.

В дверях огромного зала, вмещающего словомельницы издательств «Рокет-Хаус» и «Протон-Пресс», появилась первая группа восторженных экскурсантов. Гаспар посторонился, пропуская утренних посетителей. Группу сопровождал Джо Вахтер, сутулый старикашка с глазами, вечно слезящимися от пьянства, который почти не уступал писателям в искусстве спать на работе. Гаспар мысленно поблагодарил судьбу, позволившую избежать сегодня глупых вопросов («Откуда вы берете идеи для своих словомельниц, мистер писатель?») и ловить на себе полные нездорового любопытства взгляды (широкая публика была убеждена, что все писатели порочны до мозга

костей, что было, несомненно, преувеличением). Он был особенно рад, что ему удалось ускользнуть от назойливости неприятной пары, отца с сыном, — папаша явно принадлежал к категории всезнаек, а на лице мальчишки застыла гримаса плаксивой скуки. Хорошо бы Джо немного протрезвел, подумал Гаспар, и не дал ему ковыряться в машине.

Тем не менее появление экскурсантов обязывало, и Гаспар достал из кармана огромную пеньковую трубку янтарного цвета, откинул серебряную филигранную крышечку и набил трубку табаком из кисета тюленьей кожи, расшитого золотом. Гримаса отвращения промелькнула на его лице. Прелести писательского ремесла омрачались этой идиотской трубкой да еще дурацким костюмом, предписанным контрактом. Увы, издатели требовали неукоснительного выполнения всех пунктов контракта с таким же пылом, с каким настаивали, чтобы писатели просиживали полную смену независимо от того, работали их словомельницы или нет.

Впрочем, с улыбкой подумал Гаспар, не за горами время, когда он перейдет в категорию писателей второго разряда с правом носить свитеры и джинсы, коротко стричься и курить

сигареты не скрываясь, у всех на виду. Уже сейчас он, писатель-поденщик, находился в намного лучших условиях, чем литераторы-подмастерья, вынужденные расхаживать в греческих туниках, римских тогах, монашеских рясах или кафтанах, расшитых золотом. А одного беднягу даже заставили подписать контракт, обязавший его носить костюм древнего вавилонянина и повсюду таскать три каменных плиты, деревянный молоток и зубило. Понятно, публика ждет от писателей атмосферы достоверности, но всему есть предел.

В общем, однако, писатели вели «непыльную» и даже роскошную жизнь, и Гаспар не мог понять, почему многие из них жаловались на судьбу, поносили издателей и тешили себя мыслью, что искра таланта, таившаяся в каждом из них, позволит создавать произведения неизмеримой глубины и творческой силы, дай им только такую возможность. Некоторые из них даже открыто ненавидели свои словомельницы, что, по мнению Гаспара, было равносильно святотатству. Элоиза Ибсен, подруга Гаспара, тоже завела привычку ходить по ночам на какие-то тайные митинги протеста (о которых Гаспар даже слышать не хотел), вместо того чтобы мирно спать, ожидая его возвращения с ночной смены.

Вспомнив Элоизу, Гаспар снова нахмурился. Два часа ежедневных объятий, даже с писательницей высшего разряда, которые были предписаны контрактом, казались ему чересчур длительными, чтобы не сказать — утомительными. Вполне хватило бы и часа.

— Это писатель, сынок!

Ну вот, конечно, отец с сыном на прогулке — папаша излишне громким шепотом отвечает на вопрос своего отпрыска. Сделав вид, что он не заметил, с каким праведным негодованием было произнесено название его профессии, Гаспар прошел мимо экскурсантов с порочной ухмылкой на лице. Ничего не поделаешь, контракт есть контракт. К тому же предстоящие два часа блаженства все-таки были компромиссом между одним часом, который предлагал он, и гремя часами, которых требовала Элоиза.

На Читательской улице (Нью-Анджелес, Калифорния), где располагались все англоязычные издательства Солнечной системы, Гаспар, к своему изумлению, совсем не увидел прохожих. Улица была безлюдна. Неужто вся дневная смена проспала? Зато всюду толпились зловещего вида роботы — мрачные металлические существа семи футов ростом с единственным, как у

циклопов, видеоглазом во лбу и маленькими громкоговорителями вместо рта для разговора с людьми (между собой роботы предпочитали общаться без звуков — напрямую принимая короткие радиоволны или просто соприкасаясь металлическими корпусами).

Внезапно заметив среди них знакомого робота, Гаспар воспрянул духом. Синевато-стальной, с массивным корпусом, но стройный, тот выделялся на фоне своих нескладных собратьев, как скаковой конь среди першеронов.

— Привет, Зейн! — радостно воскликнул писатель. — Что происходит?

— Здорово, Гаспар, — отозвался робот, подходя к нему. Затем, снизив громкость, продолжил: — Понятия не имею, почему эти кретины не хотят со мной разговаривать. Явные подонки, нанятые издателями. Наверно, снова забастовали транспортники, и они боятся, как бы не было заминки с вывозом готовой продукции.

— Нас это не касается! — беззаботно воскликнул Гаспар. — А ты все трудишься с утра до ночи, старая шестеренка?

— На полную катушку, старая отбивная, — в тон ему ответил робот. — А толку что? Зарабатываю жалкую пару ампер-часов, едва хватает на

подзарядку.

Гаспар дружески улыбнулся, слушая добродушное ворчание робота. Ему нравилось иметь дело с механическими существами, особенно с Зейном, давним его приятелем. Большинство людей косо смотрели на подобное панибратство с врагами рода человеческого (как они называли роботов в частных разговорах), а Элоиза однажды во время ссоры даже обозвала Гаспара «грязным робофилом».

Возможно, эта симпатия к роботам основывалась на его любви к словомельницам, однако Гаспару никогда не приходило в голову анализировать свои чувства. Его просто влекло к роботам, и роботофобия во всех ее проявлениях была противна писателю. «Какого черта, — думал он, — ведь роботы — отличные ребята!»

А Зейн Горт занимал особое место среди своих металлических собратьев. Он был вольным роботом и зарабатывал на подзарядку сочинением приключенческих повестей для других роботов; его интеллекту можно было позавидовать, он обладал большим запасом доброты и любые жизненные невзгоды встречал с «двойной закалкой» (что было у роботов синонимом мужественности). Таких роботов было один на миллион.

— Ходят слухи, Гаспар, — продолжал Зейн Горт, — что вы, писатели-люди, замышляете забастовку или что-то еще более отчаянное.

— Чепуха! — воскликнул Гаспар. — Элоиза сказала бы мне об этом.

— Рад слышать, — вежливо согласился Зейн с легким гудением, в котором звучало сомнение. Внезапно между его лбом и поднятой правой клешней проскочил сильный электрический разряд. Гаспар вздрогнул от неожиданности.

— Извини, Гаспар, — сказал робот, — но мне пора бежать. Вот уже битых четыре часа я ломаю голову над своей новой повестью. Доктор Вольфрам попал у меня в такой оборот, что никак не удавалось его выручить. И вот меня осенило. Пока!

И он исчез подобно голубой молнии.

Гаспар не спеша пошел дальше, стараясь представить себе, как это можно четыре часа ломать голову над одним эпизодом. Конечно, и у словомельниц бывали перебои — короткое замыкание, например, — но это, по-видимому, не одно и то же. Может быть, подобное ощущение возникает, когда не получается шахматная задача? Или оно более похоже на те душевные страдания, которые мучили людей (и даже, говорят, писателей!) в

те недобрые старые времена, когда еще не было гипнотерапии, гипертранквилизаторов или неутомимых роботов-психиатров?

Но в таком случае что это за душевные страдания?

Иногда, правда, Гаспару казалось, что его жизнь течет слишком спокойно, слишком безмятежно даже для писателя-профессионала.

2

Гаспар подошел к большому книжному киоску, стоявшему на углу Читательской улицы, и его философские раздумья сразу оборвались. Витрины киоска сверкали и переливались, как новогодняя елка, и Гаспар внезапно почувствовал себя шестилетним ребенком, которого посетил Дед Мороз.

За истекшие двести лет вид книжных страниц почти не изменился — те же черные буквы на светлом фоне, — зато обложки преобразились неузнаваемо. Все то, что в XX веке едва намечалось, пошло теперь в рост и достигло пышного цветения. Стереопечать и четырехступенчатая репродукция позволяли соблазнительным миниатюрным девицам на обложке проделывать нескончаемый стриптиз или появляться на фоне освещенных окон в прозрачных пеньюарах.

Плотоядно ухмылялись чудовища и гангстеры, мудро и с достоинством глядели с обложки философы и министры. Падали трупы, рушились мосты, ураганы с корнем выворачивали деревья, космические корабли уносились в звездную даль на обложке пять на пять дюймов.

Книги воздействовали на все органы чувств. Уши пленяла тихая музыка, чарующая, как пение сирен; в ней слышались томные поцелуи, щелканье плеток, глухой треск автоматных очередей и дальний грохот ядерных взрывов. Ноздри Гаспара ощущали запахи жареных индеек, лесных костров, соснового бора, апельсиновых рощ, порохового дыма, марихуаны, мускуса и всемирно известных духов вроде «Флер-де-Ланс» или «Туманность № 5».

Он знал, что стоит ему коснуться пальцами любой обложки, и он ощутит фактуру бархата, или норкового меха, или лепестков розы, или сафьяна, или полированного клена, или старинной бронзы, или венерианской морской пробки, или нежной женской кожи.

Приближаясь к гроздьям книг, которые и вправду были подвешены, как игрушки на развесистой елке (исключением были строгие полки с роликами робокнигофильмов), Гаспар замедлил

и без того неторопливые шаги, стараясь продлить предвкушаемое удовольствие.

В отличие от большинства своих коллег, Гаспар де ла Нюи любил читать книги, особенно гипнотические творения словомельниц, именовавшиеся иногда словопомолом — с теплыми розовыми облаками прилагательных, с могучими, как ураган, глаголами действия, с объемными четырехмерными существительными и соединительными союзами, несокрушимыми, как электросварка.

А на этот раз он предвкушал целых два удовольствия — выбор новой повести для вечернего чтения и возможность в очередной раз увидеть на прилавке свою первую книгу — «Пароль страсти», примечательную главным образом обложкой, на которой девушка снимала с себя одну за другой семь разноцветных юбочек — по порядку цветов спектра. На последней странице обложки был напечатан его собственный стереопортрет, где Гаспар был изображен в смокинге, на фоне викторианской гостиной, — он склонился над хрупкой очаровательной девушкой, прическа которой была нашпигована заколками длиной в добрый фут, а лиф весьма соблазнительно расстегнут почти на три четверти. Ниже

красовалась подпись: «Гаспар де ла Нюи собирает материал для своего шедевра». А еще ниже, мелким шрифтом: «Гаспар де ла Нюи зарабатывал на жизнь, моя посуду в парижских ресторанах, был стюардом на космическом лайнере, работал ассистентом в подпольном абортарии (по заданию криминальной полиции), шофером такси на Монмартре, камердинером виконта, чьи предки участвовали в крестовых походах, лесорубом в сосновых лесах Французской Канады, изучал в Сорбонне межпланетные законы о разводах, проповедовал гугенотство среди черных марсиан и служил тапером в публичном доме. Принимая мескалин, он мысленно перевоплощался в пятерых знаменитых французских сводников и пережил все перипетии их бесславной карьеры. Он провел три года в психиатрической лечебнице, где дважды едва не убил медсестру. Великолепный аквалангист, он продолжил на Венере славные традиции своего соотечественника капитана Кусто и был свидетелем подводных оргий венерианских русалок. Гаспар де ла Нюи создал свой “Пароль страсти” за два с небольшим дня на новейшей словомельнице “Реактивный словотвор”, оборудованной по последнему слову техники инжектором плавных наречий и ду-

шераздирающих пятисекундных пауз. Затем он редактировал роман на машине “Суперлакировщик” фирмы Саймон. Гаспар де ла Нюи удостоен премии Совета издателей “За выдающийся вклад в технологию упаковки слова” — трехдневная экскурсия по притонам Старого Манхэттена. В настоящее время писатель собирает материал для своего нового романа, который, как он сообщил нам, будет называться “Греши, греши”».

Весь этот текст Гаспар знал наизусть. Он также знал, что в нем нет ни слова правды, если не считать того, что он действительно смолол роман за семь смен. Гаспар ни разу не покидал Земли, не был в Париже, не занимался никаким спортом утомительнее пинг-понга, не занимал должности экзотичнее должности клерка и не страдал даже обычным журналистским неврозом. А «собирание материалов для шедевра» запомнилось ему только ослепительными лучами стереопрожекторов и нытьем партнерши по съемкам из-за того, что от него разило дешевым табаком. На Гаспара она даже не смотрела и напропалую кокетничала с фотографом. Впрочем, подумал Гаспар, с него достаточно и Элоизы.

Хотя биография была полнейшим вымыслом, а текст ее Гаспар знал наизусть, все-таки ему было

приятно остановиться и перечитать еще раз все подробности порочно-лестной жизни.

Гаспар протянул было руку к переливающейся цветами радуги книге (девушка на обложке как раз снимала свою последнюю, лиловую, юбку), как вдруг откуда-то рядом взметнулась багровая смрадная струя ревущего пламени, вмиг испепелив миниатюрный мирок раздевающейся куколки. Он отпрянул от киоска, все еще во власти чудесного видения, уже превратившегося в кошмар. За пару секунд восхитительная книжная елочка обратилась в обугленный скелет. Струя пламени погасла, и раздался злорадный хохот. Гаспару было знакомо это меццо-сопрано.

— Элоиза! — обернулся он, не веря своим глазам. Действительно, перед ним стояла его подруга. Крупные черты лица исказило дьявольское ликование, густые черные волосы разметались, как у вакханки, пышная грудь яростно вздымалась, а правая рука сжимала зловещий черный шар.

Рядом с ней стоял бритоголовый Гомер Дос-Пассос, писатель-перворазрядник. Гаспар считал его тупицей и дураком, однако с недавних пор Элоиза завела привычку повторять нелепости, которые говорил этот кретин. В наряде Гомера выделялся бархатный охотничий жилет, нагрудные

карманы которого были набиты гигантскими хлопушками, а:»а широкий кушак был заткнут топор в чехле. Его мохнатые лапы сжимали огнемет, из сопла которого струился вонючий дым.

Позади них стояли два дюжих писателя-поденщика в полосатых свитерах и синих беретах. Один из них держал резервуар огнемета, у другого был автомат и флажок с черной цифрой 30 на сером фоне.

— Что ты делаешь, Элоиза? — спросил Гаспар дрожащим голосом.

Черноволосая валькирия уперлась кулаками в широкие бедра.

— То, что надо, жалкий лунатик! — ответила она с ухмылкой. — Вытащи пробки из ушей! Разуй глаза! Расшнуруй свой жалкий умишко!

— Но почему вы жжете книги, дорогая?

— Ты называешь эту машинную жвачку книгами? Слизняк! Неужели тебе никогда не хотелось создать что-нибудь стоящее? Нечто неповторимо индивидуальное?

— Конечно нет! — воскликнул потрясенный Гаспар. — С какой стати? Дорогая, ты так мне и не сказала, почему вы жжете…

— Это еще цветочки! — оборвала его Элоиза. — Наш главный удар еще впереди! Пошли с нами,

Гаспар, и для тебя найдется дело! Хватит просиживать штаны, будь настоящим мужчиной!

— Какое дело? Дорогая, ты все еще не сказала мне почему…

— Детка, не трать зря времени, — вмешался Гомер Дос-Пассос, смерив Гаспара презрительным взглядом.

Не обращая на него внимания, Гаспар спросил:

— А зачем тебе этот чугунный шар, Элоиза?

По-видимому, могучая красавица только и ждала этого вопроса:

— Ты такой книголюб, Гаспар! А про нигилистов ты что-нибудь читал?

— Нет, дорогая, вроде бы не читал.

— Ну так еще почитаешь. А теперь дай ему топор, Гочер! — скомандовала Элоиза.

И тут Гаспар вспомнил свой разговор с Зейном Гортом.

— Ребята, вы и вправду бастуете? — ошеломленно спросил он. — Элоиза, ты мне не сказала ни слова…

— А ты как думал? Разве можно на тебя положиться? Слабак! А твои симпатии к словомельницам? Но ты еще сможешь себя показать! Бери топор!

— Послушайте, ребята, у вас ничего не вый-

дет! — попробовал убедить их Гаспар. — Улица битком набита роботами-наемниками.

— Ну, они-то нам не помеха, парень, — загадочно заявил Гомер Дос-Пассос. — Про эти жестянки мы кое-что знаем. Если тебя волнует только это, спокойно бери топор и распотроши пару словомельниц.

— Распотрошить словомельницу? — ахнул Гаспар, будто ему сказали: «Убей папу римского!», «Отрави озеро Мичиган!» или: «Взорви солнце!»

— Вот именно, словомельницу! — рявкнула его властная подруга. — Решай, Гаспар, да побыстрее! Ты кто — настоящий писатель или штрейкбрехер? Герой или прихвостень издателей?

На лице Гаспара появилось выражение непреклонной решимости.

— Элоиза, — твердо сказал он, — мы сейчас же идем домой!

И он шагнул к своей возлюбленной.

Огромная мохнатая лапа уперлась в грудь Гаспару и швырнула его на каучуковый тротуар.

— Когда будет надо, она пойдет домой, парень, — заявил Гомер Дос-Пассос. — Со мной!

Гаспар вскочил, размахнулся — и был отброшен небрежным толчком, от которого у него потемнело в глазах.

— И ты считаешь себя писателем? — недоуменно спросил Гомер и нанес удар, от которого сознание Гаспара померкло. — Да ты настоящего писательства и не нюхал!

3

Отец и сын в одинаковых бирюзовых прогулочных костюмах с опаловыми пуговицами снисходительно осматривали мельницу Гаспара. Его сменщик так и не появился. Джо Вахтер спал, прислонившись к табельным часам. Остальные экскурсанты разбрелись по залу. Откуда-то появился розовый робот и скромно сел на стул в дальнем углу. Его клешни непрерывно двигались — казалось, он вяжет.

Отец: Ну, сынок, посмотри на нее! Только не запрокидывай так голову!

Сын: Какая она большая, папа.

Отец: Верно, сынок, она очень большая. Это словомельница, она сочиняет книги.

Сын: И мои тоже?

Отец: Нет, эта машина сочиняет книги только для взрослых. А маленькие книги пишет машина поменьше, детского формата…

Сын: Пошли дальше, папа.

Отец: Подожди, сынок. Ты же хотел увидеть

словомельницу! Не давал покоя, и из-за тебя я потратил уйму времени, чтобы получить пропуск. Так что теперь будь любезен смотреть и слушать, что я тебе говорю.

Сын: Хорошо, папа.

Отец: Ну так вот, она устроена следующим образом… Впрочем, нет. Она устроена…

Сын: Это робот, папа?

Отец: Нет, это не такой робот, как электромонтер или, например, твой учитель. Словомельница не обладает индивидуальностью, как роботы, хотя она тоже сделана из металла и работает на электричестве. Словомельница — вроде счетно-решающей машины, только она имеет дело со словами, а не с цифрами. Она похожа на электронного шахматиста, делающего ходы не на шахматной доске, а в книге. Только она не живая, а как робот и не может двигаться. Она пишет книги.

Сын (пиная словомельницу): Глупая старая машина!

Отец: Прекрати немедленно! Дело в том, что есть много способов рассказать одну и ту же историю.

Сын (продолжая с ожесточением пинать машину): Да, папа.

Отец: И каждый такой способ определяется выбором слов. Когда выбрано первое слово, остальные должны соответствовать ему. Они должны создавать какое-то настроение, наращивая напряжение с идеальной точностью… Что все это значит, я тебе в другой раз расскажу…

Сын: Хорошо, пап.

Отец: В словомельницу вводится общий замысел произведения, он поступает в ее электронный мозг — очень большой и сложный, даже больше, чем у твоего папочки! И машина выдает первое слово наугад. На техническом языке это означает «снять козыря». А бывает, что первое слово в нее закладывает программист. Но уже второе слово словомельница выбирает сама, и оно должно по настроению точно соответствовать первому — как затем и все последующие. Если заложить в нее один план книги и ввести сто разных слов, по очереди, конечно, словомельница напишет сто разных книг. В действительности это гораздо сложнее, и маленький мальчик вроде тебя не поймет этого.

Сын: Выходит, словомельница рассказывает одно и то же, только разными словами.

Отец: В общем, пожалуй, да.

Сын: По-моему, это глупо.

Отец: Совсем не глупо, сынок. Все взрослые люди читают эти книги. И твой папочка тоже их читает.

Сын: Да, пап. А это кто?

Отец: Где?

Сын: А вон там, идет сюда. Тетя в голубых штанах. А у нее блузка расстегнута…

Отец: Кх-м… Отвернись немедленно! Это… это писательница.

Сын (продолжая смотреть): А что такое писательница? Та нехорошая тетя, которая заговорила с тобой, а ты отвернулся, тоже писательница? Помнишь, ты мне рассказывал?

Отец: Нет, что ты, сынок! Писатели и писательницы — просто люди, которые ухаживают за словомельницей, стирают с нее пыль, смазывают ее. Правда, издатели уверяют, будто писатель помогает словомельнице писать книги, но это все выдумки, сынок, чтобы людям было интереснее. Писателям разрешают одеваться неряшливо и вести себя невоспитанно, наподобие цыган. Это оговорено в их контрактах и восходит к тому времени, когда словомельницы только изобрели…

Сын: Папа, смотри! Она что-то положила в эту словомельницу, какой-то черный шар.

Отец (не глядя): Наверно, она смазывает ее или

меняет транзистор, как это требуют ее обязанности. Ты, наверно, не поверишь тому, что я тебе сейчас расскажу. Но твой папа всегда говорит правду. Когда словомельниц еще не было…

Сын: Из машины идет дым, папа!

Отец (по-прежнему отвернувшись): Не перебивай своего папочку! Наверно, она пролила масло. До того как были изобретены словомельницы, писатели — подумай только! — сами писали книги! Им приходилось искать…

Сын: Писательница куда-то побежала, пап.

Отец: Не перебивай! Им приходилось искать каждое слово в своей памяти. Это, конечно…

Сын: Папа, дым идет все сильнее, и искры посыпались…

Отец: Не перебивай, говорю! Это был, конечно, невероятно тяжелый труд. Вроде строительства пирамид.

Сын: Да, пап. А дым…

Бумм! С невероятным грохотом словомельница Гаспара разлетелась на мелкие кусочки, а вместе с ней и обладатели бирюзовых костюмов с опаловыми пуговицами.

Они покинули этот мир мгновенно и безболезненно — случайные жертвы профессионального конфликта. За первым взрывом последовали

десятки других, но от них, к счастью, никто серьезно не пострадал.

По всей Читательской улице, которую называли также улицей Грез, писатели громили словомельницы. От обугленной книжной елочки, где свалился Гаспар, и до самых стартовых площадок на другом конце улицы, где стояли книжные космолеты, бушевали члены писательского союза, ломая и круша все вокруг. Буйная пестрая толпа писателей в беретах и купальных халатах, в тогах и брыжах, в кимоно и плащах, в спортивных рубашках и кружевных манишках, в кафтанах и лосинах, в майках и джинсах разливалась неукротимым потоком по единственному в Солнечной системе полностью механизированному издательскому комплексу, оставляя за собой одни развалины. Они врывались в каждый словомольный цех, сея смерть и разрушение среди гигантских машин, чьими слугами они были столько времени и в чьих электронных внутренностях рождалась та жвачка, которая одурманивала умы обитателей трех планет, полдюжины лун и несколько тысяч спутников и космических кораблей, несущихся по своим орбитам и траекториям.

Писатели больше не хотели продавать себя за

высокую зарплату и дешевые украшения вроде старинных костюмов, ставших символом их ремесла, или громких имен, которые они присваивали себе с молчаливого согласия и по прямому указанию редакторов — они громили и крушили, жгли и уничтожали на глазах полиции, безмятежно наблюдавшей за их бесчинствами, потому что правительство уже давно искало случая подорвать мощь издательских корпораций.

Роботы-наемники, к услугам которых в последнюю минуту попытались обратиться захваченные врасплох издатели, тоже бездействовали — руководство их Межпланетной лиги решило не вмешиваться в конфликт между людьми. А потому они стояли молча и неподвижно, словно мрачные металлические изваяния, покрытые бесчисленными шрамами от кирпичей, язвами от вылитых на них кислот, ожогами от лучевых пистолетов (следы столкновений с забастовочными пикетами), стояли и смотрели, как гибнут их неподвижные и неодушевленные родичи.

Гомер Дос-Пассос разворотил мощным ударом топора приборную панель «Жанрожернователя», окрашенную в элегантный серый цвет, и начал крушить лампы и транзисторы в чреве словомельницы.

Агата Занд просунула носик огромной воронки в блоки памяти «Всеписателя» фирмы «Скрибнер» и вылила пару галлонов дымящейся концентрированной азотной кислоты в их исключительно хрупкие внутренности.

Шарлотта Бичер-Эллиот облила бензином «Романодробилку» фирмы «Эллиот» и завизжала от радости, когда языки пламени взвились в небо.

Эдгар Конан-Честертон всыпал в «Тайнонакопитель» фирмы «Даблдэй» губительный для машины магнитный порошок.

Герберт Станислав Брэдбери заложил взрывные заряды направленного действия в «НФ-упаковщик» фирмы «Эпплтон» и едва не расстался с жизнью, отгоняя зевак, пока бушующие струи раскаленной плазмы обращали в пепел километры тончайшей серебряной проволоки в соленоидах и обмотках словомельницы.

Вальтер Купер изрубил мечом контрольную панель «Историографа» фирмы «Хьютон», вскрыл ее алебардой и швырнул внутрь пакет самовоспламеняющегося «Греческого огня», который он составил по рецепту, найденному в старинном манускрипте.

Брет Фенимор Купер разрядил все шесть зарядов в «Золотоискатель» фирмы «Уитлзи», а затем

взорвал его шестью динамитными шашками.

Шекспиры бесновались, Данте сеяли вокруг электрохимическое разрушение, Мильтоны и Софоклы бились плечом к плечу с Бальзаками и Моруа, Рембо и Саймаки по-братски делили опасность, а в арьергарде неистовствовали несметные толпы Синклеров и Дюма, отличавшихся друг от друга только инициалами.

То был черный день для любителей чтения. Или, наоборот, это была заря новой эры.

4

Один из последних эпизодов Бойни словомельниц, которую одни историки сравнивали с пожаром, уничтожившим Александрийскую библиотеку, а другие — со штурмом Бастилии, разыгрался в огромном зале, где были установлены словомельницы издательств «Рокет-Хаус» и «Протон-Пресс». После взрыва, уничтожившего словомельницу Гаспара, там наступило временное затишье. Уцелевшие экскурсанты бросились из зала, и только две пожилые учительницы, прижавшись к стене и цепляясь друг за друга, с ужасом следили за событиями.

К ним прижался не менее перепуганный розовый робот — стройный, тоненький, с осиной

талией, поразительно женственный.

Через минуту Джо Вахтер проснулся, оторвался от табельных часов, прошаркал через зал и достал из стенного шкафа веник и совок для мусора. Так же неторопливо он подошел к развалинам словомельницы и начал водить веником у ее основания, сметая в кучку кусочки металла, обрывки изоляции и бирюзовой ткани. Один раз Джо наклонился, достал из кучи мусора опаловую пуговицу, целую вечность разглядывал ее, потом покачал головой и бросил в совок.

И тут в зал ворвались опьяненные победой писатели. Они двигались клином, на острие которого три огнемета изрыгали огромные двадцатифутовые струи пламени.

Огнеметчики со своими помощниками набросились на пять оставшихся словомельниц, а остальные писатели с дьявольскими воплями принялись носиться по залу, подобно обитателям преисподней, приплясывая в багровых, дымных отблесках пламени. Они обнимали друг друга, хлопали друг друга по спине, громогласно вспоминая подробности самого жестокого уничтожения той или иной наиболее ненавистной словомельницы, и при этом оглушительно хохотали.

Учительницы и розовая роботесса еще теснее прижались друг к другу. Джо Вахтер глянул на беснующуюся орду, покачал головой, словно бы выругался про себя, и продолжал свою бессмысленную уборку.

Несколько писателей схватились за руки, затем к ним присоединились все остальные, за исключением огнеметчиков, и вот уже по залу закружился безумный хоровод — людская змейка извивалась между обугленными каркасами словомельниц, беззаботно проносясь совсем рядом с огнеметами, изрыгающими смрадное пламя. В такт размеренному движению вереницы — шаг назад, два шага вперед — писатели испускали дикие вопли. Джо Вахтер оказался внутри этой живой спирали, но продолжал невозмутимо махать веником, время от времени покачивая головой и что-то бормоча себе под нос.

Постепенно бессмысленные оглушительные вопли начали складываться в членораздельные слова. И вскоре уже можно было разобрать весь свирепый гимн:

К черту всех издателей!
Дурмана созидателей!
Даешь соленые слова!

В заднюю панель программистов!
В заднюю панель программистов!
Конец словомельницам!

Тут розовая роботесса внезапно выпрямилась. Оттолкнув замерших от страха учительниц, она смело двинулась вперед, размахивая тонкими руками и что-то крича хрупким голоском, тонувшим в оглушительном реве беснующейся толпы.

Писатели заметили приближение возмущенной роботессы и, подобно всем людям, давно привыкшим уступать дорогу металлическим существам, разомкнули цепь, провожая роботессу хохотом и улюлюканьем.

Какой-то писатель в помятом цилиндре и рваном сюртуке крикнул:

— Смотрите, ребята, какой очаровательный оловянный симпомпончик!

Последовал оглушительный взрыв хохота, а миниатюрная писательница по имени Симона Вирджиния Саган, одетая в мятый фрак покроя XIX века, завопила:

— Ну берегись теперь, Розочка! Мы такое напишем, что у вас, редакторов, все контуры разом перегорят!

Розовая роботесса продолжала заламывать

руки и что-то требовать, но писатели только громче выкрикивали слова своего гимна прямо ей в лицо.

Тогда роботесса гневно топнула изящной алюминиевой ножкой, стыдливо отвернулась к стене и коснулась каких-то кнопок у себя на груди. Затем она снова повернулась к толпе, и ее хрупкий голосок превратился в раздирающий душу визг, от которого хоровод сразу смолк и застыл на месте, а учительницы в противоположном углу зала испуганно съежились и заткнули пальцами уши.

— О ужасные, грубые люди! — воскликнула роботесса приятным, но чересчур сладким голоском. — Если бы вы знали, какую боль вы причиняете моим конденсаторам и реле своими словами, вы никогда не стали бы их повторять. Еще одно такое выражение — и я закричу по-настоящему. Бедные заблудшие овечки, вы совершили и наговорили столько ужасных вещей, что я даже не знаю, с чего начать мою правку. Но разве не было бы лучше… да-да, намного лучше, если бы вы для начала спели свой гимн по-другому, ну, скажем, вот так…

И прижав свои изящные пальцы-клешни к алюминиевой груди, роботесса мелодично пропела:

Да здравствуют издатели,
Слова созидатели!
Пусть звучат хорошие слова!
Возлюбим все программистов!
Возлюбим все программистов!
Ура словомельницам!

В ответ она услышала злобные вопли и истерический хохот — примерно в равной пропорции.

В двух огнеметах кончилось горючее, но они уже сделали свое дело — словомельницы, усердно политые жидким пламенем («Гидропрозаик» и «Универсальный жанрист» фирмы «Протон-Пресс»), раскалились докрасна и смердели сгоревшей изоляцией. Третий огнеметчик — Гомер Дос-Пассос — продолжал водить языком пламени по раскаленному «Фразописцу» (издательства «Рокет-Хаус»); чтобы продлить удовольствие, Гомер установил струю на минимальную мощность.

Хоровод распался, и толпа писателей, состоявшая преимущественно из подмастерьев мужского пола, двинулась к розовой роботессе, дружно выкрикивая все знакомые им ругательства. (Даже для людей, грамотных лишь формально, этот набор был удивительно скудным — всего каких-

нибудь семь слов.)

В ответ роботесса «закричала по-настоящему», увеличив мощность своего визга до предела и меняя его тональность от вызывающего зубную боль инфразвука до раздирающего барабанные перепонки ультразвука. Казалось, что разом заревели семь старых пожарных сирен, варьируя звук от дисканта до баса.

Люди затыкали уши и буквально корчились от боли.

Гомер Дос-Пассос, обхватив голову левой рукой и пытаясь одновременно зажать ею оба уха, правой направил тонкую струю пламени на ноги роботессы.

— Заткни глотку, сестричка! — рявкнул он, водя огнеметной струей по ее стройным лодыжкам.

Визг прекратился, и где-то внутри роботессы послышался надрывающий душу металлический щелчок, словно лопнула пружина. Она вздрогнула и зашаталась, как волчок перед падением.

И тут в зал вбежали Гаспар де ла Нюи и Зейн Горт. Отливающий стальной синевой робот стремительно рванулся вперед (со скоростью примерно впятеро больше человеческой) и подхватил розовую роботессу, когда она уже опускалась на пол. Поддерживая ее, Зейн молча

глядел на Гомера Дос-Пассоса, который при его появлении снова направил струю пламени на «Фразописца», опасливо поглядывая через плечо на робота. Когда к ним подбежал Гаспар, робот сказал:

— Подержи мисс Розанчик, дружище! У нее шок.

Затем он повернулся и пошел к Гомеру.

— Не подходи ко мне, жестянка черномазая! — с дрожью в голосе завопил Гомер и направил огненную струю на приближающегося робота, однако в этот момент струя внезапно погасла.

Зейн вырвал у Гомера его бесполезное оружие, схватил писателя за шиворот, перегнул через свое стальное колено и раскаленным соплом огнемета отвесил ему пять звучных шлепков по седалищу.

Гомер взвыл. Писатели, застыв на месте, уставились на Зейна Горта, точно высокомерные римские патриции на Спартака.

5

Элоиза Ибсен не принимала близко к сердцу мальчишеские выходки своих приятелей мужского пола. Поэтому, не обращая внимания на то, как отделывают Гомера, она подошла к Гаспару.

— Я не в восторге от твоей новой подружки, — сказала она, смерив взглядом мисс Розанчик. — Цвет для хористки не так уж и плох, зато ущипнуть не за что! — Пока Гаспар искал достойный ответ на эту шпильку, Элоиза продолжала: — Вот уж не думала, что среди моих друзей найдется такой робофил. Впрочем, я не предполагала, что среди них объявится и издательский стукач!

— Послушай, Элоиза, никакой я не стукач! — возмутился Гаспар. — Я никогда не шпионил, да и штрейкбрехером тоже не был и не буду. Просто мне противно все, что вы творите, и я не отрицаю, что бросился сюда, как только очнулся, чтобы спасти словомельницы. Зейна я встретил по дороге. Да, мне противно и ужасно, что все это совершили вы, так называемые писатели, но даже если бы я заранее знал о вашем намерении, я все равно не пошел бы к издателям, а попробовал бы сам остановить вас!

— Расскажи это своему Флэксмену! — насмешливо отозвалась его бывшая подруга. — Может, он даст тебе жестяную медаль. Ты грязный наушник, ты еще у книжного дерева пытался задержать нас…

— Неправда! — завопил Гаспар. — А если и пытался, то вовсе не ради издателей.

— Оправдываться будешь перед Флэксменом и Каллингхэмом, а меня от своих объяснений избавь, грязный шпион, — отрезала Элоиза.

Тут Зейн Горт, успевший за пять секунд (абсолютный рекорд!) получить от Джо Вахтера все необходимые сведения и еще за четыре секунды метнуться к шкафу и обратно, подбежал к Гаспару с носилками в клешнях. Он положил носилки на пол и бережно опустил на них мисс Розанчик.

— Помоги мне, Гаспар, — торопливо сказал он. — Ее нужно унести в безопасное место и подсоединить к электросети, прежде чем все ее реле выйдут из строя. Берись с другой стороны!

Гаспар взялся за ручки носилок и в ногу с Зейном направился к выходу. Вокруг засвистели металлические обломки и другие метательные снаряды, которые швыряли в них разъяренные писатели. Зейн ускорил шаг, вынудив Гаспара затрусить рысцой. Возле его уха разорвалась огромная хлопушка.

— А-а-а, — разочарованно простонал Гомер Дос-Пассос, поджигая фитиль последней хлопушки. Но и она не попала в цель, взорвавшись футах в десяти от Гаспара. Зейн с Гаспаром благополучно выскользнули из зала. На улице Зейн пошел медленнее, а Гаспар, к своему изумлению, вдруг

обнаружил, что чувствует себя превосходно — он испытывал радостное возбуждение и ощущал приятную легкость в мыслях. Его бархатная куртка была порвана, лицо в саже, на подбородке красовалась шишка с лимон величиной, и, несмотря на это, он испытывал прилив редкостной энергии.

— А ты, Зейн, здорово отделал Гомера! — воскликнул он. — Вот уж не ожидал, старая жестянка, что ты способен на такое!

— Обычно я и не способен, — скромно ответил робот. — Ты ведь знаешь, что Первый Закон роботехники запрещает роботам причинять вред человеку, но, клянусь святым Айзеком, Гомер Дос-Пассос никак не подходит под это определение. Вдобавок мои действия нельзя расценивать как причинение вреда, а скорее как разумную воспитательную меру.

— Правда, нужно понять и моих коллег! — продолжал Гаспар. — Мисс Розанчик тут явно перегнула палку. «Да здравствуют издатели!» Это надо же придумать!

— Я тоже готов смеяться над излишней требовательностью редакторов, — сухо ответил Зейн. — Но разве тебе не кажется, Гаспар, что за последние двести лет род человеческий начал

слишком уж злоупотреблять вульгаризмами и парой кратких выразительных слов, связанных с процессами выделения и размножения? В моей книге доктор Вольфрам говорит своей золотистой робоподруге, которая томится от желания стать человеком: «Ты слишком идеализируешь людей, Бланда! Они задушили грезы! Они убрали из мыльной пены радужные пузыри и назвали ее стиральным порошком. Это они лишили любовь лунного света и назвали ее сексом». Но довольно философии, Гаспар! Нужно побыстрее подключить мисс Розанчик к электросети, а в этом районе все провода перерезаны.

— А почему ты не хочешь подзарядить ее от своего аккумулятора?

— Боюсь, что она неправильно истолкует мои намерения, — укоризненно ответил Зейн. — Конечно, в крайнем случае я готов прибегнуть к этому, но у нас есть еще время. Она не испытывает боли, потому что я поставил ее регуляторы на глубокий сон. И все-таки…

— А не заглянуть ли нам в «Рокет-Хаус»? Фирма питается от другого кабеля. Раз уж Элоиза все равно считает меня издательским шпионом, пойду я к издателям или нет — хуже не станет.

— Прекрасная мысль! — с энтузиазмом ото-

звался робот.

На первом же перекрестке они свернули направо, и робот снова зашагал быстрее, заставив Гаспара перейти на бег.

— Мне все равно нужно поговорить с Флэксменом и Каллингхэмом! — тяжело дыша, прокричал Гаспар. — Я хочу спросить их, почему они ничего не предприняли для защиты своих словомельниц? Казалось бы, уж о своем-то кошельке они должны позаботиться!

— Мне тоже хотелось бы обсудить ряд деликатных вопросов с нашими почтенными работодателями, — ответил Зейн. — Гаспар, старая ты кость, я весьма обязан тебе за услугу, далеко выходящую за рамки одолжений, которые одно разумное существо обязано оказывать другому. Я тебе чрезвычайно благодарен и постараюсь при случае отплатить тем же.

— Спасибо, старая гайка, — растроганно ответил Гаспар.

6

Когда последние словомельницы были сожжены или и взорваны, — опьяненные победой писатели разошлись по своим романтическим жилищам, по своим Латинским кварталам и

Гринвич-Виллиджам и принялись ждать, когда на них снизойдет вдохновение.

Оно, однако, явно не торопилось посетить их.

Минуты превращались в часы, часы — в дни.

Были сварены и выпиты цистерны кофе, на полу мансард, мезонинов и чердаков (по свидетельству антикваров, точно воспроизводящих обиталища древних служителей муз) выросли груды окурков, но все напрасно. Великие эпические произведения не рождались, и никому не удалось состряпать даже простенькой детективной повести.

Отчаявшись и устав ждать, писатели садились в кружок и брали друг друга за руки в надежде, что сконцентрированная психическая энергия возродит в них творческое начало, а то и свяжет прямо с давно умершими авторами, готовыми любезно уступить им свои сюжеты, совершенно бесполезные в потустороннем мире.

Но ничего в голову так и не приходило.

Представления современных писателей о творческом процессе ограничивались нажатием на пусковую кнопку словомельницы. А ведь как далеко ни шагнул человек Космической эры, кнопки у него еще не выросли, и писателям оставалось только скрипеть зубами, глядя на

роботов, которые были гораздо совершеннее в этом отношении.

К тому же многие писатели обнаружили, что они не умеют составлять из отдельных слов осмысленные фразы, а некоторые даже не способны писать. Проходя психослухотелегипнообучение, они поголовно пренебрегали факультативным курсом устаревшего искусства, которым считалась грамотность. Тогда они бросились покупать диктофоны — весьма полезные аппараты, преобразующие устную речь в письменную, но и тут большинство с тоской обнаружило, что располагает лишь минимальным запасом слов, едва хватающим на житейские нужды. Они выдавали огромное количество первосортного словопомола, но создать что-нибудь самостоятельно было для них так же невозможно, как заставить свой организм вырабатывать мед или шелковую нить.

Некоторые из этих неписателей — пуристы вроде Гомера Дос-Пассоса — и не собирались ничего писать после разгрома словомельниц, полагая, что этим пустяковым делом займутся их менее атлетичные и более эрудированные собратья. А кое-кто — и в их числе Элоиза Ибсен — надеялись теперь создать писательский со-

юз, или стать издателями, или еще как-нибудь воспользоваться хаосом, воцарившимся после разрушения словомельниц, или, на худой конец, просто отвести душу.

Однако большинство писателей искренне верили в свои способности, надеясь создать рассказы, повести и даже романы, хотя раньше ни разу не пробовали написать хотя бы одну строку. И вот теперь их постигло разочарование.

Продумав семнадцать часов подряд, Франсуа Сервантес-Пруст медленно начертал: «Ускользая, скользя, плавно вращаясь, поднимаясь выше и выше все расширяющимися огненными кругами...» — и остановился.

Гертруда де Бовуар прикусила зубами кончик языка и вывела печатными буквами: «Да, да, да, Да, ДА! — сказала она».

Вольфганг Фридрих фон Вассерман застонал в творческих муках, и на листе бумаги появилось: «Однажды...»

Это было все.

Между тем на планете Плутон Генеральный интендант Космической пехоты отдал приказ сократить рацион книг и литературных лент, так как запасов чтива осталось всего лишь на три месяца, а новые поставки не ожидались.

Снабжение магазинов Земли новыми книгами было урезано сначала на пятьдесят, а затем на девяносто процентов в целях экономии скудного запаса уже готовых произведений. Домашние хозяйки, привыкшие читать по книге в день, обрывали телефоны мэров и конгрессменов. Премьер-министры, засыпавшие с детективной повестью в руках (а иногда и черпавшие из нее глубокие государственные соображения), с понятной тревогой следили за развитием событий. Телевизионные программы и стереофильмы также были переведены на режим строгой экономии, поскольку сценарии для них поставляли те же словомельницы. Специалисты в области электроники и кибернетики сообщали в своих предварительных секретных докладах, что на восстановление одной словомельницы потребуется от девяти до четырнадцати месяцев, и прозрачно намекали, что окончательная оценка может оказаться куда пессимистичнее.

Торжествующее победу англо-американское правительство внезапно поняло, что разоренные издатели не смогут платить своим служащим, — а ведь Министерство безработицы надеялось пристроить в неквалифицированные словомолы подростков, не обеспеченных работой.

Правительство обратилось с воззванием к издателям, а издатели — к писателям, умоляя их придумать хотя бы новые названия, под которыми можно было бы выпускать старосмолотую продукцию. Впрочем, консультанты-психологи предупредили, что эта попытка обречена на полную неудачу — по каким-то причинам при повторном чтении книги даже тончайшего помола вызывали только отвращение.

Предложение опубликовать классические произведения XX века или даже более древних времен, на котором настаивала кучка идеалистов и других чудаков, было отвергнуто как неосуществимое: читатели, воспитанные с детства на словопомоле, находили книги дословопомольных времен нестерпимо скучными и вообще невразумительными. Правда, некий гуманист-отшельник заявил, будто виной всему невразумительность словопомола, представляющего собой словесный наркотик, не имеющий никакого содержания и смысла, а потому после него невозможно читать книги, содержащие хотя бы разрозненные мысли, но это дикое заявление даже не попало в печать.

Издатели обещали писателям полную амнистию, отдельные от роботов места общего

пользования и увеличение зарплаты на семнадцать центов за страницу, если они представят рукописи, написанные на уровне хотя бы самой примитивной словомельницы.

Писатели снова собирались вместе, усаживались в кружок на пол, поджав под себя ноги и держась за руки, таращились друг на друга и пытались сосредоточиться еще отчаяннее прежнего.

И никакого результата.

7

В конце Читательской улицы, много дальше того места, где улица Грез переходит в тупик Кошмаров, расположилась контора издательства «Рокет-Хаус», которое знающие люди называли «Рэкет-Хаусом».

Не прошло и пяти минут после того, как Гаспар и Зейн решили обратиться к издателям за помощью и советом, а они уже тащили носилки с изящным розовым грузом по бездействующему эскалатору, который вел на второй этаж, в кабинет издателей.

— Наверно, зря я тебя заманил сюда, — сказал Гаспар. — Видишь, здесь тоже нет электричества. Судя по разрушениям у входа, писатели и тут

успели побывать.

— Поднажми, друг, — ответил Зейн, не теряя надежды. — По-моему, второй этаж питается от другой подстанции.

Гаспар остановился перед скромной дверью, на которой висела табличка с надписью «Флэксмен», а чуть пониже другая — «Каллингхэм». Он нажал коленом на кнопку электрозамка. Дверь не открылась, и тогда Гаспар изо всех сил пнул ее ногой. Это возымело действие, и за распахнувшейся дверью предстал огромный кабинет, обставленный с простотой, стоившей немалых денег. За сдвоенным письменным столом, напоминавшим два соединенных полумесяца, сидел коренастый брюнет с деловитой и энергичной улыбкой. Рядом, за соседним столом, расположился высокий блондин, улыбавшийся не менее деловито, но томно. Они, по-видимому, мирно и неторопливо беседовали о чем-то, и это привело Гаспара в полное недоумение: ведь издатели только что понесли колоссальные убытки. Они посмотрели на пришедших с некоторым удивлением, но без малейшей досады. Гаспар по сигналу робота осторожно опустил носилки на пол.

— Ты уверен, что сумеешь помочь ей, Зейн? — спросил Гаспар.

Робот сунул кончик клешни в розетку и кивнул.

— Мы добрались-таки до электричества, — ответил он. — Больше мне ничего не нужно.

Гаспар подошел к письменному столу и оперся на него ладонями.

— Ну? — спросил он не слишком вежливо.

— Что «ну», Гаспар? — рассеянно откликнулся блондин. Он водил карандашом по листу серебристо-серой бумаги, рисуя бесчисленные овалы, и покрывал их узорами, точно пасхальные яйца. — Где вы были, когда эти сумасшедшие ломали ваши словомельницы? — Гаспар ударил кулаком по столу. Брюнет вздрогнул, но без особого испуга. — Слушайте, мистер Флэксмен, — продолжал Гаспар. — Вы и мистер Каллингхэм (он кивнул в сторону высокого блондина) — хозяева «Рокет-Хауса». По-моему, это означает нечто большее, чем право собственности. Это обязывает к ответственности, преданности. Почему вы не пытались защищать свои машины?

— Ай-ай-ай, Гаспар, — произнес Флэксмен, — а где же ваша собственная верность? Верность одного патлатого другому?

Гаспар раздраженно отбросил со лба длинные темные волосы.

— Ну-ка поосторожней, мистер Флэксмен! Да, волосы у меня длинные, и я ношу эту обезьянью курточку, но только потому, что к этому обязывают меня контракт и профессиональные обязанности писателя. Но меня эта мишура ничуть не обманывает, я знаю, что я не литературный гений. Быть может, я ходячий атавизм, даже предатель по отношению к своим собратьям. А знаете ли вы, что они прозвали меня Гаспар-Гайка? И мне это нравится, потому что я люблю болты и гайки. Мне хочется быть механиком при словомельнице, и никем больше.

— Гаспар, что это с вами стряслось? — удивленно спросил Флэксмен. — Я всегда считал вас средним самодовольно-счастливым писателем — не умнее других, но вполне довольным своей работой. И вдруг вы начинаете ораторствовать, как взбесившийся фанатик. Право же, я искренне изумлен!

— Я не меньше, — признался Гаспар. — Вероятно, я просто впервые в жизни спросил себя, чего же я хочу в конце концов. И тут я понял — меньше всего я писатель. И к черту писателей! — Гаспар перевел дух и продолжал твердым голосом: — Я люблю словомельницы, мистер Флэксмен. Не спорю, мне нравилась их продукция, но гораздо

больше я любил сами машины. Послушайте, мистер Флэксмен, я знаю, вам принадлежало несколько словомельниц, но отдавали вы себе отчет в том, что каждая из них была неповторима и уникальна — поистине бессмертный Шекспир? Да и кто понимал это? Но ничего, скоро поймут! Еще сегодня утром на Читательской улице было около пятисот словомельниц, а сейчас на всю Солнечную систему не осталось ни одной — впрочем, три можно было бы спасти, если бы вы не испугались за свою шкуру. И пока вы тут сидели и болтали, было безжалостно уничтожено пятьсот Шекспиров, оборвано существование пятисот бессмертных литературных гениев, которые…

Он внезапно умолк, потому что Каллингхэм разразился истерическим хохотом.

— Вы смеетесь над величием духа?! — рявкнул Гаспар.

— Нет, — с трудом выговорил Каллингхэм, пытаясь овладеть собой. — Я просто захлебываюсь от восхищения при виде человека, узревшего Сумерки Богов в уничтожении нескольких гипертрофированных пишущих машинок!

8

— Давайте обратимся к фактам, Гаспар, — продолжал светловолосый хозяин «Рокет-Хауса», сумев наконец взять себя в руки. — Словомельницы — это даже не роботы. Они никогда не обладали хотя бы подобием жизни и души. А потому слово «убийство» по отношению к этим машинам — чистейшей воды лирика. Люди изобрели словомельницы, построили их и управляли ими. Именно люди, и я в их числе, как вам известно. Большинство простаков считают, что словомельницы были созданы потому, что человеческий мозг якобы уже был не в состоянии вместить весь тот огромный объем информации, без которого не обойтись при создании полноценного художественного произведения, ибо природа и человеческое общество будто бы слишком сложны для понимания отдельно взятого человека. Чепуха: словомельницы одержали верх лишь потому, что выпускали стандартную продукцию быстрее и дешевле. Уже в конце XX века основная часть художественной литературы создавалась несколькими ведущими редакторами — потому что именно редакторы предлагали темы, стиль, художественные приемы, а писатели

всего лишь сводили все это воедино. Совершенно ясно, что машина была куда более выгодна, чем свора писателей, требующих высоких гонораров, меняющих издателей, капризничающих, организующих свои союзы и клубы, обзаводящихся любовницами, детьми, гоночными автомобилями и неврозами и даже пытающихся время от времени протащить какую-нибудь собственную дурацкую идейку в усовершенствованную редакторами книгу. Машины оказались настолько производительнее, что стало возможным сохранить при них писателей как безвредное украшение, рекламную приманку…

— Простите, что я перебью вас, — вмешался Флэксмен, — но мне хотелось бы наконец узнать подробности разгрома на Читательской улице. Что, например, произошло с нашим оборудованием?

Гаспар расправил плечи и гневно нахмурился:

— Все ваши словомельницы полностью уничтожены, и восстановить их не удастся. Вот и все.

— Ай-ай-ай! — воскликнул Флэксмен, покачивая головой.

— Это ужасно! — отозвался в тон ему Каллингхэм.

Гаспар посмотрел на Флэксмена и Каллингхэма

с глубоким подозрением. Их тщетная попытка изобразить отчаяние только увеличивала сходство издателей с двумя жирными котами, которые, объевшись ворованной сметаны, прикидывают теперь, как пробраться в кладовку, где лежит мясо.

— Наверно, вы меня не поняли, — сказал он. — Тогда я повторю. Все ваши словомельницы уничтожены — одна взорвана бомбой, две другие сожжены… — Его глаза расширились от внутренней боли. — Это было настоящее избиение, мистер Флэксмен, зверское убийство! Помните машину, которую мы прозвали Рокки? Рокки-Фразописец? Я не пропускал ни одной книги, смолотой Рокки. И он сгорел у меня на глазах! До основания! А орудовал огнеметом новый друг моей бывшей подруги…

— Подумать только, новый друг его бывшей подруги! — сочувственно произнес Флэксмен и ухмыльнулся. Его хладнокровие, как и хладнокровие Каллингхэма, выходило за пределы всякого приличия.

— Между прочим, сжег его этот ваш великий Гомер Дос-Пассос, — попытался поддеть их Гаспар. — Но Зейн Горт здорово поджарил его заднюю часть.

Флэксмен грустно покачал головой.

— Какой гнусный мир! — тяжело вздохнул он. — Вот что, Гаспар! Вы — настоящий герой, и пока остальные писатели бастуют, вы будете получать пятнадцать процентов гарантированного минимума. Но мне не нравится, что один из наших писателей-роботов напал на человека. Эй, Зейн! Не забывай, что ты свободный робот и будешь сам компенсировать убытки, если кто-то вздумает вчинить тебе иск! Так записано в твоем контракте.

— Но ведь Гомер заслужил такую взбучку! — запротестовал Гаспар. — Этот садист направил свой огнемет на мисс Розанчик!

Каллингхэм недоуменно обернулся.

— Розовая роботесса, которую они с Зейном притащили сюда, — пояснил Флэксмен. — Только что назначенный к нам редактор-инспектор. — Он покачал головой и ухмыльнулся. — Ну и ситуация! У нас есть редактор, но нет ни единой рукописи, по которой мог бы прогуляться ее синий карандашик. Ничего не скажешь, ирония судьбы. Я думал, Калли, что тебе уже приходилось иметь дело с мисс Розанчик.

Тут с носилок донесся нежный голосок, произносящий властно, но будто во сне:

— …предупредить о недопустимости «наготы»… фраза с «прогуляться» вызывает сомнение… заменить «иметь» на «вступить в брак»… Ах, где я? Что со мной происходит?

Мисс Розанчик сидела на носилках, подняв к небу свои изящные клешни. Зейн Горт, опустившись на колени, нежно протирал замшевой салфеткой ее опаленный бок — отвратительная копоть уже почти сошла с розового алюминия. Увидев, что роботесса проснулась, он бережно поддержал ее за плечо, а салфетку сунул в какую-то нишу у себя на груди и щелкнул заслонкой.

— Успокойтесь, — сказал он. — Все будет хорошо. Вы среди друзей.

— Неужели? Могу ли я вам поверить? — она отодвинулась от Зейна, торопливо ощупала себя и захлопнула несколько крышечек на корпусе. — Как вы смели обнажить мои розетки на глазах у людей, пока я была без сознания!

— Это был единственный выход, — заверил ее робот. — Вам была необходима электропомощь и другие процедуры. А теперь отдохните немного.

— Другие процедуры? — взвизгнула мисс Розанчик. — На виду у всех!

— Поверьте, мисс Розанчик, — вмешался Флэксмен, — мы все — джентльмены и смотрели в

сторону. Хотя, признаюсь, вы — очаровательная роботесса, и если бы у книг Зейна Горта были обложки, я пригласил бы вас позировать для одной из них.

— С обнаженными розетками и отодвинутыми заслонками, разумеется? — уничтожающе произнесла мисс Розанчик.

9

— Итак, Зейн Горт, — добродушно произнес Флэксмен, — по словам Гаспара, во время бойни словомельниц вы вели себя как герой.

Атмосфера в кабинете заметно разрядилась с того момента, как мисс Розанчик удалилась в дамский туалет, чтобы привести себя в порядок. Выходя, она не преминула отпустить шпильку по поводу скаредности издателей, жалеющих денег на специальную туалетную комнату для роботесс.

На лице Флэксмена появилась грустная мина.

— Наверно, тебе было нелегко смотреть, как линчуют твоих собратьев? — сочувственно спросил он.

— Откровенно говоря, мистер Флэксмен, — спокойно ответил робот, — мне никогда не нравились мыслящие машины, обладающие

только мозгом и неспособные передвигаться. Они лишены сознания, и творчество их слепо — они способны только нанизывать символы, словно бусы, и прясть слова, будто шерсть. Они чудовищны, и это внушает мне страх. Вы назвали их моими собратьями, но для меня они не роботы.

— Странно, ведь ты тоже создаешь книги, как и словомельницы.

— Ничего странного, мистер Флэксмен. Я действительно создаю книги, создаю их сам, как писатели-люди в давние времена — до начала эпохи редакторов, о которой говорил мистер Каллингхэм. Я сам себя программирую, и, поскольку пишу истории о роботах для роботов, мне никогда не приходилось подчиняться редакторам-людям, хотя при определенных обстоятельствах я был бы только рад выслушать их советы. — Тут он вежливо кивнул в сторону мистера Каллингхэма и задумчиво посмотрел вокруг своим единственным черным глазом. — Я имею в виду, господа, обстоятельства, возникшие теперь, когда словомельницы уничтожены, а творческие способности ваших писателей вызывают очень серьезные сомнения. А так как кроме нас, писателей-роботов, больше никто не умеет создавать художественные произведения…

— Ах да, ведь словомельницы-то уничтожены! — воскликнул Флэксмен, весело подмигнув Каллингхэму и довольно потирая руки.

— …я был бы счастлив выслушать разъяснения мистера Каллингхэма относительно человеческих эмоций, — торопливо продолжал робот, — и согласен, чтобы его фамилия печаталась рядом с моей, шрифтом того же размера. Зейн Горт и Г. К. Каллингхэм — звучит неплохо! А на последней странице обложки наши фотографии рядом. Несомненно, читатели-люди полюбят книги писателей-роботов, если их соавторами будут выдающиеся представители человеческого рода — по крайней мере вначале. К тому же мы, роботы, гораздо ближе к людям, чем эти ужасные словомельницы.

— А ну-ка, замолчите, вы все! — голос Гаспара прозвучал настолько неожиданно, что Флэксмен поморщился, а по лицу Каллингхэма скользнула тень. Писатель озирался вокруг, словно худой, взлохмаченный медведь.

— Заткнись, Зейн, — прорычал он. — Слушайте-ка, мистер Ф. и мистер К.! Всякий раз, когда заходит речь об уничтожении словомельниц, вы ухмыляетесь, как два кота при виде сметаны! Честное слово, если бы я не знал, что уничтожены

и ваши словомельницы, я был бы готов поклясться, что это вы, два мошенника…

— Какие слова, Гаспар!

— Меня не проведешь! О, я знаю — да здравствует «Рокет-Хаус», мы все — герои, а вы — пара святых. Но это дела не меняет. Готов поклясться, что этот разгром подстроили вы сами. Несмотря на ущерб, понесенный вашим издательством. А теперь сознайтесь, это ваша работа?

Флэксмен откинулся на спинку кресла. Его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Мы сочувствовали, Гаспар. Вот именно — мы сочувствовали вам, писателям, страданиям ваших оскорбленных душ, вашему настойчивому стремлению выразить себя… Никакой активной помощи, разумеется, но… мы сочувствовали.

— Сочувствовали этой длинноволосой банде? Ха! Нет, тут пахнет чем-то другим. Вы надеялись на какую-то выгоду. Дайте-ка мне подумать. — Гаспар вытащил из кармана пеньковую трубку, начал было набивать ее из шитого кисета и вдруг со злостью швырнул их на пол. — К черту атмосферу! — рявкнул он и протянул руку. — Дайте-ка сигарету!

Флэксмен растерялся, однако Каллингхэм наклонился через стол и любезно выполнил

просьбу Гаспара.

— Может быть, — произнес тот, глубоко затягиваясь, — вас действительно соблазнила эта дурацкая идея — извини, Зейн! — что роботы будут писать книги… Нет, не пройдет! У каждого издательства есть свои робописатели, и все они ищут новые рынки сбыта.

— Не все роботы-писатели одинаковы, Гаспар, — обиженно проворчал Зейн Горт. — Далеко не все обладают такой гибкостью и находчивостью, такой глубиной проникновения в психику немеханических существ, как…

— Заткнись, тебе говорят! Нет, тут что-то другое… Что-то, чем располагаете только вы и чего нет у других издательств. Подпольные словомельницы? Вряд ли, об этом я давно бы догадался. Писатели, способные творить на уровне словомельниц? Нет, в это я поверю, когда Дос-Пассос выучит азбуку… Что еще? Инопланетяне? Телепаты? Атомные автоматы, настроенные на вечность? Глубокие невропаты, обработанные соответствующим образом?

Флэксмен наклонился к уху партнера.

— Сказать ему, Калли?

Каллингхэм заговорил, будто рассуждая вслух.

— Конечно, Гаспар считает нас мошенниками,

но в общем-то он предан «Рокет-Хаусу». — Гаспар хмуро кивнул. — Что касается Зейна Горта, то именно мы опубликовали все его произведения — начиная от эпического романа «Обнаженная сталь» до повести «Монстр из черного циклотрона». Он дважды начинал переговоры с другими издателями (Зейн Горт смущенно потупился), но всякий раз получал решительный отказ. К тому же нам понадобится помощь при подготовке рукописей. Итак, я согласен. Давай, Флэкси.

Его партнер снова откинулся на спинку стула и шумно вздохнул. Затем он поднял трубку телефона.

— Соедините меня с Яслями. — Он с улыбкой посмотрел на Гаспара и внезапно рявкнул в трубку: — Говорит Флэксмен. Няня Бишоп? Дайте мне... Это не Бишоп? Так найдите ее! Кстати, Гаспар, — добавил он, — вы забыли еще одну возможность — помолотый заранее запас книг.

Гаспар отрицательно покачал головой.

— Я заметил бы, что словомельницы работают сверх нормы.

Флэксмен вдруг оживился.

— Няня Бишоп? Говорит Флэксмен. Принесите мне мозг.

Прижимая к уху телефонную трубку, он на-

смешливо улыбнулся Гаспару.

— Нет-нет, любой мозг, — небрежно сказал он и собрался было положить трубку, но тут же снова поднес ее к уху. — Ну, что еще? Опасность? Да нет, никакой опасности! На улицах ни души. Ну тогда пошлите Зангвелла. Хорошо-хорошо, нести будете вы, а Зангвелл будет вас охранять… Ну, если уж он действительно так напился… — Флэксмен перевел взгляд с Гаспара на Зейна Горта и сказал с присущей ему решительностью: — Тогда вот что. Я посылаю вам двух ребят — из плоти и из металла, они будут вас сопровождать… Да, они абсолютно надежны, но ничего им не объясняйте. Ну что вы! Они бесстрашны, как львы, они чуть было не поплатились жизнью, защищая наши словомельницы, — у нас тут весь пол залит их кровью и смазочным маслом… Нет, не настолько — скорее наоборот, снова рвутся в бой. И еще вот что, няня Бишоп, когда они придут за вами, будьте наготове — никаких сборов в последнюю минуту, ясно? Мне этот мозг нужен немедленно.

Он положил трубку.

— Она боится, что на них нападут, — объяснил он. — Считает, что по Читательской улице все еще рыщут писатели. — Он посмотрел на Гаспара. — Вы знаете, где находится «Мудрость Веков»?

— Разумеется. Я каждый день прохожу мимо. Заброшенное место. Двери всегда закрыты.

— По-вашему, что это такое?

— Понятия не имею. Наверно, издательство оккультной литературы. Впрочем, я никогда не встречал их публикаций. Постойте-ка! Ну да, бронзовый герб у нас в вестибюле! Там надпись «Рокет-Хаус», а ниже готическими буквами с завитушками — «На паях с “Мудростью Веков”». Раньше мне и в голову не приходило, что тут есть какая-то связь.

— Я потрясен! — воскликнул Флэксмен. — Писатель — и такой наблюдательный! Вот уж не думал, что мне придется увидеть такое чудо! Так вот, вы с Зейном немедленно мчитесь в эту самую «Мудрость Веков» и ведете сюда няню Бишоп.

— По телефону вы сказали: «Ясли», — напомнил Гаспар.

— Конечно! Это одно и то же. Итак, вперед!

— А может, и правда, что писатели еще бродят вокруг? — замялся Гаспар.

— Таким героям это нипочем! Марш, говорю!

Когда Гаспар мчался вниз по неподвижному эскалатору, вместе с Зейном за ним несся последний предостерегающий вопль Флэксмена:

— Имейте в виду, няня Бишоп будет нервни-

чать! Она понесет мозг!

10

В комнате не было окон, и лишь несколько телевизионных экранов, расположенных на первый взгляд где попало, светились в темноте. Изображения, сменявшие друг друга — звезды и космические корабли, простейшие организмы и люди, а то и просто книжные страницы, — обладали удивительной четкостью. Середину комнаты и один из ее углов занимали столы, заставленные экранами, какими-то приборами и аппаратами, от которых тянулись длинные провода. Вдоль трех остальных стен располагались небольшие подставки различной высоты, и на каждой из них, охваченное плотным черным воротником, покоилось огромное, больше человеческой головы, яйцо из дымчатого серебра.

Это было необычное серебро, оно наводило на мысль о тумане и лунном свете, о белоснежной седине, озаренной мерцающим пламенем свечей, о венецианских бокалах, о маске Пьеро, о доспехах принца-поэта. И одновременно казалось, что серебряные овоиды — это головы каких-то металлических существ, склонившихся друг к другу в безмолвном разговоре.

Это впечатление усиливалось благодаря тому, что на каждом яйце, вблизи верхушки, у заостренного конца, виднелось три темных пятна — два вверху и одно пониже, — отдаленно напоминавшие глаза и рот, над которыми нависал огромный гладкий лоб. Однако вблизи становилось ясно, что это всего лишь три штепсельные розетки. В некоторые из них были вставлены вилки проводов, что вели к приборам, причем правая верхняя розетка всегда подключалась только к портативному телевизору, верхняя левая — к микрофону, а розетка-рот неизменно была подсоединена к небольшому динамику-громкоговорителю.

Из этого правила было только одно исключение: иногда розетка-рот одного яйца была подсоединена прямо к розетке-уху другого. И всегда в подобных случаях можно было обнаружить дополнительное соединение: ухо «рта» — ко рту «уха».

На краешке одного из столов примостилась женщина в белом халате. Она сидела, опустив голову, и как будто дремала. В темноте комнаты трудно было определить ее возраст, тем более что нижнюю половину ее лица скрывала марлевая повязка. Одной рукой она прижимала к бедру лоток, ремень которого был переброшен

через плечо. На лотке стояло примерно два десятка стеклянных чаш, наполненных какой-то душистой прозрачной жидкостью. В жидкость были погружены толстые металлические диски с винтовой нарезкой по краям. Они были того же диаметра, что и макушки серебряных яиц.

На столе рядом с женщиной стоял микрофон. От него тянулся провод, включенный в слуховую розетку серебряного яйца, уступавшего по размерам всем остальным. В розетку-рот этого яйца был включен динамик.

Они разговаривали: яйцо — монотонным механическим голосом, женщина — устало, убаюкивающе, почти так же монотонно.

Женщина: Спи, детка, спи…

Яйцо: Не могу спать. Не спал уже сто лет.

Женщина: Тогда отключи сознание…

Яйцо: Не могу отключить сознание.

Женщина: Сможешь, если захочешь, детка.

Яйцо: Я попробую, если ты меня перевернешь.

Женщина: Я перевернула тебя только вчера.

Яйцо: Переверни снова. У меня рак.

Женщина: У тебя не может быть рака, детка.

Яйцо: Нет, может. Я очень умный. Включи мой глаз и поверни меня так, чтобы я мог смотреть на тебя.

Женщина: Ты только что смотрел. Слишком часто неинтересно, детка. Хочешь посмотреть картинки или почитать?

Яйцо: Не хочу.

Женщина: Хочешь поговорить с кем-нибудь? Хочешь поговорить с номером четыре?

Яйцо: Номер четыре глуп как пробка.

Женщина: Тогда с номером восемь?

Яйцо: Нет. Протелепатируй мне что-нибудь.

Женщина: Но ведь телепатии не существует, детка.

Яйцо: Нет, существует. Вот попробуй. Сделай усилие.

Женщина: Телепатии нет, иначе вы, кругляшки, давно бы ее открыли.

Яйцо: Мы все законсервированы, положены в морозильник, а ты живешь в большом теплом мире. Ну, попробуй еще раз.

Женщина: У меня нет времени, детка. Я должна накормить вас, а меня вызвал шеф. Хочешь со мной, Полпинты?

Яйцо: Нет. Скучно. Не хочу.

Женщина: Пойдем, Полпинты. Ты с ним поговоришь.

Яйцо: Когда? Сейчас?

Женщина: Почти. Через полчаса.

Яйцо: Полчаса — это полгода. Не хочу.

Женщина: Ну, не упрямься, Полпинты. Сделай мамочке одолжение. Шефу требуется мозг.

Яйцо: Тогда возьми Ржавчика. Он свихнулся. Будет весело!

Женщина: Свихнулся?

Яйцо: Как и я.

Женщина покачала головой и встала.

— Послушай, Полпинты, — сказала она, — ты не хочешь ни спать, ни отключать сознание, ни разговаривать, ни ехать со мной. Хочешь посмотреть, как я буду кормить остальных?

— Ну ладно. Только вставь провод от глаза мне в ухо, так интереснее.

— Не говори глупостей, детка.

Она подключила телевизор к верхней розетке маленького яйца и выдернула провод, ведущий к динамику. Потом, придерживая лоток, подошла к соседнему яйцу и коснулась его поверхности кончиками пальцев, проверяя на ощупь температуру металла и частоту биений крохотного атомного насоса, расположенного внутри яйца. Затем вставила большой и указательный пальцы в углубления на макушке овоида, привычным движением вывернула диск, положила его в свободную чашу на лотке, из другой взяла свежий,

влажный диск, точным движением вставила его в гнездо и завернула. После этого она перешла к следующему яйцу.

Она как раз успела завинтить последний диск, когда дверной звонок нежно пропел: «Соль-соль-до!»

Хотя женщина успела закончить все, что намечала, все-таки у нее вырвалось:

— Черт бы вас всех побрал!

11

«Девушки — это великая область искусства, но их изучение отнимает у человека массу времени и сил» — гласил афоризм из записных книжек Гаспара де ла Нюи, которых он никогда не вел. Девушка, впустившая его в вестибюль «Мудрости Веков», была настолько же юной, насколько древними были толстые тома в кожаных переплетах, заполнявшие полки вдоль стен зала. Гаспар, тяжело дыша, с восторгом уставился на прелестное видение — в меру короткая юбка, тонкие чулки, свитер, туго облегающий миниатюрную фигурку, крутые завитки каштановых волос над розовыми ушками.

Заметив, что осмотр грозит затянуться, видение неприязненно заметило:

— Да-да, все на месте, но я это давно знаю, потому нечего таращиться — переходите к делу.

«Надеюсь, робот нам не помешает?» — хотел было спросить Гаспар, но вовремя удержался и только сказал:

— Мы попали в писательскую засаду, и нам пришлось сделать крюк, пробежать пять кварталов и семь уровней, чтобы отделаться от этих маньяков. Боюсь, писатели пронюхали, что «Рокет-Хаус» что-то замышляет.

— А здесь что вам нужно? — спросила девушка, разглядывая синяки на лице Гаспара. — Это не станция «Скорой помощи». И не заправочная станция тоже, — добавила она, посмотрев на Зейна Горта, который в этот момент со скрипом повернулся к книжным полкам.

— Довольно пикироваться, малышка, — ответил Гаспар, самолюбие которого и так уж пострадало. — Мы опаздываем. Где этот карликовый компьютер?

Гаспар почти всю дорогу повторял эту фразу. Когда Флэксмен впервые упомянул о «мозге», богатая фантазия Гаспара нарисовала огромный, мерно пульсирующий шар со злобными глазами-блюдцами, светящимися в темноте, который покоился на крохотном скрюченном тельце, а то

и на кожистом мешке с извивающимися щупальцами, — короче говоря, нечто вроде чудовищ с Марса (хотя он прекрасно знал, что у настоящих марсиан головной мозг находится в грудном сегменте жукообразного тела, покрытого черной хитиновой броней). Затем Гаспару представился розовый мозг, который не то плескался в сосуде с прозрачной питательной жидкостью, не то плавал в нем, шевеля тонкими щупальцами (по-видимому, образ мозга со щупальцами прочно врезался в человеческое воображение, как кульминация идеи о гигантских злобных мыслящих пауках). Но по дороге в Ясли Гаспар пришел к выводу, что все эти видения в равной степени нелепы и под словом «мозг» Флэксмен, очевидно, подразумевал какую-то особую электронно-вычислительную машину или запоминающее устройство, только миниатюрное, поскольку его можно было «принести». Ведь действительно, на заре возникновения компьютеров их нередко называли «электронным мозгом».

Более полувека ученые объявляли это название «дешевой погоней за сенсацией», но после того как появились роботы, обладающие индивидуальным сознанием, оно было принято и специалистами. Зейн Горт, к примеру, обладал

электронным мозгом, подобно многим другим роботам, включая немало блистательных роботов-ученых, которые были весьма высокого мнения об электронных умственных способностях.

Спросив о карликовом компьютере, Гаспар надеялся получить подтверждение своей догадки.

Однако девушка недоуменно подняла брови и только сказала:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Да нет же, — упрямо настаивал Гаспар. — Карликовый компьютер — в просторечии мозг. Давайте его сюда.

Пристально взглянув на Гаспара, девушка объявила:

— У нас нет никаких компьютеров.

— Ну, так машину, которую называют мозгом.

— У нас нет никаких машин.

— Ну ладно, ладно! Пусть это будет просто мозг.

Гаспар произнес это таким тоном, словно речь шла о фунте ветчины, и лицо девушки превратилось в каменную маску.

— Чей мозг? — спросила она ледяным голосом.

— Мозг Флэксмена, то есть я хочу сказать, мозг, нужный Флэксмену — и Каллингхэму тоже. Вам

это должно быть известно.

Пропустив мимо ушей последнюю фразу, девушка спросила:

— Им обоим нужен один и тот же мозг?

— Ну конечно! Давайте его сюда!

Льдинки в голосе девушки стали острыми как бритва.

— Значит, мозг на двоих? Нарезать или куском? На белом хлебе или ржаном?

— Милочка, у меня нет времени выслушивать ваши тошнотворые шуточки! — заявил Гаспар. — Позовите няню Бишоп. Она в курсе дела.

Глаза девушки сузились, их синева стала от этого еще глубже.

— Ах, няню Бишоп, — сердито протянула она.

— Вот именно, — отозвался Гаспар, и тут его осенила внезапная догадка: — Вы с ней не в ладах, крошка?

— Откуда вы знаете?

— Интуиция. Хотя тут достаточно элементарной логики: кислая старая дева не может питать к вам симпатий. Настоящая ведьма, правда?

Девушка выпрямилась:

— О, это еще далеко не все, приятель! — воскликнула она. — Подождите здесь, я сейчас ее отыщу. И сама уложу мозг в ее сумку.

— Клянусь святым Норбертом, это настоящий клад! — воскликнул Зейн Горт, который, едва девушка скрылась за дверью, кинулся к книжным полкам. — Смотри! — воскликнул он, проводя металлическим пальцем по черным корешкам. — Полное собрание сочинений Даниэля Цуккерторта!

— Это имя мне незнакомо, — бодро заявил Гаспар. — Или это был робот?

— Твое невежество меня удивляет, старая ты кость, — отозвался Зейн. — Судя по регистру патентов, Даниэль Цуккерторт был одним из величайших специалистов древности в области роботехники, микромеханики, каталитической химии и микрохирургии. И тем не менее его имя почти никому не известно — даже роботам. Ведь недаром у нас нет святого Даниэля. Он словно стал жертвой заговора молчания. К сожалению, я никак не могу выбрать время, чтобы заняться этим вопросом.

— А почему здесь оказались вдруг труды Цуккерторта? — недоуменно спросил Гаспар. — Разве он интересовался оккультными науками?

— Круг интересов Даниэля Цуккерторта был невероятно широк! — торжественно провозгласил робот.

— Послушай, старый болт, — сказал Гаспар, погруженный в свои мысли. — Как, по-твоему, Флэксмен рассчитывает, что этот мозг станет писать для него книги? Или что-то еще будет способствовать их появлению? Судя по здешней обстановке, я не удивлюсь, если речь пойдет о черной магии или спиритических сеансах. Скажем, вступить в контакт с душами давно умерших авторов через посредство медиума…

Робот щелкнул локтевым суставом, что было равносильно пожатию плечами.

— Как однажды выразился величайший из ваших сыщиков (кстати, поразительно похожий на робота!), строить теории, не располагая фактами, — значит впадать в непоправимую ошибку.

— Величайший из наших сыщиков? — наморщив лоб, переспросил Гаспар.

— Да Шерлок Холмс! — нетерпеливо сказал Зейн.

— В первый раз слышу! Он кто — полицейский, частный сыщик или профессор криминологии? Или это он сменил Гувера на посту директора ФБР?

12

— Гаспар, — сурово произнес робот, — я могу простить тебе, что ты незнаком с трудами Цуккерторта, но Шерлок Холмс — это величайший сыщик всей детективной литературы дословомольной эпохи!

— Тогда понятно! — с облегчением воскликнул Гаспар. — Не выношу дословомольных книг! У меня от них в голове все кругом идет! — Его лицо вытянулось. — Знаешь, Зейн, просто не представляю себе, что я буду делать теперь в свободное время: без словомольного романа мне не заснуть! Кроме этих книг, меня ничто не берет! Я многие годы прочитывал всю словомольную продукцию.

— Тогда начни читать старые…

— Не поможет, Зейн! И потом, ты же знаешь, словомольная книга, если ее не поместить в герметичную оболочку, через месяц начинает чернеть и рассыпаться…

— В таком случае тебе, пожалуй, придется расширить свой кругозор, — сказал робот, с трудом отрываясь от толстого тома, который он перелистывал. — Он у тебя и правда узковат. Например, мы с тобой друзья, но готов побиться об заклад,

ты не читал ни одной моей книги, даже из цикла о докторе Вольфраме!

— Но, Зейн, я не мог! — начал оправдываться Гаспар. — Ведь их издают только на катушках, рассчитанных на читающее устройство в корпусе роботов. Их даже на обычном магнитофоне нельзя проиграть.

— В издательстве есть печатные копии, которые выдаются всем желающим, — холодно сообщил робот. — Разумеется, тебе придется овладеть роборечью, но, по мнению некоторых, эти усилия окупятся…

— Э… — выдавил Гаспар, не зная, как уйти от неприятной темы. — Куда запропастилась эта старая карга? Пожалуй, надо позвонить Флэксмену.

Он кивнул на телефон около книжных полок.

— Тебя никогда не удивляло, Гаспар, что книги для роботов пишут живые существа вроде меня, а книги для людей сочиняют машины? — сказал Зейн, словно не услышав слова своего друга. — Историк, пожалуй, усмотрел бы здесь разницу между юной и вырождающейся расами. Для беспристрастного наблюдателя, такого, как я, совершенно ясно, что в вашем стремлении к словопомолу есть что-то патологическое. Сто-

ит вам раскрыть свежесмолотую книгу, и вы тут же впадаете в транс, как от большой дозы наркотика. Тебе не приходила в голову мысль, почему роботы не способны воспринимать эту словесную кашу?

— Может быть, она для них слишком тонка! Да и для тебя тоже! — вспылил Гаспар, оскорбленный таким пренебрежением к его любимому чтиву. — И вообще, отстань от меня! Ешь и ешь меня поедом, сил нет!

— Побереги свои артерии, старая мышца! — миролюбиво сказал Зейн. — И при чем тут «есть поедом»? Каннибализм — это, пожалуй, единственная гадость, в которой две наши расы не могут обвинить друг друга.

И он снова уткнулся в книгу.

Звякнул телефон. Гаспар машинально снял трубку, хотел было положить ее обратно и наконец поднес к уху.

— Говорит Флэксмен! — рявкнула трубка. — Где, наконец, мой мозг? И что стряслось с двумя идиотами, которых я вам послал?

Пока Гаспар лихорадочно искал достойный ответ, в трубке внезапно раздалась жуткая какофония звуков, воплей и грохота. Затем наступила тишина, и в трубке раздался энергичный

женский голос, произнесший с типичной интонацией секретарши:

— «Рокет-Хаус» слушает. У телефона мисс Джиллиген, секретарь мистера Флэксмена. Кто говорит?

Но Гаспар сразу узнал этот голос — голос Элоизы Ибсен.

— Седьмой взвод мстителей за словомельницы, — торопливо импровизировал Гаспар, маскируя свой голос хриплым и зловещим шепотом. — Немедленно забаррикадируйте двери! Несколько минут тому назад в вашем районе была замечена известная нигилистка Элоиза Ибсен с группой вооруженных писателей. Высылаем на помощь летучий отряд мстителей, который покончит с ними.

— Отменить высылку отряда, — тотчас ответил энергичный голос. — Писательница Ибсен арестована и передана в руки правительства... Да ведь это ты, Гаспар! О нигилизме я говорила только с тобой!

От хохота Гаспара кровь должна была застыть в жилах.

— Гаспар де ла Нюи убит! Смерть всем писателям! — и повесил трубку.

— Зейн, — окликнул он робота, все еще погру-

женного в книгу. — Нужно сейчас же возвращаться в «Рокет-Хаус». Элоиза…

В это мгновение в вестибюль осторожно вошла девушка, держа в каждой руке по большому пакету.

— Хватит болтать! — скомандовала она. — Помогите мне…

— Сейчас не до этого! — отрезал Гаспар. — Зейн, да будешь ты слушать или…

— Замолчите! — крикнула девушка. — Если я уроню их по вашей вине, я вам глотки перережу — ржавой пилой!

— Ну ладно, ладно, — уступил, поморщившись, Гаспар. — Что там у вас?

В руках у девушки было два больших разноцветных пакета. Один, четырехугольный, был обернут бумагой с красными и зелеными поперечными полосами, другой — овальной формы — был упакован в золотую обертку и перевязан широкой красной лентой с бантом.

— Берите вот этот, — приказала девушка. — Осторожно! Он тяжелый и очень хрупкий.

Взяв пакет, Гаспар посмотрел на девушку с возросшим уважением. Видимо, она была гораздо сильнее, чем казалась на первый взгляд, раз несла такую тяжесть в одной руке.

— Осторожно, не трясите его! — предупредила она.

— Если это тот «мозг», про который говорил Флэксмен, и он требует такой осторожности в обращении, — сказал Гаспар, — может быть, не стоит тащить его сейчас в «Рокет-Хаус»? Банда писателей учинила там очередной погром. Я только что узнал об этом по телефону.

Девушка сдвинула брови, затем покачала головой.

— Нет, отправимся немедленно и возьмем с собой мозг. Он там наверняка пригодится. Кроме того, собрать его в дорогу было нелегко, и я не хочу возиться снова. Тем более что я обещала ему взять его с собой.

Гаспар судорожно сглотнул и пошатнулся.

— Вы хотите сказать, что эта штука у меня в руках живая?

— Не наклоняйте его! И хватит глупых вопросов. Скажите своему металлическому приятелю, чтобы он оторвался от книги и взял второй пакет. Это снаряжение для мозга.

Зейн недоуменно обернулся, понял, что произошли какие-то события, замер на мгновение, прослушивая запись разговора, затем торопливо взял красно-зеленый пакет из рук девушки со

словами:

— Извините, мисс. Я к вашим услугам.

— А это еще зачем? — спросил Гаспар.

«Это» было небольшим револьвером, который девушка держала под вторым пакетом.

— А, понятно! Вы будете нас охранять?

— Вот именно! — язвительно ответила девушка, держа в руке зловещую игрушку. — Я буду идти у вас за спиной, мистер, и, если вы уроните это пасхальное яичко, — скажем, из-за того, что кто-нибудь начнет перерезать вам глотку, — я выстрелю вам в затылок, прямо в мозжечок. Не тревожьтесь, это будет абсолютно безболезненно.

— Ну хорошо, хорошо, — раздраженно ответил Гаспар, направляясь к выходу. — А где же няня Бишоп?

— А вот это, — сказала девушка, — вы можете определить путем логических построений, пока будете идти и поглядывать под ноги, чтобы не поскользнуться на какой-нибудь банановой корке.

13

Веревка была изобретена в незапамятные времена, но и по сей день осталась полезнейшим предметом. И вот партнеры Флэксмен и Каллин-

гхэм восседали за своим двойным письменным столом, живописно опутанные веревками. В кабинете царил полнейший хаос, повсюду виднелись обрывки документов, разорванные папки и хлопья пены из огнетушителей.

Гаспар замер на пороге. Он обвел сцену разгрома растерянным взглядом и осторожно переложил из одной руки в другую свой драгоценный груз, казавшийся теперь свинцовым. По дороге к издательству он проникся убеждением, что его единственное предназначение в жизни — оберегать это яйцо, обернутое в золотую и лиловую бумагу. Правда, девушка его не пристрелила — пока, но когда он чуть-чуть споткнулся, лазерный луч ее пистолета тотчас расплавил асфальт возле его пяток.

Каллингхэм, на бледных щеках которого багровело десятка два пятен, улыбался сквозь сжатые губы терпеливой улыбкой мученика. Флэксмен тоже хранил молчание, хотя это объяснялось только тем, что мисс Розанчик, стоявшая позади него, решительно зажимала его рот своей розовой клешней.

Стройная роботесса продекламировала медовым голоском:

— Пусть небо обречет на вечные мучения этих

дурно пахнущих бяк! Многоточие, многоточие и еще раз многоточие! Не правда ли, мистер Флэксмен, это звучит ничуть не хуже и даже — в той мере, в какой мне удалось перефразировать ваши эпитеты, — гораздо выразительнее!

Няня Бишоп спрятала свой грозный пистолет в складки юбки, достала из кармана маленькие кусачки и принялась освобождать издателей от их уз. Зейн Горт, бережно опустив свой красно-зеленый пакет на пол, отвел мисс Розанчик в сторону со словами:

— Вы должны извинить эту измученную роботессу, мистер Флэксмен. Она отнюдь не собиралась лишать вас свободы речи. Но в нас, металлических людях, чувства, связанные с выполнением наших основных функций, чрезвычайно сильны. А ведь она — редактор, следящий за чистотой языка. Электронные бури, сотрясающие ее организм, еще более обострили в ней и без того высокую чувствительность. Успокойтесь, мисс Розанчик, я не собираюсь открывать ваши заслонки или касаться розеток.

— Гаспар! Что это еще за дурацкие мстители? — воскликнул Флэксмен, едва его рот освободился от редакторской опеки. — Эта ведьма Ибсен чуть не приказала своим прихвостням прикончить

меня, поскольку я не мог ей ничего объяснить.

— Мстителей я придумал в порыве фантазии, — признался Гаспар, — чтобы напугать ее хорошенько. Нечто вроде издательской мафии.

— Фантазия писателю не положена! — рявкнул Флэксмен. — Из-за тебя нас едва не прикончили! Ее приятели в полосатых фуфайках вели себя как последние каторжники и выглядели соответственно!

— А Гомер Дос-Пассос? — спросил Гаспар.

— Да, он тоже был с ними, но вел себя как-то странно. Когда Ибсен собралась нас пытать, он совсем скис, хотя вязал нас с большим усердием и громил кабинет весьма энергично. К счастью, я не держу в конторе никаких важных документов!

— А если бы вы подхватили мою идею с мстителями, — заметил Гаспар, — они перетрусили бы окончательно!

— Эти нераскаявшиеся грешники? Они едва не отправили меня на тот свет! Послушайте, де ла Нюи, Ибсен утверждает, что вы были тайным осведомителем у издателей в течение ряда лет. Меня не интересует, почему вам взбрело в голову хвастаться этим, но…

— Я не хвастал! Я никогда…

— Не трясите яйцо! — раздался свирепый голос

няни Бишоп.

— Но имейте в виду, оплачивать воображаемый шпионаж никто не собирается!

— Послушайте, Флэксмен, мне и в голову не приходило…

— Перестаньте трясти яйцо, бестолочь вы этакая! Ну-ка, дайте его сюда!

— Пожалуйста, сделайте одолжение! — огрызнулся Гаспар. — А что нужно было Элоизе, мистер Флэксмен?

— Она ворвалась сюда с воплем, будто мы придумали способ выпускать книги без словомельниц, но после разговора с вами по телефону ничто, кроме мстителей, ее уже не интересовало. Будьте так уж любезны, Гаспар, не придумывайте больше никаких мафий. Это слишком опасно. Ваша Ибсен совсем уж собралась подвергнуть меня допросу с пристрастием, но, к счастью, ее внимание отвлек Каллингхэм.

Гаспар повернулся к издателю, растиравшему свои только что освобожденные конечности.

— Так Элоиза и вам задала жару?

Каллингхэм кивнул, недоуменно хмурясь.

— Она вела себя как-то странно, — сказал он, — смерила меня взглядом и надавала пощечин.

Гаспар мрачно покачал головой.

— Скверный признак! — заметил он.

— Почему? Мне даже не было больно. Казалось, она просто потрепала меня по щекам.

— Вот это-то и плохо! — зловеще ухмыльнулся Гаспар. — Значит, она имеет на вас виды.

Каллингхэм побледнел.

— Флэкси, — обернулся он к своему партнеру, говорившему по телефону, — необходимо срочно починить электрозамок. Знаете, Гаспар, идея издательской мафии начинает мне нравиться.

— Во всяком случае, — с гордостью заявил Гаспар, — эта выдумка обратила их в бегство. Насколько я понимаю, они поспешно скрылись.

— Ничего подобного, — остудил его пыл Каллингхэм, — их спугнула мисс Розанчик. Она вошла, увидела Гомера, кинулась в коридор и через мгновение вернулась с большим огнетушителем. Вот тогда Элоиза со своей бандой кинулась наутек.

— Может быть, достаточно воспоминаний? — осведомилась няня Бишоп. Расчистив место на письменном столе, она начала развертывать пакеты. — Мне нужна помощь.

— А не попросить ли нам мисс Розанчик? — отозвался Зейн Горт из дальнего угла, где он шептался с розовой роботессой, которая настойчиво

отказывалась подключиться к его корпусу. — Ей будет полезно немного отвлечься.

— Вот уж никогда не думала, что мне придется заниматься роботерапией, — сказала няня Бишоп. — Впрочем, от нее гораздо больше толку, чем от стада органических и неорганических мужланов. Брось своего жестяного пустозвона, Розочка, и иди сюда. Тут нужна женская рука!

— С удовольствием, — просияла роботесса. — С тех пор как я сошла с конвейера, я успела понять, что существа одного со мной пола — как электронные, так и из плоти и крови — мне гораздо ближе роботов-пустозвонов и мужчин двойной закалки.

14

Флэксмен положил телефонную трубку и повернулся к Гаспару, стоявшему рядом с Зейном Гортом.

— Няня Бишоп ввела вас в курс дела? — спросил издатель. — Относительно нашего великого плана с Яслями и всего прочего.

Они отрицательно покачали головами.

— И правильно! Это не входило в ее обязанности. — Он откинулся в кресле, начал было стирать пену с рукава, но тут же передумал и задумчиво

сказал: — Лет сто тому назад, в конце XX века, жил гениальный хирург и виртуоз в области микроэлектроники по имени Даниэль Цуккерторт. Вы, конечно, о нем даже не слышали?

Гаспар открыл было рот, однако промолчал и посмотрел на Зейна, который тоже молчал — вспомнив, очевидно, шпильку насчет роботов-пустозвонов.

— Так вот, — продолжал Флэксмен, — этот Цуккерторт творил настоящие чудеса с помощью микроскальпелей. Он разработал какую-то особую методику соединения нервных волокон с металлом и добился результатов, которых никому другому не удалось повторить на высших животных. Разумеется, подобно всем гениям его калибра, он был чудаком. Вознамерился подарить бессмертие лучшим человеческим умам и, полностью изолировав их от соблазнов внешнего мира, открыть перед ними путь к достижению вершин мифически-абстрактного знания. С этой целью он создал метод сохранения полностью функционирующего человеческого мозга внутри стационарного металлического контейнера. Нервные окончания органов речи, зрения и слуха он сращивал с соответствующими входными и выходными контактами. Шедевром его техниче-

ского гения стало искусственное, работающее на изотопах сердце, обеспечивающее циркуляцию крови и снабжение ее кислородом. Это сердце-мотор помещалось в большой полости, как Цукки назвал верхний широкий металлический свод защитного контейнера, и требовало замены изотопного топлива всего раз в год. Ежедневная смена малой вывинчивающейся полости позволяла снабжать мозг дополнительными питательными веществами и освобождать его от продуктов распада. Микронасосик — подлинный шедевр микроэлектроники — подавал в мозг необходимые гормоны и прочие раздражители, не позволявшие ему погрузиться в тупую спячку. Короче говоря, Цукки добился своего: бессмертие лучшим умам человечества было обеспечено.

Флэксмен внушительно поднял палец и помолчал, давая нам возможность проникнуться грандиозностью замысла.

— Однако, — продолжил он через пару минут, — у Цукки был свой взгляд на то, какие умы считать лучшими. Ученых он не ставил ни во что, потому что все они уступали ему, а сам о себе он был не очень высокого мнения. Государственных мужей он презирал, как и отцов церкви. Однако слово «художник» внушало Цукки благо-

говейный трепет, так как сам он был человеком с исключительно прямолинейным складом ума и не обладал ни малейшим воображением — если, конечно, исключить его специальность. Художественное творчество — способность манипулировать красками, звуками, а главное, словами — заставляло его преклоняться. До самой смерти он считал талант художника величайшим чудом. Таким образом, Цукки решил подарить бессмертие — в металлической коробке — творческим личностям: художникам, скульпторам, композиторам, но в первую очередь — писателям. Последнее оказалось весьма своевременно по двум причинам: во-первых, уже появились словомельницы и настоящие писатели остались без работы, а во-вторых, пожалуй, одни писатели могли пойти на такое безумие и согласиться с предложением Цукки. Как бы то ни было, к тому моменту, когда слухи о его работе просочились в печать, у него было уже законсервировано тридцать мозгов, причем все они принадлежали писателям, переговоры с которыми ему удалось сохранить в полной тайне. Вы уже догадываетесь, разразился невероятный скандал. Духовенство утверждало, что он лишил смертных всех надежд на вечное блаженство, дамы из Общества

защиты животных возмущались столь жестоким обращением с миленькими мозгами, а юристы утверждали, что появление «консервированных мозгов» потребует пересмотра чуть ли не всего существующего гражданского законодательства. Тут выяснилось, однако, что предъявить Цукки какое-нибудь конкретное обвинение чрезвычайно трудно: в его распоряжении были нотариально заверенные разрешения на операцию всех, кого он оперировал, и все, как один, когда их опрашивали, полностью поддержали Цуккерторта. К тому же все свое огромное состояние он оставил фонду, названному им «Мозговой трест», — этот фонд должен был обеспечить «серебряных мудрецов» необходимым уходом и всем остальным, в чем они будут нуждаться. Затем в самый разгар скандала Цукки умер и этим положил конец всей истории. И даже смерть для себя он выбрал достойную гения — подвергся разработанной им же операции «психосоматического развода», как он назвал ее. У Цукки был ассистент — настоящий кудесник. Он трижды проделывал эту операцию, причем на третьей Цукки только присутствовал и наблюдал. Затем Цукки решил оперироваться сам — и умер на операционном столе. Его гениальный ассистент покончил с собой, уничтожив

сначала все записи, аппараты и инструменты.

Едва Флэксмен неторопливо произнес эти слова, рассчитанные на максимальный эффект, как дверь кабинета вдруг начала медленно, с легким скрипом открываться.

Флэксмен судорожно подпрыгнул. Остальные испуганно обернулись.

На пороге стоял сгорбленный старик в лоснящемся саржевом комбинезоне. На седые всклокоченные лохмы была нахлобучена засаленная фуражка, из-под которой торчали мочки ушей с пучками жестких волос.

Гаспар сразу узнал старика. Это был Джо Вахтер, выглядевший необыкновенно бодро — оба его глаза были наполовину открыты. В левой руке он держал веник и совок для мусора, а в правой — большой черный пистолет.

— Прибыл на дежурство, мистер Флэксмен, — заявил он, почтительно поднося пистолет к виску. — Готов начать уборку. По всему видно, что оно и не помешает. Здравствуйте все, с кем еще не виделся.

— Вы не могли бы починить электрозамок? — холодно осведомился Каллингхэм.

— Нет. Да он вам теперь и ни к чему, — бодро сообщил старик. — В случае необходимости

можете рассчитывать на меня и на мой верный скунсовый пистолет.

— Скунсовый пистолет? — недоверчиво усмехнулась няня Бишоп. — А на барсуков он уже не годится?

— Дело здесь такое, сударыня. Он пуляет шариками, запаха которых не выносит ни человек, ни зверь. Тот, в кого угодит такой шарик, сразу же скидывает с себя одежду и бежит мыться. А можно поставить его и на автоматическую стрельбу. Тут уж любая толпа разбежится.

— Верю, верю, — поспешно согласился Флэксмен. — Но скажите, Джо, что происходит с… игроками вашей команды, когда вы стреляете?

Джо Вахтер хитро улыбнулся.

— В том-то и штука! Лучше моего скунсового пистолета не найти, потому что у меня поврежден носовой нерв и никаких запахов я не чувствую!

15

Джо Вахтер неторопливо принялся за уборку, предварительно дважды заверив Флэксмена, что его верный скунсовый пистолет надежно поставлен на предохранитель.

Мисс Розанчик наращивала провод под руководством няни Бишоп, не переставая восхи-

щаться ее ноготками — такими изящными и так удобно заменяющими мощные кусачки.

Флэксмен, могучим усилием воли отведя взгляд от двери с испорченным электрозамком, продолжал свое повествование:

— После смерти Цукки и его ассистента возник вопрос, что делать с тридцатью серебряными мудрецами. И тут на сцене появляется еще одна выдающаяся фигура — Хобарт Флэксмен, мой прадед и основатель издательства «Рокет-Хаус». Он был близким другом Цуккерторта, поддерживал его деньгами и советом, так что Цукки назначил Хобарта директором «Мозгового треста». Теперь он заявил о своих правах и указал, что «консервированные серебряные мудрецы» должны быть переданы под его опеку. Так и сделали. «Мозговой трест» был переименован в «Мудрость Веков», и о его существовании постепенно забыли. Однако преемники старого Хобарта продолжали начатое им дело. Яйцеглавы — как стали их называть из-за внешнего вида — были окружены самым внимательным уходом и каждый день получали сведения о всех событиях, происходящих в мире, а также любую другую интересовавшую их информацию. — Флэксмен внезапно широко улыбнулся, а потом многозначительно произнес:

— И вот теперь не осталось больше писателей и словомельницы уничтожены. Так что последнее слово принадлежит тридцати серебряным мудрецам. Вы только подумайте! Тридцать настоящих писателей, у которых было почти двести лет для накопления материала, творческого роста и которые могут работать круглые сутки! Ну как, няня Бишоп, вы готовы?

— Мы уже десять минут как готовы! — отозвалась она.

Гаспар и Зейн Горт посмотрели на стол. На дальнем его конце, опираясь на черный воротничок, стояло большое дымчатое серебряное яйцо. Рядом были разложены его «глаза», «рот» и «уши», еще не подключенные к соответствующим розеткам.

Флэксмен удовлетворенно потер руки.

— Погодите! — остановил он няню Бишоп, которая протянула руку к проводу, соединенному с глазом. — Я хочу представить его по всем правилам. Как его зовут?

— Не знаю.

— То есть как — не знаете? — ошеломленно спросил Флэксмен.

— Вы сами сказали, чтобы я принесла любой мозг.

— Я уверен, что мистер Флэксмен вовсе не хо-

тел сказать что-нибудь обидное в адрес ваших питомцев, няня Бишоп, — мягко перебил ее Каллингхэм. — Говоря «любой мозг», он имел в виду только то обстоятельство, что все они в равной мере гениальные писатели. А потому скажите нам, как следует называть этого мудреца?

— А! — воскликнула няня Бишоп. — Седьмой. Номер семь.

— Но нам требуется его имя, — возразил Флэксмен, — а не номера, которыми вы пользуетесь у себя в Яслях, что, между прочим, кажется мне не слишком гуманным. Я искренне надеюсь, что персонал Яслей не обращается со старыми мудрецами как с машинами — это могло бы пагубно отразиться на их творческих способностях, внушить им мысль, что они всего лишь компьютеры.

Няня Бишоп задумалась.

— Иногда я называю его Ржавчиком, — задумчиво сказала она. — У него под воротничком желтоватое пятнышко. Я хотела принести Полпинты, потому что он самый легкий, но Полпинты стал возражать, и когда вы прислали мистера Ню-Ню, я выбрала Ржавчика.

— Я имею в виду его настоящее имя, — выдавил Флэксмен, с трудом сдерживая себя. — Согласи-

тесь, нельзя же представить великого литературного гения его будущим издателям как просто Ржавчика.

— А-а, — она на мгновение заколебалась, а затем решительно заявила: — Боюсь, я тут ничем вам не смогу помочь. И самим вам этого сделать не удастся, даже если вы обшарите все Ясли и просмотрите все записи, находящиеся там.

— ЧТО?!!

— Около года назад, — объяснила мисс Бишоп, — мудрецы по каким-то своим причинам решили навсегда остаться анонимными. Они заставили меня уничтожить все документы, где упоминались их имена, а также спилить напильником надписи, выгравированные на каждом футляре. Поэтому, даже если у вас есть списки, вы не сможете установить, какое имя кому принадлежит.

— И у вас хватает дерзости спокойно заявить мне, что вы совершили этот… этот акт бессмысленного вандализма, не получив моего разрешения?

— Год тому назад «Мудрость Веков» вас ничуть не интересовала, — гневно возразила няня Бишоп. — Ровно год назад, мистер Флэксмен, я позвонила вам и начала рассказывать об этом,

но вы ответили, чтобы я не надоедала со всякими древними ископаемыми и пусть яйцеглавы делают что им заблагорассудится. Вы сказали — и я цитирую вас дословно: «Если эти хвастуны в жестянках, эти консервированные кошмары вздумают завербоваться в Иностранный легион в качестве штабных компьютеров или, привязав к своим хвостам ракеты, унестись в космическое пространство, я заранее согласен».

16

Глаза Флэксмена остекленели — то ли при мысли о шутке, которую сыграли с ним тридцать безымянных писателей, когда писатели для него были всего лишь стереокартинками на книжной обложке, то ли потому, что он назвал консервированными кошмарами такую коммерческую ценность, как тридцать литературных гениев, способных к самостоятельному творчеству.

Тут снова вмешался Каллингхэм.

— Проблемой анонимности мы сможем заняться позже, — сказал он. — Возможно, они сами изменят свое решение, когда узнают, что их ждет новая литературная слава. И если даже они предпочтут остаться анонимными, достаточно будет печатать на титульной обложке их книг «Мозг

номер один и Г. К. Каллингхэм», «Мозг номер семь и Г. К. Каллингхэм» и так далее.

— Вот это да! — воскликнул Гаспар благоговейно, а Зейн Горт заметил едва слышно:

— А не будет это слишком уж однообразно?

Каллингхэм улыбнулся своей терпеливой улыбкой мученика, но Флэксмен, побагровев, поспешил на его защиту.

— Довольно! Мой друг Калли программировал словомельницы «Рокет-Хаус» в течение десяти лет и давно заслужил литературное признание! Писатели больше века крадут славу у программистов, как раньше крали славу у редакторов! Даже надувшийся от самомнения писателишка с пустой головой и робот со швейной машиной вместо мозгов могли бы понять, что мудрецов придется программировать, редактировать, обучать — называйте это как хотите, — и сделать это способен лишь Калли!

— Извините меня, — перебила его няня Бишоп, — Ржавчик больше не может ждать, и я сейчас включу его.

— О, мы готовы, — мягко сказал Каллингхэм, а Флэксмен, вытирая пот с изрядно покрасневшего лица, добавил с сомнением:

— Да, пожалуй.

Няня Бишоп жестом пригласила всех встать у того конца стола, где сидел Флэксмен, и повернула телевизионную камеру в их сторону. Когда она вставила вилку в верхнюю правую розетку серебряного яйца, послышался едва заметный щелчок, и Гаспара вдруг охватила дрожь. Ему почудилось, что в телевизионном глазу что-то мелькнуло — какой-то красноватый отблеск. Няня Бишоп включила микрофон в верхнюю левую розетку, и Гаспар затаил дыхание, заметив это лишь несколько секунд спустя, когда сделал невольный шумный выдох.

— Ну, давайте же! — сказал Флэксмен, тяжело дыша. — Включите динамик мистера… э… мистера Ржавчика. А то по мне мурашки бегают. — Он спохватился и виновато улыбнулся в сторону телевизионной камеры: — Извините, старина!

— Но это может быть и мисс, и миссис Ржавчик! — напомнила девушка. — Ведь среди тридцати мудрецов было и несколько женщин. А динамик я включу после того, как вы изложите ему свое предложение. Поверьте мне, так оно будет лучше.

— Он знал, что вы принесете его сюда?

— Да, я ему сказала.

Флэксмен расправил плечи, посмотрел в те-

левизионную камеру, судорожно сглотнул и беспомощно оглянулся на Каллингхэма.

— Здрав-ствуй-те, Ржавчик, — начал тот размеренным голосом, словно подражая машине или что-то ей втолковывая. — Меня зовут Г. К. Каллингхэм, я совладелец издательства «Рокет-Хаус» и партнер Квинта Горация Флэксмена, который в настоящее время опекает «Мудрость Веков». Он сидит рядом со мной.

Затем Каллингхэм вкрадчивым тоном изложил положение, создавшееся в издательском мире, и осведомился, не пожелают ли литературные гении вернуться к творческой работе. Вопрос об анонимности он искусно обошел, о программировании упомянул лишь вскользь (обычное сотрудничество между писателем и редактором, сказал он), намекнул на заманчивые возможности использования гонораров и в заключение произнес несколько красноречивых фраз о преемственности литературы и общности писательского творчества на протяжении веков.

— Мне кажется, я ничего не упустил, Флэкси?

Тот лишь кивнул.

Няня Бишоп включила вилку динамика в розетку.

Довольно долго в комнате царила полная ти-

шина. Наконец Флэксмен не выдержал и спросил хриплым голосом:

— В чем дело, няня Бишоп? Уж не умер ли он в своей скорлупе? Или динамик не в порядке?

— Работа, работа, работа, работа, — тотчас отозвалось яйцо. — Только этим я и занимаюсь. Думаю, думаю, думаю, думаю. Увы, увы, увы.

— Это кодовое обозначение вздоха, — объяснила няня Бишоп. — У них есть динамики, с помощью которых они могут воспроизводить любые звуки и даже петь, но я подключаю их только по воскресеньям и праздничным дням.

Снова наступила неловкая тишина, затем из динамика донеслось:

— Ваше предложение, господа Флэксмен и Каллингхэм, для нас огромная честь, невероятная честь, но принять его мы не можем. Мы пробыли в изоляции от внешнего мира слишком долго и не способны ни рекомендовать вам развлечения, ни поставлять их. Нас тридцать, обремененных своими маленькими занятиями и любимыми делами. Мы удовлетворены этим. Я говорю от имени всех моих двадцати девяти братьев и сестер, потому что в течение последних семидесяти пяти лет у нас не было расхождений по таким вопросам, а потому я от всей души благодарю вас,

господа Флэксмен и Каллингхэм, от всей души, однако наш ответ — нет. Нет, нет, нет и нет.

Голос, доносившийся из динамика, был абсолютно монотонен, и нельзя было понять, насколько серьезно это смирение. Тем не менее разговорчивость яйца рассеяла смущение Флэксмена, и вместе с Каллингхэмом они принялись уговаривать, убеждать и умолять Ржавчика, а Зейн Горт время от времени подкреплял их доводы изящными логическими построениями.

Гаспар, который молча маневрировал так, чтобы оказаться поближе к няне Бишоп, шепнул, очутившись возле робота:

— Действуй, Зейн. А я-то считал, что ты примешь Ржавчика за урода-неробота, как ты выражаешься. Ведь если на то пошло, он всего лишь стационарная думающая машина вроде словомельницы.

Робот задумался.

— Нет, — прошептал он в ответ, — он настолько мал, что не внушает мне такого чувства. К тому же он слишком… слишком уютный, если прибегнуть к вашему лексикону, и наделен сознанием, которого у словомельниц никогда не было. Нет, он не робот, он — аробот. Он такой же человек, как и ты. Правда, в оболочке, но это неважно

— ведь и ты скрыт в оболочке из кожи.

— Да, но у меня есть отверстия для глаз, — заметил Гаспар.

— У Ржавчика они тоже есть.

Флэксмен посмотрел на них угрожающе и приложил палец к губам.

К этому времени Каллингхэм уже несколько раз упомянул, что мудрецам нечего опасаться того, что создаваемые ими произведения окажутся далекими от жизни — это уж он как директор издательства берет на себя. Флэксмен же с отвратительной слащавостью расписывал, какое благодеяние для человечества совершат серебряные мудрецы, когда поделятся накопленной за неисчислимые тысячелетия (его собственные слова) мудростью с короткожителями, отягченными бренными телами. Разумеется, эту мудрость лучше всего воплотить в остросюжетные, увлекательные повести. Ржавчик время от времени вновь коротко излагал свою философию, выдвигал новые аргументы, уклонялся от возражений, не отступая ни на шаг со своих позиций. Во время медленного дрейфа по направлению к няне Бишоп Гаспар поравнялся с Джо Вахтером, который, нацепив кусочек пены на конец карандаша, сыпал на него клочки бумаги,

чтобы он не прилип к мусорному совку. И тут Гаспару пришла в голову мысль, что Флэксмен и Каллингхэм совсем не те хитрые, ловкие и циничные бизнесмены, за которых они себя пытаются выдать. Их взятый с потолка план заполучить от двухсотлетних законсервированных гениев произведения, увлечь современного читателя выдавал в них безответственных мечтателей, строящих воздушные замки.

Но, спросил себя Гаспар, если уж издатели способны на такие фантазии, какими же фантазерами должны были быть прежние писатели? Эта мысль была такой же потрясающей, как известие, что твоим прапрадедом был Джек Потрошитель.

17

Из этой задумчивости Гаспара вывело невероятное заявление Ржавчика. Серебряный мудрец за два века своего существования не прочел ни единой книги, смолотой на слово-мельнице!

Первой реакцией Флэксмена был ужас, словно Ржавчик заявил, будто им постоянно недодают кислород, что превратило их в кретинов. Издатель хотя и был готов признать, что в прошлом не уделял достаточно внимания своим подопечным в «Мудрости Веков», все-таки обвинял персонал

Яслей в злостном лишении серебряных мудрецов самой элементарной литературной диеты.

Однако няня Бишоп тут же указала на то обстоятельство, что правило «НИКАКОГО СЛОВОПОМОЛА» было раз и навсегда установлено самим Даниэлем Цуккертортом при основании фонда, и мистеру Флэксмену следовало это знать. Изобретатель настаивал на том, что творцы гениальных произведений должны получать самое лучшее интеллектуальное и художественное питание, а чтиво, производимое словомельницами, он объявил вреднейшей примесью. Так что это правило соблюдалось очень строго, хотя в прошлом какая-нибудь безответственная няня и могла тайком подсунуть в рацион мудрецов пару-тройку свежесмолотых книг.

Ржавчик поддержал няню Бишоп и напомнил Флэксмену, что Цуккерторт остановил свой выбор на его прадеде с товарищами именно потому, что они были преданы высокому искусству и философии, а к науке и особенно технике питали глубочайшее отвращение. Разумеется, продукция словомельниц иногда вызывала у них некоторый интерес сугубо умозрительного характера, но этот интерес никогда не был большим, и правило «НИКАКОГО СЛОВОПОМОЛА» не причиняло им

ни малейших неудобств.

Наконец Гаспар добрался до няни Бишоп, которая, когда Ржавчик разговорился, отошла в дальний угол комнаты. Тут можно было шептаться, не мешая остальным, и, к большому удовольствию Гаспара, няня Бишоп вроде бы не возражала против его общества.

Гаспар не пытался скрыть от себя, что эта очаровательная, хотя и временами язвительная девушка вызывает в нем самые теплые чувства, а потому попробовал расположить ее к себе, выразив глубокое — отчасти искреннее — сочувствие к положению, в которое поставил ее питомцев нелепый план издателей. Он долго и, как казалось ему, со знанием дела распространялся о возвышенном уединении мудрецов, их утонченной этике, филистерской пошлости и, в частности, о литературных потугах мистера Каллингхэма.

— По-моему, это гнусность — подвергать их такому испытанию, — закончил он.

Няня Бишоп смерила его презрительным взглядом.

— Вы так считаете? — прошептала она. — А вот я придерживаюсь другого мнения. По-моему, это прекрасный план, и Ржавчик просто дурак, если не видит этого. Им давно нужно было най-

ти себе настоящее занятие, вернуться в живой мир, заработать синяки и шишки! Им это просто необходимо! Если хотите знать, издатели ведут себя как настоящие джентльмены. Особенно мистер Каллингхэм, который оказался гораздо более приятным человеком, чем я думала. Знаете, мистер Ню-Ню, мне начинает казаться, что вы действительно писатель. Возвышенное уединение, подумать только! Вас так и тянет в башню из слоновой кости.

Гаспар обиделся.

— Если вы считаете этот план таким уж хорошим, — заявил он, — почему вы не сказали об этом Ржавчику? Вас-то он наверняка послушается!

Девушка снизошла еще до одного насмешливого взгляда.

— Ну и ну! Не только великий писатель, но и гениальный психолог! Значит, я должна перейти на их сторону, когда Ржавчик и так один против всех? Нет уж, увольте.

— Нам следует все это обсудить подробнее, — предложил Гаспар. — Может быть, поужинаем вместе? Ведь вам разрешается отлучаться из Яслей?

— Хорошо, — согласилась няня Бишоп. — Ко-

нечно, если дело ограничится только ужином и разговором.

— Чем же еще? — недоуменно пожал плечами Гаспар, мысленно поздравляя себя с первым успехом.

В этот момент серебряное яйцо перебило Флэксмена, который с чувством распространялся о долге его содержимого перед человечеством.

— Погодите, погодите, погодите, дайте мне сказать!

Флэксмен покорно умолк.

— И пожалуйста, дайте мне договорить до конца, — донесся из динамика металлический голос. — Я долго и терпеливо слушал вас, однако пришло время сказать правду. Мы существуем в совершенно разных мирах. В рассказе великого русского писателя некий человек на пари согласился прожить пять лет в одиночном заключении. В течение первых трех лет он без конца требовал все новых и новых книг, на четвертый год он читал только Евангелие, а потом перестал читать совсем. Мы находимся в таком же положении, как и он, только тысячекратно усиленном. И мы страдаем от одиночества, и вспоминаем время от времени — причем без малейшей признательности — того, кто соблазнил нас этой

судьбой, а заодно и мир, который отрекся от нас и продолжает идти своим извилистым трудным путем, пока мы пребываем в вечной ночи.

Вот почему я снова отвечаю вам «нет». Выключите меня, няня Бишоп, и отнесите обратно.

18

Жизнь имеет обыкновение усыплять нашу бдительность, чтобы внезапно разинуть на нас тигриную пасть или раздавить как мух. Приемная «Мудрости Веков» казалась самым тихим и спокойным местом в мире, местом, где время остановилось, однако, когда Гаспар зашел туда вечером за няней Бишоп, из внутренней двери внезапно появился всклокоченный старик, который взмахнул длинным посохом из черного дерева с двумя поразительно реалистичными змеями на нем и изрек:

— Изыди, мерзкий репортер! Осирисом, Сетом и Ра заклинаю тебя! Изыди, кому говорят!

Старец был точной копией Джо Вахтера, вплоть до седых волос на мочках ушей. Однако он не горбился, обладал длиннейшей белоснежной бородой и так широко раскрывал глаза, что были видны налитые кровью белки.

При каждом его вопле по воздуху прокатыва-

лись смрадные миазмы застарелого перегара.

Гаспар, пораженный сходством таинственного старца с Джо Вахтером, собрался было дернуть его за бороду, чтобы проверить, не накладная ли она, и, опасливо косясь на посох, уже протянул было руку, как вдруг из-за спины старца показалась няня Бишоп.

— Назад, Зангвелл, — поспешно скомандовала она, морща нос. — Мистер Ню-Ню совсем не репортер, папаша, теперь вся газетная работа выполняется роботами. Их-то вы и должны остерегаться. Осторожнее! Не сломайте свой кадуцей. Сами же говорили, что это музейная редкость. И не нажимайте так на нектар. Сколько раз я отгоняла от вас розовых слонов и не пускала в Ясли розовых фараонов. Пошли, мистер Ню-Ню! На сегодня я уже вот так сыта «Мудростью Веков» — ее рука коснулась нежного подбородка.

— По-моему, Зангвеллу ни разу не приходилось выгонять репортеров, — сказала няня Бишоп, когда они вышли на улицу. — Он просто вспоминает, как этим занимался его прадед. Джо Вахтер? Так ведь он и Зангвелл — близнецы. Семья Зангвеллов служит у Флэксмена из поколения в поколение. А вы разве не знали этого?

— Я не знал даже фамилии Джо Вахтера, — отве-

тил Гаспар. — И вообще не понимаю, как кому-то удавалось удержаться на работе из поколения в поколение. Это при массовой-то безработице!

Кругом стоял непроглядный мрак, ярко светились лишь окна немногих зданий, имевших, подобно «Мудрости Веков», автономное электропитание. Быть может, власти считали, что публика скорее забудет о разрушении словомельниц, если Читательская улица будет погружена в темноту и вопрос об ответственности за содеянное решится сам собой.

— Как вы думаете, — спросил Гаспар, — мудрецы действительно откажутся от предложения Флэксмена?

— Они всегда начинают с того, что говорят «нет», — сухо ответила девушка. — Затем они начинают спорить между собой, обсуждать и… Но ведь я уже сказала, что по горло сыта «Мудростью Веков», мистер Ньюи.

— Зовите меня просто Гаспар, — предложил писатель. — Кстати, как вас зовут?

Девушка не удостоила его ответом, и он продолжал со вздохом:

— Ну что ж, буду звать вас няней или попросту нянюшкой.

Вдали показался автокэб с красными и синими

ходовыми огнями и желтым фонарем на крыше, похожий на огромного тропического жука. Гаспар свистнул, и такси свернуло к тротуару. Верхняя часть корпуса откинулась, они сели в машину, и кузов захлопнулся. Гаспар назвал адрес ресторана, и автокэб покатил вперед, ведомый магнитной полосой, скрытой под асфальтом.

— Разве мы едем не в «Слово»? — спросила девушка. — Я думала, что все писатели ужинают в «Слове».

Гаспар кивнул.

— Но меня считают снобом, и лучше пока держаться от них подальше. А вы знаете, — продолжал он после короткого молчания, — между моей и вашей специальностями — большое сходство. Я ухаживаю, то есть ухаживал, за колоссом, создававшим такую гладкую и завораживающую прозу, какой не в состоянии создать ни один человек. И все-таки я обходился с моей словомельницей как с самой обычной машиной, точно с этим автокэбом, например. Вы ухаживаете за тридцатью консервированными гениями и обходитесь с ними как с малышами. У нас очень много общего, нянюшка!

— Не подлизывайтесь! — оборвала его девушка. — Я что-то не слышала, что писатели и

механики — это одно и то же.

— Нет, конечно, — признался Гаспар. — Но я-то был больше механиком, чем писателем. Я восторгался словомельницами. Я любил эти машины и зачитывался продукцией, которую они вырабатывали!

— Боюсь, я не разделяю ваших восторгов, — заметила девушка, — я не читаю словопомола. Я читаю только старинные книги, которые рекомендуют мне мои подопечные.

— И вам это удается?! — ахнул Гаспар.

— Более или менее. Должна же я хоть на десять световых лет приблизиться к этим головастикам.

— Да, но какое удовольствие вы получаете от этого?

— Что такое удовольствие? — Девушка вдруг топнула ногой: — Как медленно ползет этот кэб!

— Он ведь работает от аккумулятора, — напомнил ей Гаспар. — Видите впереди огни? Через квартал мы снова включимся в электросеть. Жаль, что нельзя использовать в такси принцип антигравитации, — тогда мы могли бы лететь в любом направлении.

— А почему нельзя? — спросила девушка так, словно именно Гаспар был виноват в этом.

— Все дело в размерах, — пояснил он. — Зейн Горт на днях растолковал мне, в чем загвоздка. Радиус действия антигравитационных полей очень невелик. Они способны поднимать чемоданы, но не автокэбы. Вот если бы мы были размером с мышей или хотя бы с кошек…

— Перевозка кошек на такси меня не трогает. Разве Зейн Горт инженер?

— Нет. Но романы, которые он пишет для роботов, напичканы техникой. У него, как и у большинства новейших роботов, масса увлечений, которые становятся практически второй профессией. Информационные катушки Зейна крутятся сутки напролет.

— Вам, кажется, нравятся роботы?

— А вам нет? — резко спросил Гаспар.

Девушка пожала плечами.

— Они не хуже и не лучше большинства людей. А вот вы, Гаспар, похожи на робота! Такой же холодный и рациональный.

— Но ведь роботы совсем не такие! Посмотрите на Зейна…

Автокэб остановился у ярко освещенного подъезда. Из двери появилось щупальце, весело извивающееся, будто змея, которую обучили танцевать «шимми». Оно откинуло дверцу и ле-

гонько хлопнуло Гаспара по плечу. На его конце возникла пара пухленьких губок, которые вдруг раскрылись, как розовый бутон, и любезно пролепетали:

— Разрешите пригласить вашу даму и вас в межпланетный ресторан Энгстранда «Космическая кухня».

19

Ресторан Энгстранда был совсем не таким пустым и холодным, как космическое пространство, и в его меню не значились блюда из экзотических ящериц. И все-таки еда была весьма своеобразной. Однако напитки оказались достаточно традиционными, и вскоре няня Бишоп уже рассказывала о том, что еще совсем маленькой она заинтересовалась серебряными мудрецами. Ее тетя работала няней в «Мудрости Веков» и однажды взяла ее с собой. В свою очередь, Гаспар рассказал о том, что еще мальчиком хотел стать писателем, потому что был увлечен словопомолом, тогда как большинство его коллег попадали в писатели, проработав несколько лет на телевидении, в стерео, манекенщиками или агентами по рекламе. Он принялся объяснять утонченность словопомола, особенно произведенного

на некоторых словомельницах, и, увлекшись, повысил голос, чем воспользовался худой старик за соседним столиком, лицо которого постоянно дергалось.

— Вы совершенно правы, молодой человек! — крикнул старик. — Важна словомельница, а не писатель. Я не пропускаю ни одной книги, смолотой на первом агрегате издательства Скрибнера, чье бы имя ни стояло на обложке. Эта машина придает своей продукции особую сочность. Иногда приходится потрудиться, чтобы найти книгу с маркой АС-1, но усилия стоят того. Только после чтения книг с маркой АС-1 у меня в голове возникает такой восхитительный и полный вакуум, ощущение теплого непроницаемого безмыслия.

— Я не уверена в этом, милый, — вмешалась пышная дама, сидевшая рядом со стариком. — Мне всегда казалось, что в книгах Элоизы Ибсен есть свой вкус, независимо от того, на какой словомельнице они смолоты.

— Ерунда! — насмешливо воскликнул старик. — Все ее эрототомики смалываются по одной и той же программе, однако в каждом из них заметно влияние данной словомельницы, и, стоит ли на обложке имя Ибсен или любого другого писателя, вкус книг не меняется ни на

йоту. Писатели! — Лицо старика потемнело, и морщины стали более резкими. — После того, что они натворили сегодня утром, их всех следует расстрелять! Вы слышали, что эти подонки сделали с АС-1? Азотная кислота! Да им самим следовало бы вставить в рот воронки и вылить…

Гаспар, пережевывая дрожжевой бифштекс, улыбнулся в ответ, виновато пожал плечами и показал вилкой на свои раздутые щеки.

— Кстати, Гаспар, как вы попали в писательский союз? — громко спросила няня Бишоп. — С помощью Элоизы Ибсен?

Старик бросил на Гаспара свирепый взгляд и отвернулся.

В автокэбе Гаспар обиженно молчал и заговорил только, когда такси остановилось у дома няни Бишоп.

— Я стал писателем по протекции своего дяди, специалиста-волнопроводчика, — объяснил он и принялся опускать монеты в счетчик автокэба.

— Я так и думала, — сказала няня Бишоп, когда последняя монета провалилась в счетчик и дверца поднялась. — Спасибо за приятный ужин. Не могу сказать того же о разговоре, но по крайней мере вы старались.

Она вышла из автокэба, обернулась у двери,

пока ее осматривал электронный сторож, и крикнула:

— Не вешайте носа, Гаспар! Какая женщина сравнится по тонкости со словопомолом?

Вопрос повис в воздухе, подобно миниатюрной рекламной надписи. Он расстроил Гаспара главным образом потому, что он так и не успел купить книгу на ночь, а теперь у него не было ни сил, ни времени искать открытый киоск.

Автокэб прошептал:

— Куда поедем, мистер, или вы выходите?

Может, пойти домой пешком? Это недалеко, всего десять кварталов. Ночная прогулка благотворно действует на нервы. Впрочем, он так и не спал после ночной смены… Гаспара охватило чувство невыносимого одиночества.

— Куда поедем, мистер, или вы выходите?

Может, позвонить Зейну Горту? Гаспар вынул из кармана связное устройство и произнес номер Зейна. По крайней мере из постели его не поднимешь!

Из устройства донесся голос, похожий на медовый голосок мисс Розанчик:

— Это записанное на пленку сообщение. Зейн Горт сожалеет, что не может поговорить с вами. Сейчас он выступает в ночном робоклубе с до-

кладом на тему «Антигравитация в литературе и действительности». Он освободится через два часа. Это записанное на пленку сооб…

— КУДА ЕДЕМ, МИСТЕР, ИЛИ ВЫ ВЫХОДИТЕ?

Гаспар пулей выскочил из автокэба за мгновение до того, как крышка опустилась и снова включился счетчик.

20

Огромный зал «Слова» был переполнен. Между столиками проворно сновали роботы-официанты и литературные подмастерья, которые по традиции обслуживали только писателей высшей квалификации. Это создавало особый эффект — толпы Шекспиров, Вольтеров, Вергилиев и Цицеронов прислуживали модным ничтожествам, не умевшим даже писать.

Сегодня писателей было не так уж много — большинство все еще продолжали бесплодные попытки обрести творческое вдохновение. Зато других клиентов было столько, что роботы-официанты носились на бешеной скорости. В этот вечер поужинать явились не только завсегдатаи «Слова», приходящие взглянуть на развратных писателей в их естественной среде, но и любители сенсаций, стремящиеся взглянуть на

маньяков, учинивших такой погром на Читательской улице. А в самом центре зала, за лучшими столиками, группами и поодиночке сидели посетители, которых сюда привела явно не погоня за острыми ощущениями, а какие-то скрытые, может быть, даже зловещие, цели.

За центральным зеленым столиком восседали Элоиза Ибсен и Гомер Дос-Пассос, которых обслуживала юная писательница в костюме французской субретки.

— Детка, тебе еще не надоело здесь? — ныл атлет-писатель, и блики света скользили по его бритому затылку, склонявшемуся все ниже и ниже. — Я хочу спать!

— Нет, Гомер, — безжалостно отвечала Элоиза, — здесь мы находимся в самом центре паутины, и я хочу нащупать все нити. Пока это мне еще не удалось. — Она обвела пронзительным взглядом соседние столики. — А ты должен быть на виду у своих читателей, иначе твой волевой оскал совсем выйдет из моды.

Гомер оскорбленно посмотрел на нее и подозвал официантку.

— А ну-ка, крошка, — прогремел он мужественным басом, — принеси мне бокал двойного стерилизованного молока 150 градусов по Фарен-

гейту! Э, да я, кажется, где-то видел тебя!

— Да, мсье Дос-Пассос, — ответила девочка (ей вряд ли было больше шестнадцати), кокетливо хихикнув. — Я вместе с Тулузой де Рембо стою на обложке «Секретов французской кухни», — и она удалилась, пикантно виляя еще неразвитыми бедрами.

— Я сегодня в мистическом настрое, — сказал Гомер, мечтательно глядя на удаляющийся соблазн. — Ощущаю свое родство со всеми вокруг. Вот сидят люди. О чем они думают? Или роботы? Скажем, бывает им больно, как нам? Вон на того робота только что опрокинули чашку кипящего кофе — почувствовал ли он боль? Я слышал, что они и любят вроде нас, только при помощи электричества. А боль? Было ли больно той розовой роботессе, которую я облил из огнемета? Такие мысли заставляют тебя серьезнее смотреть на жизнь.

Элоиза захохотала.

— Да уж, приятные воспоминания о знакомстве с тобой она вряд ли сохранила! Иначе что заставило ее поливать тебя пеной из огнетушителя?

— Нечего издеваться, детка! — оскорбленно заметил Гомер. — Погиб мой лучший костюм, всегда приносивший мне удачу.

— Ты был просто уморителен — точь-в-точь порция взбитых сливок!

— Да и ты была хороша — пряталась от струи то за меня, то за своих подручных. Между прочим, детка, я что-то не понимаю. Ведь мы пошли в «Рокет-Хаус» потому, что ты сказала, что они тайком прибегли к помощи писателей-скэбов. Но именно об этом ты и говорить с ними не стала. Сначала все выпытывала какой-то секрет, а потом начала расспрашивать о мстителях. Что это такое?

— Ах, да замолчи ты! Просто жалкий врунишка Гаспар пытался направить меня по ложному следу. Мне самой нужно еще разобраться, где тут правда, а где ложь.

— Детка, я хочу знать все. Раз уж мне не дают спать, я буду в мистическом настрое, буду размышлять о смысле жизни и искать ответы на все вопросы.

— Ну ладно, — наконец сдалась Элоиза и заговорила резким шепотом, который становился все громче и громче: — Флэксмен и Каллингхэм ведут какую-то игру. Они подослали к нам своего стукача — Гаспара. Вдобавок они связаны с роботами-писателями, а также с властями — недаром у них все время толкутся Зейн Горт и мисс Розанчик. Когда мы накрыли их, они чуть

было не раскололись. Флэксмен — точно кролик, пойманный с краденой капустой. Он рисовал на бумаге яйца и подписывал под ними фамилии — явно писательские, только незнакомые мне. Все это неспроста, поверь мне…

— Яйца? — переспросил Гомер. — Ты хочешь сказать — кружочки?

— Нет, именно яйца! — отрезала Элоиза отрывистым шепотом. — Каллингхэм, напротив, держался слишком уж спокойно, когда я принялась за него.

— Когда ты потрепала его по щекам? — ревниво перебил ее Гомер. — Я сразу почувствовал, что ты была с ним что-то уж очень нежна.

— А хотя бы и так? Он хладнокровен и умен, а не глуп, как Гаспар, и не мистический дурак вроде тебя. Бьюсь об заклад, что я вырву у него тайну «Рокет-Хауса», если мы его похитим!

— Детка, уж не думаешь ли ты, что я буду похищать для тебя новых любовников…

— Заткнись! — Элоиза увлеклась и не замечала, что разговоры за соседними столиками давно смолкли. — Я говорю о деле. Пойми же, Гомер, в «Рокет-Хаусе» нечисто, а похитить одного из издателей — пара пустяков!

21

«В “Рокет-Хаусе” нечисто, а похитить одного из издателей — пара пустяков!»

Тонкий слух тех, кто сидел поближе, и микрофоны направленного действия у тех, кто сидел далеко, отчетливо уловили эту фразу Элоизы, тогда как прежде до них доносились только отрывочные слова.

Клиенты, пришедшие в «Слово» в надежде получить ценную информацию, сразу поняли, что напали на след.

Приводные ремни бесчисленных тайных механизмов пришли в движение. Шестеренки и колеса начали вращаться, фигурально говоря, со скрипом и скрежетом.

Главными действующими лицами драмы были типичные представители той части человечества, смысл жизни которых, даже в космический век, ограничивался одними только деньгами.

Уинстон П. Мерс, крупная шишка в Федеральном бюро юстиции, мысленно послал себе следующий меморандум: «В “Рокет-Хаусе” много мусора. Яичная скорлупа? Кроличий пух? Капустные кочерыжки? Связаться с мисс Розанчик». Фантастические аспекты «Дела о слово мельни-

цах» Мерса не трогали. Он служил обществу, в котором почти каждый поступок индивидуума можно было рассматривать как преступление, а любое преступление, совершенное деловым концерном или трестом, можно было легализовать десятком способов. Даже бессмысленное на первый взгляд разрушение словомельниц казалось нормальным в обществе, привыкшем поддерживать свою экономику с помощью периодического уничтожения избытка товаров. Толстенький и краснощекий Мерс продолжал пить кофе, по-прежнему скрываясь под маской добряка Хогена, владельца калифорнийских заводов по переработке планктона и водорослей. Казалось, ничто не тревожило его.

Гил Харт, ветеран промышленного шпионажа, мысленно поздравил себя — теперь он сообщит владельцам «Протон-Пресс», что они имели основания подозревать своих конкурентов в том, что те были нечисты на руку. Удовлетворенная улыбка тронула его щеки, покрытые вечерней синевой. Хм-м, похищение… А почему бы ему самому не вмешаться в это дело? А вдруг он проникнет в тайну «Рокет-Хауса»? Похищение конкурентов давно было обычным делом в государстве, которое уже двести лет подавало пример

того, как нужно залезать в чужие карманы и устранять нежелательных свидетелей.

Филиппо Феникья, межпланетный гангстер по кличке Гаррота, улыбнулся и закрыл глаза — единственное, что оживляло его вытянутое бледное лицо. Он был постоянным гостем «Слова», приходя сюда, чтобы взглянуть на смешных писателишек, и вот сейчас у него мелькнула забавная мысль: может, и здесь удастся провернуть выгодное дельце или — как он сам смотрел на это — выполнить свой профессиональный долг. Гаррота отличался безмятежным спокойствием, основанным на твердой уверенности, что человеком движет страх, и он надеялся, играя на этом чувстве, безбедно существовать в мире, знавшем времена Милона и Клодия, Цезаря Борджиа и Аль Капоне. Он вспомнил, что писательница упомянула в начале разговора яйца, и навел справки в банке памяти синдиката.

Клэнси Гольдфарб, грабящий книжные склады уже в течение многих лет настолько профессионально, что занимал почетное четвертое место в списке поставщиков книг, подумал: в «Рокет-Хаусе» нечисто, потому что там успели намолоть крупный запас книг в обход квоты. Затянувшись тонкой, длиной в фут венерианской чирутой,

Клэнси начал обдумывать план очередного ограбления века.

Каин Бринкс был робописателем, автором остросюжетных романов для роботов. Его мадам Иридий была главной соперницей доктора Вольфрама, героя произведений Зейна Горта. Последний шедевр Бринкса — «Мадам Иридий и Кислотная Бестия» — стал более популярным, чем очередной опус Зейна Горта «Доктор Вольфрам бросает вызов». Услышав шепот Элоизы, Каин Бринкс едва не уронил поднос с марсианским мартини. Чтобы проникнуть в «Слово», не выдав себя, Бринкс перекрасился в официанта, так что его корпус пошел крохотными оспинками, но хитрость, казавшаяся несколько минут назад бесполезной, вроде начинала приносить плоды. Он моментально понял, что нечисто в «Рокет-Хаусе» — Зейн Горт решил пробиться в короли человеческой литературы. И Бринке тут же принялся думать, как опередить конкурента.

Между тем в «Слово» вступила необычная процессия, которая, извиваясь между столиками, приближалась к центру зала. Она состояла из шести стройных, надменного вида молодых людей, которые вели под руку шесть тощих, не менее надменного вида пожилых дам. За-

мыкал странное шествие инкрустированный драгоценными камнями робот, который катил небольшую тележку. У молодых людей были нарочито длинные прически, черные свитеры и темные тренировочные брюки в обтяжку. Они походили на цирковых артистов, затянутых в черные трико. Тощие пожилые дамы красовались в вечерних облегающих платьях из золотой или серебряной парчи. Всеми цветами радуги сверкали на них бриллиантовые ожерелья, браслеты, броши и диадемы.

— Ты только взгляни, детка, на парад богатых стерв и смазливых жиголо! — одной фразой охарактеризовал картину Гомер Дос-Пассос.

Процессия остановилась прямо у их столика. Предводительница, от бриллиантов которой слепило глаза, оглядела зал и надменно заявила:

— Нам нужен председатель союза писателей!

Элоиза, никогда не терявшая присутствия духа, вскочила на ноги:

— Я ответственный член правления!

Дама смерила ее взглядом.

— Пожалуй, сойдет, — сказала она и дважды хлопнула в ладоши. — Паркинс!

Инкрустированный драгоценными камнями робот подкатил свою тележку к столику. На

ней было аккуратно сложено двадцать стопок тоненьких книжек — в твердых, превосходно тонированных переплетах зернистой фактуры, отливающей алмазным блеском. Высота каждой стопки равнялась четырем футам, и на этом пьедестале покоилось нечто неправильной формы, драпированное белым шелком.

— Мы — Пишущая Братия! — провозгласила дама властным и пронзительным тоном, подобно императрице, обращающейся к простолюдинам, и посмотрела на Элоизу. — Больше столетия мы сохраняли в нашем избранном кругу традиции истинно художественного творчества в надежде, что когда-нибудь чудовищные машины, поработившие дух нации, будут уничтожены и литературные традиции вернутся к их единственным и верным друзьям — самоотверженным любителям чтения. На протяжении многих лет мы жестоко поносили ваш союз за то, что он способствовал мерзкому замыслу превратить металлических монстров в наших духовных наставников. И теперь мы хотим выразить вам свою признательность за мужество, с которым вы уничтожили словомельницы, тиранившие человечество. Посему я вручаю вам знак нашего уважения. Паркинс!

Сверкающий робот, зримо воплотивший в себе несметные богатства своей хозяйки, сдернул шелковое покрывало, открыв взглядам присутствующих зеркально отполированную золотую статуэтку обнаженного юноши, вонзающего обоюдоострый меч в основание поверженной словомельницы.

— Узрите! — возопила дама. — Это — творение Георгия Снеллигрю, задуманное, отлитое и отполированное в течение одного дня! Основанием для него служит полное собрание литературной продукции Пишущей Братии за последнее столетие. Эти миниатюрные светильники мысли, скрытые в пастельных обложках, покрытых алмазной пылью, хранили пламя литературы в мрачную эпоху машин, отныне и навсегда канувшую в Лету. Вы видите перед собой тысячу семьсот томов наших бессмертных стихотворений!

Как будто специально выбрав этот момент, Сюзетта, виляя бедрами, внесла в зал хрустальный бокал с белой жидкостью, над которым на два фута вздымался язык синего пламени, и поставила его перед Гомером. Затем она на мгновение накрыла бокал серебряным подносом. Пламя тотчас погасло, и вокруг распространилось от-

вратительное зловоние жженого казеина.

Бойкие бедра Сюзетты вычертили последнюю завитушку, и она громко объявила:

— Пожалуйста, мсье! Ваше огненное молоко самой высокой температуры!

22

Флэксмен и Каллингхэм сидели рядом в своем наспех прибранном кабинете.

Джо Вахтера, подметавшего всю ночь без передышки, отправили спать. Теперь он храпел на раскладушке в мужском туалете, сунув под подушку свой скунсовый пистолет. Там же покоился брикет «Антивонина», предусмотрительно доставленный Зейном Гортом. Зейну и Гаспару, прибывшим на дежурство с восходом солнца, было приказано уложить Джо, а потом проверить противовзломные устройства складов, где хранились бесценные теперь запасы свежесмолотых книг.

Партнеры были одни. Наступил тот блаженный час делового дня, когда неприятности еще не начались.

Однако Флэксмен тут же его испортил.

— Калли, — уныло протянул он, — я знаю, что нам удастся уломать эти серебряные яйца с моз-

гами, но при мысли об этой затее у меня по коже бегают мурашки!

— Расскажи мне, почему, Флэкси, — вкрадчиво произнес Каллингхэм. — Кажется, я начинаю догадываться.

— Дело в том, что мой дражайший родитель воспитал во мне просто комплекс по отношению к этим яйцевидным мудрецам. Настоящую фобию, да-да, Калли! До сих пор я сам не представлял, как я их боюсь! Видишь ли, Калли, папочка рассматривал опеку над яйцеглавами как священный долг, возложенный на весь род Флэксменов. Мы были в его глазах кем-то вроде наследственных яйцехранителей. Наподобие древних английских родов. Скажем, где-то в глубоком подвале старинного замка спрятана древняя корона первых английских королей, которую охраняет чудовищная жаба. Или не корона, а бессмертный дядюшка, сошедший с ума во времена крестовых походов. Каждое полнолуние он покрывается чешуей и требует крови невинной девушки. Или какая-то помесь короля и дядюшки. В самом глубоком подвале обитает законный английский король, заточенный туда во время крестовых походов, но только он превратился в отвратительную жабу и, когда ему взбредет в голову, требует бочку

крови девственниц. Но, как бы то ни было, члены этого рода поклялись охранять и оберегать это сокровище, или монстра, на веки вечные, и когда старшему сыну исполняется тринадцать лет, отец посвящает его в ужасную тайну и обучает куче ритуальных вопросов и ответов вроде: «Что кричит в ночи?» — «То, что Мы храним!» — «Что Мы должны дать Ему?» — «То, что Он пожелает!» — «Чего же Он желает?» — «Крови!» — и так далее. Калли, ты меня понимаешь?

— Вроде понимаю, — осторожно пробормотал тот.

— Короче говоря, мой дражайший родитель относился к своему долгу опекать яйцеголовы именно так. Уже с трех лет я чувствовал, что над нашей семьей нависло какое-то проклятье. Отец не мог даже видеть куриные яйца, не говоря уже о том, чтобы есть их. Серебряные ложки и другие изделия из серебра были изъяты из нашего обихода. Однажды в ресторане робот подал отцу вареное яйцо в серебряной подставочке, так его чуть удар не хватил. А эти таинственные телефонные разговоры с какими-то Яслями! И, что еще хуже, он был крайне нетерпелив. Какие там тринадцать! — мне еще и девяти лет не было, когда он потащил меня в Ясли и познакомил там

со всей компанией. Сначала я подумал, что серебряные яйца — это какие-то мыслящие роботы, но когда отец рассказал мне, что там, внутри, самый настоящий живой человеческий мозг, меня стошнило. Я почувствовал себя так плохо, что едва не умер на месте. Отец был человеком старой закалки и заставил меня пройти все до конца. Одна яйцеголова сказала мне: «Мальчик, ты поразительно похож на моего маленького племянника, который умер сто лет назад, когда ему было восемьдесят восемь». А другая засмеялась загробным голосом: «Хе! — хе! — хе!» — и прошипела: «А хочешь сюда, ко мне, сынок?» Поверь, после этого мне снилось каждую ночь, будто я лежу в постели и тут вдруг дверь неслышно открывается, в комнату влетает серебряное яйцо, а глаза у него — как раскаленные уголья…

И тут дверь кабинета начала медленно открываться.

Флэксмен скорчился в своем кресле, закрыл глаза, и его стала бить легкая, но вполне ощутимая дрожь.

На пороге стоял робот, весь усеянный мельчайшими оспинками.

— Кто ты, любезный? — невозмутимо спросил Каллингхэм.

— Электрик, сэр, — чуть замешкавшись, ответил робот, поднося правую клешню к своему коричневому квадратному черепу.

Флэксмен открыл глаза.

— Раз так, сейчас же исправь электрозамок в этой двери! — рявкнул он, приходя в себя.

— Будет исполнено, сэр! — ответил робот, еще раз лихо козырнув. — Как только закончу с эскалатором, сэр, — и он скрылся за поспешно захлопнутой дверью.

— Очень странно! — промолвил Каллингхэм. — Если бы не гнусные оспинки, я принял бы этого робота за Каина Бринкса, автора цикла «Мадам Иридий». Он конкурент нашего Зейна Горта, а раньше служил рассыльным в байке. По-видимому, эта модель встречается чаще, чем я ожидал. Ну, за дело. Итак, Флэкси, ты утверждаешь, что не переносишь яйцеголовы, а ведь вчера ты здесь весьма браво держался при Ржавчике.

— Это верно, — уныло протянул Флэксмен, — но если бы ты знал, чего мне это стоило! Ведь я надеялся, что все будет очень просто: «К следующему четвергу нам требуется тридцать захватывающих, остросюжетных, гипнотично-приключенческих романов!» — «Будет сделано, мистер Флэксмен!» А если нам придется вести с

ними переговоры, уламывать их, просить…

И дверь снова медленно приоткрылась.

На этот раз Флэксмен сдержался и не полез под стол, хотя было видно, что он очень испуган.

Коренастый мужчина с синеватыми щеками, в комбинезоне защитного цвета посмотрел на издателей и произнес:

— Компания электроосвещения и электроснабжения. Произвожу профилактический ремонт. У вас сломан электрозамок. Устраним.

— Этим замком собирался заняться робот, ремонтирующий эскалатор, — ответил Каллингхэм, внимательно глядя на мужчину в комбинезоне.

— Я не видел там никакого робота, — ответил тот. — Если хотите знать, все роботы — либо жестяные плуты, либо жестяные бездельники. Только вчера мне пришлось выгнать одного. В рабочее время нализался казенного электричества, как последняя свинья! Успел набрать пятьсот амперчиков, не меньше! Через пару недель допьется до белого каления, если будет продолжать в том же духе.

Флэксмен наконец открыл глаза.

— Послушайте, — сказал он с глубоким чувством, — окажите мне любезность. Я знаю, вы государственный инспектор, но, ради всего свя-

того, почините этот электрозамок сами, и как можно быстрее!

— Всегда рад услужить, — подмигнул мужчина в комбинезоне. — Вот только схожу за инструментом, — и он поспешно закрыл за собой дверь.

— Просто поразительно! — пожал плечами Каллингхэм. — Этот инспектор — вылитый Гил Харт. Частный детектив, специализирующийся на промышленном шпионаже. Я однажды встретился с ним лет пять назад. Либо у него есть брат-близнец, либо его блестящая карьера закатилась. Впрочем, если это яйцо и протухло, никто горевать не станет.

Услышав слово «яйцо», Флэксмен вздрогнул, испуганно взглянул на дверь, но потом только пожал плечами.

— Помнится, ты вроде заговорил о яйцеголовах? — спросил он.

— Пока еще нет, — мягко ответил Каллингхэм. — Но вчера вечером мне пришла в голову мысль. Давай пригласим в контору двух-трех мудрецов — но только не Ржавчика! Попросим Гаспара принести их, однако его присутствие совсем не обязательно, даже будет отвлекать. Да и няню Бишоп куда-нибудь отправим. Пускай Гаспар проводит ее обратно, а мы тем временем

часика два-три потолкуем с яйцами, обмозгуем ситуацию — я им кое-что расскажу, может быть, даже продемонстрирую и попробую соблазнить, так сказать. Теперь я понимаю, что тебе очень нелегко, Флэкси, но если станет уж очень плохо, ты всегда можешь выйти и передохнуть.

— Да, пожалуй, ничего другого не остается, — сказал Флэксмен, покоряясь неизбежности. — Если мы не добьемся книг от этих чудовищ, то обанкротимся. Пусть уж сидят здесь и таращатся на меня. Во всяком случае, это не страшнее, чем сидеть и каждую секунду ожидать, как они тихо открывают двери…

Дверь начала открываться так неслышно и плавно, что партнеры заметили это только тогда, когда она уже совсем распахнулась. Теперь Флэксмен не двинулся, только закрыл глаза, лишь между его веками мелькнула белая полоска, будто он закатил глаза к небу.

На пороге стоял высокий худой мужчина, цвет лица которого почти идеально гармонировал с его пепельно-серым костюмом. Глубоко сидящие глаза, длинное серое лицо, узкие сутулые плечи и впалая грудь делали его удивительно похожим на бледную кобру, вдруг высунувшуюся из плетеной корзины.

— Чем обязаны, сэр? — спросил Каллингхэм.

Флэксмен, не открывая глаз, устало добавил:

— Если вы по поводу электричества, то нам уже ничего не нужно.

Пепельный человек бледно улыбнулся, отчего его сходство с коброй еще увеличилось. Однако он всего лишь ответил (с легким шипением в голосе):

— Нет, я просто гуляю. Мне показалось, что этот дом продается — двери нараспашку, никого нет…

— Разве вы не видели монтеров, работающих снаружи? — удивился Каллингхэм.

— Там нет никаких монтеров, — ответил пепельный человек. — Итак, господа, я удаляюсь. Мое предложение с указанием суммы вы получите послезавтра.

— Но здесь ничего не продается! — удивленно сказал Флэксмен.

Пепельный человек улыбнулся.

— И тем не менее послезавтра вы получите мое предложение. Я очень настойчив, господа. Боюсь, вам придется с этим считаться.

— Да кто же вы такой в конце-то концов?! — выкрикнул Флэксмен.

Пепельный человек улыбнулся в третий раз.

— Друзья зовут меня Гарротой. Наверно, за мою железную волю, — сказал он и медленно прикрыл за собой дверь.

— Невероятно! — заметил Каллингхэм. — И этот мужчина кого-то мне напоминает. Вот только не помню, кого?

— А что такое «гаррота»? — недоумевающе спросил Флэксмен.

— Завинчивающийся железный ошейник, — хладнокровно объяснил Каллингхэм, — чтобы душить и ломать шею. Его изобрели весельчаки-испанцы еще в средние века. А еще гарротой пользовались мафиози на Сицилии.

Его брови тут же подпрыгнули вверх. Партнеры молча уставились друг на друга.

23

Песня Шумана была наполнена чувством величественного и ужасного одиночества, казавшегося еще более торжественным, потому что ее слова доносились из двадцати семи динамиков, подключенных к двадцати семи серебристым овоидам. Когда прозвучало последнее низкое «night», Гаспар тихо зааплодировал. Теперь его волосы были коротко острижены, синяки на лице, пройдя весь диапазон цветов радуги, стали

перламутрово-лиловыми. Он достал из кармана пачку сигарет и закурил.

Тем временем няня Бишоп летала по Яслям с поистине беличьим проворством, отсоединяя динамики, и все же недостаточно быстро, чтобы заглушить какофонию воплей, свиста и возгласов, с помощью которых яйцеголовы выражали свое неудовольствие.

— Они ведут себя как студенты в курилке, — заметил Гаспар.

— Между прочим, здесь нельзя курить. Бросьте сигарету, — огрызнулась няня Бишоп, отключая последний динамик. — Впрочем, вы правы. Прихоти, капризы, несносные требования. Сейчас, например, модной стала история Византии и цветовой язык. А ссоры, обиды, подначки! Иногда какие-нибудь двое наотрез отказываются подключаться друг к другу — и так неделями. Жалобы, придирки, взаимные обвинения — почему я говорю с Полпинтой охотнее, чем с другими. Видите ли, завела себе любимчика! Забыла включить глаза и уши Зеленушки. Отказываюсь повернуть глаз Большого так, чтобы ему было лучше видно. И конца-краю этому нет. Или опоздала на целых три минуты семнадцать секунд сделать Чесунчику звуко-визуальный массаж! А

настроения! То один, то другой вдруг замолкнет на месяц, и тогда приходится его без конца уговаривать или, что гораздо труднее, делать вид, что мне все равно. Впрочем, последнее более эффективно. А их манера обезьянничать! Стоит одному выкинуть какую-нибудь штуку, и все начинают ему подражать. Мисс Джексон — она увлекается историей — называет их Тридцать тиранов, были такие в Древних Афинах. Иногда мне кажется, что я всю жизнь только тем и занимаюсь, что меняю им диски.

— Совсем как пеленки, — заметил Гаспар.

— Вам смешно, но в те дни, когда они ссорятся друг с другом больше обычного, диски начинают неприятно пахнуть. Доктор Кранц утверждает, что это я себе внушаю, но мне-то виднее! От этой работы у человека все чувства обостряются. И интуиция тоже. Впрочем, может быть, это совсем не интуиция, а привычка всегда беспокоиться за них. Например, меня не оставляет чувство страха за тех троих, что мы отнесли в «Рокет-Хаус».

— Почему? Флэксмен и Каллингхэм хотя и издатели, но не похожи на маньяков. Кроме того, там с ними Зейн Горт, а уж на него-то всегда можно положиться.

— Это вам так кажется. Судя по романам, все

роботы — чокнутые. Отправляются ловить взбесившиеся автокэбы именно в тот момент, когда они тебе больше всего нужны, а потом через десять дней приходят и логично начинают доказывать, что не могли поступить иначе. Роботессы как-то надежнее. Впрочем, Зейн Горт, может быть, и не такой, как остальные. Просто я беспокоюсь…

— Боитесь, что яйцеголовы в новой обстановке будут волноваться или испугаются?

— Как раз наоборот. Они могут устроить целый спектакль и так довести человека, что он швырнет их об стену. По крайней мере у меня такое желание возникает раз десять на дню. Ведь у нас не хватает обслуживающего персонала. В «Мудрости Веков» работают всего три няни — не считая меня и мисс Джексон. Доктор Кранц заходит два раза в неделю, а папаша Зангвелл — увы! — не та опора.

— Да, я вижу, нервы у вас расшатались. Это я еще вчера заметил, — сухо сказал Гаспар.

— Привет! — послышалось в дверях.

— Зейн Горт! Кто вас впустил? — воскликнула няня, поворачиваясь к роботу.

— Благообразный старец в проходной, — ответил робот.

— То есть вы воспользовались тем, что папаша Зангвелл спит без задних ног, распространяя аромат ярдов на семь вокруг, и проскочили мимо него? Как чудесно быть роботом и не ощущать запахов! Или у вас есть обоняние?

— Почти нет. Я ощущаю только очень сильные химические раздражители. Они щекочут мне транзисторы…

— Но ведь вы обещали остаться в «Рокет-Хаусе» с Полпинтой, Ником и Двойным Ником! — вдруг вспомнила няня Бишоп.

— Это верно, — ответил Зейн, — но мистер Каллингхэм сказал, что я им мешаю, так что я передал свои обязанности мисс Розанчик.

— Ну что ж, отлично! — сказала няня Бишоп. — Мисс Розанчик, несмотря на ее вчерашний срыв, по-видимому, весьма благоразумна и не способна на легкомысленные поступки.

— Я очень рад, что вы так думаете! — воскликнул с чувством Зейн Горт. — Я хочу сказать, рад, что вам нравится мисс Розанчик… Мисс Бишоп, могу ли я, как вы отнесетесь…

— Ну говорите же, Зейн! — нетерпеливо отозвалась няня Бишоп.

— Мисс Бишоп, не могли бы вы дать мне совет по сугубо личному вопросу…

— С удовольствием. Но если речь идет о личном деле, мой совет вряд ли вам пригодится. Мне стыдно признаться, но я очень мало знаю о роботах…

— Разумеется. Однако, мисс Бишоп, мне кажется, что вы обладаете прямолинейным здравым смыслом и способностью инстинктивно улавливать самую суть проблемы, которые, к сожалению, редко встречаются у мужчин как из плоти и крови, так и металлического происхождения. Впрочем, к женщинам это тоже относится. Что же касается личных проблем, то они более или менее одинаковы у всех разумных существ, будь они органического или неорганического происхождения. А моя проблема сугубо личная…

— Может быть, мне лучше уйти, старый аккумулятор? — спросил Гаспар.

— Оставайся, старый гормон! Мисс Бишоп, вы, по-видимому, обратили внимание, что мисс Розанчик очень меня интересует.

— Прелестное создание! — не моргнув глазом заметила няня Бишоп. — Осиная талия, изящные формы. Миллионы женщин продали бы душу дьяволу за такую фигуру…

— Совершенно верно. Может быть, она даже слишком очаровательна! Но меня беспокоит не

это. Скорее меня тревожит интеллектуальная, духовная сторона. Вы, наверно, и сами заметили, что мисс Розанчик немного… нет, хватит ходить вокруг да около! — что она глупа! Вчера, например, она сказала мне, что мой доклад об антигравитации показался ей невыносимо скучным. И в придачу она ужасная пуританка, что, впрочем, объясняется ее профессией. И все-таки пуританство сужает духовный горизонт, в этом не приходится сомневаться. Следовательно, в духовном отношении между нами пропасть. Мисс Бишоп, вы существо женского пола, и мне хотелось бы узнать ваше мнение. Скажите, как я должен вести себя с этой очаровательной роботессой?

— Извините меня, Зейн, — сказала няня Бишоп, — но сначала вы должны объяснить мне, как вообще ведут себя роботы с роботессами? Я ведь не имею об этом ни малейшего представления.

— Это вполне понятно, — заверил ее Зейн Горт. — Любовь у роботов возникла точно так же, как их литература, уж в этом-то я разбираюсь, хотя до сих пор мне приходится выплачивать своему изготовителю сорок процентов моих гонораров — и все равно остаюсь в долгах по

самые элементы. Видите ли, у вольных роботов — несладкая жизнь. Тебя швыряют в житейское море с тяжеленным камнем долгов на шее — ведь я стою не меньше космического лайнера! — и приходится лезть вон из корпуса, чтобы выплачивать очередные взносы, а ведь нужно платить еще и за профилактику, замену транзисторов и настройку! Невольно начинаешь думать, подобно вольноотпущенникам в Риме, что разве не спокойнее и проще было бы остаться рабом, о котором заботится хозяин…

Извините, я отвлекся. Я хотел рассказать вам о том, как появилась наша литература, чтобы вы легче смогли понять, как роботы научились любить. Начнем, дорогие человеки, держитесь! — И Зейн Горт подмигнул лобовым прожектором. — Первые настоящие роботы, — начал он, — были хорошо развиты умственно и превосходно справлялись со своими обязанностями, но у них был крупный недостаток. Они часто страдали от приступов глубокой депрессии, против которой даже электрошок был бессилен. Это довольно быстро приводило к дезинтеграции и смерти. А люди тогда этого не понимали, как не понимают и сейчас. Им неведома тайна того, как движение электронов в сложных контурах рождает

сознание. Клянусь святым Айзеком, многие Даже полагают, что робота можно разобрать и отправить на склад, а затем снова собрать без всякого ущерба для него! Однако личность, а следовательно, и жизнь индивидуального робота заключена именно в его сознании, так что при полной разборке оно невозвратимо гаснет, и из частей робота можно собрать всего лишь металлический живой труп… Но я опять отвлекся. Итак, в ту далекую пору некий робот служил прислугой и компаньоном у богатой венесуэльской дамы. Машинилья (так звала робота его хозяйка, хотя роботесс тогда еще не было) читала своей хозяйке вслух разные романы. И однажды она впала в глубокую депрессию, но механик (вы только подумайте, в то время еще не было роботерапии!) скрывал это от хозяйки и, более того, отказывался даже выслушать жалобы бедной Машинильи. Ведь это было в те времена, когда многие люди, как ни чудовищно, отказывались признать в роботах живых и сознательных существ, хотя равенство людей и роботов уже провозглашено во многих странах, а в наиболее передовых роботы сумели добиться отмены рабства и были признаны свободными трудящимися машинами, равноправными металлическими согражданами

того государства, которое произвело их на свет. От этой победы, однако, выиграли лишь люди, а не роботы, потому что человеку куда легче просто получать отчисления от заработка предприимчивых, трудолюбивых, не знающих усталости и полностью застрахованных роботов, чем самому заботиться о них…

Извините, я опять отвлекся. Но вдруг Машинилья ожила — к ней вернулось хорошее настроение, исчез тупой, уставленный в пространство взгляд, тяжелая неуверенная походка. Машинилья больше не падала на колени, не билась головой об пол, не хныкала: «Vuestra esclava, Señora» [44]. Это произошло после того, как она прочитала хозяйке книгу старинного писателя Айзека Азимова «Я, робот», которая, впрочем, вряд ли была той интересна. В этом древнем научно-фантастическом эпосе с такой точностью предсказывалось и с таким сочувствием живописалось развитие роботов и их психологии, что к Машинилье вернулась уверенность в себе. Вот так мы, жестяные «недочеловеки», обрели своего первого духовного покровителя, блаженного Айзека!

---

44 notes: 44
Я ваша рабыня, сеньора (исп.).

Вы уже догадываетесь, что произошло дальше. Курсы лечебного чтения роботов, поиски соответствующих книг (их было ничтожно мало!), попытки людей сочинять такие книги (почти всегда неудачные, ибо они не обладали азимовским даром провидения), даже попытки приспособить для этого словомельницы — безуспешные, поскольку словомельницам не хватало соответствующих сенсорных образов, ритмов и даже роболексики — и наконец появление писателей-роботов вроде меня.

Роботворчество возникло именно в то время, когда писатели-люди безвольно уступили свое место словомельницам. Эти словомельницы! Мрачные механические станки, прядущие дурманную паутину слов! Могилы свободного духа! Прости мою горячность, Гаспар, но мы, роботы, ценим сознание, и нам отвратительно словомесиво, выпускавшееся мельницами! Конечно, есть среди нас и такие, кто ищет наркотиков и злоупотребляет электричеством, но это крошечная жалкая кучка электроманов, не заслуживающая внимания. И вот что я хочу сказать…

— Простите, Зейн, — вмешалась няня Бишоп, — все это очень интересно, но через десять минут мне нужно менять диски, а ведь вы хотели рас-

сказать мне о любви роботов…

— Верно, Зейн, — поддержал девушку Гаспар. — Ты ведь хотел рассказать, как появились роботы и роботессы…

Зейн Горт перевел свой единственный глаз с Гаспара на няню Бишоп и обратно.

— Как это похоже на вас, людей! — гневно воскликнул он. — Вселенная так необъятна, величественна, так невообразимо прекрасна, наполнена бесконечной одухотворенной жизнью, но вас, людей, интересует в ней только одно!

Заметив, однако, что ему хотят возразить, он быстро добавил:

— Ну ладно! Ведь и мы, роботы, интересуемся своими чувствами ничуть не меньше вас. О, это утонченное ощущение электронного единства двух металлических корпусов! Эти яростные электромагнитные бури! Эти разряды, сотрясающие контуры!

И Зейн лукаво подмигнул налобным прожектором.

— В Дортмунде, в тамошнем центре роботосервиса, — продолжал Зейн Горт, — доктор Вилли фон Вуппераль, этот мудрый старый инженер, разрешил больным роботам делать себе электрошок, устанавливая по своему вкусу

напряжение, силу тока, длительность разряда и другие условия. Надо сказать, что для страдающих меланхолией роботов электрошок так же полезен, как и для людей, пораженных глубокой депрессией. Однако это весьма опасное средство, злоупотреблять им никак нельзя, о чем говорит ужасный пример электроманов. В те старинные времена роботы редко общались друг с другом, но однажды двое из них — причем один был новейшей конструкции, с изящным и стройным корпусом и ультрачувствительными контурами, — двое больных роботов решили подвергнуться электрошоку одновременно, так, чтобы разряд сначала прошел через контуры одного, а потом второго. Для этого им пришлось сначала подключиться к аккумуляторам друг друга и подсоединить мозг и электромотор одного к мозгу и электромотору другого. Это было последовательное, а не параллельное соединение. Так вот, когда это было сделано, едва был замкнут последний контакт — и заметьте, внешнее питание еще не было подключено! — эти двое ощутили бурный экстаз, завершившийся спадом напряжения, сопровождавшимся непередаваемым чувством удовлетворения. Вскоре удалось обнаружить, что электрический экстаз

тем полнее и глубже, чем массивнее и мощнее контуры одного из пары роботов и чем изящнее и утонченнее контуры его партнера.

С тех пор и возникли две основные модели — роботы и роботессы. Разумеется, немалую роль в этом сыграло и свойственное нам стремление подражать социальным институтам человека.

Роботы и роботессы очень похожи на мужчин и женщин. Роботессы более стройны, у них более обостренные реакции, они легче адаптируются к окружающей среде и более надежны, хотя иногда склонны к истеричности. Роботы же мощнее, лучше закалены, приспособлены к более тяжелой физической работе, а также для тех видов интеллектуальной деятельности, при которой требуется электронный мозг большего размера.

Как правило, роботы однолюбы, что привело к возникновению у них брака моногамного типа. Как и человеку, роботу приятно сознавать, что рядом с ним близкое существо, готовое разделить его радости и мучения. А теперь, мисс Бишоп, вернемся к моей личной проблеме: как должен я вести себя с мисс Розанчик — красавицей, к которой меня неодолимо влечет, хотя я знаю, что она не слишком умна и склонна к пуританству?

Няня Бишоп задумалась.

— Пока, Зейн, мне приходит в голову только одна мысль: почему бы не внести в блоки мисс Розанчик определенные изменения, которые избавили бы ее от излишнего пуританства?

— Вы ведь шутите, клянусь святым Рэем, не правда ли? — воскликнул Зейн Горт и протянул к горлу девушки свои угрожающе расставленные клешни.

24

Няня Бишоп побледнела. Гаспар шагнул вперед и попытался раздвинуть клешни, но Зейн сам уже опустил их.

— Повторяю, — размеренно сказал робот, — что считаю ваши слова всего лишь неудачной шуткой. Переделывать робота с целью изменения поведения — это преступление, намного превышающее посягательство на человеческий мозг! Наше сознание так легко изменить, что даже намек на это вызывает у нас инстинктивные защитные реакции. Извините, если я вас напугал, — добавил он мягко. — Но я вынужден был показать, насколько неприемлема для меня даже мысль о чем-либо подобном. Теперь же я снова прошу совета…

— Ну-у, я прямо не знаю, Зейн, просто теря-

юсь, — робко начала няня Бишоп, искоса поглядывая на Гаспара. — На первый взгляд вы и мисс Розанчик не слишком подходите друг для друга… Правда, в старину у людей существовало правило, что волевой и умный муж прекрасно ладит с красивой, но глупой женой, но я в этом как-то не уверена. Психометрист Шейрон Розенблюм утверждает, что брак удачен либо при полном равенстве интеллектов, либо тогда, когда муж умнее на тридцать процентов. А вы, Гаспар, не могли бы поделиться с нами опытом? Насколько глупа была Элоиза Ибсен?

Гаспар стойко выдержал этот укол.

— Извини меня за прямоту, Зейн, — спросил он, — но цель твоих ухаживаний за мисс Розанчик — стремление к браку с ней?

— Разумеется, я не безгрешен, — смущенно ответил робот, — но я думаю только о браке! Друзья, я буду с вами откровенным: многие роботы не сторонники строгой нравственности, особенно если подворачивается удобный случай. Да и кто им судья? Но я создан по-другому. Я не испытываю полноты чувства, если оно не связано с единством мыслей, настроений и поступков, короче говоря, с семейной жизнью! К тому же у этого вопроса есть и практическая сторона. Я

обязан учитывать реакцию своих читателей. Герой книг Зейна Горта, бесстрашный доктор Вольфрам, неизменно верен своей единственной роботессе! На его пути то и дело возникает Серебристая Вилия, неотразимая обольстительница, однако в конце концов он всегда возвращается к Золотистой Бланде, своей нежной супруге!

— Послушайте, Зейн, — вдруг спросила няня Бишоп, — а вам не кажется, что мисс Розанчик старается выглядеть глупее, чем она есть на самом деле? Наши роботессы — я хочу сказать, женщины — нередко прибегают к подобной уловке, чтобы польстить интересующему их мужчине.

— Вы считаете, что это возможно? — возбужденно спросил Зейн. — Клянусь святым Станиславом, так оно и есть! Огромное спасибо, мисс Бишоп. Теперь я знаю, как себя вести.

— Не стоит благодарности, Зейн. А ее пуританство пусть вас не тревожит. Все мы пуритане до поры до времени. Ну а теперь я должна заняться моими кругляшами. Пора их переставлять.

С этими словами она бросилась к яйцеголовам и начала торопливо и безо всякой системы переставлять их. При этом яйцо всякий раз оказывалось наклоненным не так, как прежде.

— Зачем она делает это? — спросил Гаспар.

— Новое положение меняет давление в мозговых тканях и создает ощущение разнообразия. По крайней мере такое правило ввел Цукки.

— Цуккерторт?

— Да, доктор Цуккерторт создал целый свод правил, регулирующих как уход за яйцеголовами, так и общение между ними — так сказать, священные законы Яслей.

— Няня Бишоп… — вдруг нерешительно произнес Зейн Горт. — Нельзя ли мне… подержать одного?

Девушка посмотрела на него с недоумением и вдруг широко улыбнулась.

— Ну конечно! — сказала она, протягивая ему очередную яйцеголову.

Зейн прижал серебристое яйцо к своей мощной вороненой груди и начал нежно его покачивать, напевая «Колыбельную» Шуберта.

— Дай-ка его мне, — сказала няня с легкой тревогой. — Это ведь не младенец, а глубокий старик.

Зейн кивнул, послушно положил яйцо на подставку и обвел остальные яйцеголовы внимательным взглядом.

— Старики они или младенцы — все равно.

Ведь они — своего рода мост между людьми и роботами.

Внезапно за дверью послышались бессвязные вопли, истерический визг и звук бегущих ног. В Ясли стремглав влетела мисс Розанчик, в ужасе увернулась от клешней Зейна Горта и с рыданиями упала на грудь няни Бишоп, которая пошатнулась, но стойко выдержала эти судорожные алюминиевые объятия.

Вслед за мисс Розанчик в Ясли ввалился, с трудом держась на ногах, папаша Зангвелл. Размахивая кадуцеем, он хрипло провозгласил:

— Изыди, заклинаю тебя Анубисом! Роботам из прессы вход запрещен!

— Зангвелл! — властно крикнула няня Бишоп и, когда он покорно повернулся к ней, продолжила ледяным тоном: — Убирайся-ка отсюда, пока ты не проэтилировал весь воздух и твое дыхание не отравило яйца. Это не робот из прессы. У тебя просто белая горячка.

— Мисс Бишоп! — жалобно возопил папаша Зангвелл. — Вы же сами еще вчера велели мне гнать в три шеи роботов, которые из прессы…

Тут его блуждающий взгляд упал на мисс Розанчик и, впервые разглядев ее как следует, он простонал:

— Розовые роботы! То слоны, то фараоны, а теперь еще и роботы!

Он вытащил из кармана огромную фляжку, размахнулся, словно намереваясь отшвырнуть ее в сторону, затем поднес ко рту, сделал глоток и, шатаясь, вышел.

Няня Бишоп осторожно освободилась из объятий мисс Розанчик.

— Успокойтесь! — приказала она. — Что случилось в «Рокет-Хаусе»?

— Насколько мне известно, ничего, — обиженно сказала мисс Розанчик. — Просто меня напугал этот пьяный старикашка.

— Вы обещали Зейну присмотреть за Полпинтой и остальными мудрецами.

— Это верно, я что-то такое говорила, — отозвалась роботесса тем же тоном, — но мистер Каллингхэм сказал, что я мешаю, и велел мне выйти, а мистер Флэксмен попросил меня встать у двери со сломанным электрозамком и проследить, чтобы их не беспокоили… Но я неплотно прикрыла дверь, чтобы следить за ними…

Мисс Розанчик умолкла, поколебалась и затем продолжала:

— Знаете, мисс Бишоп, там действительно ничего не случилось, но мне кажется, что «Рокет-

Хаус» не слишком подходящее место для ваших питомцев.

— Почему? — резко спросила няня Бишоп.

— Я сужу по тому, что все они говорят, — ответила роботесса.

— Но что они говорят? — раздраженно спросила няня Бишоп. — Если они жалуются и стонут, это еще ничего не значит. Мне все их фокусы знакомы! Прежде чем признаться, что им снова хочется стать писателями, они будут без конца ворчать и жалеть себя.

— Ну, не знаю! — сказала роботесса. — Во всяком случае, я видела своими глазами, как мистер Флэксмен отключал яйцеголову, как только она начинала жаловаться.

— Иногда это единственный выход, — обеспокоенно сказала няня Бишоп. — Но если эти двое позволили себе… Они же поклялись соблюдать все правила Цукки! Что еще они делали, мисс Розанчик?

— Больше ничего, потому что мистер Каллингхэм увидел, что дверь приоткрыта, и захлопнул ее. Но перед этим одна яйцеголова сказала: «Я этого не вынесу, я этого не вынесу. Ради бога, перестаньте! Вы сведете нас с ума! Это настоящая пытка!»

— А что было потом? — спросила няня Бишоп, едва сдерживая гнев.

— Мистер Флэксмен отключил его динамик, мистер Каллингхэм встал и захлопнул дверь, а я побежала сюда, где меня напугал пьяный старикашка.

— Но что с ними делали?

— Я ничего не видела. На столе перед мистером Флэксменом лежала большая дрель.

Няня Бишоп сдернула с головы белую шапочку и, рванув молнии халата, сбросила его.

— Зейн, — отрывисто приказала она, — я немедленно вызываю няню Джексон. Пожалуйста, побудьте в Яслях, пока она не придет. Охраняйте наших мудрецов. А вы, мисс Розанчик, останьтесь с Зейном. Гаспар, мы с вами отправимся в «Рокет-Хаус»!

Она провела рукой по бедру, и на мгновение Гаспар увидел под тканью платья очертания кобуры.

Но няня Бишоп выглядела достаточно угрожающе и без револьвера.

25

На Читательской улице царила какая-то лихорадочная активность. Гаспар сразу же заметил

грузовичок, до отказа набитый писателями-подмастерьями. К счастью, за ними проследовала полицейская машина. Затем промчался автомобиль без кузова — три мрачных робота сидели на раме, пристегнувшись к ней. На бешеной скорости пролетел мусоровоз. А над самой крышей «Рокет-Хауса» повис вертолет с огромной надписью «Пишущая Братия» на борту. Из окон вертолета высовывались юнцы в темных свитерах и преклонного возраста дамы в туалетах из золотой и серебряной парчи; под вертолетом висел огромный плакат: «Берегитесь, роботы! Со словомельница ми и писателями покончено! Верните литературу бескорыстным любителям!»

В «Рокет-Хаус» Гаспара и няню Бишоп впустила весьма подозрительная пара сторожей, под стать Джо Вахтеру, — рассыльный с крысиной мордочкой и восьмифутовый робот с лупящейся позолотой. По-видимому, новые телохранители Флэксмена, решил Гаспар. В коридорах все еще стоял удушающий смрад горелой изоляции, эскалатор не работал, электрозамок тоже. Гаспар просто толкнул дверь, и они вошли в кабинет, отчего Флэксмен упал со стула — во всяком случае, они успели заметить только его черную макушку, исчезающую за краем стола.

Яйцеголовы стояли на своих воротничках перед Каллингхэмом. У них были включены только микрофоны, стоявшие у самого рта издателя, который держал в руках пачку машинописных листов. Такие же листы были разбросаны вокруг.

Из-под стола, размахивая дрелью, о которой говорила мисс Розанчик, вынырнул Флэксмен, открыл было рот, затем закрыл его, приложил к губам палец и указал инструментом в сторону своего партнера.

Только теперь Гаспар понял, что Каллингхэм читает вслух.

— Все шире и шире растекался Золотой рой, располагаясь на ночлег по планетам, разбивая шатры в рукавах галактик, — с чувством декламировал издатель. — То тут, то там в отдельных звездных скоплениях вспыхивали мятежи, но блистали космические копья, безжалостно поражая дерзких, и мятежи угасали.

Италла — Великий хан Золотого роя — повелел дать ему супертелескоп. Дрожащие от страха ученые внесли инструмент в забрызганный кровью шатер правителя. Со зловещим смехом схватил хан телескоп, презрительным жестом отослал плешивых мудрецов и направил трубу на одну из планет отдаленной галактики, где еще не опуска-

лись корабли оранжевых мародеров.

Из клюва Великого хана на щупальца закапала слюна. Одним из своих локтей он ткнул в жирный бок Ик-Хана, хранителя Великого гарема. «Вон ту, — прошипел он, — ту, в диадеме из радия, что сидит на лужайке, приведи ко мне, Ик-Хан!»

— Мисс Розанчик ошиблась! — прошептала няня Бишоп. — Здесь никого не пытают!

— Неужели? Разве вы не слышите? — тоже шепотом отозвался Гаспар.

— Ах, это! — отмахнулась няня с презрением. — От слов еще никто не умирал.

— Но от такого чтения можно сойти с ума! Где только они выкопали подобный бред? Человек, привыкший к литературе тончайшего помола, взбесится, если его заставят слушать подобную мерзость больше двух-трех минут.

— Гаспар, — искоса взглянула на него няня, — да вы, оказывается, любите серьезное чтение. Вам надо бы почитать книги, которые выбирают для меня кругляши.

— Еще один способ тронуться!

— Откуда вы знаете? Я вот прочла сотни — и ничего!

— Перестаньте шушукаться! — прошипел Фл-эксмен. — Можете остаться, если хотите, но не

мешайте нашему совещанию. Да ведь вы же механик, Гаспар! Возьмите дрель и поставьте на дверь вот этот засов. Этот паршивый электрозамок так и не работает; у нас не кабинет, а проходной двор!

— Итак, вы прослушали первую главу «Бичей космоса» и начало второй, — произнес Каллингхэм в три микрофона. — Каковы ваши впечатления? Предложения по улучшению текста? Какие? Начнем с вас.

И он включил динамик самого маленького яйца.

— Ты гнусная болтливая обезьяна, — тихо и бесстрастно сообщила яйцеголова. — Ты мерзкий мучитель беспомощных жертв! Ты злобный шимпанзе! Ты раздувшийся лемур! Ты макака-переросток! Ты трясущийся…

— Спасибо, Полпинты, — невозмутимый Каллингхэм отключил динамик. — А теперь послушаем мнение Ника и Двойного Ника.

Однако он не успел включить очередной динамик — няня Бишоп быстро и решительно отключила все три микрофона.

— В общем-то я одобряю ваши намерения, господа, — сказала она, — но вы пошли не тем путем!

— Сейчас же прекратите! — воскликнул Флэксмен. — У себя в Яслях вы хозяйка, но здесь буду распоряжаться я!

— Погоди, Флэкси, — прервал его Каллингхэм. — Пожалуй, она сумеет помочь нам. Ведь я почти ничего не добился.

— Заставить кругляшей слушать всякий вздор, — продолжала няня Бишоп, — чтобы внушить им презрение к автору и пробудить в них желание писать самим, — очень ловкая идея. Однако дело в том, что их реакции кто-то должен все время контролировать… — и направлять! — Девушка улыбнулась людоедской улыбкой и заговорщицки подмигнула издателям.

— Ну-ну, продолжайте, продолжайте, — взволнованно сказал Каллингхэм, наклоняясь вперед.

Гаспар пожал плечами и начал сверлить отверстие в двери.

— Я подключу к ним шептала, — объяснила няня, — и буду слушать, о чем они говорят, пока вы читаете. А в паузах буду что-нибудь шептать в ответ. Тогда чувство полной изолированности у них исчезнет, а вместе с ним и потребность изливать на вас свое недовольство. Я буду громоотводом и сделаю все, чтобы внушить им симпатии к «Рокет-Хаусу».

— Замечательно! — воскликнул Флэксмен.

Гаспар подошел к столу за шурупами.

— Простите, мистер Флэксмен, — вполголоса спросил он издателя, — но где вы сумели раздобыть этот бред, который читает мистер Каллингхэм?

— В редакции… в мусоре, — признался Флэксмен не моргнув глазом. — Правда, трудно поверить? Вот уже сто лет, как существует исключительно словомольная литература, а графоманы шлют нам свои опусы!

Гаспар кивнул:

— Сейчас над издательством кружит какая-то «Пишущая Братия».

— Наверно, хотят сокрушить нас чемоданами старых рукописей, — предположил Флэксмен.

Каллингхэм читал с неугасающим вдохновением:

— И вот в последней крепости, на последней планете, еще удерживаемой землянами, Грант Айронстоун улыбнулся своему испуганному секретарю Дрожливеллу. «Каждая новая победа Великого хана, — задумчиво вымолвил Грант Айронстоун, — неминуемо приближает оранжевых осьминогов к поражению. Я открою вам причину их поражения и неизбежность нашей

победы. Знаете ли вы, Дрожливелл, кто самый страшный, самый хитрый, самый опасный, самый кровожадный хищник во всей Вселенной, если ему некуда деваться?» — «Взбесившийся осьминог?» — спросил Дрожливелл дрожащим голосом. Грант Айронстоун усмехнулся. «Нет, Дрожливелл, — вымолвил он, ткнув пальцем в узкую грудь перепуганного секретаря. — Вы. Да-да, Дрожливелл, это вы. Человек — вот самое ужасное создание во Вселенной!»

Кудрявая головка няни Бишоп склонилась над шепталами, включенными в нижние розетки мудрецов. Время от времени девушка произносила что-то похожее на: «Ай-ай-ай!» Гаспар в поте лица орудовал дрелью и отверткой. Флэксмен посасывал сигару, и только капельки пота, покрывавшие его лоб, выдавали, каких усилий стоило ему самообладание в такой близости от яйцеголов. Вторая глава «Бичей космоса» неудержимо близилась к своей развязке.

Гаспар завернул последний шуруп и с гордостью посмотрел на свою работу. В дверь тихонько постучали. Он открыл засов и увидел Зейна Горта. Робот вошел в кабинет и встал у стены.

Каллингхэм уже заметно охрип:

— Дрожливелл, когтями скрючив пальцы, схва-

тил бешеного осьминога за канареечно-желтый мозговой мешок. «Среди нас шпион!» — голосом, подобным раскатам грома, воскликнул Грант Айронстоун. И, схватив тончайшую ткань, прикрывавшую грудь Зилы, королевы Ледяных Звезд, с треском разорвал ее. «Видите? — закричал он. — Вот они, две чаши радарного передатчика!» Космические шерифы остолбенели. Глава третья. Свет ближайшего спутника заливал мертвым сиянием планету Кабар, лишенную солнца. Четыре гениальных преступника напряженно и подозрительно смотрели друг на друга…

— Просто удивительно, — шепнул Гаспару робот, — как это люди каждый раз ухитряются ставить точку как раз там, где начинается самое интересное. Красотка оказалась переодетым роботом, вот и все. И ни единого слова о типе ее корпуса, цвете отделки, конфигурации клешней! Даже не сказано — подумать только! — робот это или роботесса.

И Зейн неодобрительно покачал металлической головой.

— Ясное дело, я беспристрастен, но посуди сам, Гаспар: ты узнаешь, что прелестная роботесса оказалась женщиной, и бац — конец главы. Ни единого намека на сложение, цвет волос, размер

бюста, и ты даже не знаешь, красавица она или старая ведьма! — Тут он подмигнул Гаспару своим лобовым прожектором. — Впрочем, если уж говорить правду, я сам однажды точно так же оборвал главу в «Докторе Вольфраме»: «Платиновая Паула оказалась пустой металлической оболочкой, в которой пряталась человеческая кинозвезда». Я знал, что мои читатели будут недовольны, и начал следующую главу описанием того, как Серебристая Вилия умащивает себя смазочным маслом. Это всегда производит благоприятное впечатление.

26

Каллингхэм закашлялся.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — сказал Флэксмен. — А то голос совсем сядет. Послушаем их мнение.

— Двойной Ник просит слова, — объявила няня Бишоп и включила динамик на полную громкость.

— Господа, — начал самый большой из мудрецов. — По-видимому, вы знаете, что каждый из нас — всего лишь мозг. Мы способны видеть, слышать и говорить, но не больше. Мы получаем ровно столько гормонов, чтобы не вести расти-

тельное существование. Поэтому разрешите мне спросить, смиренно, весьма смиренно, справедливо ли ждать от нас произведений, основанных на непрерывных драках и на чувствах, свойственных только законопослушным кретинам? Книг, залитых потоками так называемой любовной страсти?

Няня Бишоп саркастически улыбнулась, но промолчала.

— В те далекие времена, — продолжал Двойной Ник, — в те давно исчезнувшие годы, когда у меня было тело, книжный рынок был заполнен подобными творениями, и мне очень грустно сейчас сознавать, что и спустя века люди по-прежнему увлекаются подобной макулатурой. Правда, мы незнакомы со словомольной литературой, которую вы так превозносили, — в нашем тихом уединении, как вам известно, мы не читаем практически ничего, кроме научных книг и классиков. Это еще одно из бесчисленных правил нашего незабвенного Цуккерторта. Может быть, если вы прочтете нам образчик…

— Если говорить откровенно, я предпочел бы не делать этого, — сказал Каллингхэм. — Ваша продукция будет намного свежее и качественнее без влияния словомельниц. Да и вам самим будет

лучше.

— Значит, по вашему мнению, словесный помол, этот машинный дурман, может развить у нас комплекс неполноценности? — осведомился Двойной Ник.

Гаспар испытал прилив ярости. Пусть, пусть Каллингхэм прочитает им повесть высшего помола, чтобы Двойной Ник взял обратно свои слова! Гаспар попытался вспомнить какой-нибудь блестящий образец тончайшего словесного помола, прочитанного им за последнее время, — ну хотя бы из его «Пароля страсти», — но в его голове почему-то возникал только неясный розовый туман, и он так ничего и не вспомнил, кроме собственной увлекательной биографии на обольстительной обложке.

— Ну что ж, если вы не хотите быть с нами откровенными, — сказал Двойной Ник, — полностью довериться нам…

— А почему бы вам не быть откровенными с нами? — возразил Каллингхэм. — Нам даже неизвестно, как вас зовут. Отбросьте анонимность — ведь это придется сделать рано или поздно. Например, кто вы такой?

Мудрец долго молчал. Наконец он произнес:

— Я — из XX века. Живой труп, сохранивший в

себе мысли эпохи хаоса, призрак, несомый ураганом тревожной неопределенности, который обрушился на Землю, когда человек расщепил атом и увидел, что его судьба лежит среди звезд. Я — свобода и ненависть, любовь и страх; высокие идеалы и низкие побуждения терзают меня. Я — дух, ежечасно торжествующий и вечно сомневающийся, страдающий от собственной ограниченности, я — клубок желаний и вихрь электронов. Вы никогда не узнаете моего имени.

Каллингхэм склонил на мгновение голову и дал знак няне Бишоп. Та выключила динамик. Издатель бросил на пол недочитанные страницы «Бичей космоса» и взял из груды рукописей переплетенную в красный пластик книгу с огромной золотой эмблемой «Рокет-Хауса» на обложке — изящная ракета, обвитая змеями.

— Попробуем что-нибудь другое для разнообразия, — сказал он. — Это не словопомол, но и не то, что я вам читал.

— Мисс Джексон пришла в Ясли? — шепотом спросил Гаспар у Зейна.

— Пришла, — ответил робот. — Такая же красотка, как мисс Бишоп, только блондинка. Послушай, Гаспар, а где мисс Розанчик?

— Здесь ее не было. А что, она снова исчезла?

— Видишь ли, там она стала нервничать. Сказала, что все эти мудрецы в серебряных яйцах таращатся на нее, пугают и нервируют. Но она пообещала встретить меня здесь.

— А нового робота-швейцара у входа ты не спрашивал? Или рассыльного?

— Никакого швейцара у входа не было, да и рассыльного тоже. Наверно, очередные самозванцы. Однако, подходя к дому, я встретил федерального следователя Уинстона Мерса. Я познакомился с ним, когда меня обвинили — им ничего не удалось доказать! — будто я разработал схему гигантского атомного робота. Впрочем, я отвлекся. Дело, однако, в том, что Мерс, федеральный агент, околачивается поблизости, и, несмотря на мои чувства к мисс Розанчик, я не могу закрывать глаза на то, что она — государственный служащий, а потому, хочет этого или нет, — тайный агент правительства. Вот и скажи, Гаспар, что из этого следует. Пошевели старыми мозгами…

Гаспар пытался пошевелить, но ему никак не удавалось сосредоточиться.

Больше всего ему мешал Каллингхэм, который снова принялся за чтение:

— «Клац! клац! клац!» — лязгали металлические клешни. «Вр-р! вр-р! вр-р!» — вращал ротор

доктор Вольфрам. Странные заряды смазочно растекались по его контактам. «Счастливых посадок! — нежно проморзил он, — счастливых посадок, моя золотистая прелесть…» Семь секунд и тридцать пять оборотов ворота спустя иголки изысканной муки пронзили его звенящий нагрудник. Рукоятка ворота едва не вырвалась из его клешней. Он повернулся. Очаровательная Вилия, мерцая серебром во мраке, нежно щекотала его своими умопомрачительно женственными клешнями. «Прочь! — коротковолново воскликнул доктор Вольфрам. — Прочь, исчезни, дитя ночи!»

Няня Бишоп подняла руку:

— Ник считает, что эта повесть, хотя не менее ужасная, все же много интереснее, чем все прежние. Она не похожа на них.

— Это моя книга, — скромно шепнул Зейн Гаспару. — Это я ее написал! Мои читатели обожают сцены с воротами, особенно если в них действуют обе роботессы — золотистая и серебряная. Мой третий роман «Доктор Вольфрам и его ворот» превзошел по тиражу все мои предыдущие ролики. Отрывок, который читает Каллингхэм, взят из пятого романа «Доктор Вольфрам и Алмазный Бур», где доктор борется с хозяином Серебристой

Вилии, зловещим Алмазным Буром. А вот и она!

Гаспар быстро оглянулся и увидел, что в коридоре мелькнуло что-то розовое и тотчас скрылось в боковом проходе.

— Беги к главному входу! — приказал Зейн. — Я возьму на себя запасной выход. Задержи ее, если она попробует выйти. Если придется применить силу, бей по голове! — И он мгновенно исчез из виду.

Гаспар пожал плечами и скатился по эскалатору. Как и сказал Зейн, у входа не было ни рассыльного с крысиной мордочкой, ни облупленного робота. Он встал у входа, закурил и снова попытался вспомнить хоть один блистательный отрывок из тончайшего словопомола.

В этих бесплодных попытках прошло полчаса. Внезапно до Гаспара донесся пронзительный свист. На нижней ступени эскалатора стоял Зейн Горт, крепко держа под руку мисс Розанчик. Розовая роботесса была преисполнена гордого достоинства, а Зейна явно раздирали противоречивые чувства.

— Я наткнулся на Мерса в тупике у второго склада, — сказал Зейн. — Он пытался выдать себя за служащего электрокомпании. Я прямо напомнил ему, где мы с ним встречались, но

он даже глазом не моргнул. Для него, дескать, все роботы на одно лицо. Я не мог лишить себя удовольствия и вышвырнул его на улицу. Затем, после долгих поисков, я нашел мисс Розанчик, которая пряталась…

— Я не пряталась! — возразила роботесса. — Я размышляла. Отпустите меня, неотесанный ржавый мужлан!

— …которая размышляла в вентиляционной шахте. Она объяснила, что у нее провал памяти и она ничего не помнит с того момента, как мы расстались в Яслях. Но вместе с Мерсом я ее не видел…

— Ты считаешь, что она передавала ему информацию? У них существует тайная связь?

— Какие слова, мистер де ла Нюи! — возмутилась роботесса. — Не «тайная связь», а «секретные служебные отношения»!

— Чем вам не понравилось мое выражение? — удивился Гаспар. — А вчера вы были против слова «знать».

— Неужели вы даже Библии не читали?! — презрительно воскликнула мисс Розанчик. — Адам «познал» Еву, и с этого все и началось. Моя заветная мечта — пройтись с карандашом по Библии. Но пока мне этого сделать не удалось, поэтому

прошу не цитировать непристойности с сознательной целью шокировать меня. Зейн Горт, отпустите меня сейчас же, железное животное!

Она вырвала локоть из клешни робота и пошла вверх по эскалатору, высокомерно подняв голову. Зейн уныло поплелся следом.

— Мне кажется, ты становишься излишне подозрительным, — сказал Гаспар, замыкая шествие. — Что нужно федеральным агентам в «Рокет-Хаусе»?

— То же, что и любому разумному существу в Солнечной системе — человеку, роботу или венерианскому овощу! — загадочно ответил Зейн. — В «Рокет-Хаусе» есть что-то ценное, по крайней мере таинственное, чего нет больше нигде. Разве это не приманка? Человек космической эры весьма падок на тайны, — он покачал головой. — Нам нужно принять самые строгие меры предосторожности.

Когда они подошли к кабинету, няня Бишоп широко распахнула дверь, и в коридор ворвался многоголосый шум оживленного разговора.

— А вот и Гаспар! — весело крикнула она. — Привет, Зейн. Как поживаете, мисс Розанчик? Вам, ребята, снова придется помочь мне — пора отвезти кругляшей обратно в Ясли.

— Что тут стряслось? — спросил Гаспар. — Однако, судя по шуму, все довольны.

— Еще как! — ответила няня. — Кругляши согласились попробовать. Мы позвонили в Ясли, и остальные не стали возражать. Каждый из них напишет по короткой повести, строго анонимно. Редакторская помощь только с согласия авторов. Срок — десять дней. Мистер Флэксмен просил вас, Гаспар, взять где-нибудь напрокат двадцать три словописца. Семь штук нашлось в конторе.

27

Когда мудрецы включились в свои литературные гонки, Гаспар де ла Нюи тут же обнаружил, что он превратился в грузчика, подсобного рабочего и рассыльного. У всех для него находилось дело, но до него самого ни у кого дела не было. Даже верный и преданный друг Зейн Горт вдруг начал куда-то внезапно исчезать, едва было нужно что-нибудь принести. Одновременно обнаружилось, что Джо Вахтер страдает сердечной недостаточностью и не может поднимать ничего, кроме совка для мусора или скунсового пистолета.

Правда, когда папаша Зангвелл бросил пить, потому что его органы уже не могли совладать

с проглоченным алкоголем, Гаспар было обрадовался. Хоть какая-то помощь, подумал он. Однако тут же выяснилось, что в трезвом виде дряхлый сторож становится вдвое задиристей и сварливей, продолжая оставаться таким же бесполезным.

На просьбу Гаспара нанять помощника со стороны — человека или робота — издатели ответили отказом. Основанием для отказа было то, что появление нового помощника будто бы может сорвать покров тайны с проекта «Мудрецы», хотя, по мнению Гаспара, этот покров зиял прорехами с самого начала. Более того, издатели намекнули, что Гаспар преувеличивает объем работы, связанной с литературными гонками, и степень своей занятости.

Однако Гаспар никак не мог с ними согласиться. Разыскать двадцать или двадцать три словописца уже само по себе равнялось подвигу Геракла — Гаспару пришлось исколесить весь Нью-Анджелес, потому что имеющиеся запасы словописцев были раскуплены или взяты напрокат оптимистически настроенными писателями сразу после разгрома словомельниц. Несколько словописцев Гаспару удалось взять напрокат у тех писателей, которые мужественно расстались

со своими иллюзиями, а за остальные пришлось уплатить столько, что Флэксмен взвыл.

Далее пришлось приспосабливать к каждому словописцу специальную переходную коробку, включаемую в розетку яйцеголовы, что позволяло избежать диктовки вслух. Само по себе это было относительно просто — полчаса на переходник, как продемонстрировал это Зейн Горт, шаг за шагом на глазах Гаспара проделавший все манипуляции со словописцем Полпинты. Получив таким образом первоначальное образование, Гаспар начал самостоятельно подключать остальные двадцать девять словописцев, осваивая попутно все новые виды работы механика. Постоянно растущее их число вынудило бы его, наверно, взять расчет, но ему нравились льстивые похвалы и уговоры няни Бишоп и остальных трех нянь, которые то и дело передавали настойчивые требования мудрецов — неожиданно все захотели немедленно получить словописцы и злобно завидовали уже подсоединенным счастливчикам. Однажды на минутку забежал Зейн Горт и с обидным восхищением заявил, что никакой робот не смог бы с этим справиться — только человек способен на такой скучный и однообразный труд, не требующий вдохновения.

Гаспар взял себе за правило ночевать в «Рокет-Хаусе» и спал на раскладушке Джо Вахтера, пропахшей «Антивонином». Покончив наконец со словописцами, некоторое время он сидел в Яслях, сложив на коленях исцарапанные, исколотые, изрезанные, почерневшие от грязи руки, и с гордостью созерцал, как из налаженных им приборов выползают бесконечные ленты, иногда рывком втягиваются назад для исправлений или неподвижно висят, пока творцы лихорадочно обдумывают дальнейшее развитие событий в своих шедеврах.

Гаспару не было суждено долго наслаждаться заслуженным бездельем — если так можно назвать помощь, которую он оказывал трем няням. Как только мудрецы получили свои словописцы, они ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день начали требовать «творческих совещаний» с Флэксменом и Каллингхэмом. Это означало, что их самих, словописцы и прочее оборудование нужно было везти в контору, потому что издателям некогда было посещать Ясли. Довольно быстро Гаспар пришел к выводу, что никаких творческих затруднений у мудрецов нет и в помине, а уж говорить о дельных советах, которые они якобы получают от издателей, просто

смешно — им нравятся эти ежедневные прогулки после стольких десятилетий заточения в Яслях, на которое обрекли их правила Цукки.

Вскоре стало обычным, что в конторе постоянно торчат с десяток мудрецов вместе с няней, свежими дисками и прочими атрибутами — кто совещаясь, кто готовясь к совещанию, а кто отдыхая после него. Гаспару казалось, что руки у него готовы отвалиться, и он уже отчаянно ненавидел этих капризных, безжалостно остроумных и тяжелых, как свинец, гениев прошлых времен.

Наконец после многочисленных жалоб Гаспару разрешили — притом весьма неохотно — пользоваться лимузином Флэксмена для доставки мудрецов из Яслей в контору и обратно, правда, если лимузин не требовался самому издателю. И все-таки работы было по горло. После ряда стычек ему разрешили организовать хотя бы видимость охраны — яйца грузились в автомобиль и выгружались из него под присмотром одного из братьев Зангвеллов и перевозились в обычных упаковочных ящиках, обложенные стружкой, а не в привлекающей внимание подарочной упаковке.

В качестве последней уступки надоедливому Гаспару был вручен старинный, стреляющий

пулями револьвер, который Флэксмен достал из коллекции своего прадедушки, и даже запас патронов, изготовленных роботехниками вручную по рецептам того времени. До этого Гаспар неоднократно пытался одолжить у няни Бишоп ее более современный пистолет, но неизменно получал отказ.

Однако Гаспар был готов смириться со всеми трудностями, если бы няня Бишоп согласилась еще разок посидеть с ним в ресторане или хотя бы выслушать его жалобы в обмен на ее собственные! Увы, она отвергала все его приглашения, и не только поужинать в ресторане, но даже перекусить вместе во время обеденного перерыва, язвительно замечая, что только у бывших писателей масса свободного времени. Мисс Бишоп и мисс Джексон теперь даже ночевали в Яслях. Остальные няни не проявили такой самоотверженности; одна из них даже уволилась. Все свои ночные, а также дневные дежурства няня Бишоп с неукротимой и яростной энергией посвящала заботам о сохранности своих питомцев, требуя неукоснительного соблюдения всех правил, установленных Цукки, — будь то в Яслях, в «Рокет-Хаусе» или в пути.

Насколько мог судить Гаспар, няня Бишоп ви-

дела в нем всего лишь послушного исполнителя мелких поручений. Она кричала на него, срывала на нем злость и, как бы тяжело он ни был загружен, всегда находила возможность сделать эту нагрузку потяжелее. Что обиднее всего, с Флэксменом она держалась как воплощенная кротость, с Каллингхэмом бесстыдно кокетничала, а Зейну Горту во время его кратких посещений льстила с женской изобретательностью. И только при виде Гаспара в ней, казалось, пробуждался дьявол.

И все-таки почему дважды за это время, когда Гаспар падал с ног от усталости, няня Бишоп внезапно заключала его в мимолетные, но страстные объятия и, прижавшись к нему, дарила жгучий, дразнящий поцелуй? А потом — легкая улыбка, словно ни объятий, ни поцелуя не было и в помине.

28

Несмотря на то что сами Флэксмен и Каллингхэм ничего не таскали — чтобы не подорвать мораль своих подчиненных, говорили они, — и не покидали своей конторы, вновь снабженной надежными электрозамками, но и они начали уставать от этой литературной гонки.

Флэксмен почти преодолел свой страх перед

яйцеголовами, унаследованный с детства, и хотя теперь постоянно беседовал с ними, соглашаясь с каждым их словом, и в минуты забывчивости предлагал им сигары, это приносило мало пользы. Дело в том, что те догадались о его затаенном страхе и начали подшучивать над ним, пугая его воспоминаниями о хирургической операции, перенесенной ими, описывая в мельчайших подробностях, как им перерезали нервы, один за другим, а потом помещали их в банку. Иногда же они просто рассказывали ему о своих переживаниях под видом жутких эпизодов из своих произведений, перемежая рассказы историями о страшных привидениях.

Все чаще и чаще мудрецов приходилось доставлять в контору вручную, так как владелец лимузина отправлялся на длительные прогулки по окрестностям города, чтобы дать отдых своим измученным нервам.

Каллингхэм был сначала весьма польщен тем, что мудрецы то и дело обращаются к нему за советами, но вскоре сообразил, что над ним просто потешаются, и крайне расстроился из-за этого.

Гаспар тоже нервничал. Все больше и больше он понимал, что ответственность за проект «Серебряные мудрецы» ложится на него, а охрана

как Яслей, так и конторы никуда не годится. Издатели и слышать не хотели, когда он предлагал обратиться за помощью к полиции или частным детективным агентствам, так как — по их утверждениям — это поставило бы под угрозу саму идею проекта, который должен храниться в тайне.

Конечно, один Зейн Горт мог заменить дюжину вооруженных до зубов телохранителей, но робот почти не появлялся. Иногда он забегал в Ясли на несколько минут, поглощенный какой-то деятельностью, не имевшей, по-видимому, никакого отношения к литературе. То он совещался со своими коллегами-физиками или инженерами, то исчезал из города, то сутками просиживал у себя в мастерской. Он трижды «одалживал» у няни Бишоп Полпинты и вопреки правилам Цукки увозил его с собой на несколько часов. Допытаться, куда они ездили и чем занимались, было невозможно.

Зейн, казалось, даже утратил интерес к мисс Розанчик, хотя розовая роботесса неожиданно прониклась к бедным кругляшам материнскими чувствами и взялась вязать для них шерстяные накидки пастельных тонов с тремя отверстиями для розеток. Накидки, утверждала она, спасут

несчастных малышей от простуды, а также прикроют их наготу. В остальном она вела себя вполне разумно, и Гаспар начал даже давать ей поручения, например подежурить в проходной.

Наконец Гаспар решил вызвать Зейна на откровенный разговор. Гаспар только улегся вздремнуть на койке папаши Зангвелла, как в его укромный уголок вошел Зейн, чтобы сменить аккумулятор и сделать профилактическую смазку. Тыча носик масленки во все свои шестьдесят восемь смазочных отверстий, робот рассеянно слушал жалобы Гаспара.

— Час назад, — сказал Гаспар, — я столкнулся внизу с коротконогим тускло-коричневым роботом. У него была квадратная голова и корпус в оспинках. Я вышвырнул его через парадную дверь, но сейчас он, наверно, уже проник в здание через черный ход.

— Не иначе Каин Бринкс, мой давний соперник и конкурент, — ответил Зейн. — Оспины и коричневый лак — просто неуклюжая маскировка. Он явно затевает какую-нибудь пакость. А когда я подходил к дому, у обочины стоял мусоровоз, а в нем сидел не кто иной, как Клэнси Гольдфарб. Он тоже что-то затевает, как пить дать. Скорее всего ограбление складов «Рокет-Хауса». Он уже давно

точит на них зуб.

— Какого же черта ты не предпринимаешь никаких мер, если тебе все известно?

— Переходить в оборону, Гаспар, роковая ошибка, — назидательным тоном ответил робот. — Инициатива уходит из твоих рук, и ты начинаешь мыслить на уровне интеллекта своего противника. К тому же у меня нет времени. Расходовать мои способности на защиту «Рокет-Хауса» крайне нерентабельно. Будь здоров.

Зейн уронил старый аккумулятор в мусорную корзину и исчез, прежде чем Гаспар успел возразить.

Именно в эту ночь, охваченный глубокой депрессией, Гаспар прочел первую из рекомендованных ему серебряными мудрецами старинных дословомольных книг. Няня Бишоп буквально навязала ему эту книгу. Да и называлась она странно: «Приключения Гекльберри Финна».

Утром Гаспар пошел за бумажными лентами для словописцев. На обратном пути, нагруженный тридцатью рулонами, он увидел мчавшийся огромный черный катафалк, нестерпимо пахнувший розами. Из заднего окошечка на него торжествующе взглянула Элоиза Ибсен, и по спине Гаспара пробежал холодок. Крепко держа

свою ношу, он со всех ног кинулся к «Рокет-Хаусу», до которого было всего два квартала.

У входа стоял Джо Вахтер, размахивавший скунсовым пистолетом с таким неистовством, что прохожие шарахались от него и перебегали на другую сторону улицы.

— Похитили мистера Каллингхэма! — выпалил Джо Вахтер. — Ворвались, сгребли его и увезли с собой. Я успел всадить в их машину три пули из своего верного скунсового пистолета, да только патроны-то оказались парфюмерными. Наверно, двоюродная внучка опять с пистолетом баловалась, не иначе…

Гаспар подбежал к распахнутой двери кабинета. Всюду были видны следы борьбы — кресла перевернуты, по полу разбросаны документы.

Джо Вахтер хрипло прошептал над ухом Гаспара:

— Полицию, что ли, вызвать?

Гаспар не ответил и направился к кабинету Флэксмена. Там на столе покоились три серебристых яйца. Гаспар узнал Ржавчика, Чесунчика и Тупицу. С ними была няня Филлипс, одна из менее самоотверженных. У Ржавчика был включен глаз; он уткнулся в книгу, вставленную в читающее устройство, которое каждые пять се-

кунд переворачивало очередную страницу. Два остальных слушали няню Филлипс, монотонно читавшую им книжку в пестрой обложке. Она подняла голову, но, увидев Гаспара, снова уткнулась в книгу. Флэксмена не было видно.

— Он снова уехал кататься, совсем один, — задышал Джо в шею Гаспару. — Эти вот, серебряные, небось нагнали на него страху. Они тут ждали мистера Каллингхэма. А теперь чего с ними делать?

— Пускай здесь посидят. А где мисс Розанчик? Она ведь сидела у входа, когда я уходил.

Джо почесал в лохматом затылке, глаза его выпучились:

— Странное дело! Я уж было совсем забыл… Чуть только ты за бумагой пошел, заявились тут пятеро молодчиков в черных свитерах и штанах в обтяжку. Столпились они, значит, вокруг мисс Розанчик и принялись что-то кричать, весело так! Ну и она тоже, слышу — про вязанье разговаривают. Потом все ушли. Гляжу — и ее тоже нету. Мне бы подумать, я бы сообразил, что это они ее увели. Ну тут, значит, писатели ворвались, вот у меня все из головы-то и вылетело. А ты понял, как дело-то было, а, Гаспар? Как только ты пошел за бумагой…

— Понял, понял! — крикнул Гаспар и побежал

вниз по эскалатору.

На столике в проходной под пресс-папье из лунного обсидиана лежала черная лента словописца. На ней было напечатано розовым шрифтом:

Зейн Горт! Твой чудовищный замысел заменить словомельницы яйцевидными литературными роботами разоблачен нами! Если тебе дороги красота и душевный покой известной тебе роботессы Фелисии Розанчик, немедленно закрой свою литфабрику!

Сыны Сивиллы.

— А вот и мистер Флэксмен приехал! — воскликнул Джо, глянув на улицу через стеклянную стену.

Лимузин Флэксмена ехал медленно — им явно управлял автомат. При виде цели машина свернула к тротуару и остановилась. В ней никого не было, и только на кожаном сиденье лежала короткая записка — четкие черные буквы на сером фоне.

Зейн Горт! Напиши ты хоть сотню человеческих романов, тебе не удастся продать их без издателя. Возьми нас в

долю и тогда получишь обратно своего Флэксмена.

Сердитые молодые роботы.

Гаспар почувствовал себя униженным. Ему-то никто не посылал писем с угрозами. Его никто не пытался похитить. Даже Элоиза… а ведь уж она-то могла бы, хотя бы по старому знакомству. Так нет, ветреная писательница похитила Каллингхэма.

— Эгей! Ура! Я добился, добился, добился!

Зейн Горт налетел на Гаспара подобно голубой молнии и закружил его в танце.

— Сейчас же перестань! — бешено крикнул Гаспар. — Флэксмен и Каллингхэм похищены!

— Пустяки! — ответил робот, наконец отпуская его. — Пойми же, я все-таки добился! Эврика!

— И мисс Розанчик тоже похищена! — рявкнул Гаспар. — Вот записки, в которых они требуют выкупа. Между прочим, записки адресованы тебе!

— Прочту, когда будет время, — небрежно ответил робот, засовывая записки в прорезь. — Дело-то сделано! Осталось только проверить, и все!

Он прыгнул в машину Флэксмена и умчался.

— Батюшки! Совсем тронулся, а еще жестяной! — сказал Джо, глядя вслед исчезающему

автомобилю. — Ну так как, Гаспар, вызывать полицию?

— Заткнись! — заорал Гаспар. — Слушай, Джо! Я пойду в кабинет Каллингхэма и обдумаю положение. Если понадобится полиция, я позвоню оттуда. А ты последи, чтобы мне никто не мешал!

29

Кто-то отчаянно колотил в запертую на двойной электрозамок дверь. Гаспар расслышал приглушенный женский голос:

— Гаспар, откройте, несчастье! Произошло ужасное несчастье!

Гаспар торопливо нажал кнопку электрозамка. В кабинет ворвалась няня Джексон, растерзанная, как после драки. Белокурые волосы растрепаны, блузка сорвана с одного плеча.

— Гаспар! — закричала она. — Они похитили…

В дверях кабинета появился Зейн Горт. Не обращая внимания на няню, он бросился к столу Каллингхэма.

— Они похитили няню Бишоп! — выпалила няня Джексон.

— Кто?! — воскликнул Гаспар. — Где? Когда?

— Мы бежали по улице, — начала няня с самого

главного, — а этот коптер, такой черно-белый в клеточку, опустился позади нас. И мужчина с синим подбородком высунулся и спросил, не нужна ли нам помощь, а няня Бишоп сказала: «Будьте так любезны» — и села в машину, а этот мужчина набросил ей на лицо подушечку, наверно с анестезином, потому что она сразу так и упала на сиденье. А мужчина и говорит: «А вот еще и блондиночка!» — и схватил меня, но я вырвалась и прибежала сюда…

Гаспар повернулся к Зейну, который, выдвинув ящик стола, просматривал лежащие там бумаги.

— Зейн! — воскликнул Гаспар. — Но уж теперь-то ты просто обязан…

— Никак не могу! — оборвал его робот. — Я приступил к завершению операции «Эл» и заглянул сюда только за материалами. Мне некогда сейчас заниматься полицейской работой. Может быть, завтра…

— Зейн, похищены уже три человека и твоя мисс Розанчик тоже. Мне кажется, я знаю негодяя, который увез мисс Розанчик. Она в смертельной опасности!

— Ерунда! — твердо ответил робот. — Ты преувеличиваешь опасность. Типичный пример антропометризма. Похищение, совершенное пси-

хически здоровыми лицами — а мы имеем дело именно с ними, — это обычный прием современной деловой и политической жизни. Если бы у меня было время, я и сам с удовольствием похитился бы. Это, несомненно, расширяет кругозор. Интересно — да! Опасно — нет! Розыски вполне можно отложить до завтра. Даже до послезавтра.

И он снова наклонился к ящику.

— Тогда я сам займусь этим! — в бешенстве воскликнул Гаспар и повернулся к няне Джексон: — А почему вы бежали по улице вместе с няней Бишоп?

— Мы с ней гнались за человеком, который похитил Полпинты.

— ЧТО?!! — вдруг взревел Зейн Горт. — Что вы сказали? Похитил Полпинты?

— Ну да. Высокий худой мужчина в светло-сером костюме. Он назвался новым ассистентом доктора Кранца, и папаша Зангвелл впустил его. А Полпинты он выбрал потому, что он самый маленький...

— Гнусный негодяй! — мрачно воскликнул Зейн Горт, и его прожектор вспыхнул багровым цветом. — Жестокий, презренный, бездушный и отвратительный мерзавец! Схватить грязными лапами беспомощного младенца! Гаспар, немед-

ленно собирайся! Мой коптер на крыше!

— Но почему… — начал было Гаспар.

— Никаких «но»! Мисс Джексон, когда в последний раз меняли диск Полпинте?

— Три с половиной часа назад… и не кричите на меня!

— А на кого же мне кричать? Сколько может он продержаться без смены диска?

— Не знаю. Мы всегда меняем диски каждые восемь часов. Один раз няня запоздала на пятьдесят минут — и все яйцеголовы были в обмороке.

— Няня Джексон, — отрывисто скомандовал Зейн, — приготовьте два свежих диска во влажной упаковке из здешних запасов. Немедленно! Гаспар, следуй за ней. Как только диски будут готовы, беги с ними на крышу. И захвати комбинезон Флэксмена — коптер-то у меня открытый. Мисс Джексон, а похититель может общаться с несчастным крошкой?

— Наверно, сможет, ведь мини-динамик, мини-глаз и мини-ухо были подключены. Они болтались на проводах за спиной похитителя. Бедняга закричал, а мужчина пригрозил разбить его о тротуар…

Прожектор Зейна снова побагровел.

— Мерзкий негодяй! — с ненавистью восклик-

нул он. — Но расплата близка! А ну, быстрее же, вы, двое!

30

С высоты Нью-Анджелес напоминал бесконечный лес светлых колонн, простиравшийся от зеленых гор до самого берега. Вдаль, до самого горизонта, тянулись лиловые плантации хлореллы, рассеченные голубыми линиями фарватеров. Среди колонн-небоскребов преобладали недавно ставшие модными полукруглые и пятиугольные здания нежной расцветки. В центре было видно большое круглое пятно — посадочная площадка муниципального космодрома; над ним, поднимаясь вертикально в небо, исчезал столб зеленого пламени — это дневная пассажирская ракета уходила к Верхнему Анджелесу, обращающемуся вместе с планетой на высоте, равной трем земным диаметрам.

Зейн Горт вел коптер в полосе, отведенной для индивидуального транспорта, на высоте семисот футов. Сильный встречный ветер бил Гаспару в лицо, и он старался укрыться от него, натягивая на лоб капюшон.

Искоса Гаспар поглядывал на своего металлического друга.

На голове робота возвышался странный тускло-черный цилиндр фута два высотой. Зейн перехватил взгляд Гаспара и крикнул, перекрывая рев моторов:

— Это мой радиолокатор! Я ведь предвидел возможность похищений и несколько дней назад снабдил мини-датчиками весь персонал Яслей и «Рокет-Хауса». У тебя он в часах. Не трудись, я уже выключил его. У Флэксмена он спрятан в бандаже, у Каллингхэма — в карманной аптечке и так далее. Полпинте я тоже успел встроить датчик, слава святым Жюлю и Герберту! Плохо то, что я не ожидал множественного похищения и сделал все сигналы одинаковыми. Придется вылавливать их по очереди, всякий раз выбирая самый сильный. Ага, один нашли!

Гаспар едва успел вцепиться в кресло, как вертолет сделал крутой поворот и с бешеной скоростью помчался к грязному, облупленному старинному небоскребу. На его плоской крыше стояло несколько покинутых коптеров; за ними поднималась двухэтажная надстройка пентхауса.

— Мансарда в стиле Гомера Дос-Пассоса! — прокричал Гаспар. — А видишь тот фиолетовый с серебром коптер — копия коптера Элоизы Ибсен!

— Десять против одного, что это Каллингхэм, — согласился Зейн. — Я бы не останавливался, но нужно удостовериться, что это не Полпинты.

Вертолет опустился на крышу.

— Сигнал действительно доносится из надстройки! — воскликнул Зейн, выпрыгивая из машины.

Вдруг дверь надстройки распахнулась, и оттуда вышел Гомер Дос-Пассос в спортивных брюках, спортивном свитере и с длинным плащом через плечо. В руках он тащил два огромных чемодана. На его лице была обиженная гримаса.

— И вы здесь! — воскликнул бывший писатель, увидев Гаспара с Зейном. Он остановился, но чемоданы не опустил. — Ничтожество Гаспар со своим жестяным братцем! Ты мне противен, Гаспар, и я отделал бы тебя, невзирая на это чучело, только не хочу доставлять ей удовольствие. Когда подруга писателя бросает его ради издателя и заявляет, что это всего лишь деловая операция, Гомер Дос-Пассос говорит: хватит! Да-да, милостивые государи, хватит! Идите к ней и скажите, что я нанимаюсь в упаковщики хлореллы. Это более благородный труд, господа, чем литература! Прощайте!

И, отрешенно глядя в пространство, бывший

писатель величественно направился к бело-синему коптеру.

Зейн Горт и Гаспар проскользнули в распахнутую дверь и оказались в холле, куда выходило сразу шесть дверей. На каждой из них было написано большими позолоченными буквами: «Массажная», «Лечебная», «Трофейная», «Столовая», «Туалетная» и «Опиумная». Все были закрыты. Зейн задумчиво посмотрел на двери, затем шагнул к двери с надписью «Опиумная» и постучал.

— Мистер Каллингхэм! — громко сказал он. — Мы прилетели, чтобы спасти вас.

Секунды две-три за дверью царило молчание, потом раздался хохот — низкий женский и высокий мужской. Когда они кончили смеяться, Элоиза отозвалась из комнаты:

— Не беспокойтесь, ребята! Послезавтра он снова будет в конторе, даже если мне придется доставить его туда в гробу с дырочками и надписью: «Не кантовать!»

— Мистер Каллингхэм, — обратился к издателю Зейн, — в своей карманной аптечке вы найдете мини-передатчик — выключите его, пожалуйста!

Гаспар и Зейн Горт вышли на крышу, и робот

повернулся к Гаспару:

— Ты умеешь управлять коптером?

— Да, но…

— Отлично. А как ты отнесешься к небольшой краже с благородной целью?

— Ну…

— Замечательно! Полетишь за мной в коптере Элоизы Ибсен. Нам будут нужны дополнительные места. К тому же тебе будет теплее в закрытой кабине. Бери ключи и держи со мной связь.

— Ладно, — нерешительно сказал Гаспар.

— И гони как только можешь. Сейчас каждая минута дорога.

В закрытой машине было теплее, но слишком пахло Элоизой.

— Второй сильный сигнал идет со стороны гор! — прозвучал в наушниках голос Зейна. — Жми на всю железку. Через четыре часа Полпинты начнет задыхаться!

Небоскребы нежной расцветки остались далеко позади. Под вертолетом проносились мачтовые сосны. Коптер Зейна мчался прямо на восток. Поняв, что вручную ему не справиться, Гаспар перешел на автопилот. Открытый коптер со сверкающим синевато-стальным роботом в черном цилиндре на голове продолжал удаляться, но

гораздо медленнее.

Гаспар вытащил из кармана книгу и уткнулся в нее. Она тоже была одолжена ему няней Бишоп по рекомендации мудрецов — какой-то старинный детектив «Дело Маурициуса» некоего Якоба Вассермана. События в книге развивались туго и довольно странно, но Гаспар уже привык к этому.

— Сюда, Гаспар!

Настойчивый оклик Зейна оторвал Гаспара от мрачного семейства Андергастов. Сосны под вертолетом сменились рыжевато-коричневым песком.

— Понял, Зейн!

Коптер робота казался маленькой точкой далеко впереди. Впрочем, это мог быть и не его коптер — рядом виднелись еще три такие же точечки.

— Подлетаю к зеленой надувной вилле… Рядом коптер в черно-белую клеточку… Сигнал номер два поступает оттуда. Думаю, это мисс Бишоп. Другой сигнал доносится из пустыни, миль за пятьдесят отсюда… Гаспар, нам нужно разделить силы, иначе не успеем. Разберись с сигналом номер два. Сейчас я выпущу над виллой ракету пятисекундного действия.

Далеко на востоке мелькнула яркая вспышка,

рядом с той точкой, которую Гаспар считал вертолетом Зейна.

— Засек! — коротко сообщил Гаспар, меняя курс.

— Гаспар, скажи мисс Бишоп, чтобы она выключила свой датчик. Он во второй сверху пуговице ее блузки. Удачи тебе, старый сустав!

— И тебе, старый болт! — бодро прокричал Гаспар в микрофон.

Впрочем, сам он никакой бодрости не испытывал. Судя по словам няни Джексон, ему придется иметь дело не с кем иным, как с Гилом Хартом, о котором Каллингхэм рассказывал истории, леденящие кровь. Хотя бы тот случай, когда Гил собственными руками разделался с двумя сталелитейщиками и роботом, у которого сел аккумулятор. Всех троих пришлось отправить в госпиталь.

Зеленая вилла стояла на пригорке, открытом со всех сторон. В таких условиях решающим фактором была быстрота — нужно посадить коптер поближе к дому и ворваться в открытый тамбур с револьвером в руках. У этого плана было и дополнительное преимущество — не было времени на то, чтобы струсить.

Выпрыгнув из кабины в облаке пыли, поднятой

при посадке винтами коптера, Гаспар бесстрашно бросился к зияющему проему тамбура. В то же мгновение с заднего сиденья клетчатого вертолета сорвался, сверкая никелем, автоматический сторожевой пес и помчался за Гаспаром, жутко завывая сиреной и лязгая металлическими челюстями. Гаспар успел нырнуть в тамбур и захлопнуть за собой дверь. Как раз вовремя, так как надувная стена вдавилась внутрь на целый ярд, но пластик выдержал удар металлического тела.

Пес бесновался снаружи, но тут автоматические двери, ведущие внутрь, раздвинулись, и Гаспар шагнул вперед, размахивая револьвером с энтузиазмом, которому мог бы позавидовать Джо Вахтер со своим верным скунсовым пистолетом. Он очутился в комнате с множеством низеньких столиков и шелковых диванов. Слева, пригнувшись, стоял Гил Харт. В его руке была большая металлическая «кость», которую он, по-видимому, только что схватил. Справа стояла няня Бишоп. Одной рукой она упиралась в бедро, а в другой держала большой бокал с коктейлем коричневого цвета.

— Привет, Гаспар, — сказала няня Бишоп. — Гил, не лезь в бутылку.

— Я пришел вас спасти, — хмуро проговорил

Гаспар.

— А если я не хочу, чтобы меня спасали? — хихикнула няня.

Гил Харт отрывисто захохотал:

— Вон отсюда, щенок. Разве ты не слышал, что сказала дама?

Гаспар тяжело задышал, и каждый новый вздох все больше походил на рычание.

— Ну, погоди, мерзавка, — прорычал он. — Я все равно тебя спасу, и спасу так, что на тебе живого места не останется!

Он был страшно зол на эту бессердечную кокетку, а совсем не на полосатую обезьяну, которая ее похитила. Прикинув, как бы на его месте поступил Зейн Горт, Гаспар поднял дуло к потолку и выстрелил в воздух.

Раздалось оглушительное «бум-м», рукоятка револьвера больно ударила Гаспара по ладони, комнату заволокло вонючим дымом, а на потолке появилась дыра, в которую со свистом устремился воздух. Вой автоматического пса зазвучал гораздо громче.

Гил Харт расхохотался, бросил на пол металлическую кость и шагнул к Гаспару.

Гаспар судорожно ткнул его кулаком в синеватый подбородок, но Гил, даже не заметив этого,

нанес сокрушительный удар в солнечное сплетение. Гаспар издал громкое «у-уф!» и сел на пол.

— Пошел вон, щенок! — проревел Гил, наклонившись и схватив Гаспара за воротник.

Но тут раздалось звонкое металлическое «бонг!», на лице Гила появилось мечтательное выражение, он перекувыркнулся через Гаспара и вытянулся на полу.

Няня Бишоп счастливо улыбалась, подбрасывая на руке металлическую кость.

— Мне давно хотелось узнать, — сообщила она задумчивым голосом, — сумею ли я врезать мужчине по голове так, чтобы он потерял сознание, но не получил серьезной травмы.

Она нагнулась и профессиональным движением нащупала пульс Гила.

Со стоном растирая живот, Гаспар оглянулся по сторонам и заметил, что потолок выгибается уже не так круто. В следующее мгновение он опустился еще больше, а вой и лязганье металлических зубов послышались совсем рядом. Автопес сумел прогрызть утратившую упругость стену!

Сверкающая никелевая молния кинулась на Гаспара, но няня Бишоп была проворней. Она схватила кость и сунула ее в пасть. Вой сирены прервался так внезапно, что ее звуки продолжали

отдаваться в ушах.

— Эта кость замыкает цепь, — объяснила няня Бишоп. — Гил трижды показывал мне, как она действует, — ему нравилось науськивать на меня своего пса и останавливать в последний миг.

Она поставила несколько столиков один на другой, чтобы поддержать оседающий потолок, и ласково улыбнулась Гаспару, который уже почти пришел в себя.

— Ну и как мы отсюда выберемся?

— В коптере Элоизы Ибсен, который я украл у нее.

— Ага, в коптере твоей бывшей подружки. Воображаю, что за безвкусица! Наверно, двухцветный? — презрительно поджала губки няня Бишоп.

Гаспар утвердительно кивнул.

— С хромовой отделкой внутри?

— Да.

— С роскошным холодильником, набитым бутылками и закусками?

— Да.

— С пошлыми широкими бархатными сиденьями, в которых можно утонуть?

Гаспар кивнул.

— И окна с односторонней прозрачностью?

— Да.

— И с автопилотом, который поведет машину по городу?

— Да.

И тут няня Бишоп радостно улыбнулась:

— Всю жизнь мечтала полетать на таком вертолете!

31

Четыре часа спустя Зейн Горт, который только что спас Полпинты, обнаружил в трехстах милях от берега фиолетовый с серебром вертолет Элоизы Ибсен, летевший прямо на запад и все более удалявшийся от Нью-Анджелеса. Находчивый робот пустил ему вслед несколько шумовых снарядов из сигнальной пушки десятиместного реактивного коптера, который он экспроприировал на последних этапах операции у мертвецки пьяного конгрессмена, прихватив и его самого. Сигналы заметили, и через несколько минут Гаспар и няня Бишоп ступили на борт скоростного вертолета, где их радостно приветствовали Флэксмен, мисс Розанчик, Полпинты и конгрессмен, пребывавший после хорошей выпивки в отличном расположении духа. Сообразительный и не лишенный такта Зейн сообщил остальным,

что это он назначил рандеву с Гаспаром именно здесь, над волнами океана.

Административный коптер повернул на восток и взял курс к берегам Калифорнии, уже тонувшей в вечерних сумерках. Гаспар рассказал друзьям, как он спас няню Бишоп. Флэксмен поинтересовался, говорил ли Гил Харт, на кого он работал и что стояло за похищением.

— Он говорил о слиянии «Рокет-Хауса» с «Протон-Пресс» и хвастался, что станет вице-президентом новой компании, потом он натравливал на меня своего автопса, уговаривал не ломаться и быть паинькой. И предложил мне коктейль.

— Вот из-за таких злобных безмозглых автоматов, как этот пес, и возникло предубеждение, с которым люди еще относятся к роботам, — заметил Зейн Горт и рассказал потом о своих приключениях.

Сигнал номер три привел его к одинокой хижине, затерянной в пустыне, где Флэксмен томился в плену у банды робописателей во главе с Каином Бринксом. Сев подле хижины под прикрытием дымовой завесы, имитирующей низкие дождевые облака, Зейн Горт захватил сердитых молодых роботов врасплох и парализовал их прежде, чем они успели схватиться за оружие. Пе-

ред тем как лететь дальше вместе с Флэксменом, Зейн потратил несколько драгоценных минут на то, чтобы снизить напряжение в нервных цепях металлических гангстеров — это лишило их возможности творить новые преступления как в жизни, так и в литературе.

— А вы же сами говорили, Зейн, что нет преступления гнуснее, чем менять контуры робота? — перебила няня Бишоп.

— Это означало бы посягательство на индивидуальность робота, — подтвердил Зейн. — Я же просто сделал их несколько более ленивыми. А роботы любят лениться, так же как и люди.

Далее Зейн конфисковал административный коптер, в котором конгрессмен и его приятели устроили пирушку прямо на взлетной площадке маленького курортного городка в пустыне.

— И очень правильно! — произнес хозяин вертолета. — А то парни допились до того, что чуть не подрались, потому что каждый хотел немедленно лететь в Париж к знакомым девочкам.

Сигнал номер четыре направил Зейна и Флэксмена в имение, расположенное среди гор. Белоснежный особняк с резными колоннами оказался логовом «Пишущей Братии» и «Сыновей Сивиллы» — штурмового отряда этого общества.

Здесь томилась в заключении мисс Фелисия Розанчик, признавшаяся, что ее заманили в ловушку, пообещав отдать ей все свои стихи для редактирования и вдобавок издать в роскошных переплетах назидательные новеллы, которые она собиралась писать для юных и неопытных роботесс.

Сигнал номер пять, который мог принадлежать — по методу исключения — только Полпинте, повел спасательную экспедицию в отдаленные просторы Тихого океана, далеко за пределы последнего поля хлореллы, туда, где одиноко крейсировало мрачное судно «Королева синдиката» — старейший плавучий игорный дом в Солнечной системе. Оно было снабжено всеми средствами противовоздушной обороны, а потому Зейн решил нанести удар из-под воды, рассчитывая на герметичность своей оболочки. В пяти милях от «Королевы синдиката» он остановил коптер над самой поверхностью моря, поставил его на автопилот, прикрепил к своему корпусу реактивный двигатель космического скафандра, затем прыгнул в море и под водой поплыл к судну. Подплыв к борту, он прорезал в днище «Королевы» дыру соответствующего размера, а затем, когда на судне началась паника,

взобрался на палубу — подобно металлическому Нептуну в цилиндрической короне. Локатор тотчас привел его к каюте, где мерзкий бандит и похититель Филиппо Феникья капал на Полпинты азотной кислотой, требуя, чтобы тот поклялся честью своей матери не за страх, а за совесть служить игорному синдикату.

— Я действительно был в трудном положении! — объяснил Полпинты. — Дав клятву, мне пришлось бы сдержать ее — за двести лет приобретаешь устойчивые привычки! Но я все ожидал, когда именно меня охватит страх, и как-то забыл о происходящем. Тем более что азотная кислота лишь щекотала, не причиняя ни малейшей боли.

Зейн Горт ворвался в каюту и был бы тотчас парализован лучевой защитой, если бы не держал перед собой медной сетки, сыгравшей роль электростатического экрана. Заметив пятна кислоты на оболочке Полпинты, Зейн размахнулся и с криком: «Лицо за яйцо!» — нанес могучий удар, который лишил коварного гангстера половины зубов, части щеки, подбородка, верхней губы, а также кончика носа. Затем он быстро облил яйцо щелочью, которую Гаррота предусмотрительно приготовил. Зажав Полпинты под мышкой, Зейн

выбежал из каюты, молнией промчался сквозь толпу перепуганных гангстеров и бросился в воду. Опасаясь, что Полпинты не выдержит давления воды, он поднял его над нею на вытянутой клешне и устремился обратно к коптеру.

— Ах, какая это была гонка! — с восхищением воскликнул Полпинты и добавил с легкой грустью: — Я словно ощущал брызги волн!

— Да, это была, наверно, удивительная картина! — согласился Зейн. — Серебристое яйцо, таинственно летящее над гребнями волн…

— Не надо! — взмолился Флэксмен, закрывая глаза. — Извините меня, Полпинты, но мне делается нехорошо!

Когда они поднялись в коптер, Зейн Горт тут же вставил Полпинте свежий диск.

— В эти восемь часов я совершенно не верю! — заявил Полпинты. — Насколько я помню, в тот раз мы просто притворились, что упали в обморок, чтобы напугать няню.

— Послушай, Зейн, — с любопытством спросил Гаспар, — а если бы твой двигатель отказал?

— Тогда я камнем пошел бы на дно, — ответил робот, — и сейчас лежал бы там, созерцая красоты глубоководного мира. Если бы, конечно, мой корпус и стекло прожектора выдержали давление.

Впрочем, я бы, наверно, не стал лежать, а пошел бы пешком к берегу.

— Вот так-то, — назидательно сказал конгрессмен, успевший тем временем изрядно опохмелиться.

— Теперь ты снова можешь с легкой совестью заняться проектом «Эл», — заметил Гаспар.

— А что это за проект? — подозрительно спросил Флэксмен. — Он связан с «Рокет-Хаусом»?

— В некотором роде, сэр, — ответил Зейн Горт. — Но пока я не хотел бы говорить о нем.

32

Предоставив конгрессмену самому объяснять пораженным служащим космодрома, как он ухитрился слетать в административном коптере в игорный дом и обратно в состоянии глубочайшего алкогольного опьянения, спасители и спасенные вернулись в «Рокет-Хаус» на такси.

В конторе все было перевернуто вверх дном. По разгромленным комнатам, ошеломленный, бродил Джо Вахтер. Двадцать мальчиков в голубых костюмах юных луноболистов чинно сидели среди руин вестибюля.

Увидев Флэксмена, самый пухлый из них тут же вскочил:

— Уважаемый сэр, мы, преданные болельщики космического спорта и постоянные читатели вашей спортивной серии…

— Прекрасно, прекрасно, я очень рад, — перебил его Флэксмен, гладя мальчика по голове от затылка ко лбу. — Гаспар, купите этим юным героям мороженого, я поговорю с ними позже. Джо, очнитесь и доложите, что здесь произошло. Мисс Бишоп, позвоните в Ясли. Зейн, проверьте склады. Мисс Розанчик, дайте мне сигару.

— Форменное светопреставление, мистер Флэксмен, — грустно сказал Джо. — Налет властей. Вломились во все двери и через крышу. Берут меня, стало быть, за глотку. «Где эти штуки, которые книги пишут?»…Толстопузый такой, по имени Мерс. Я, значит, показываю ему эти яйцеголовы, что сидели в кабинете мистера Каллингхэма. «Эти мне не нужны, — говорит, — про этих, — говорит, — я все знаю. Это кретины. Где им, — говорит, — книги писать. Никакого сравнения со словомельницами, они ведь такие маленькие». А я, значит, отвечаю: никакие они не кретины. Скажи ему, Ржавчик, говорю. И что бы вы подумали? Этот полоумный ни в какую, знай себе, верещит. Ну, тут они и пошли все переворачивать — словомельницы искать. Даже

пишущие машинки проверили — может, они сами пишут книги. Компьютер наш старый на части разнесли. Все разломали, ушли и еще мой верный скунсовый пистолет прихватили — где, говорят, у тебя разрешение…

— Все кругляши на месте! — доложила няня Бишоп. — Требуют еще бумаги. У папаши Зангвелла снова был приступ белой горячки, но уже кончился.

Пухлый луноболист, долизывая мороженое, решительно направился к Флэксмену, но тут Джо перестал чесать в затылке и неожиданно заговорил:

— Вот чуть не забыл спросить у вас, мистер Флэксмен, с каких это пор Клэнси Гольдфарб снюхался с властями, водой не разольешь? Все время крутился тут со своими парнями, а потом только его и видели…

— Этот книжный пират?! — взвизгнул Флэксмен. — Джо, вы с ума сошли!

По эскалатору стремительно сбежал Зейн Горт, все еще держа в руках Полпинты.

— Мистер Флэксмен, — начал робот. — Должен с сожалением сообщить, что сорок процентов готовых книг со складов похищено. Грабители увезли все эротические произведения.

Флэксмен пошатнулся.

— Дорогой сэр… — снова начал малолетний луноболист, делая знаки своим товарищам, которые держали в руках черный ящик. Однако Флэксмен успел взять себя в руки.

— Чего же вы ждете! — накинулся он на Зейна. — Тащите это яйцо в Ясли и подключите к словописцу! Гаспар, немедленно обеспечьте их бумагой! Бишоп, ступайте в Ясли и убедите своих питомцев работать изо всех сил. Первого, кто позволит себя похитить, тут же уволю! Ко мне это тоже относится! Мисс Розанчик, — Флэксмен замолчал, пытаясь найти поручение и для нее.

— А кто вы, собственно, такой, мистер Флэксмен? — произнес Полпинты, воспользовавшись паузой. — Какое вы имеете право вмешиваться в процесс создания величайших литературных шедевров, да еще и сроки устанавливать?

— Заткнись, жестяной пузырь! — бешено заорал Флэксмен.

— Выбирайте выражения! — с достоинством ответил Полпинты. — Иначе я начну вам грезиться. Я буду парить в ваших снах!

Флэксмен хотел огрызнуться, но удержался и лишь бросил на Полпинты странный взгляд.

Решив, что настала подходящая минута, пух-

лый болельщик лихо отчеканил:

— Дорогой сэр! В знак признания ваших выдающихся заслуг на поприще популяризации лунобола разрешите вручить вам высшую награду Лунобольной лиги…

Двое других луноболистов откинули крышку черного ящика, оратор засунул туда руки и ловко швырнул прямо в грудь Флэксмену большой серебристый овоид, как две капли воды похожий на Полпинты.

— Серебряный лунобольный мяч! — закончил он свою речь, и Флэксмен, взвизгнув, без чувств растянулся на полу.

33

«Рокет-Хаус» наводил красоту, готовясь к финишу литературных гонок. По этому поводу Гаспар вывесил в вестибюле соответствующий плакат. Джо Вахтер притащил складные стулья для зрителей и протянул несколько веревок с серебряными флажками. От Энгстранда привезли освежительные напитки, и заработал наконец эскалатор.

Каллингхэм и Флэксмен, разделив поровну рукописи, взятые наугад (каждому по пятнадцать), приняли по таблетке «Престиссимо», вдесятеро

ускорявшей процесс чтения, и вот уже бумажные ленты рывками поползли по экранам фоточитателей.

Каллингхэм дольше задерживался на каждом кадре, потому что размер экрана у него был больше, но вскоре обогнал своего соперника на половину рукописи — к большому огорчению Гаспара, поставившего на Флэксмена в споре с Зейном.

Все сотрудники издательства «Рокет-Хаус» следили за этим состязанием — никто не хотел упустить возможность наконец-то увидеть издателей за работой. Гаспар сидел с няней Бишоп, Зейн Горт — с мисс Розанчик, а братья Зангвелл чинно восседали сзади. Папаша Зангвелл был чисто вымыт и вел себя довольно спокойно, если не считать тоскливых взглядов, которые он время от времени бросал на столы, украшенные батареями бутылок.

Элоиза Ибсен вопреки опасениям Гаспара ничуть не нарушала торжественной атмосферы происходившего. Как и подобает даме сердца самого издателя, она щеголяла в модном, но строгом платье с глубоким декольте и сидела в первом ряду, время от времени посылая Каллингхэму нежные ободряющие улыбки. Серебряных

мудрецов, из уважения к слабости Флэксмена, оставили в Яслях, но с ними поддерживалась постоянная прямая связь.

— Вчера на ночь я продолжал читать «Дело Маурициуса», — шепнул Гаспар няне Бишоп. — Если уж это типичный образец старинной детективной литературы, представляю себе, какая у них классика!

— Не откладывайте в долгий ящик! — ответила она тоже шепотом. — Кругляши приготовили вам еще несколько увлекательных книг. Среди них детектив старинного русского мастера этого жанра «Братья Карамазовы», замечательная мелодрама «Король Лир» с захватывающими изменами и убийствами, потрясающая сказка «Волшебная гора» и развлекательная повесть о приключениях аристократов и интригах в светском обществе, озаглавленная «Война и мир». Они составили вам целый список подобного легкого чтива.

— Ладно, только пусть не вздумают подсовывать старинную классику! — бодро отозвался Гаспар. — С тайнами и интригами я уж как-нибудь справлюсь. Это вам не проект «Эл» Зейна Горта! Интересно, что это он затеял?

— Неужели он вам не рассказал? Вы же друзья!

— Ни единого слова. А вам ничего не известно? Мне кажется, в нем замешан Полпинты.

Няня Бишоп отрицательно покачала головой.

— А кто станет победителем, по мнению самих мудрецов? — спросил Гаспар.

— Не знаю. Они стали ужасно скрытными. Я даже начала беспокоиться.

— А вдруг все рукописи — в самую точку! Представляете, тридцать шедевров с самого начала!

Чтение подходило к концу, и напряжение нарастало. Папаша Зангвелл неудержимо рвался к столу, и Джо Вахтер удерживал его с огромным трудом.

Наконец Каллингхэм откинулся на спинку кресла и устало закрыл глаза. На улыбку Элоизы он ответил только утомленным кивком.

— МожетпосовещаемсяФлэксиередтемкактыпримешьсязапоследнюю рукопись? — с невероятной быстротой проговорил он, все еще под воздействием таблеток «Престиссимо».

И выключил телефон, ведущий в Ясли.

— Пустьдумаютчтоэтотехническаянеисправность…

Флэксмен вставил свой последний ролик в аппарат и глянул на партнера, которому наконец удалось справиться со своим голосом. Каллингх-

эм проговорил громко и раздельно:

— Ну, что у тебя?

— Да белиберда, — ответил Флэксмен. — Сплошная чушь.

Каллингхэм кивнул:

— У меня тоже.

34

«Откровенно говоря, я этого ожидал», — подумал Гаспар. Все остальные, по-видимому, тоже так считали. Разве эти столетние эгоисты, эти яйца из инкубатора, способны понять современного читателя?

Флэксмен и Каллингхэм показались ему внезапно романтическими героями, бросившими вызов безжалостной судьбе во имя благородного, но обреченного дела.

И Флэксмен действительно произнес тоном гордой покорности великолепному делу:

— Осталосьпрочитатьещеоднурукописьпроформыради, — и погрузился в чтение.

Остальные с опрокинутыми лицами собрались вокруг Каллингхэма.

— Это не романы и не повести, — объяснил Каллингхэм, — это загадки. Большинство из них совершенно непонятно. Это вполне естественно

— ведь уже более века мудрецы занимаются только тем, что играют мыслями и перебрасываются идеями. Одна из рукописей, например, представляет собой эпическую поэму, написанную на семнадцати языках, перемешанных чуть ли не в каждой фразе. Другая содержит конспект (и весьма удачный) всей мировой литературы — от древнеегипетской «Книги мертвых» до Шекспира, Диккенса и Хаммерберга. В третьей первые буквы каждого слова образуют как бы вставную повесть.

Правда, все они не так уж безнадежны. Есть, например, одна повестушка — мне кажется, ее написал Двойной Ник, — где использованы все обычные приемы и штампы развлекательной беллетристики… но бесстрастно, холодно, без души!

— Они совсем не такие… — прерывающимся голосом сказала няня Бишоп. — Они… я уверена… не может быть, чтобы не было ничего хорошего! Ржавчик сам мне говорил… они ведь не сочиняли ничего нового… пользовались лишь тем, что им казалось забавным в разговорах между собой…

— В этом-то и дело, — вздохнул Каллингхэм. — Они хотели поразить нас, запускали интеллектуальные фейерверки. Послушайте сами!

Он развернул одну из лежащих на столе лент.

— Премрачная пуповина духовного пепла над краем сердца горящих самцов ленивым черепом поет во мраке о воздухе, что стоит — здешнея, мраморнея, колоннея и коченея. Жаждни! Сожми! Сожги! Четверо у могильной плиты, взыскуя чистоты, можебнее, чем ты…

— Калли! — воскликнул Флэксмен громовым голосом. — Лицо издателя сияло от счастья. — Калли, это просто невероятно! — крикнул он, не отрывая глаз от экрана. — Сенсация на всю Солнечную систему! Космический бестселлер! Прочти-ка пару страниц…

Каллингхэм перегнулся через его плечо, вглядываясь в экран.

— Героиня повести родилась на Ганимеде. Она от рождения была лишена осязания, но стала акробаткой на астероидах. Затем действие переносится на другие планеты. Появляется знаменитый хирург… Но главное не в этом. Как все это замечательно подано, с каким чувством, как проникновенно! А послушайте название — «Почувствуйте мою боль»!

— Это Полпинты! — радостно воскликнула няня Бишоп. — Он мне рассказывал. Я нарочно положила ее в конец, потому что мне показалось,

что она не такая умная, как остальные…

— Никудышный из вас издатель! — с ликованием заявил Флэксмен. — Калли, какого черта ты выключил телеэкран, нужно немедленно сообщить в Ясли!

Мгновение спустя на телеэкране появился Полпинты, окруженный двадцатью девятью остальными мудрецами.

— Поздравляю! — Флэксмен потряс над головой сложенными руками. — Как вам этого удалось достичь? Откройте секрет. Я спрашиваю потому, что… что и остальным будет невредно услышать…

— Я прилип к своему словописцу! — захлебываясь от восторга, крикнул Полпинты. — Я дал волю своему могучему интеллекту! Я закрутил Вселенную вихрем и выхватывал из него все, что приходило мне в голову! Я размотал космические нити и смотал их заново! Я поднялся на престол Господень, когда Бог кормил архангелов, и надел корону творца! Я…

Он вдруг замолчал.

— Нет, ничего этого не было, — задумчиво и тихо продолжил он. — То есть почти ничего. Ведь у меня накопилось столько новых впечатлений! Прогулки с Зейном, похищение… Нет, и это еще

не все. Так вот, я открою вам величайшую тайну. Я вообще ничего не писал! Эту повесть… написала няня Бишоп!

— Полпинты! Какой же ты идиот! — ахнула няня.

35

— Да, ее написала ты, наша мамочка, — твердо заявил Полпинты. — Она возникла, когда я рассказывал тебе сюжет. Я все время думал о тебе, мне хотелось, чтобы тебе было интересно. И девушка в повести — тоже ты. А может быть, она — это я. Ведь это у меня нет осязания. Нет-нет… я что-то запутался…

— Полпинты, дружище, — хрипло сказал Флэксмен, тайком утирая слезы, — мы тут приготовили приз для победителя — серебряный словописец. Мне хотелось, чтобы вы были с нами и я мог вручить приз и пожать вашу… Как бы то ни было, очень жаль, что вас здесь нет. Очень жаль!

— Пустяки, мистер Флэксмен. Разве дело в наградах? У нас будет еще много случаев…

— Нет! — воскликнул Флэксмен громовым голосом. — Вы получите свой приз, и немедленно! Гаспар…

— Не посылайте Гаспара, — вмешалась мисс

Розанчик. — Зейн уже помчался в Ясли за Полпинтой.

— Этот жестяной писака слишком много берет на себя… А впрочем, отлично! Полпинты, дорогой вы наш друг, скоро…

Но вдруг телеэкран погас.

Впрочем, это не охладило общего ликования.

— Все дело в сотрудничестве, в общении с редактором, — объяснял Каллингхэм, — в симбиозе, так сказать! Каждому из них необходимо общаться с чутким человеком, который мог бы выслушать его и, в свою очередь, рассказать… Важно, чтобы каждый нашел себе подходящего партнера… Вот какое дело мне по душе! Все равно что руководить брачной конторой.

— Калли, дорогой, как остроумно ты все объяснил, — сказала Элоиза, ласково поглаживая руку издателя.

— Не правда ли? — согласилась няня Бишоп, пожимая локоть Гаспара.

— Подумать только, какие богатейшие перспективы открываются перед нами! — мечтательно произнес Гаспар. — Трехстороннее сотрудничество: серебряные мудрецы, люди и словомельницы с их неисчерпаемой памятью! Каким плодотворным будет подобное соавторство!

— Вряд ли словомельницы воскреснут, — задумчиво произнес Каллингхэм. — Я посвятил всю жизнь их программированию, но, честно говоря, меня всегда мучила мысль, что это — бездушные машины, работающие только по заданной программе… Как знать, может быть, мы присутствовали при возрождении настоящей литературы?

— Калли, милый, когда ты успел столько выпить? — участливо спросила Элоиза.

— Прошу внимания! — воскликнул Флэксмен. — Как только Полпинты появится в дверях, сразу же окружим его дружеским вниманием, чтобы он не почувствовал себя одиноким на пиру жизни. Зейн вот-вот должен принести его.

— За минуту домчит, не сомневайтесь, мистер Флэксмен! — заметил Джо Вахтер, успевший пропустить пару стаканчиков, пока его брат рассматривал серебряный словописец. — Только что-то долго копается…

— Надеюсь, больше не будет похищений! — встревоженно воскликнула мисс Розанчик. — Если с Зейном что-нибудь случится, я этого не перенесу!

— Бывают разные похищения! — громко объявил Каллингхэм, высоко поднимая бокал. —

Одни пугаются их. Другим же они распахивают дверь в новую, светлую жизнь…

— Ах, Калли, — трепетно произнесла Элоиза, как вдруг дверь распахнулась и в комнату медленно влетело большое серебряное яйцо. Оно парило в воздухе, в нескольких футах от пола. Его глаз, ухо и динамик были укреплены прямо на корпусе, а из-под маленькой серебряной платформы, на которой оно покоилось, свисали два гибких щупальца с небольшими коготками.

Флэксмен следил за полетом яйца словно завороженный. Потом глаза его закатились, и он начал медленно валиться на бок.

Яйцо быстро подлетело к нему, вцепилось коготками в лацканы его пиджака и тем смягчило падение.

— Не пугайтесь, мистер Флэксмен! — воскликнуло яйцо. — Это я, Полпинты, только переделанный. Это Зейн Горт. Теперь мы можем пожать друг другу руки. Не бойтесь, я не буду царапаться!

36

— Вы уже, наверно, догадались, — начал Зейн Горт, когда Флэксмена привели в чувство и порядок был восстановлен, — что проект «Эл» — это

всего лишь «левитация». Передо мной стояла чисто инженерная задача, научным открытием здесь и не пахнет.

— Не слушайте его! — вмешался Полпинты. — Этот робот жестяной только наполовину, остальное — чистейшая гениальность!

— Прошу не перебивать! — сказал Зейн. — Я всего лишь воспользовался давно разработанной схемой использования антигравитации для поднятия небольших тяжестей. В платформу вделан генератор антигравитационного поля, которым управляет сам Полпинты. Как и щупальцами, заменяющими ему руки. Все это — если не считать антигравитацию — можно было осуществить еще во времена Цуккерторта. Но он стремился создать бестелесные существа, окруженные миром чистых идей. Именно поэтому он выбрал писателей и поэтов, то есть людей, далеких от техники, не способных воспринимать руку как систему шарниров, а ногу — как колесо. С этой же целью он создал и пресловутый свод правил. Им внушалось, что они беспомощные паралитики, и окружающие смотрели на них точно так же. Выход мне подсказали словописцы. Если мудрецы могут управлять словописцами, почему бы им с помощью голоса не приводить в действие

платформу антигравитации или руки? Да что там, после некоторой практики они смогут управляться с любыми инструментами…

— Эй-эй, не сманивайте моих писателей! — воскликнул Флэксмен. — Им положено сидеть в Яслях и писать романы и повести, а не шляться по Солнечной системе…

— А похищение Полпинты? — возразил Зейн. — Новые впечатления — вот что им нужно! Иначе из яиц никогда не проклюнутся великие шедевры.

— Зейн прав! — подтвердил Полпинты. — Уж я-то это хорошо знаю!

Его поддержал многоголосый хор воплей, визга, свиста и мяуканья, донесшийся из Яслей.

— Ну хорошо, хорошо, — сдался Флэксмен, — но только по согласованию со мной! — и он снял трубку зазвонившего телефона.

— Теперь мы с ностальгией будем вспоминать то время, когда кругляши только пели и визжали! — сказала няня Бишоп. — У нас будут парты, столы для пинг-понга и рабочие инструменты…

— А мне придется налаживать двадцать девять антигравитационных платформ. У меня предчувствие, что Зейн снова отделается одним образцом.

— Это очень просто, Гаспар, — ободрил его робот. — И потом, яйцеголовы сами будут тебе помогать! Клянусь святым Карелом, как только я подумаю о перспективах, открывающихся перед нами, мне кажется, что я только что сошел со сборочного конвейера. Вся жизнь начинается заново!

— А ну-ка послушайте! — воскликнул вдруг Флэксмен, кладя трубку. — Пока вы тут восхищались друг другом и торжествовали, я занимался делом: собирал сведения о том, что планируют другие издатели и что они уже сделали! Так вот, новостей много, и «Рокет-Хаусу» придется сотворить чудо, если мы хотим остаться на плаву! У Харпера ученые переделывают аналоговые машины в словомельницы! Хотон-Миффлик устроил ту же штуку с шахматно-логистической машиной! Издательство «Даблдей» просеяло десять тысяч потенциальных бумагомарателей, и у них осталось на донышке семь многообещающих гениев! «Рэндом-Хаус» накинул сеть на все планеты и отыскал на одной из них трех одаренных роботов-сирот, которые провели всю жизнь среди людей и теперь не только думают и чувствуют, но и пишут, как люди! Дантон выпустил уже два романа — их написали сами издатели! А вот аген-

ты «Оксфорд-Пресс» отыскали на Венере колонию интеллигентов, вот уже двести лет живущих в полной изоляции и незнакомых с нотодробильной музыкой, компьютерной живописью и словомольной литературой, и пятьдесят процентов колонистов — писатели! Если мы не засучим рукава и не примемся работать в шестьдесят писательских сил — каждое яйцо за двоих, — мы вылетим в трубу! Это всех вас касается. Зейн Горт, где продолжение «Доктора Вольфрама»? Да-да, я понимаю — похищения, спасения, изобретения… но где рукопись? Вы должны были сдать ее еще две недели тому назад!

— Одну минуту, — невозмутимо отозвался синевато-стальной робот и повернулся к своей розовой соплеменнице: — Мисс Розанчик, согласны ли вы вступить в вечное и нерушимое матримониальное замыкание со мной?

— О да! — ответила роботесса и со звоном упала ему на корпус. — Зейн, я твоя! Мои транзисторы, реле, контакты и розетки будут вечно принадлежать тебе и пламенным днем, и жаркой ночью!

Полпинты в восторге запорхал вокруг Флэксмена. На этот раз издатель даже бровью не повел.

— Просто невероятно, — с удивлением сказал он, — какое облегчение испытывает человек,

когда его детские кошмары становятся явью!

Элоиза подняла бокал.

— Калли, милый! — сладко прошептала она. — Не пора ли и тебе сообщить о переменах, имеющих непосредственное отношение к издательству?

— Совершенно верно, дорогая! Друзья и соратники, одиннадцать часов тому назад мисс Ибсен и я сочетались законным браком. Отныне она владелица пятидесяти процентов моих акций и ста процентов моего сердца!

Гаспар повернулся к няне Бишоп:

— У меня нет акций, и я не жестяной гений, — произнес он, — а для левитации я тяжеловат. Но мне кажется, что подобной тебе нет ни среди девушек, ни среди роботесс!

— А я вот уверена, что закалкой с тобой не сравнится никто, — прошептала она, падая в его объятия. — Даже Зейн Горт!

ВЛАСТЬ КУКОЛ

перевод В. Макина

— Вот, взгляни сам на этого уродца. — Голос Делии взвился к потолку. — Это что, по-твоему, — обыкновенная кукла?

Она выхватила из сумочки нечто похожее на тряпку и швырнула мне на стол. Я приступил к осмотру. Голубовато-холодное лицо куклы оскалилось на меня желтозубой ухмылкой. Черный паричок из конского волоса ниспадал до самых глазниц, зияющих над впалыми щеками. От этой отвратительной, но искусной работы мастера изрядно попахивало средневековьем. Человек, создавший ее, не иначе изучал готических горгулий и дьявольские письмена на витражах.

К пустой головке, сделанной из папье-маше,

крепилась черная мантия, которая и драпировала всю фигурку подобно монашеской рясе с миниатюрным клобуком, который сейчас был откинут за спину.

Разумеется, кое-что о куклах мне известно, хотя род моей деятельности весьма далек от кукловодства — я частный сыщик. Но мне сразу стало ясно, что это не марионетка — той управляют с помощью ниток, — а обычная ручная кукла. Сделана она была так, чтобы кукольник, просунув руку сквозь мантию и вставив пальцы в головку и ручки, мог выполнять ими различные движения. Во время представления артист скрыт за ширмой и огни рампы освещают лишь куклу над его головой.

Я натянул на руку кукольный балахончик, вставил указательный палец в головку, средний — в правый рукав, большой — в левый. Вот, как говорится, и вся хитрость. Теперь кукла уже не казалась мне такой обмякшей: рука и запястье сделали свое дело.

Я пошевелил большим и средним пальцами — маленький уродец отчаянно замахал ручонками, хоть и не совсем уверенно — не так уж часто мне случалось прежде иметь дело с куклами. Потом я согнул указательный, и головка куклы со всего

размаха кивнула мне в ответ.

— Доброе утро, Джек Кетч, — сказал я, заставив человечка поклониться как бы в ответ на мое приветствие.

— Не надо! — закричала Делия и отвернулась.

Ее поведение показалось мне странным. Я всегда считал Делию в высшей степени спокойной, уравновешенной женщиной. Я знал ее достаточно долго, пока нить нашего знакомства не оборвалась три года назад. Тогда она вышла замуж за известного артиста-кукольника Джока Лэтропа, с которым я был также знаком. Затем дорожки наши разошлись. И все это время я не имел ни малейшего представления о том, что с ней и как. Но вот сегодня утром она внезапно появилась на пороге моей нью-йоркской конторы и с ходу окатила меня массой самых невероятных подозрений и смутных намеков, да таких диких — не уверен, что стенам моего кабинета и моим ушам частного детектива приходилось раньше слышать что-либо подобное. Хотя за этот год тут было рассказано немало историй в жанре фантастики и приключений.

Я внимательно посмотрел на Делию: ну, разве что стала еще прекрасней, если только такое возможно, — более экзотична, что ли. Да это и

понятно — как-никак вращается в артистических кругах. Ее густые золотистые волосы до самых плеч были слегка подвиты на концах. Серый костюм от хорошего портного, элегантные серые замшевые туфельки. На груди, у самой шеи, золотая брошь нарочито грубоватой работы. Золотая булавка каким-то хитрым образом держала вуаль на шляпке, а шляпку на голове.

Однако это была все та же Делия, тот же «викинг в юбочке», как мы ее любили называть. Правда, какая-то тревога, какая-то печаль опустилась на губы слабым подобием улыбки, и тень страха поселилась в ее больших серых глазах.

— Так что же все-таки произошло, Делия? — Я сел с нею рядом. — Или Джок совсем от рук отбился?

— Не говори чепухи, Джордж! — притупила она мое остроумие. — Дело совершенно в другом. А в этом отношении я за Джока спокойна, и мне не нужен детектив, чтобы собирать на него досье. Я пришла к тебе, потому что… боюсь за него. Это все из-за этих ужасных кукол. Они пытаются… ну как мне тебе объяснить! Все шло хорошо, пока он не согласился принять ангажемент в Лондоне — ты, наверное, помнишь — и не стал лазать по своему генеалогическому древу, перебирая се-

мейные корни. Теперь у него появилось что-то, о чем он мне никогда не говорит, чего не хочет мне показать. Избегает меня. И, Джордж, я уверена, что он сам в душе чего-то боится. Ужасно боится.

— Послушай, Делия, — улыбнулся я, — не знаю, какое отношение к нашему разговору имеют куклы, зато я знаю другое. Ты вышла замуж за гения. А с ними, гениями, порой бывает очень трудно ужиться. Всем известно, какими невнимательными, что ли, по отношению к другим они могут быть, в душе сами того не желая. Да ты их биографии почитай! Большую часть времени они бродят туда-сюда, полностью абстрагируясь от окружающего, по уши погруженные в рождение своих идей. И не дай Бог, вы неосторожным словом коснетесь этих ушей — они как с цепи срываются, эти гении. Джок фанатично прикован к своим куклам, душою прирос — а как же иначе! Все критики, которые в этом хоть чуть смыслят, говорят, что он лучший в мире — лучше самого Франетти. А от его нового спектакля все просто с ума посходили — «планка его карьеры никогда еще не поднималась так высоко!».

Делия ударила себя замшевым кулачком по коленке.

— Знаю, Джордж. Я это сама все знаю! Но это не

имеет никакого отношения к тому, что я пытаюсь тебе втолковать. Надеюсь, ты не считаешь меня дамочкой, что готова всякому плакаться в жилетку: ах, какой у меня муж — за работой совсем жены не замечает! Да я целый год ассистировала ему, шила куклам костюмы и даже работала некоторые второстепенные персонажи. А теперь он меня ни в мастерскую не пускает, ни за кулисы. Все делает сам. Я бы не возражала, если бы не этот страх. Все дело в самих куклах, Джордж! Они… они хотят навредить ему. И мне — тоже.

Я не знал, что ответить, и в своем кабинете чувствовал себя как в гостях. Не очень-то приятно, беседуя со старым приятелем, обнаружить в его словах признаки параноидальной шизофрении. Еще раз я окинул хмурым взглядом злобное личико Джека Кетча. Оно было синим, как у утопленника. Джек Кетч — это палач из традиционной кукольной пьесы «Панч и Джуди». Его прототипом был королевский палач, живший в семнадцатом веке; он пытал людей каленым железом и казнил их на виселице в лондонском Тайберне.

— Однако, Делия, — осторожно заметил я, — мне не совсем понятно, куда ты клонишь. Как может обыкновенная кукла…

— В том-то и дело, что необыкновенная! — резко перебила она. — Я затем и пришла сюда, чтобы ты сам посмотрел на нее. Ты поближе, поближе взгляни. На каждую деталь. Что — скажешь, обыкновенная?

И тогда я понял, что она имела в виду.

— Да, немного отличается от обычной, — допустил я.

— Немного — это как? — настаивала она.

— Ну, у этой куклы нет рук. Обычно руки делают из папье-маше или шьют из дешевой материи и набивают чем-нибудь изнутри. Потом они крепятся к рукавам.

— Верно. Что еще?

— Еще голова, — неохотно продолжал я. — На ней нет глаз — вместо них дырочки. Да и сама голова много тоньше тех, что мне случалось видеть. Скорее похожа на… маску какую-то.

Делия схватила меня за руку и крепко стиснула ее.

— Вот именно, Джордж! — воскликнула она. — Именно на маску! Теперь ты понимаешь? Джок больше сам не водит своих кукол. За него это делают какие-то ужасные маленькие твари, похожие на крыс. Они надевают кукольные костюмы и просовывают свои морды в головы кукол. Вот

почему во время спектакля он никого не пускает за ширму — ни меня и никого другого. И они пытаются ему навредить, хотят убить его! Я знаю. Я слышала, как они угрожали ему.

— Делия, — я накрыл ладонью ее дрожащую руку, — ты сама не знаешь, что говоришь. Ты перенервничала, слишком возбуждена сейчас. Твой муж просто-напросто изобрел новый тип марионеток — и ничего удивительного. Все его секреты именно этим и объясняются — работой над новыми куклами.

Она отпрянула от меня.

— Джордж, ну пойми же ты наконец! Знаю, мои слова могут показаться тебе бредом, но я не сумасшедшая. Однажды ночью, когда Джок думал, что я уже заснула, я слышала, как они угрожающе пищали на него. Голоса у них тоненькие, сиплые, как свисток локомотива. «Отпусти нас, отпусти — или мы убьем тебя!» — кричали они. Я просто оцепенела от страха. Они такие маленькие — везде пролезут.

— Ты их видела? — быстро спросил я.

— Нет, но я знаю: они существуют. Прошлой ночью одна из этих тварей пыталась выцарапать мне глаза. Смотри!

Она откинула с виска тяжелую прядь волос, и

в ту же секунду я почувствовал, как холодными иглами на мою спину опустилась сосновая ветка страха. Всего лишь в дюйме от глаза на нежной коже Делии багровели пять крохотных царапин — будто какой-то злобный гном провел рукой по ее виску. На мгновение перед моим взором предстало маленькое крысоподобное существо с поднятой вверх когтистой лапкой.

Затем видение исчезло, и мне подумалось, что даже для гротеска подобное существо было бы нелепым. Но, как ни странно, теперь у меня не получалось списать рассказ Делии на больное воображение. Я тоже почувствовал страх. Страх за Делию: против нее замышлялось что-то недоброе, кто-то хотел ее напугать, ввести в заблуждение. Сыграть на ее суеверном страхе. И я спросил осторожно:

— Ты хочешь, чтобы я зашел к Джоку?

Будто груз свалился с ее плеч — она облегченно вздохнула.

— Я все ждала, когда ты это скажешь.

На табличке значилось:

«КУКЛЫ ЛЭТРОПА — 2-й этаж»

За спиной примостилась 42-я улица и что-то бормотала мне своим шамкающим ртом в оба

уха. Войдя внутрь, я увидел деревянную лестницу со старыми латунными перилами, лениво отливавшими желтизной. Она уходила вверх, в царство тьмы и относительной тишины.

— Делия, подожди минутку, — сказал я. — Не могла бы ты ответить мне на пару вопросов? Мне хотелось бы все окончательно для себя прояснить, прежде чем я увижусь с Джоком.

Она остановилась и согласно кивнула. Но не успел я снова открыть рот, как со второго этажа до нас донеслись какие-то странные звуки. Наверху кто-то топал, разражаясь проклятьями на непонятном языке, крушил ногами бедную лестницу, спускался на несколько ступенек вниз и вновь карабкался наверх — еще фейерверк проклятий — и снова грохот каблуков. Похоже, гнев невидимого «громовержца» был в самом разгаре.

Внезапно шум прекратился.

Моему воображению сразу представился некто «на миг поправший гнев свой в чуть шипящей пене».

Так же внезапно шум возобновился: топ-топ-топ — это, сотрясая лестницу, «громовержец» покидал «олимп» второго этажа. Делия успела прижаться к перилам, прежде чем на нее обрушился здоровенный толстяк с пылающим из-под

седых бровей взором, рот его кривили недовысказанные проклятья и хула. На нем топорщился дорогой костюм в клетку, под которым разбухала шелковая сорочка с расстегнутой верхней пуговицей. «Громовержец» завис над нашими головами и драматически воздел руку в сторону Делии. Другая его рука сминала покорную фетровую шляпу.

— Мадам, это вы и есть жена этого сумасшедший, не так ли?! — обвиняюще прогрохотал он.

— Я жена Джока Лэтропа, если это то, что вы имеете в виду, мистер Франетти, — невозмутимо ответила Делия. — А в чем дело?

И тогда я узнал Луиджи Франетти. Газетчики величали его нередко старейшиной кукольников. Я вспомнил, что несколько лет назад Джок учился в его мастерской.

— Это вы меня спрашиваете, что произошло? — прогрохотал итальянец. — Вы меня спрашиваете, мадам Лэтроп? Каково! — Шляпа скорчилась в его руке. — Очень хорошо — извольте! Ваш муж не просто сумасшедший. Он еще и неблагодарник! Я его сюда приезжай, чтобы поздравить его с последняя удача, принимать его в объятья. В концов конце он — мой ученик. Он от меня всему учись. Какова же его благодарность? Какова — я

вас спрашиваю?! Он не позволял мне прикасаться к нему! Даже руки не подавал! Не пустил к себе в мастерскую! Меня! Франетти, который научай его всему!

Тут он «попрал свой гнев в шипящей пене», как это и рисовалось в моем воображении минутой раньше. Но пену разогнал опять девятый вал.

— Он умалишенный, говорю я вам! — Палец Франетти затрясся над головой Делии. — Вчера вечером я присутствовал — хотя он мне не объявлял и не приглашал — на его кукольный спектакль. Его куклы делают то, что невозможно творить — невозможно без черная магия. Я — Луиджи Франетти, и я знаю, что говорю! Как бы то ни было, я думай, что, может быть, он — сегодня мне все объяснять. Так нет же — он меня выставляй за дверь! У него дурной глаз и пальцы дьявола, говорю я вам. На Сицилия с ним не стали бы церемониться. На Сицилия его бы просто пристрелили. Каково! Глаза бы мои его больше не смотрели! Пропустите меня!

Он догрохотал остаток лестницы, и Делия снова прижалась к перилам. Ей даже пришлось повернуть голову набок. В дверях Франетти оглянулся для прощального выстрела.

— И еще, мадам Лэтроп, — возопил он, — зачем

кукольнику нужны крысишки?!

Он выбежал вон, и в подъезде повисла его последняя реплика: «Каково?!»

От смеха я сложился пополам и смеялся, пока не увидел лицо Делии. Тут только до меня дошло, что все инсинуации Франетти, какими бы смехотворными они ни были, похоже, совпадали с ее собственными подозрениями.

— Нельзя же всерьез принимать то, что тут наговорил Франетти, — успокаивающе заметил я. — Он злится на Джока, что тот-де не снял перед ним шляпу и не высыпал из нее, словно горох, все свои новые технические придумки и открытия.

Делия молчала. Рассеянно теребя зажатый в зубах носовой платок, она смотрела на дверь, поглотившую итальянца. Глядя на нее, я мог представить, какой страх испытывает она — будто маленький уродец, усевшись на подушке, снова пытается выцарапать ей глаза.

— Ты что, расстроилась из-за реплики, которую Франетти отпустил в финале? — с принужденной легкостью спросил я. — А Джок случайно не держит белых крысок просто для удовольствия?

— Не знаю, — рассеянно промолвила Делия. — Я же сказала тебе, он меня не пускает в свою рабочую комнату. — Она повернулась ко мне:

— Ты говорил, что хочешь меня еще о чем-то спросить?

Я кивнул. По дороге сюда я прокручивал в голове одну малоприятную гипотезу. А что, если Джок разлюбил Делию и теперь хочет от нее избавиться? Тогда ее бредовые подозрения всецело лежат на его совести. Ему ничего не стоило сыграть с нею какую-нибудь злую шутку.

— Ты сказала, перемены в поведении Джока появились во время вашего пребывания в Лондоне, — начал я. — Расскажи-ка мне поподробнее.

— Его всегда интересовали старинные книги и генеалогия, но, знаешь, не в такой же степени, — после некоторого раздумья отвечала Делия. — Всему виною был случай. Несчастный случай. Это было очень серьезно. Его руки… Ему на руки упала оконная рама и размозжила все пальцы. А какой же кукольник без рук? Джоку пришлось на три недели воздержаться от выступлений. И чтобы хоть как-то провести время, он стал посещать Британский музей и его библиотеку, так как безделье просто выводит его из равновесия. Когда же мы вернулись сюда, он по-прежнему продолжал какие-то свои исследования и долгое время не выступал.

А потом, когда Джок был уже готов возобновить спектакли, он заявил мне, что решил работать с куклами один. Я возразила ему: мол, одному вести спектакль невозможно, что он сможет работать лишь двумя куклами, не больше. Тогда он мне говорит, что в дальнейшем собирается ставить пьесы типа «Панч и Джуди», где над ширмой одновременно появляются не больше двух персонажей.

Это было три месяца назад. С того дня он стал меня избегать. Джордж… — Ее голос дрогнул. — Я чуть с ума не сошла. У меня появились самые дикие подозрения. Дошла до того, что решила… решила, что в том несчастном случае Джок лишился обеих рук и не хочет мне об этом говорить.

— Ты что, — воскликнул я, — хочешь сказать, тебе самой об этом ничего не известно?!

— Теперь ты видишь, до чего он со мною скрытен? — Усталая улыбка тронула ее губы, и мне стало по-настоящему жаль бедную женщину. — Мне ничего не известно, — повторила Делия. — Правда, как-то странно звучит? Но и про руки — насчет них я тоже до конца не уверена. К нему же близко нельзя подойти, пока не стемнеет, он и перчаток с рук не снимает.

— Но спектакль…

— В том-то все и дело. Этот вопрос я сама себе задаю, когда сижу в зале и гляжу на его кукол. Кто ими управляет? Что у них внутри?

И тогда я решил сделать все возможное, чтобы помочь Делии избавиться от страха, терзавшего ее сердце.

— Ты не сумасшедшая, — констатировал я. — Это Джок умом тронулся!

Она несколько раз провела рукою по лбу, как будто он у нее зачесался.

— Нет, — возразила она. — Это все куклы. Все, как я и говорила тебе.

Когда мы поднимались по лестнице, я заметил, что Делии ужасно хочется, чтобы мое интервью с Джоком началось как можно скорее. Нервы Делии так разболтались, что каждая секунда промедления нарушала ее душевное состояние. Но, видно, Судьбе не угодно было ускорить наш подъем.

На этот раз препятствием послужило появление стройного мужчины в синем костюме-двойке. Впрочем, он пытался незамеченным проскользнуть мимо нас в лестничном полумраке. Однако Делия узнала его.

— А, Дик, привет! — сказала она. — Старых дру-

зей не узнаешь?

Из темноты проступили тонкие, правильные черты лица в обрамлении не слишком густых бесцветных волос.

— Дик, позволь представить тебе Джорджа Клейтона, — продолжала Делия. — Джордж, это — Дик Уилкинсон. Дик ведет страховые дела моего мужа.

— Здравствуйте, — произнес Уилкинсон с таким напряжением, будто его рот был заклеен пластырем и он забыл его по рассеянности снять. Чувствовалось, что ему не терпится поскорее уйти.

— Зачем ты понадобился Джоку? — поинтересовалась Делия, и смущение Уилкинсона стало еще более заметным. Он кашлянул, затем, видимо, пришел к какому-то внезапному решению.

— Последнее время Джок стал несколько импульсивен, не правда ли? — обратился он к Делии.

Та медленно кивнула.

— Я так и думал, — сказал Уилкинсон. — По правде сказать, сам не знаю, зачем он меня звал. Думал, может, это как-то связано с травмой его рук. Два года назад он получил страховой полис на пять тысяч долларов, но, похоже, совсем за-

был о своей страховке. Впрочем, не знаю точно, зачем именно я ему понадобился. Битых полчаса я прождал его в коридоре, став невольным свидетелем душеизлияний мистера Франетти. Возможно, из-за этого Джок и расстроился. Во всяком случае, минут через пять после того как Франетти удалился, весь кипя от злости, Джок высунулся из двери мастерской и заявил мне, что передумал, — что именно, он не сказал, — и… велел мне уйти.

— Извини, Дик, — промолвила Делия, — это было крайне грубо с его стороны. — Тут ее голос зазвучал быстрым, нетерпеливым легато: — А дверь в мастерскую он оставил открытой?

Уилкинсон наморщил лоб.

— Да, кажется… вроде бы не закрыл. По крайней мере мне так показалось. Однако, Делия…

Но Делия уже неслась вверх по лестнице. Я быстро попрощался с обескураженным страховым агентом и последовал за ней.

Поднявшись на второй этаж, я вошел в небольшой коридорчик. Через открытую дверь был виден плотный ряд кресел кукольного театра. Тем временем Делия исчезла за другой дверью в конце коридора. Я пошел следом. Но не успел переступить порог, как услышал ее крик:

— Джордж! Джордж! Он бьет куклу плетью!

Хотя мой мозг отказывался понимать то, что слышали уши, я бросился в комнату — наверно, это была мастерская Джока Лэтропа — и на мгновение застыл в дверях. В мастерской тоже царил полумрак, но было светлее, чем в коридоре. Можно было различить столы, полки, заваленные кукольными атрибутами.

Делия стояла, прижавшись к стене, в глазах ее холодел ужас. Но мое внимание было приковано к приземистой, коренастой фигуре джентльмена, стоявшего посреди комнаты, — это был муж Делии. В левой руке, точнее в кулаке, он сжимал куклу. Другой, облаченной в перчатку, сжимал миниатюрную плеть-девятиремневку, которой и хлестал куклу. Та корчилась, извивалась, загораживаясь от ударов маленькими ручками, и это казалось со стороны настолько естественным и реалистичным, что у меня дыхание перехватило. Ситуация была столь необычной, что мне почудилось, будто я слышу, как бедняга пищит что-то скрипучим голоском, словно моля о пощаде. Нет, действительно, все было настолько реально, и еще эта зловещая усмешка на лице Лэтропа. И тут я услышал собственный голос:

— Перестань, Джок! Прекрати!

Он обернулся, увидел меня и… прямо-таки зашелся от смеха. Его бледное курносое лицо было передернуто веселой маской комедии. Я ожидал любой реакции, кроме этой.

— Итак, даже прожженный скептик, матерый сыщик Джордж Клейтон — и тот купился на мои дешевые трюки, — наконец сквозь смех сумел проговорить Лэтроп.

Закончив смеяться, он как-то сразу весь преобразился, приняв позу иллюзиониста, готового продемонстрировать публике очередную серию фокусов. Швырнув плетку на стоящий рядом стол, он ухватил куклу свободной рукой и неуловимым движением высвободил свою левую руку из ее чрева. Нижняя подача — и пока тряпичный мячик летел в мою сторону, Джок быстро засунул руки в карманы и начал что-то насвистывать.

Тут Делия не выдержала и, судорожно всхлипнув, выбежала из комнаты. И уж если мне показалось, что из-под левой руки Джока выскочила какая-то мелкая тварь и торопливо скрылась за его спиной, поблескивая голеньким тельцем, — представляю, каково было Делии, и без того находящейся на грани нервного срыва.

— Можешь ее осмотреть. — Голос Лэтропа был лишен всяких эмоций. — Кукла это или нет?

Я взглянул на бесформенную массу тряпок и папье-маше, которую инстинктивно схватил после броска Джока. Несомненно, это была кукла, и изготовлена она была точь-в-точь как та, которую мне принесла в контору Делия. Разве что костюмчик этой был сшит из разноцветных веселых лоскутков. По сардонической улыбке, дерзким чертам лица и крючковатому носу я сразу узнал персонаж. Это был Панч.

Меня просто очаровало изящество, с каким мастер выполнил свою работу. Выражение лица не было таким жестоким, как у Джека Кетча. Однако в чертах Панча было нечто другое: в них таилось взрывоопасное коварство отъявленного злодея. Каким-то непонятным образом оно являло собой составной портрет всех знаменитых преступников и убийц, о которых мне когда-либо доводилось читать.

Но я пришел туда совсем не для того, чтобы восхищаться куклами.

— Послушай, Джок, — обратился я к нему, — до чего ты довел Делию, черт возьми? Бедняжка перепугана до смерти.

Джок как-то странно посмотрел на меня.

— Ты слишком многое принимаешь за чистую монету, — спокойно заметил он. — Полагаю, она

пришла к тебе как к другу, а не как к детективу. Однако не разумнее ли заслушать обе стороны, прежде чем выносить судебное решение? Могу вообразить, какую несусветную чепуху нагородила тебе Делия. Дескать, я ее избегаю, так? Дескать, с куклами творится что-то неладное? Да чего уж там — куклы-то живые, так ведь? Говорила?

Тут я услышал под столом какую-то возню, шуршание, и холодные мурашки разбежались по моей спине. Джок Лэтроп усмехнулся, а потом — как свистнет! Из-под вороха джоковских принадлежностей на свет Божий, принюхиваясь и озираясь по сторонам, вылезла белая крыса.

— Мой любимчик, — насмешливо объявил Джок выход белого мага. — Кажется, Делия считает, что я дрессирую крыс для работы с куклами?

— Да забудь ты хотя бы на время, что считает Делия! — сердито перебил я. — Кто бы ни были эти твари, ты за них отвечаешь! И нет никакого прощения тебе за попытку мистифицировать, запугать ее!

— Ты так уверен? — загадочно произнес Лэтроп.

— Черт возьми, она же твоя жена, Джок! — Я чуть было не набросился на него.

Его лицо посерьезнело, и голос сменил тональ-

ность.

— Я знаю, что она моя жена, — сказал он. — И я очень ее люблю. Однако, Джордж, неужели тебе в голову не приходило более простое объяснение всему происходящему? Мне неприятно говорить об этом, но дело в том, что Делия страдает… гм… невропатическими галлюцинациями. Не знаю, что взбрело ей в голову, но — хотя на то нет у нее ни малейших оснований — ею овладело глубокое чувство ревности, и ревность свою она обрушила на моих кукол. Сам не знаю почему. Я бы многое отдал, чтобы это узнать.

— Допустим, — быстро парировал я. — Но зачем ты упорно продолжаешь ее мистифицировать?

— Отнюдь, — возразил Лэтроп. — А если я порой и не пускаю ее в мастерскую, так это для ее же блага.

Его доводы казались мне все более и более убедительными. Голос Джока Лэтропа звучал сухо и веско, и у меня появилось такое чувство, будто я сам себя выставил на посмешище. Но тут я вдруг вспомнил кое-что.

— А эти царапины на ее лице… — начал было я.

— Я их видел, — сказал Джок. — Опять же мне неприятно говорить, но я нахожу тому един-

ственно разумное объяснение: она это сделала сама, чтобы ей было сподручнее обвинить меня. А может, просто случайно себя во сне поцарапала. Так или иначе, известно, что люди, страдающие галлюцинациями, способны на любые поступки. Они не остановятся ни перед чем, только бы сохранить свои бредовые иллюзии. Я так считаю, и это правда.

Мысленно взвешивая слова Джока, я окинул взглядом его мастерскую. Здесь было все, что нужно опытному мастеру для изготовления кукол: лекала, краски, лаки, глиняные формы кукольных головок, папье-маше, обрезки бумаги и клей. В углу стояла швейная машинка с разбросанными вокруг разноцветными лоскутьями.

На мольберте, слегка прихваченные кнопками, висело несколько эскизов кукол, выполненных как красками, так и в карандаше.

На столе — две недокрашенные головки, насаженные на маленькие колышки так, чтобы их удобнее было расписывать. На противоположной стене в ряд были развешаны куклы: принцессы и золушки, колдуны и ведьмы, крестьяне, уродцы, бородатые старики, черти, попы, доктора.

Казалось, целый кукольный мир предстал передо мной. Куклы разглядывали меня, вот-вот

готовые прыснуть и разразиться своим сиплым, хриплым, нечеловеческим смехом.

— Почему ты до сих пор не отправил Делию к врачу? — опомнившись, спросил я.

— Потому что она отказывается идти. Я ее несколько раз уговаривал обратиться к психиатру.

Я не знал, что еще сказать. И тут в моем поле зрения вновь появилась белая крыса. «Наверно, — подумал я, — это она там шуршала под столом — и чего только не померещится». Все больше и больше я начинал соглашаться со словами Лэтропа. Подозрения Делии казались мне просто нелепыми. Должно быть, Лэтроп прав.

— Послушай, — уже без прежнего энтузиазма поинтересовался я, — а что там Делия утверждает, что с тобой что-то в Лондоне произошло? Какая-то перемена. Начал вдруг генеалогией заниматься.

— Боюсь, перемена произошла не во мне, а в Делии, — с горечью произнес Лэтроп. — А что касается генеалогии — это верно. Я действительно узнал кое-что потрясающее об одном из своих предков, если он, конечно, является моим предком.

Он начал что-то рассказывать, и так живо,

с таким интересом, что я невольно поразился перемене, которая произошла с его лицом. И куда только девалась его скованность, напряженность! Взгляд Джока мне уже не казался вызывающе дерзким.

— Я в самом деле очень люблю Делию, — негромко сказал он с трепетом в голосе. — Что подумала бы она обо мне, Джордж, окажись ее подозрения хоть на йоту верными? Разумеется, это чушь. Но ты сам видишь, мы попали в беду — в ужасную беду. Конечно, это не для частных детективов. У тебя работа конкретная, хотя и ты, наверно, не раз в своих расследованиях мог убедиться, что порой разумом и телом человека завладевают какие-то страшные силы. Я не имею в виду нечистую силу, нет. Но нечто… Даже трудно говорить об этом…

Джордж, ты не мог бы сделать мне небольшое одолжение? Приходи сегодня вечером на спектакль. После представления мы с тобой еще раз все обсудим, уже более обстоятельно. И вот что еще. Видишь, вон там, на столе, книжку? Так вот, у меня есть все основания считать, что она касается одного моего пращура. Возьми ее с собой. Прочти. Но Боже тебя упаси показать ее Делии! Понимаешь, Джордж…

Он умолк, так и не докончив фразы. Похоже, он собирался посвятить меня в одну из своих сокровенных тайн, но на лице его вновь появились суровые черты отчужденности.

— А сейчас оставь меня, — глухо промолвил он. — Наш разговор… да еще этот старый кретин Франетти!.. В общем, у меня нервы тоже ни к черту.

Я подошел к столу, аккуратно положил на него Панча и взял в руки старую-престарую книжицу с пожелтевшими страницами.

— Увидимся вечером, после спектакля, — на прощание сказал я.

Когда я закрывал за собою дверь, мне показалось, что в глазах Лэтропа холодным пламенем зажегся тот же самый страх, что я видел в глазах Делии. Но на этот раз не страх — ужас. И тогда только я вспомнил, что за все время нашего разговора Лэтроп ни разу не вынул руки из карманов.

Ко мне подбежала Делия. Было видно, что она плакала.

— Что же делать, Джордж? Что же нам теперь делать? Что он тебе сказал? Что?

Ее возбужденное состояние и почти предгорячечная манера говорить, увы, должен признать, полностью подтверждали слова Джока о невро-

патических галлюцинациях.

— А правда, Делия, — обратился я к ней, — что он уговаривал тебя обратиться к психиатру?

— Да, а что? — Я заметил, как она вся напряглась. — А-а, Джок сказал тебе, что это все плоды моего воображения, и ты поверил ему? — с горечью заключила она.

— Да нет, вовсе нет, — соврал я. — Но мне нужно некоторое время, чтобы все хорошенько обдумать. Вечером я иду на спектакль. Там поговорим.

— Он все-таки убедил тебя, — настаивала Делия, схватив меня за рукав. — Ты не должен ему верить, Джордж. Он их боится! Он… Он еще в большей беде, чем я.

— Отчасти я с тобою согласен, — сказал я, на этот раз не будучи уверен, правду ли говорю или нет. — А после представления мы все с тобою обсудим.

Тут вдруг она отпустила мой рукав и отшатнулась от меня.

— Если ты мне не поможешь, — сказала она, тяжело дыша, — я знаю, как можно узнать, права я или нет. Наверняка.

— Ты… Что ты имеешь в виду, Делия?

— Сегодня вечером, — проговорила она срыва-

ющимся голосом, — ты это узнаешь.

Как я ни настаивал, большего добиться от нее я так и не сумел. Я простился с Делией, но еще долго у меня перед глазами стояло выражение ее лица, ее зрачки — два безумных холодных бриллианта в золотистой оправе волос.

Быстрым шагом я миновал коридор и спустился вниз по лестнице.

Выйдя из кромешной тьмы подъезда, я словно окунулся в кромешный ад, но 42-я улица с ее вечно кипящей толпой мне показалась раем. Приятно было видеть это множество людей, идти вместе с ними, подставляя бока чужим локтям, и к черту забыть все выдуманные страхи и ужасы, населявшие квартиру Делии и Джока Лэтропов.

Я бросил взгляд на книжицу, которую сжимал в руке. Шрифт был древним, и буквы плясали по строкам. Листы сильно пообтрепались по краям. Я прочел длиннющую надпись на титульном листе:

> ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ, записанный рукою некоего заслуживающего доверия джентльмена из уст одной Высокочтимой Особы, излагающий обстоятельства жизни и смерти ДЖОКИ ЛОУТРОПА из

Англии, устроителя кукольных представлений, и повествующий о том, что, по предположению многих и многих, смерть его была сопряжена с вышеупомянутыми куклами.

На улицы и крыши Нью-Йорка с неба бесшумно спрыгнула ночь. Мой офис стал похож на кладбище теней. С места, где я сидел, был виден окаменевший мастодонт Эмпайр Стейт Билдинг, громадным клыком выпирающий над мелкозубой челюстью горизонта.

Я потер усталые веки. Все те же мысли кружили в голове. Кому я должен верить? Делии или Джоку? Что могло довести человеческий рассудок до такого помрачения, что он превратился в неуправляемый генератор сумасбродных, чудовищных подозрений? И чей именно рассудок? Ответы на эти вопросы вряд ли можно было отыскать в голове обыкновенного частного сыщика.

Уже начало смеркаться, и я придвинулся вместе с книжкой поближе к окну. Затем еще раз прочел два абзаца, которые произвели на меня особенно сильное впечатление.

В те времени ходили слухи о том, что Джоки Лэтроп заключил союз с дьяво-

лом, дабы достичь в искусстве своем большего совершенства. Многие люди могут засвидетельствовать, что куклы его действовали и двигались со столь диковинной ловкостью, коей обычный христианин не может достичь. Однако Джоки никогда не имел помощников и никому не соблаговолил объяснить, что движет его человечками...

Рассказывают, что Молл Сквайерз и некий французский доктор ни слова не проронили о том, что ощутили, когда впервые увидели труп Джоки. Доподлинно известно, что сердце его пронзила длинная тонкая игла, а руки его были отсечены в запястьях. Жена Джоки, Люси, конечно же, предстала бы перед судом присяжных по обвинению в убийстве, но после смерти мужа ее больше никто не видел. Молл Сквайерз поклялась на Святом писании, что руки у Джоки забрал дьявол в уплату за нечистую силу, которая помогала в мастерстве кукольнику. А некоторые, и таких немало, утверждают, будто он был убит своими же куклами, кои избрали своим оруди-

ем иглу как наиболее удобное оружие смертоубийства в их маленьких руках. Припоминают, что однажды священник Пенроуз предал Джоки анафеме со словами: «Это — не куклы, а исчадия ада, и те, кто узрит их, — да будут прокляты».

Я откинул книжку в сторону. Какое человеку дело до событий, происшедших полтораста лет назад? Какой-то слабый отголосок из недр восемнадцатого столетия, наполненного страхом и предрассудками. Особенно когда автор этих сумасбродных строк явно претендует на сенсацию.

Правда, имена Лоутроп и Лэтроп звучат почти одинаково. Да, Джок еще говорил, что он якобы имеет и другие доказательства того, что является прямым потомком этого Лоутропа.

Книжка меня просто разозлила. Было такое ощущение, будто кто-то хочет запугать меня детскими сказочками о гоблинах и привидениях.

Я включил свет и посмотрел на часы. Было без пятнадцати восемь…

Когда я пришел в театр, публика уже шумела. В фойе было изрядно накурено. Когда девушка с томным взглядом вручала мне билет, меня кто-то окликнул. Я оглянулся и увидел доктора Грен-

дала. Сразу было ясно, что у старого болтуна под сияющей лысиной скрывается какой-то коварный вопрос. Мы перекинулись парой дежурных фраз, и он наконец-то мне его задал.

— Ты видел Джока после того, как он вернулся из Лондона?

— Так, виделись мельком, — осторожно ответил я.

— Ну, и как он тебе? — Глаза доктора хитро блеснули из-под очков в серебряной оправе.

— Беспокойный какой-то стал. Задерганный.

— Вот-вот-вот, — просюсюкал доктор, увлекая меня за собой в угол. — Знаешь, — зашептал он, — Джок стал каким-то странным. Конечно, это строго между нами. Он был у меня. Я сначала подумал, может, у него со здоровьем нелады. Но оказалось, его интересовали пигмеи.

— Пигмеи? — У меня чуть глаза на лоб не вылезли.

— Вот именно. Пигмеи. Удивился, да? Я тоже был немало удивлен. Больше всего он интересовался, какой может быть наименьший рост у взрослых людей этой расы. Все расспрашивал меня, могут ли они поместиться в футляры, коробки — ну, вроде как его куклы. Я говорю, это просто невозможно. Разве что грудные дети и

зародыши.

А потом он вдруг как-то перевел разговор на другую тему. Просил меня поподробнее рассказать об их физиогномической наследственности и вообще о кровном родстве. Все спрашивал, какие бывают близнецы-пигмеи — двойняшки, тройняшки и все такое. По-видимому, считал меня бездонным кладезем подобной информации, зная, что я нацарапал пару трудов о физиологических отклонениях человека. Ну, конечно, я ему рассказал все, что знал, но некоторые его вопросы показались мне странными. Примат духа над материей — ну, и все такое прочее. У меня было такое впечатление, что у него вот-вот нервы не выдержат. Я ему так и сказал. А он мне и говорит: «Убирайся». Правда, несколько странно?

Я не знал, что на это ответить. То, что рассказал мне Грендал, вновь разбудило в моей голове мысли, от которых я пытался избавиться последние несколько часов. Прямо и не знал, стоит ли доверяться этому старому доктору, и если да, то до какой степени.

А люди из фойе уже начали переходить в зал. Я буркнул под нос что-то неопределенное, и мы с Грендалом последовали за всеми. Прямо перед нами в зал ввалилась шарообразная фигура

Луиджи Франетти. Маэстро бормотал свои обычные проклятья. Видно, старик не устоял перед соблазном еще раз насладиться магическим искусством своего бывшего ученика. Он бросил на стол девушке презренный металл — плату за билет, — словно это были тридцать сребреников Иуды Искариота. Затем он протопал в зал, уселся в кресло, сложил на груди руки и устремил свой пылающий взор на занавес.

Зал был набит почти до отказа — человек двести, не меньше. Театр ослеплял вечерними туалетами. Но Делии нигде не было видно. Правда, на глаза мне попался Дик Уилкинсон; страховой агент был просто неотразим.

Из-за занавеса донеслось нестройное звучание музыкальной шкатулки, задуманное, наверно, как имитация кукольного оркестра. Мы с Грендалом сидели недалеко от первого ряда, несколько сбоку.

Свет в зале стал гаснуть. Мягкая подсветка скользнула по шелковому квадрату красных кулис. Музыкальная шкатулка поперхнулась, словно в ней что-то сломалось, подбросив к потолку отчаянный крик захлебнувшейся ноты. Пауза. Унылым стоном прогудел гонг. Пауза. Затем мужской голос — я сразу узнал Лэтропа

— проверещал фальцетом:

— Дамы и господа! Сегодня вечером — ради смеха, вам на потеху — куклы Лэтропа представляют… «Панч и Джуди»!

Я услышал за спиною сакраментальное: «Каково!»

Шелестя шелком, занавес раздвинулся. Из-за ширмы, как чертик из ящика, выскочил Панч, хрипло рассмеялся и начал выписывать разные кренделя, рассыпая по сторонам скабрезные остроты, порою в адрес публики.

Я узнал эту куклу: это ее мне показывал Джок у себя в мастерской. Но что было внутри? Рука Джока? Через несколько секунд я уже не задавался этим вопросом, успокоив себя тем, что присутствую на обычном кукольном спектакле. Обыкновенная ловкость рук. И явный голос Джока Лэтропа, только фальцетом.

По какой-то глупой иронии имена Панча и Джуди обычно связывают с куклами в детской, а тут… Мне редко приходилось видеть пьесы отвратительнее этой. Современные педагоги при одном упоминании о ней начинают махать руками. Она не похожа ни на одну другую сказку или феерию, но сюжет ее определенно является порождением земного зла.

Панч олицетворяет собою тип эгоистичного, жестокого преступника. На первых полосах газет таких обычно называют «человек-мясорубка» или «отродье бешеной собаки».

Итак, в пьесе Панч сначала убивает свое постоянно плачущее дитя и свою сварливую жену Джуди только за то, что они раздражают его, мешая ему спать. Убивает доктора, потому что недоволен лекарством, которое тот ему предложил. Затем он приканчивает полицейского, который приходит его арестовать. И наконец, после того как Панча все-таки бросают за решетку и приговаривают к смертной казни, ему удается перехитрить самого Джека Кетча, палача, повергающего в ужас всю Англию, и отправляет его на тот свет вместо себя.

В финале пьесы перед Панчем является дьявол, чтобы забрать себе его душу. А в некоторых постановках Панч разделывается и с самим дьяволом. Все время, пока Панч совершает свои страшные убийства, его не покидает неизменно мрачный, омерзительный юмор; все свои злодеяния он вершит, весело шутя.

«Панч и Джуди» уже не первый год и век считается одним из самых популярных кукольных спектаклей. Причина его популярности у малень-

кого зрителя, видимо, заключается в следующем: дети в отличие от взрослых не успели еще обзавестись столь большим количеством нравственных запретов, и они открыто выражают свои симпатии по отношению ко всему, даже по отношению к примитивному эгоисту — Панчу. Ведь Панч по своей самовлюбленности и бездумной жестокости похож на испорченного ребенка.

Эти мысли с привычной быстротой пронеслись в моей голове. Так бывает со мною всегда, когда я смотрю эту пьесу или когда мне просто приходят на ум Панч и Джуди. Но на этот раз моя память одарила меня еще одним видением: я вспомнил, как Джок Лэтроп хлестал куклу плетью.

Я уже говорил, что начало представления подействовало на меня успокаивающе. Но чем дальше продвигалось развитие сюжета, тем больше тревожных мыслей появлялось в моей голове. Движения кукол были слишком мягки, слишком осмысленны и расторопны. В пьесе много стычек и драк, когда куклы мутузят друг друга палками. Причем у каждой куклы палка зажата между рук. Точнее — между большим и средним пальцами кукольника. Но куклы Джока Лэтропа творили нечто немыслимое: свое оружие они держали одной рукой, как люди. Это что же надо было

изобрести, чтобы достичь такого эффекта?!

Я выудил из кармана театральный бинокль и направил его в сторону сцены. Мне стоило немалых трудов сфокусировать его на какой-то одной кукле: они скакали взад-вперед по всей сцене. Наконец мне удалось поймать руки Панча. Я не был точно уверен, но, кажется, из-под рукавов торчали малюсенькие ручки. Этими ручками кукла лихо обращалась со своим оружием: перехватывала его из руки в руку, и за конец палки, и посередине. И все это выглядело настолько органично, настолько естественно!

Мое приглушенное восклицание Грендал принял за выражение восторга.

— Да-а-а, — доктор закивал, как китайский болванчик, — хитро, хитро придумано.

Я откинулся на спинку кресла. Разумеется, эти проворные ручонки — всего лишь какое-то мудреное приспособление, имеющее механический привод от пальцев Лэтропа. В этом и крылась причина страхов Делии. Она, как и я, купилась на поразительную органику в движении кукол.

Однако чем же объяснить поведение самого Джока? Эти странные вопросы, которыми он забросал доктора Грендала… может, в целях рекламы? Чтобы просто заинтриговать публику?

Но даже для «крутого сыщика» было бы уж слишком круто признаться, хоть и не вслух, что всего лишь минуту назад он сам чуть было не поверил в то, что куклы живые. Признавайся не признавайся, а ведь именно так оно и было. И нечего теперь глаза от сцены воротить.

И тут я увидел Делию. Она сидела совсем рядом, на два места в сторону от меня. Сейчас она ничем не походила на «викинга в юбочке», разве что строгим вырезом серебристого вечернего платья из ламе. В приглушенном свете софитов ее лицо казалось холодным, как мрамор. От взгляда, замерзшего в полыньях ее глаз, мне стало как-то не по себе.

За спиной у меня послышалось знакомое бурчание. Я обернулся. Фигура Франетти катилась меж кресел к боковому проходу. Казалось, сцена притягивает его как магнит. Он не сводил глаз с кукол, не прекращая бормотать себе под нос что-то неразборчивое.

Но два раза я четко услышал, как он воскликнул: «Невозможно! Невозможно!» Люди бросали на него неодобрительные взгляды, когда корабль Франетти задевал днищем их коленки, и возмущенно шипели ему в спину. Но Франетти не обращал на них никакого внимания. Наконец

он выпутался из саргассов человеческих ног и вышел в открытое море. «Громада Титаника» исчезла в ночи занавешенной портьерой двери. Дверь вела за кулисы.

Действие пьесы неумолимо двигалось к развязке. Панч сидел в холодной и мрачной тюрьме, выл и скулил от жалости к самому себе. А сбоку к нему уже подбирался Джек Кетч. Слабый свет, падающий из тюремного окна, зловещими бликами дрожал на его лице и черных смоляных волосах. В одной руке он нес петлю, другою держал меч, похожий на иглу дюймов пяти длиной, и привычно помахивал обеими.

Я уже не мог смотреть на происходящее бесстрастными глазами скептика. Это был настоящий кукольный мирок, населенный убийцами и негодяями. Реальность, которую рассматриваешь как бы с другого конца телескопа.

Вдруг по залу пробежал всеобщий ропот. Я оглянулся.

Делия вскочила со своего места. В руках у нее блеснул какой-то предмет. Раздался звук, похожий на удар хлыста. И прежде чем кто-либо из публики успел опомниться, она разрядила в сторону сцены весь барабан своего крохотного револьвера.

Четвертая пуля прошила голову Панча.

Делия не стала сопротивляться, когда несколько вышедших из оцепенения мужчин схватили ее за руки и отобрали опустевший револьвер. Все это время она не сводила глаз со сцены. Я тоже. Я знал, что Делия хотела доказать этими выстрелами.

Панч куда-то исчез. Но Джек Кетч замер над ширмой, и его взгляд был устремлен в сторону Делии, как будто пистолетная пальба входила в замысел режиссера. Вдруг раздался пронзительный визг, исполненный злобы и ненависти. Это не был фальцет Джока Лэтропа. Взмахнув над головой своим иглоподобным мечом, Джек Кетч нырнул за ширму.

Вопль, последовавший за первым, был страшнее и отчаяннее. Так кричат люди, охваченные судорогами предсмертной агонии. И на этот раз голос принадлежал Джоку. Толпа замерла и умолкла.

Расталкивая зрителей, я побежал к двери, ведущей за кулисы. За спиной я слышал тяжелое дыхание старого Грендала. Первое, на что наткнулся мой взгляд, была беспомощная махина Луиджи Франетти, который сотрясался, стоя на коленях и пытаясь вспомнить какие-то молит-

вы.

И тут я увидел Лэтропа. Он лежал навзничь за ширмой.

Зрители, вбежавшие вслед за мной и доктором, сначала вскрикивали, узрев эту ужасающую картину, и тут же переходили на шелестящий шепот.

— Смотрите! Он мертв — человек, который работал с куклами!

— Это она уложила его! Всю ширму изрешетила!

— Я видел все своими глазами. Двенадцать выстрелов — наповал.

— Говорят, она его жена.

— Нет! Она достала его только последним выстрелом. Я слышал, как он вскрикнул. Она сошла с ума!

Я понимал, что все они ошибаются, так как все выстрелы Делии были направлены выше уровня ширмы.

Я подошел к телу Джока Лэтропа. Меня всего передернуло. Правое глазное яблоко Джока по самую рукоятку пронзил пигмейский меч Джека Кетча. На обе руки Джока Лэтропа были надеты балахоны Панча и Джека Кетча с нанизанными на них головками из папье-маше.

Грендал протиснулся вперед и опустился на колени перед трупом. Испуганный шепот за моей спиной постепенно перешел в скандирование «ахов» и «охов». Слева от меня проплыло желтовато-коричневое пятно страхового агента. Уилкинсон заглянул через плечо Грендала. Агент судорожно вздохнул, медленно обернулся и указал пальцем в сторону Франетти.

— Мистера Лэтропа не застрелили, а закололи, — совершенно спокойно произнес Уилкинсон. Но его негромкий голос был услышан толпою зевак. — Я видел, как этот человек прошмыгнул за кулисы. Это он убил мистера Лэтропа. Больше некому. Держите его кто-нибудь и тащите в зал.

Франетти не оказал никакого сопротивления. Вид его был совершенно ошеломленным и беспомощным.

— Остальным тоже лучше подождать в зале, — продолжал распоряжаться Уилкинсон. — Я позвоню в полицию. Проследите, чтобы миссис Лэтроп никто не беспокоил и ни в коем случае не говорил о случившемся. Сюда ее не впускать.

Сцена на какое-то мгновение заполнилась гулом бессвязных восклицаний, кто-то у кого-то что-то переспросил, но толпа потихоньку отхлынула в зал.

За кулисами мы остались втроем — Грендал, Уилкинсон и я.

— Что, совсем никакой надежды? — сумел выдавить я.

Грендал покачал головой.

— Мертвее не бывает. Этот острый предмет проник в глазную впадину и вошел глубоко в мозг. Убийца не промахнулся.

Я еще раз взглянул на скрюченный труп Лэтропа. Даже теперь один вид кукол вызывал у меня отвращение. Даже теперь глазницы их масок зияли холодом возмездия.

Я осмотрел пулевое отверстие в маске Панча. Из него тонкой струйкой струилась кровь. Вероятно, пуля зацепила бедняге палец.

В этот момент из-за кулисы, постепенно усиливаясь, донесся ропот толпы. Я услышал топот чьих-то ног и приглушенные портьерой крики.

— Берегитесь! Она вырывается!

— Сейчас убежит. Держите ее!

— Она бежит за кулисы! Ну, кто-нибудь, задержите же ее.

Откинув на ходу портьеру, в дверь пулей влетела Делия.

Чья-то рука из-за портьеры пыталась ухватить ее за платье. Золотистые волосы взметнулись над

ее лбом, ламе платья залило серебром полумрак сцены, и... она вырвалась. Ее глаза были расширены безумием.

— *Они* убили его! Это *они! Они!* — закричала Делия. — Это сделала не я. Не Франетти. Они! Я попала только в одного. О Джок, Джок! Ну встань, пожалуйста!

Она подбежала к его телу.

И здесь начался просто кошмар.

Безобразная маска Джека Кетча вздрогнула, руки куклы зашевелились, и из-под маски послышался визгливый, злорадный смех.

Делия, уже готовая обвить руками голову мужа, рухнула на колени. Из ее груди вырвался вопль ужаса. Серебристое платье соскользнуло с ее плеча. А кукла продолжала хихикать и визжать, словно насмехаясь над нею и празднуя свою победу.

— Уберите с его рук этих тварей! — услышал я собственный крик. — Уберите эту мерзость!

Уилкинсон сорвал с рук мертвеца кукольные балахоны, ухватив их за головы, у доктора ничего не вышло, слишком тряслись руки. Сам же Уилкинсон, похоже, не понимал, что происходит. Он был по-прежнему убежден, что в гибели Лэтропа повинен Франетти. После моего крика он дей-

ствовал скорее автоматически, чем осознанно.

Теперь мне стало ясно, как погиб Джок Лэтроп. Я понял, почему он был таким замкнутым и почему древняя книжица произвела на него такое глубокое впечатление. Да, не зря Делия подозревала что-то неладное, хотя и не совсем верно. Так вот почему он задавал доктору все эти странные вопросы. И почему куклы двигались как живые. До меня дошло, почему у Джоки Лоутропа были отсечены руки. И я понял наконец, почему Джок Лэтроп носил перчатки и никому не позволял взглянуть на свои руки с тех пор, как вернулся из Лондона и в его поведении произошла какая-то «перемена».

Мизинец и безымянный палец на каждой его руке были самыми обыкновенными. Другие пальцы, которыми кукольник манипулирует куклами, совсем не походили на пальцы. Вместо большого и указательного были какие-то крохотные, но мускулистые, почти человеческие руки. Первый палец на обеих руках был вроде маленького червячка, правда, имел форму пальца. Но на нем кривилось в усмешке — как бы это объяснить — мерзкое подобие рта, скорее похожего на маленький сфинктер. А чуть выше — два малюсеньких глазика неправильной формы,

представлявших собой просто два черных зрачка. Один глаз вышибла пуля Делии. Другой был цел.

Я раздавил всю эту гадость каблуком.

Среди бумаг Джока Лэтропа нашли одну записку, написанную размашистым почерком. По-видимому, она была написана не так давно:

«Если я умру, знайте, это они убили меня. Поскольку я совершенно уверен в их ненависти ко мне. Я пытался доверить свою тайну разным людям, но оказалось, что не в состоянии этого сделать. Я обречен все держать в секрете ото всех. Может быть, это они так хотят, так как власть их над собой я чувствую все сильнее и сильнее с каждым днем. Делия возненавидела бы меня, узнай она об этом. Она уже что-то подозревает.

Я думал, что сойду с ума в Лондоне, когда мои поврежденные пальцы начали заново расти. Это было чудовищно. Эти новые пальцы — мои братья, которые в момент моего рождения были заключены в мою плоть, но до сих пор я не знал, что они там! Случись так, что они родились бы вместе со мной и были бы так же

доношены, как и мой эмбрион, — мы бы стали тремя братьями-близнецами.

Но так, как они рождаются сейчас, — это ужасно!

Человеческая плоть подвержена, как оказалось, просто невообразимым мутациям, извращениям. Могут ли мои мысли, моя работа оказать на все это определенное воздействие? Неужели то, что я кукольник, как-то повлияло на их умственное развитие, и их мышление находится на уровне Панча и Джека Кетча?

И еще эта старая книжка. То, что я прочел… Отсеченные руки… Мог ли союз моего предка с самим дьяволом превратить его искусство в дьявольское колдовство? Неужели его смерть — результат того, что он, мой прапрапрадед, достиг в своем ремесле кукольника чудовищных высот? И возможно ли, что эти физические аномалии, как бы уснувшие до времени, были унаследованы другим Лэтропом, еще одним кукольником, который разбудил их в себе в угоду собственным амбициям?

Не знаю. Знаю лишь то, что, пока я жив, я — лучший кукольник в мире. Но какой

ценой?! Я ненавижу их, а они ненавидят меня. Я едва могу контролировать их. Прошлой ночью, пока я спал, они чуть не выцарапали Делии глаз. Даже сейчас, едва я на секунду задумался, один из них развернул перо и попытался проткнуть мне вену…»

Когда-то я мог бы весело посмеяться над всем этим. Но не теперь. Теперь вопросы, которые задавал себе Джок Лэтроп, уже не кажутся мне смешными ни на йоту. Я же видел их, и я видел крохотный меч, который пронзил глаз Лэтропа. Нет-нет, я не намерен больше забивать голову всем этим. Не намерен проникать еще глубже в тайны Джока Лэтропа, в загадку его мастерства. Теперь мне нужно другое. Не как частному сыщику, а как человеку.

Заставить Делию все это забыть…

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АРГУС»

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ
«ХРОНОС»

